

ВЫСТУПЛЕНИЯ СОВЕТСКИХ ДЕЛЕГАТОВ
НА 3-й СЕССИИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ООН
(СЕНТЯБРЬ — ДЕКАБРЬ)

СССР — НА СТРАЖЕ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ НАРОДОВ

РЕЧЬ

ГЛАВЫ ДЕЛЕГАЦИИ СССР А. Я. ВЫШИНСКОГО
НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ
ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ООН

(25 сентября)

На Генеральной ассамблее организации Объединённых наций стало уже традицией каждую сессию открывать общей дискуссией, чтобы окинуть умственным взором пройденный путь, подвести итоги истекшего года, дать анализ деятельности организации Объединённых наций и, как это вполне естественно, внешней политики отдельных государств, и особенно тех, которые играют в нашей организации ведущую роль.

Мы намерены это сделать и на настоящей сессии, разумеется, в самой сжатой форме, в отношении того периода в работе организации Объединённых наций, который отделяет нас от 2-й сессии Генеральной ассамблеи в сентябре — ноябре 1947 года.

1. НАРУШЕНИЯ ПРИНЦИПОВ ОРГАНИЗАЦИИ
ОБЪЕДИНЁННЫХ НАЦИЙ

На прошлой сессии мы указывали на тот основной недостаток в деятельности ООН, который заключается в невыполнении целого ряда весьма важных рекомендаций Генеральной ассамблеи. Так, не выполнены рекомендации о всеобщем сокращении вооружений, об использовании атомной энергии лишь для мирных целей и об ускорении разработки мероприятий по запрещению атомного оружия. Не выполнены рекомендации и по ряду других важных вопросов. Наряду с этим следует указать на такое совершенно ненормальное положение, когда влиятельные члены ООН используют своё влияние не для проведения в жизнь рекомендаций Генеральной ассамблеи и связанных с ними мероприятий, а наоборот — для проведения мероприятий, в корне противоречащих этим рекомендациям. Так было, например, в палестинском вопросе, в индонезийском вопросе, в вопросе о национальной дискриминации в Южно-Африканском Союзе и в ряде других важных вопросов.

Нет пужды особо подчеркивать, какой ущерб наносят авторитету Генеральной ассамблеи и всей вообще организации Объединённых наций нарушения устава организации и, особенно, принятие таких незаконных решений, как решения об учреждении межсессионного комитета, Комиссии по Корее, так называемой Балканской комиссии.

Все помнят обстоятельства, при которых по предложению делегации США был учреждён в прошлом году межсессионный комитет. Уже тогда не было никакого сомнения в том, что инициаторы учреждения этого комитета преследовали цель создать орган, конкурирующий с Советом безопасности, чтобы подорвать его роль и значение как органа, несущего главную ответственность за поддержание мира и безопасности. Уже тогда было ясно, что этот межсессионный комитет был задуман американской делегацией как орган с более широкими функциями, чем Совет безопасности. Создание межсессионного комитета явилось новым шагом к подрыву организации Объединённых наций, к подрыву всего дела международного сотрудничества.

Поскольку американское предложение ставило своей целью перенести в межсессионный комитет в обход Совета безопасности и в нарушение устава ООН решение важнейших вопросов мира и безопасности не на основе принципа единогласия пяти великих держав, а на другой основе, то не оставляет сомнения, что принятием этого предложения подрывается международное сотрудничество, опирающееся на взаимопонимание, доверие и уважение интересов всех государств, больших и малых, стремящихся к укреплению мира и безопасности народов.

Однако межсессионный комитет не оправдал надежд, которые возлагались на этот комитет его организаторами. Не случайно инициаторы создания межсессионного комитета не решаются сейчас ставить вопроса о превращении этого комитета из временного в постоянное учреждение.

Назначение Комиссии по Корее, по замыслам авторов этого предложения, должно было прикрыть иностранное вмешательство во внутренние дела Кореи, облегчить образование в Корее правительства из людей, на которых уже раньше опирались здесь американские военные власти и на которых рассчитывали опираться и впредь, не считаясь с интересами корейского народа.

Известны многочисленные факты произвола и насилия вплоть до террора, которым в Южной Корее подвергались и продолжают подвергаться в настоящее время передовые люди и, в первую очередь, деятели демократического движения, не желающие мириться с бесправным положением здесь своего народа. В результате ценой беззаконий и раскола Кореи американские власти создали южнокорейское марионеточное правительство, которое они афишируют как якобы общекорейское правительство. Однако такая фальсификация никого не может ввести в заблуждение. Фальсификация эта особенно бросается в глаза по сравнению с положением в Северной Корее, где широко развернувшееся народное движение за единство и независимость Кореи привело к образованию Верховного народного собрания Кореи, избранного населением как Северной, так и Южной

Кореи, и правительства Корейской народно-демократической республики. Не может быть сомнения, что будущее Кореи принадлежит корейскому народу, отстаивающему единство, независимость и самостоятельность своей страны против всяких попыток превратить Корею в колонию и использовать её в качестве плацдарма для агрессивных целей.

Также безуспешными оказались усилия Балканской комиссии, незаконно учреждённой на прошлой сессии Генеральной ассамблеи и предназначенной для того, чтобы облегчить подавление народной освободительной борьбы в Греции, с одной стороны, и подкрепить искусственные обвинения, выдвинутые греческими монархо-фашистами против северных соседей Греции, с другой. Такая комиссия с подобного рода заданиями не могла стяжать лавров ни для себя, ни для организации Объединённых наций в целом. Уже в прошлом году на Генеральной ассамблее и в Первом комитете было приведено множество доказательств необъективности работы этой комиссии; было доказано, что на основании материалов этой комиссии нельзя притти ни к каким заслуживающим внимания и доверия выводам. Такое же положение наблюдается и сейчас, о чём, однако, нам ещё придётся высказаться при обсуждении так называемого греческого вопроса.

В области экономических вопросов деятельность организации Объединённых наций за истекшее время сосредоточилась на вопросах, хотя и имеющих своё значение, но далеко не затрагивающих наиболее важные интересы народов и в первую очередь тех стран, которым навязанная гитлеровцами война причинила наибольшие лишения и страдания. Такие органы организации Объединённых наций, как Экономический и социальный совет, и такие комиссии, как Европейская экономическая комиссия и Экономическая комиссия для Азии и Дальнего Востока, уклонились от выполнения важных задач по разработке мероприятий, направленных на содействие восстановлению экономики пострадавших от войны европейских стран, а также на содействие в развитии основных отраслей их национальной промышленности. Несмотря на то, что, как известно, «план Маршалла» обходит организацию Объединённых наций, экономические органы ООН считают своей наиболее важной задачей всячески облегчить реализацию этого плана. Не случайно, что и в докладе генерального секретаря г-на Трюгве Ли «план Маршалла», без всяких к тому оснований, изображается, как «многообещающая программа для восстановления в Западной Европе экономической и политической стабильности». Между тем сейчас более, чем год тому назад, ясно, что «план Маршалла» не только не содействует восстановлению экономической и политической стабилизации в Европе, но ещё более ухудшает экономическое положение европейских стран, присоединившихся к этому плану, подрывая их экономическую и политическую независимость.

2. СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ НЕ ВЫПОЛНЯЕТ СВОЕГО ДОЛГА

В 1947—1948 годах перед Советом безопасности стоял целый ряд весьма важных вопросов, связанных, с одной стороны, с выполнением резолюций и рекомендаций Генеральной ассамблеи, в числе которых, в первую очередь, следует назвать постановление Генеральной ассамблеи от 24 января 1946 года по атомной энергии и резолюцию Генеральной ассамблеи от 14 декабря 1946 года о всеобщем регулировании и сокращении вооружений, и связанных, с другой стороны, с теми нарушениями принципов и положений устава организации Объединённых наций, а также постановлений Генеральной ассамблеи, которые имели место за истекшее время со стороны некоторых государств.

Несмотря на то, что во многих случаях эти нарушения представляют собой прямую угрозу миру и безопасности народов, большинство Совета безопасности не только не приняло надлежащих мер к устранению этой угрозы, но заняло противоположную позицию, поддерживая нарушителей.

Так было в индонезийском вопросе, когда большинство Совета безопасности не приняло мер к пресечению вооружённой агрессии, предпринятой Голландией против индонезийского народа. По решению большинства Совета безопасности дело было передано в руки так называемой комиссии «добрых услуг» в составе представителей Соединённых Штатов Америки, Бельгии и Австрии, которая приняла сторону голландских колонизаторов и навязала Индонезийской республике кабальное Ренвильское соглашение, в результате которого Индонезия лишилась ряда богатых районов, захваченных голландцами в 1947 году. Большинство Совета безопасности отвергло вместе с тем предложение о прекращении военных действий и об очищении от голландских войск занятой ими территории после начала военных действий, что явилось по существу поощрением действий агрессора.

Не выполнил своего долга Совет безопасности и в палестинском вопросе. Решение Генеральной ассамблеи от 29 ноября прошлого года о создании в Палестине арабского и еврейского независимых государств оказалось сорванным. Линия большинства Совета безопасности в палестинском вопросе была по существу направлена не на то, чтобы принять меры к устранению национальных противоречий в Палестине и обеспечить добрососедские отношения между еврейским и арабским народами, а способствовала лишь углублению этих противоречий и толкала как арабов, так и евреев на путь борьбы и вооружённых столкновений, которые и привели к войне в Палестине.

К срыву решения Генеральной ассамблеи от 29 ноября вели не только прямые предложения со стороны некоторых государств пересмотреть указанное решение, но и такие мероприятия, как предложение американской делегации установить над Палестиной опеку или предложение создать институт посредника, что, однако, до сих пор не дало никаких положительных результатов.

3. СОВЕТСКИЙ СОЮЗ ТРЕБУЕТ ЗАПРЕТИТЬ АТОМНОЕ ОРУЖИЕ, УСТАНОВИТЬ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНТРОЛЬ

В результате 30-месячной работы атомной комиссии и почти такого же срока работы комиссии по сокращению вооружений ни одна из задач, поставленных перед ними Генеральной ассамблеей, не только не выполнена, но и по существу не сдвинута с места. Исписаны груды бумаги, а воз и ныне там.

Работа атомной комиссии оказалась бесплодной вследствие того, что правительство США отказывается решить ту задачу, которая является основной и решение которой должно определить направление и характер всех мероприятий, связанных с проблемой изъятия из национальных вооружений атомного оружия и обеспечения использования атомной энергии лишь в мирных целях.

Как известно, Советский Союз настаивает на необходимости немедленно запретить атомное оружие и установить строгий эффективный международный контроль за выполнением этого запрещения. Необходимость запретить атомное оружие вытекает из самого характера этого вида оружия, как оружия агрессии, предназначенного для нападения, для разрушения городов и массового уничтожения мирного населения.

Возражать против запрещения атомного оружия могут лишь те круги, которые заинтересованы в сохранении в своих руках этого оружия агрессии, которые лелеют планы нападения на другие страны. Именно эти круги возлагают свою последнюю надежду на атомную бомбу, строя свои агрессивные планы с иллюзиями на их выполнение даже при таких обстоятельствах, когда весь народ или подавляющая часть народа нападающей страны против войны, против затеваемой реакционной верхушкой военной агрессии.

Эти круги решительно сопротивляются заключению конвенции по запрещению атомного оружия и вместо конвенции о запрещении атомного оружия выдвигают предложение об установлении международного контроля над атомной энергией.

Однако не трудно понять, что без запрещения использования атомной энергии в военных целях нелепо было бы говорить о каком бы то ни было контроле над атомной энергией, так как отсутствовал бы самый предмет контроля. Без того, чтобы было запрещено производство и использование атомного оружия, лишены практического смысла предложения об учреждении международного органа контроля над использованием атомной энергии. При таком положении самая разработка всяких положений о компетенции, функциях, правах и обязанностях контрольного органа становится совершенно бесполезным, пустым занятием. Без запрещения атомного оружия всякие разговоры о контроле над использованием атомной энергии были бы лишь средством обмана народов, рассчитанным на то, чтобы служить дымовой завесой, за которой скрывается от глаз народа гонка атомного вооружения. (*Аплодисменты.*)

Правительство США, настаивая на том, чтобы сначала учредить международный орган контроля, а затем договориться о запрещении

атомного оружия, ставит телегу впереди лошади. Ясно, что оно не заинтересовано в движении вперёд работы атомной комиссии, которой уже два с половиной года тому назад было поручено разработать предложения относительно исключения из национальных вооружений атомного оружия и всех других основных видов вооружения, пригодных для массового уничтожения.

Требование сначала заключить конвенцию об установлении международного контроля, а затем конвенцию о запрещении атомного оружия преследует цель сорвать заключение конвенции о запрещении использования атомной энергии в военных целях.

Такая позиция американских представителей в этом вопросе означает не что иное, как намерение разговорами о контроле прикрыть своё нежелание на деле иметь вообще какой бы то ни было контроль. Кроме того, заслуживает серьёзного внимания в американском плане предложение передать предприятия, занятые производством атомной энергии, в собственность международного контрольного органа и, таким образом, этот международный орган сделать хозяином соответствующих предприятий в любой стране, который по решению большинства будет неограниченно и бесконтрольно вмешиваться в хозяйственную жизнь страны.

Если учесть, что американский план предусматривает передачу в распоряжение международного контрольного органа не только предприятий, но и целых отраслей промышленности, которые в той или иной степени обслуживают заводы и установки, занятые производством атомных материалов, то нетрудно понять, к чему может привести принятие американского плана.

Советский Союз стоит на той точке зрения, что международный контрольный орган должен, разумеется, иметь право принимать в соответствующих случаях решения большинством голосов. Но нельзя согласиться, чтобы этот международный орган контроля на деле превратился в американский орган и чтобы такому органу предоставить право вмешиваться в хозяйственную жизнь той или иной страны, хотя бы и по решению большинства в контрольном органе. Советский Союз не может допустить такого положения. Советский Союз знает, что в контрольных органах будет большинство, которое может принять и односторонние решения, большинство, на добровольное отношение которого к себе советский народ не может рассчитывать. Поэтому Советский Союз, да, вероятно, и не только Советский Союз, не может допустить, чтобы судьба его народного хозяйства была отдана в руки этого органа.

Кроме того, американское предложение о контроле не даёт возможности контролировать самое атомное производство. Во втором докладе комиссии по атомной энергии Совета безопасности (11 сентября 1947 года), излагающем американскую позицию по этому вопросу, говорится: «Эффективный международный контроль над атомной энергией для предупреждения её использования в разрушительных целях должен быть начат со строжайшего контроля над указанными двумя основными веществами (ураном и торием)» и что «начальная стадия любой системы контроля должна осуществляться в отношении сырья, являющегося источником этих двух

основных веществ». Однако в этом докладе тщетно было бы искать каких-либо указаний на необходимость одновременного установления контроля над промышленным производством атомной энергии.

Таким образом, не остаётся сомнения, что правительство США хочет наложить свою руку при помощи так называемого международного органа, где оно надеется на своё большинство, на источники сырья в других странах, отказываясь поставить свои атомные предприятия под международный контроль вместе со всеми другими предприятиями и источниками сырья.

Ясно, что такая постановка вопроса направлена на то, чтобы обеспечить Соединённым Штатам Америки неограниченную возможность дальнейшего бесконтрольного производства атомных бомб.

Советский Союз считает, что правильно организованный международный контрольный орган должен осуществлять контроль над производством атомной энергии во всех его стадиях — от добычи сырья до выпуска готовой продукции.

С позиций в этом вопросе правительства Соединённых Штатов и поддерживающих его правительств Великобритании, Франции и некоторых других Советский Союз не может согласиться, и не только Советский Союз. Недавно в газете «Манчестер гардиан» было опубликовано письмо генерального секретаря английской ассоциации научных работников — Р. Иннес, в котором справедливо ставится такой вопрос: «Какой вред был бы причинён, если бы мы согласились с декларацией, что мы не будем использовать атомную энергию для военных целей в любой будущей войне?»

Указывая на то, что подобная декларация была дана в конвенции, запрещающей применение газа в войне, английская ассоциация научных работников недоумевает, почему нельзя осудить применение в войне атомной энергии. И на этот вопрос в упомянутом письме Р. Иннес даёт ответ. Там сказано:

«За два истекших года с того времени, когда впервые было сделано советское предложение о конвенции, стало ясным, что настоящей причиной отношения западных держав к этому вопросу было обстоятельство, что правительство Соединённых Штатов считало необходимым поддерживать угрозу использования атомного оружия в качестве главного фактора в холодной войне против России».

Мы вновь должны напомнить, что атомное оружие — это оружие нападения, оружие агрессии. Все миролюбивые народы, миллионы и миллионы простых людей, которым чужды агрессивные стремления и намерения, должны поднять свой голос за немедленное запрещение использования атомной бомбы, предназначенной для массового истребления мирного населения и разрушения мирных городов. *(Аплодисменты.)*

4. О ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США

Такое положение, несомненно, создалось в связи с политической линией, которую проводят в работе всей организации Объединённых наций такие влиятельные члены ООН, как Соединённые Штаты Аме-

рики, внешняя политика которых за последние годы круто изменилась. Раньше Соединённые Штаты вместе с СССР боролись против агрессивных сил — против фашистской Германии и милитаристской Японии. Вместе с Советским Союзом США проливали кровь на полях сражений против общего врага, завершив эту борьбу победой и установлением мира.

Советский Союз продолжает свою прежнюю политику борьбы против фашизма за демократические принципы, за благополучие и укрепление экономического и политического положения демократических стран. Покончив с германским фашизмом и японским милитаризмом, Советский Союз продолжает политику мира, устремив все свои силы на решение внутренних задач и в первую очередь задач, связанных с восстановлением и дальнейшим развитием нарушенного войной народного хозяйства. Советский народ всецело поглощён мирным трудом, укреплением и дальнейшим развитием социалистического строительства в своей стране, непоколебимо стоя на страже мира и безопасности народов. (*Громкие аплодисменты.*)

Политика Советского Союза — это неизменная и последовательная политика расширения и укрепления международного сотрудничества. Это вытекает из самой природы Советского государства — социалистического государства рабочих и крестьян, в высокой степени заинтересованного в создании наиболее благоприятных условий для мирной созидательной работы по строительству социалистического общества. Внешняя политика Советского Союза придерживается курса сотрудничества между всеми странами, готовыми к мирному сотрудничеству. Она последовательно ведёт борьбу против всяких планов и мероприятий, направленных на создание раскола между народами, за осуществление демократических принципов послевоенного мира.

Не так дело обстоит с внешней политикой Соединённых Штатов Америки. После окончания второй мировой войны правительство США изменило свою внешнюю политику. От политики борьбы с агрессивными силами правительство США перешло к политике экспансии и осуществления планов мирового господства. Открытая поддержка в разных странах наиболее реакционных, фашистско-монархических режимов и групп и систематическая помощь им деньгами и оружием для подавления демократического, народно-освободительного движения в этих странах; организация военных союзов или блоков; строительство новых военно-воздушных и военно-морских баз, а также расширение и реконструкция в соответствии с новейшими военно-техническими требованиями старых баз, организованных на время войны с Германией, Японией и Италией; оголтелая пропаганда новой войны против Советского Союза и стран новой демократии Восточной Европы; бешеная гонка вооружений; настоящий культ атомной бомбы, как якобы средства спасения от всех опасностей и бед, угрожающих капиталистическому миру, — вот что характерно для внешней политики Соединённых Штатов Америки в настоящее время.

Такая политика подогревает военный психоз, вселяет беспокойство и тревогу в широких народных кругах, жаждущих мира и

спокойного творческого труда. Такая политика не имеет ничего общего с политикой мира.

Правительство США совместно с правительствами Великобритании и Франции организовало, как известно, военно-политический блок пяти государств, который не ставит своей целью предотвращение германской агрессии и оказание взаимной помощи против такой агрессии. Да он и не может ставить перед собой такой цели, поскольку он не направлен против опасности повторения германской агрессии, но даже имеет в виду включение в свой состав западной части Германии, искони являвшейся оплотом германского милитаризма и ещё недавно служившей опорой гитлеровской агрессии. Вполне понятно, что организация таких союзов находится в прямом противоречии с интересами укрепления мира и безопасности народов. Мы знаем другие союзы — это союзы между миролюбивыми европейскими государствами, заключающиеся с тем, чтобы предотвратить возможность новой германской агрессии. Договоры такого рода заключил Советский Союз со странами Восточной Европы, а также с Финляндией. На таком же основании построены такие договоры, как англо-советский, франко-советский 20-летний договор о взаимопомощи. Такие договоры и основанные на них союзы, преследующие цель предотвращения возможности новой германской агрессии, вполне соответствуют интересам всех миролюбивых народов и не могут вести к противопоставлению одних миролюбивых государств другим или к расколу Европы. Такие же договоры, как договор о военном союзе западных стран, включающих Англию, Францию, Бельгию, Голландию, Люксембург, имеют в виду не только Германию, но в одинаковой мере могут быть направлены против тех государств, которые были союзниками во второй мировой войне. Во всей английской, французской и американской печати открыто говорится, что военный союз пяти западных стран направлен против СССР и стран новой демократии. Такой договор никак нельзя рассматривать как договор, имеющий целью оборону. Кто заключает такие договоры и организует такие союзы, тот ведёт политику, не имеющую ничего общего с укреплением мира, тот помогает подстрекателям и организаторам новой войны.

5. ПОДЖИГАТЕЛИ ВОЙНЫ НЕ УНИМАЮТСЯ

Принятое в прошлом году на 2-й сессии Генеральной ассамблеи постановление, осуждающее пропаганду новой войны и требующее содействия средствами информации и пропаганды делу укрепления дружественных отношений между государствами, не обуздало поджигателей новой войны, которые за истекший год ещё более распоясались и ведут своё преступное дело с ещё большим цинизмом, стремясь одурманить военным угаром возможно больше простых людей. Эта пропаганда сопровождается распространением клеветнических измышлений об агрессивности Советского Союза и стран новой демократии, преследуя этим цель изобразить Советский Союз как недемократическую страну, а США, Великобританию и другие страны

англо-американского блока изобразить как демократические государства. Всё это сопровождается бешеной гонкой вооружений и разработкой планов нападения на СССР и страны новой демократии и подготовкой других военных мероприятий.

В этой связи нельзя не напомнить, что, хотя прошло уже три года, как окончилась вторая мировая война, до сих пор продолжает существовать и заниматься своей секретной и направленной против интересов мира деятельностью англо-американский объединённый штаб, организованный в 1942 году на время войны Объединённых наций против фашистской Германии и в целях обеспечения руководства военными действиями союзников. В числе представителей США в этом штабе мы видим адмирала флота Леги, адмирала Денфельда Луиса, генерала Брэдли, генерала Ванденберга и представителей Англии адмирала Муур Генри, генерала Моргана Вильяма, главного маршала авиации Мидхарста. Под руководством англо-американского объединённого штаба в сентябре 1947 года прошли манёвры в северной части Атлантического океана, в которых участвовали военно-морские силы Англии, США и Канады; в сентябре 1948 года — манёвры по так называемой обороне Англии, в которых участвовали военно-воздушные силы Англии и Соединённых Штатов Америки.

Вместе с тем принимаются меры по расширению и усилению преимущественно военно-воздушных баз для всяких будущих военных авантюр. На страницах печати преимущественно указанных стран в развязном тоне оголтелых подстрекателей к войне против СССР и стран новой демократии обсуждаются различные планы нападения с этих баз на Советский Союз с явным расчётом ошеломить слабонервных людей размалёвыванием военной мощи США и, в особенности, мощи «специальных наступательных сил», т. е., как разъяснил американский еженедельник «Сатердей инвинг пост» в номере от 11 сентября, бомбардировочной авиации, снабжённой атомными бомбами.

Редакционная статья влиятельного американского журнала «Юнайтед стейтс ньюс энд уорлд рипорт» в номере от 9 апреля с. г. открыто подтверждает, что воздушные силы США перестраиваются на случай возможных военных действий в Европе. Журнал при этом подчёркивает, что эти воздушные боевые силы, базирующиеся в Великобритании, Соединённые Штаты Америки собирают по радиусу вокруг СССР. В журнале воспроизводится подробный план готовящихся нападений американской авиации на СССР, главным образом при помощи упомянутых бомбардировщиков, реактивных истребителей и самолётов с атомными бомбами. В этом журнале опубликована карта, показывающая линии ударов военно-воздушных вооружённых сил США в соответствии с изложенным выше планом, причём одна из объяснительных надписей, сопровождающих эту карту, гласит:

«Соединённые Штаты атакуют Россию главным образом с воздуха. Район Средиземного моря вместе с Британией и Средним Востоком будет иметь первостепенную важность. Арктика будет занимать в этой операции меньшее значение. Южная Италия, Сицилия и Турция будут важными базами. Атомная бомба будет использована для нападения на собственно Россию».

В другом американском журнале, «Нью-Йорк таймс мэгэзин», 30 мая была опубликована статья, в которой высказывалось сожаление, что США фактически не располагают удовлетворительными картами большинства областей русской территории.

«Это обстоятельство,— говорилось в статье,— является, пожалуй, наибольшим недостатком нашей нападающей бомбардировочной авиации в случае налётов её на Россию. При «слепых» бомбёжках необходимо располагать точнейшими картами».

В этой статье с циничной откровенностью указываются военно-воздушные базы, с которых будут подвергнуты атакам советские города, с указанием соответствующих расстояний: «Расстояние от Лондона до Москвы и обратно равно 3 100 милям; от Триполи до Ростова в один конец — 1 750 милям; от Фербенкса на Аляске до Владивостока в один конец — 3 400 милям; от базы в Гренландии до Свердловска — 3 500 милям...»

Такой же нагло развязный, подстрекательский к войне характер носит и карта, изданная американской фирмой ЭССО в Нью-Йорке. Эта карта с вызывающими воинственными призывами называется: «Карта третьей мировой войны. Тихоокеанский театр военных действий». Эта карта является примером гнусной пропаганды войны против СССР и демократических стран Восточной Европы.

Идёт непрерывная мобилизация сил реакции, потерявшей уверенность в завтрашнем дне. Идёт оголтелая обработка общественного мнения, причём пускается в ход разнузданная клевета против СССР и стран новой демократии, злобные вымыслы, подтасовка фактов, чтобы обмануть миллионы простых людей, отвлечь их внимание от подлинных поджигателей войны. Выпуская десятки миллионов экземпляров газет, журналов, книг, пропитанных звериной ненавистью к демократии и социализму, открыто подстрекающих к нападению на миролюбивые демократические страны, реакционные круги США и Великобритании, а также таких стран, как Франция, Бельгия и т. д., не ограничиваются уже одной клеветой и бранью. Эту кампанию возглавляют сейчас не только любители из числа отставных политических или государственных деятелей, сенаторов, членов парламентов, но и лица, занимающие высокие официальные посты в правительствах США, Великобритании, Франции и некоторых других стран, вроде министра обороны США Форрестала, командующего стратегическими воздушными силами США Кенни, военного министра США Ройяла, председателя сенатской комиссии по ассигнованиям Бриджеса, членов английского парламента Брауна, Гарвея, Томаса Мура, заместителя начальника штаба английских военно-воздушных сил Уолсли, Макмиллана и др. Эти господа выступают теперь уже не с общими фразами и лозунгами, призывающими к войне против СССР и стран новой демократии. Они и в частности указанные выше представители высшего военного командования Соединённых Штатов Америки выступают с размалёванными кричащими красками планами использования военной авиации и атомной бомбы для разрушения таких советских городов, как Москва, Ленинград, Киев, Харьков, Одесса. Так, министр обороны США Форрестал, выступая в сенатской комиссии по делам вооружённых сил, совершенно распо-

ялся и, настаивая на увеличении армии и дополнительном ассигновании 3 миллиардов долларов на военные цели, подстрекал к войне против СССР, призывая создать мощные военно-воздушные силы, способные наносить непрерывные удары далеко за периферийными базами, которые имеются в настоящее время.

В таком же духе выступали и Ройял, и Бриджес, и Браун, и другие авантюристы, прямо призывавшие к нанесению ударов по нефтепромыслам в Батуми и в Баку, по Донецкому бассейну и по промышленному району за Уральскими горами.

6. ГОНКА ВООРУЖЕНИЙ В США

Несмотря на постоянные заявления представителей правительств США, Великобритании и ряда других западноевропейских государств об отсутствии у соответствующих правительств каких-либо агрессивных целей, в этих странах идёт бешеная гонка вооружений.

Первое место в этой гонке вооружений занимают Соединённые Штаты Америки. Известно, что в 1947 году, т. е. спустя два года после окончания войны, армия США была в 3,5 раза больше, чем в предвоенные годы. Ещё больший рост наблюдается в воздушных силах США, численность которых в 1947 году возросла в 17 раз по сравнению с 1937 годом. За это же время военно-морской флот США увеличился в 3,5 раза по тоннажу действующих военно-морских судов, а личный состав флота увеличился даже в пять раз.

Утверждённый на 1948/49 год бюджет США показывает увеличение расходов на военные цели по сравнению с предыдущим годом почти на четыре миллиарда долларов.

К этому следует добавить, что, согласно официальным данным, запланирован следующий рост по годам военного бюджета, предназначенного на перевооружение армии, воздушных сил и военно-морского флота США: 1949/50 год — 17 миллиардов 500 миллионов; 1950/51 год — 20 миллиардов, 1951/52 год — 21 миллиард 500 миллионов; 1952/53 год — 22 миллиарда 500 миллионов.

Громадные деньги продолжают расходоваться на военные эксперименты и на военную исследовательскую работу, на изготовление всякого рода новых образцов усовершенствованного оружия, что переливается миллиардами долларов прибылей в карманы американских капиталистов-монополистов.

Соединённые Штаты не только сами проводят усиленную подготовку к агрессивным шагам против СССР и стран новой демократии, но и помогают готовиться ряду западноевропейских стран, вооружая их армии своим оружием. И всё это прикрывается интересами усиления обороны и подготовкой защиты страны на случай агрессии извне.

В прессе уже появились сообщения о возможности возобновления поставок оружия из США в форме ленд-лиза для некоторых западноевропейских стран.

Таково положение в области международных отношений в данное время. Таковы внешнеполитические условия, при которых

начинает свою работу 3-я сессия Генеральной ассамблеи организации Объединённых наций.

Можно без труда предвидеть, что с трибуны настоящей сессии, как это было и на предыдущих сессиях, как это имеет место в различных комитетах и комиссиях организации Объединённых наций, попрежнему будут произноситься пышные и широковещательные речи о международном сотрудничестве, о мире и безопасности народов, о правах человека, о демократии. Но мы знаем, что в то же время за кулисами организации Объединённых наций, в разных штабах и военных канцеляриях Соединённых Штатов, Великобритании и ряда других стран, вращающихся в орбите англо-американского влияния, ведётся лихорадочная работа, не имеющая ничего общего с интересами мира или обороны своих стран.

С таким положением нельзя мириться. Миллионы простых людей, своей кровью заплатившие за преступления фашистских зачинщиков и организаторов недавно закончившейся второй мировой войны, не могут допустить повторения новой войны, несущей всему человечеству страшные бедствия и страдания.

Советская делегация по поручению советского правительства предлагает Генеральной ассамблее в целях укрепления дела мира и устранения угрозы новой войны, разжигаемой экспансионистами и другими реакционными элементами, принять следующие предложения:

7. ПРЕДЛОЖЕНИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

«Отмечая, что до сего времени практически ничего не сделано по проведению в жизнь решения Ассамблеи от 24 января 1946 года по атомной энергии, а также решения от 14 декабря 1946 года «о принципах, определяющих всеобщее регулирование и сокращение вооружений»;

признавая первоочередной задачей запрещение производства и использования атомной энергии в военных целях;

признавая, что всеобщее существенное сокращение вооружений отвечает задачам установления прочного мира и укрепления международной безопасности и соответствует интересам народов в облегчении тяжёлого экономического бремени, ложащегося на них в результате чрезмерно больших и всё возрастающих расходов на вооружение в различных странах;

учитывая, что великие державы — постоянные члены Совета безопасности обладают подавляющей массой вооружённых сил и вооружения и несут главную ответственность за поддержание мира и всеобщей безопасности;

в целях укрепления дела мира и устранения угрозы новой войны, разжигаемой экспансионистами и другими реакционными элементами,

Генеральная ассамблея рекомендует постоянным членам Совета безопасности — Соединённым Штатам Америки, Великобритании, Союзу Советских Социалистических Республик, Франции и Китаю — в качестве первого шага в деле сокращения вооружений и вооружён-

ных сил все наличные сухопутные, морские и воздушные силы сократить на одну треть в течение одного года. Генеральная ассамблея рекомендует запретить атомное оружие, как оружие, предназначенное для агрессивных целей, а не для целей обороны. Генеральная ассамблея рекомендует для наблюдения и контроля за проведением в жизнь мероприятий по сокращению вооружений и вооружённых сил и по запрещению атомного оружия учредить в рамках Совета безопасности международный контрольный орган».

Выступая по поручению советского правительства с этими предложениями, делегация СССР выражает уверенность, что принятием изложенных выше предложений Генеральная ассамблея внесёт настоящий и серьёзный вклад в дело мира и безопасности народов. *(Продолжительные аплодисменты.)*

«Известия» № 229 (9759)
от 26 сентября 1948 г.

ПРОТИВ ПОДЖИГАТЕЛЕЙ НОВОЙ ВОЙНЫ, ЗА УКРЕПЛЕНИЕ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ

РЕЧЬ

ГЛАВЫ УКРАИНСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ Д. З. МАНУИЛЬСКОГО
НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ
АССАМБЛЕИ ООН

(29 сентября)

Отметив в начале своей речи, что предложение делегации СССР, предусматривающее сокращение вооружённых сил и вооружений и запрещение атомного оружия, является ценным вкладом в дело укрепления мира и отвечает сокровенным чаяниям народов, Д. З. Мануильский сказал:

Предложение советского правительства, как это явствует из выступления Бевина, наталкивается на серьёзное сопротивление и противодействие англо-американского блока, добивающегося сохранения за США бесконтрольного производства атомного оружия, недопущения действенного контроля над производством атомной энергии и безудержного роста вооружённых сил в США и в Великобритании.

Делегация УССР не считает нужным останавливаться на выпадах, которые сделал в своей речи против народов СССР Бевин, чтобы увести Генеральную ассамблею от важнейшего предложения советского правительства. Враждебное отношение Бевина к СССР давно известно. Такого рода выпады не могут задеть тех, против кого они направлены. Они только роняют достоинство тех, кто их делает.

Указав, что Бевин, а за ним Спаак пытались отрицать враждебный Советскому Союзу характер военно-политического блока пяти

западных держав. Мануильский констатировал, что Бевин, однако, должен был признать, что этот блок преследует военные цели, хотя он и старался прикрыть эти цели ссылкой на оборону. То, чего не сказал Бевин, за него договорил его соратник и оруженосец Спаак, откровенная речь которого в защиту этого западного военно-политического союза не оставляет никаких сомнений относительно действительного характера этого блока, его направленности, цели и задачи. Не случайно же Спаак признал, что проводимая Бенилюксом политика заставляет эти государства искать безопасности не в международных рамках, а в рамках региональных соглашений. Такая постановка вопроса может быть продиктована лишь враждебным отношением к другим членам ООН, решительным отказом от политики укрепления международного сотрудничества и подменой его сотрудничеством групповым, в корыстных интересах некоторых государств Западной Европы.

Нечего и говорить о том, насколько цинично звучат слова Бевина, угрожавшего атомной войной и в то же время пытавшегося возложить ответственность за все бедствия такой войны не на действительных её инициаторов и подстрекателей, а на державу, которая мужественно сопротивляется агрессивным планам, продиктованным атомной политикой англо-американского блока. Ни один государственный деятель, сознающий ответственность перед своим народом и перед общественным мнением мира, не мог бы сделать заявления, столь открыто противоречащего решению Генеральной ассамблеи от 3 ноября 1947 года, как это сделал Бевин.

Напомнив историю работы атомной комиссии, Мануильский наглядно показал, что представители советских делегаций активно сотрудничали в ней, а представители англо-американского блока преднамеренно срывали всякое сближение точек зрения СССР и США. Внесённые правительством Советского Союза проект конвенции о запрещении атомного оружия от 19 июня 1946 года и предложения по установлению контроля над атомной энергией от 11 июня 1947 года почти без всякого обсуждения были отклонены представителями англо-американского блока. С другой стороны, делегация США, выдвинув пресловутый план Баруха 14 июня 1946 года, не отступила в течение двух с лишним лет дискуссий от него ни на йоту. Однако советский представитель сотрудничал в комиссии, хотя план Баруха был порочен в самой своей основе. Этот план, под видом установления международного контроля, имел целью передать в руки США контроль над добычей урановой и ториевой руды во всём мире, фактически признавал за США право устанавливать квоты по производству атомной энергии для отдельных государств и подчинял контролю США экономическую жизнь других стран, ограничивая их национальный суверенитет.

Против плана Баруха среди других представителей общественного мнения выступил и исполнительный комитет ассоциации научных работников Великобритании.

Обо всём этом забыл Бевин. Сегодня он изображает дело так, будто бы работа атомной комиссии была прервана в силу неуступчивости советского правительства и что эта неуступчивость шла по

всей линии отношений СССР с Великобританией и США. В качестве примера подобной «неуступчивости» Бевин приводит отклонение советским правительством предложения Бирнса о заключении между СССР, США, Францией и Великобританией договора на 40 лет для предупреждения агрессии Германии. Но он не сказал о тех действительных причинах, по которым советское правительство не могло согласиться с проектом Бирнса.

Министр иностранных дел СССР В. М. Молотов говорил по поводу американского проекта на заседании Совета министров иностранных дел 9 июля 1946 года следующее:

«Ознакомление с проектом показывает всю недостаточность мер, содержащихся в нём, для обеспечения безопасности и для предупреждения агрессии со стороны Германии в будущем. Названный документ ограничивается перечислением военных и военно-хозяйственных мероприятий, и при этом даже эти мероприятия изложены в проекте менее полно, чем это было сделано в постановлении Берлинской конференции руководителей трёх держав, где, кроме того, указаны другие не менее важные условия обеспечения безопасности и прочного мира. На основании этого Советское правительство пришло к выводу, что если договор четырёх держав будет ограничен только тем, что в нём сказано относительно разоружения Германии, то такой договор не может служить надёжной гарантией безопасности Европы и всего мира. Напротив, недостаточность предложенных в проекте мероприятий могла бы таить в себе опасность возрождения Германии как агрессивной державы».

Бевину известно, что американский проект игнорировал важнейшие предпосылки обеспечения прочного мира и безопасности народов и находился в противоречии с прежними совместными решениями союзников. А теперь, после того как англо-американская сторона нарушила Ялтинское и Потсдамское соглашения, он вытаскивает этот проект как пример неуступчивости советского правительства.

Открытое заявление министра иностранных дел Великобритании о допущении возможности атомной войны и признание им факта увеличения вооружений в Великобритании является вызовом мировому общественному мнению и наносит удар по организации Объединённых наций, основной задачей которой является укрепление мира и безопасности. Если так говорит министр иностранных дел государства, являющегося одним из основных участников ООН, то чего можно ждать от журналистов так называемой свободной печати? Такого рода выступления Бевин и поддерживающие его круги сознательно раздувают разногласия среди великих держав, стараются искусственно поддерживать военный психоз и сеют сомнения в возможности сотрудничества великих держав. Расчёты подобных людей необоснованны и беспочвенны, ибо поборников мира во много раз больше, чем сторонников войны, представляющих собой небольшую кучку заинтересованных в гонке вооружений лиц по сравнению с миллионными массами населения земного шара.

Люди, играющие легкомысленно призраком новой войны, забывают, что это игра с огнём. Пренебрегая мнением своего собственного народа, они склонны переносить это пренебрежение и на другие

народы. Они склонны забывать, что народы, пережившие последнюю войну, не являются безучастной массой, которой вчера можно было рассказывать о героизме защитников Сталинграда, а сегодня изображать тех же героев как виновников напряжённости международных отношений.

Можно инсценировать несколько недружелюбных или враждебных актов, но нельзя вытравить из сознания народов того, что никогда не забудется. Нельзя заставить народы забыть тот вклад, который внёс СССР в дело освобождения человечества от нависшей над ним смертельной опасности — порабощения фашизмом.

Богатый фактический материал о господствующей в США военной лихорадке, приведённый главой делегации СССР, доказывает, что США являются очагом опасности новой войны, что отсюда военный психоз распространяется в другие страны. Но широкие слои населения отдают себе отчёт в том, что этот военный психоз заносится извне, что он не отвечает национальным интересам их стран, что воинственно-шовинистическая политика реакционных кругов США не сулит им ничего хорошего.

Могут ли народы как европейских, так и неевропейских стран спокойно реагировать на тот факт, что США располагают сейчас 489 военными базами, позволяющими им держать под контролем Средиземноморский бассейн, Центральную Африку, Латинскую Америку, страны Дальнего Востока и Тихого океана?

Могут ли они не испытывать беспокойства, слушая заявления ответственных государственных деятелей США о том, что сфера интересов США распространяется на подступы к Атлантике, Гибралтару, Греции, Турции, Ираку, Ближнему и Среднему Востоку и Тихоокеанским островам? Народы, живущие в этих частях мира, не могут не сознавать, что их независимость находится под угрозой.

Генеральная ассамблея не может пройти мимо этого факта, если она хочет действовать в соответствии с принципами устава ООН.

Извлекая уроки из войны и послевоенного периода, простые люди научились судить о правительствах не по словам, а по делам. Они на опыте видят, кто защищает мир и кто угрожает нарушить его. В то время как в одной части мира поднимает голову реакция, в другой крепнут силы демократии. В то время как в одной части мира созревают новые очаги войны и уже происходят войны, в другой — господствуют мир и сотрудничество народов.

На территории Восточной Европы, охватывающей СССР и страны народной демократии, живёт свыше четверти миллиарда людей — столько же, сколько на всём американском континенте. Здесь люди заняты мирным созидательным трудом. Восстановление экономики, несмотря на организованную реакционными кругами США экономическую блокаду, идёт здесь быстрее, чем в странах Западной Европы, включённых в так называемый «план Маршалла». Оно покоится на здоровой основе, на основе самоотверженного труда народов и взаимной помощи стран Восточной Европы, причём важнейшая доля участия в этой взаимопомощи принадлежит СССР. Тут не

ищут долларов и не обрекают свою национальную промышленность на упадок ради получения оставшихся после войны неиспользованных американских материалов.

Бевину, выступавшему здесь с восхвалением «плана Маршалла», известно даже лучше, чем нам, к каким разорительным последствиям ведёт осуществление этого «плана» в английском судостроении, в итальянском машиностроении и во многих отраслях экономики других западноевропейских стран.

Несмотря на эти очевидные факты, делаются попытки изобразить СССР и страны народной демократии виновниками напряжённости международных отношений. Особенно усердствовал по этой части Спаак, изображавший здесь вчера, по заданию более сильных, чем Бельгия, государств, страх перед якобы надвигающейся с востока угрозой для Западной Европы. Известно, что страх — плохой советчик, особенно имитированный страх. Этот разыгрываемый на трибунах страх может быть принят спокойными людьми за дымовую завесу, за которой кое-кто старается прикрыть подлинные планы западного блока. Пусть очнувшийся от страха Спаак, сойдя с трибуны, попытается объяснить нам, почему в странах Восточной Европы крепнут сотрудничество между народами, их взаимопомощь, их уверенность в завтрашнем дне, их благосостояние, в то время как в других частях мира можно видеть противоположную картину.

В то время как в Восточной Европе усиливается единение народов в борьбе за мир, в Западной Европе учиняют раскол Германии, ведущий к возрождению реваншистских настроений, раскалывают Европу, чтобы тем легче экономически и политически подчинить её.

Если кто несёт ответственность за раскол Германии и Европы, то это прежде всего правительства США и Великобритании, повинные в возникновении нынешнего европейского кризиса.

В то время как в Индонезии иностранные оккупанты уже три года ведут войну против народа, борющегося за независимость, в то время как специалисты по религиозным войнам и племенной резне разжигают конфликты среди азиатских народов, в Восточной Европе царят мир и спокойствие. В Восточной Европе нет и не может быть того, что происходит, например, в Палестине, где наряду с войной между евреями и арабами идёт закулисное соревнование между двумя крупными державами, борющимися за военно-стратегические позиции и нефть Среднего Востока.

Не способствует миру и сотрудничеству народов политика вмешательства во внутренние дела чужих стран, выражающаяся либо в открытой интервенции, как в Греции, либо в давлении на выборы, как в Италии, с целью создания правительств, которые были бы приемлемы не для народов этих стран, а для иноземных сил. Под давлением этих иноземных сил из правительств и государственного аппарата устраняются демократические элементы, передовые люди, выражающие волю миллионов трудового народа.

Разве такая политика не противоречит уставу ООН?

Дискуссия, развернувшаяся вокруг предложений СССР от 25 сентября, показала, что Генеральная ассамблея поставлена перед выбором: или одобрить политику разжигания войны, проводимую реакционными кругами США, или высказаться за политику мира, изложенную в этих предложениях. Противникам советских предложений трудно прямо отклонить их, ибо они известны мировому общественному мнению. Вот почему сторонники гонки вооружений вытаскивают из архивов тезис о том, что прежде, чем провести сокращение вооружённых сил на одну треть, надо получить гарантии безопасности. Этот тезис уже был использован, чтобы сорвать выполнение решений Генеральной ассамблеи о всеобщем сокращении вооружений и об атомной энергии и завести в тупик работу комиссий Совета безопасности, занимавшихся этими вопросами. При помощи этого насквозь фальшивого тезиса печальной памяти Лига наций постаралась похоронить предложения СССР как о всеобщем разоружении, так впоследствии и о частичном разоружении. Но этими избитыми приёмами, вновь воскрешаемыми сейчас сторонниками подготовки войны, не удастся сейчас ввести в заблуждение широкие круги населения, жаждущие мира. Народы воевали за мир, а не за новые войны. Широкие круги населения всех стран отдадут себе отчёт в том, что означают гонка вооружений в США, пропаганда атомной войны и речи, подобные выступлениям Бевина и Спаака. Народы всего мира понимают, что советские предложения представляют собой настоящий и реальный вклад в дело мира и безопасности народов и что они являются подлинными и действительными гарантиями этой безопасности.

Делегация УССР целиком и полностью поддерживает предложения Советского Союза в твёрдом убеждении, что они отвечают коренным интересам народов всех стран. Принятие этих предложений укрепит авторитет ООН, будет содействовать скорейшему урегулированию спорных вопросов, которые разделяют великие державы, находившиеся во время последней войны в одном лагере.

«Известия» № 232 (9762)
от 30 сентября 1948 г.

РЕЧЬ А. Я. ВЫШИНСКОГО В ПЕРВОМ КОМИТЕТЕ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ООН ПО ВОПРОСУ О ЗАПРЕЩЕНИИ АТОМНОГО ОРУЖИЯ И О КОНТРОЛЕ НАД АТОМНОЙ ЭНЕРГИЕЙ

(1 октября)

1. ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ

В своём выступлении 25 сентября на Генеральной ассамблее советская делегация уже определила свою позицию в отношении итогов работы атомной комиссии, указав на то, что эта работа, несмотря на почти 30-месячный стаж, оказалась бесплодной. И дей-

ствительно, ни одна из задач, поставленных Генеральной ассамблеей перед атомной комиссией, до сих пор не решена.

Всем памятно постановление Генеральной ассамблеи от 24 января 1946 года об учреждении комиссии для рассмотрения проблем, возникших в связи с открытием атомной энергии, а также постановления Генеральной ассамблеи от 14 декабря 1946 года о принципах, определяющих общее регулирование и сокращение вооружений. Всем, конечно, памятно, что этими постановлениями — и, в частности, постановлением от 24 января 1946 года — на учреждённую тогда комиссию была возложена обязанность подготовить и представить предложения относительно исключения из национальных вооружений атомного оружия и всех других основных видов вооружения, пригодных для массового уничтожения, а также подготовить предложения относительно контроля над атомной энергией в объёме, необходимом для обеспечения использования атомной энергии только в мирных целях.

Это решение, к сожалению, осталось на бумаге, так же осталось на бумаге и другое упомянутое мною важное решение Генеральной ассамблеи, принятое 14 декабря 1946 года, которым Генеральная ассамблея настоятельно рекомендовала скорейшее выполнение комиссией по атомной энергии её обязанностей, изложенных в резолюции от 24 января 1946 года.

Напомню, что в этой резолюции выполнение решения Генеральной ассамблеи от 24 января рекомендовалось в качестве существенного шага на пути к достижению неотложной цели. В этой резолюции говорится о запрещении и изъятии из национальных вооружений атомного оружия и всех других основных видов вооружения, которые могли бы применяться в настоящее время и в будущем для массового уничтожения, а также о скорейшем установлении международного контроля над атомной энергией и другими современными научными открытиями и техническими усовершенствованиями для обеспечения их использования только в мирных целях.

Этой, я бы сказал исторической, резолюцией также признавалось необходимым учредить (я хочу это подчеркнуть особо) в рамках Совета безопасности международную систему контроля и инспекции и в этих целях заключить соответствующие конвенции.

Анализируя работу атомной комиссии за истекшее время, нельзя не обратить внимания на то, что как в атомной комиссии, так и в Совете безопасности с самого начала со стороны представителей некоторых государств и главным образом со стороны правительства Соединённых Штатов Америки делались систематические и энергичные усилия к тому, чтобы по существу уклониться от выполнения указанных постановлений Генеральной ассамблеи, чтобы попытаться сохранить в области производства атомной энергии то положение, которое существует в настоящее время и которое можно охарактеризовать как отсутствие какого бы то ни было международного контроля над производством и использованием атомной энергии.

Не случайно, что правительство Соединённых Штатов Америки систематически отклоняло все предложения, которые преследовали цель запретить производство атомного оружия. Не случайно, что

правительство Соединённых Штатов Америки решение этой задачи старалось подменить решением другой весьма важной задачи,— но решение которой совершенно невозможно без решения первой задачи,— а именно: вместо того, чтобы решить задачу запрещения атомного оружия и учреждения международного, эффективного и строгого контроля над осуществлением постановления о запрещении атомного оружия, правительство Соединённых Штатов Америки всё своё внимание переключило на решение второй задачи — об учреждении международного контроля, оставляя в стороне первую задачу — запрещение атомного оружия.

Но смешно учреждать контроль над тем, чего ещё нет: контроль над тем, чтобы не производилось атомное оружие, чтобы оно было изъято из национального вооружения, когда ещё нет самого запрещения производить атомное оружие, когда нет ещё самого постановления об изъятии из национальных вооружений атомного оружия.

Я спрашиваю, что же в таком случае должен был контролировать этот так называемый международный контрольный орган? На этот вопрос нам ответа не дают, не дали до сих пор, кроме разве утверждения, что для того, чтобы запретить атомное оружие, необходимо раньше гарантировать международную безопасность. Об этом говорил в последнем своём выступлении г-н Бевин на пленуме Генеральной ассамблеи, хотя и по другому поводу. Это старая песня, это старые отговорки, которые предназначены специально для того, чтобы уклониться от решения основной задачи. Ибо спрашивается: разве самый факт запрещения производства атомного оружия, самый факт исключения атомного оружия из национального вооружения не является уже актом величайшей гарантии международной безопасности?

Вот почему советская делегация старалась убедить и комиссию по атомной энергии и Совет безопасности,— вернее, большинство и того и другого органа,— в том, что без запрещения атомного оружия всякие разговоры о контроле над использованием атомной энергии были бы лишь средством обмана народов, рассчитанного на то, чтобы служить дымовой завесой, за которой скрывается от глаз народов гонка атомного вооружения.

2. ПОРОЧНОСТЬ ПЛАНА США О КОНТРОЛЕ НАД АТОМНОЙ ЭНЕРГИЕЙ

Вчера представитель Соединённых Штатов Америки г-н Остин напомнил, что в качестве базы для американских предложений на первом заседании комиссии по атомной энергии, которое состоялось, как мы все помним, в июне 1946 года, был использован доклад Ачесона — Лилиенталя, представленный комиссии от имени Соединённых Штатов Америки через г-на Баруха. Г-н Остин, естественно, весьма лестно отзывался об этом докладе и об этом плане и о намерениях американского правительства, одоббившего этот доклад и этот план.

Между тем именно принципы, положенные в основу этого доклада и опирающегося на этот доклад так называемого барухского

плана, потом лёгшие в основу и всего так называемого американского плана международного контроля над атомной энергией, являются, по нашему мнению, в корне порочными, ошибочными и неспособными ни в какой мере решить задачи, поставленные перед комиссией по атомной энергрии.

Напомним, что именно этот доклад и вытекающий из него план исходили из осуществления контроля над атомной энергией последовательными этапами, заявляя, что основой всего плана является именно контроль над атомным сырьём, на что, таким образом, и должно быть обращено всё внимание контрольного органа. Даже в отношении сообщения секретной информации об атомной энергии план Баруха исходил из того, что свой правительственный контроль, как говорилось в этом заявлении, сделанном г-ном Барухом на первом заседании атомной комиссии, Соединённые Штаты готовы передать международному контрольному органу лишь в том объёме, который необходим для каждого этапа.

Из этого легко сделать совершенно определённый вывод: контроль должен осуществляться по этапам, по стадиям, этот контроль будет осуществляться с самого начала, как об этом говорится неоднократно и в первом, и во втором, и в третьем докладах атомной комиссии, в отношении добычи сырья.

Этот контроль будет с самого начала учреждён над добычей сырья. Вопрос о контроле над всеми остальными стадиями процесса и в том числе, конечно, над процессом производства атомного горючего, что является наиболее важным делом, будет отложен на будущее.

Не остаётся никакого сомнения, что контроль, таким образом, будет учреждён лишь над добычей сырья. Когда же этот международный контроль сможет перейти на другие этапы или стадии, — это ещё будет особо обсуждено и особо установлено.

Но посмотрим, что следует дальше.

Плану Баруха принадлежит идея о превращении международного контрольного органа в собственника над продукцией заводов, обрабатывающих поддающиеся расщеплению материалы в опасных количествах. Что же касается основной важнейшей проблемы, то по этому поводу доклад Баруха допускает, что производство атомной бомбы может быть прекращено, что с существующими бомбами может быть поступлено в соответствии с постановлениями будущего договора и что, наконец, все сведения относительно производства атомной энергии смогут находиться в распоряжении международного органа по атомному развитию лишь после того, — я цитирую это место из выступления г-на Баруха 14 июня 1946 года в «Хантер колледж»: «...после того, когда соответствующая система контроля над атомной бомбой, как оружием войны, будет согласована и приведена в исполнение, а также когда будут установлены соответственные меры наказания за те нарушения правил контроля, которые должны быть заклеены, как международное преступление».

Значит, даже изъятие и ликвидация ныне существующих атомных бомб ставится в зависимость от целого ряда условий. Этот план отвергает необходимость запрещения атомного оружия, несмотря на

то, что именно в этом был весь смысл, весь дух решения Генеральной ассамблеи от 24 января 1946 года. Всё откладывается на дальнейшее. Вот уже поистине можно сказать: «Улита едет, когда-то будет».

Таким образом, по плану Баруха,—откуда ведёт своё начало американский план так называемого международного контроля над атомной энергией,—прекращение производства атомной бомбы ставится в зависимость от ряда условий, выполнение которых сопряжено, как это можно было и нужно было предполагать с самого начала, с большими трудностями и с большими сроками времени.

Между тем кажется, что если общественное мировое мнение, как это выражено в двух исторических резолюциях Генеральной ассамблеи более чем пятидесяти наций мира, уже поставило перед собою задачу подготовить мероприятия по запрещению атомной бомбы, изъятию атомного оружия из национального вооружения, учреждению контроля над атомной энергией, предрешив, что использование её будет возможно только в мирных целях, то разве не естественно было бы в таких условиях принять хотя бы вот это элементарное решение о том, что впредь производство атомных бомб не должно иметь места, не может быть допущено. Ведь тут находятся в вопиющем противоречии, которое, конечно, можно легко объяснить,—я постараюсь это объяснить в дальнейшем изложении нашей точки зрения,—два таких факта: с одной стороны, две резолюции пятидесяти с лишним наций мира говорят о необходимости разработать мероприятия по запрещению атомной энергии, что уже по существу предreshает вопрос о необходимости такого запрещения, и, с другой стороны, второй факт—это то, что не хотят приостановить изготовление атомных бомб, для которых уже роется могила всеобщим мировым общественным мнением гуманизма и совести народов.

Разве это не глубочайшее противоречие? Разве при наличии доброй воли и твёрдого желания быть последовательным и честным в отношении тех самых решений, которые были дважды записаны в 1946 году, не было бы самым простым и элементарным сказать:

«Да, мы встретились с труднейшей задачей, мы встретились с задачей, которая сама насыщена взрывчатыми материалами. Нам трудно эту задачу решить сразу. Нас упрекают, что за 30 месяцев мы ничего не сделали, но, может быть, ещё понадобится 30 месяцев для того, чтобы решить эту задачу действительно величайшей трудности и величайшей ответственности».

Так давайте, по крайней мере, пока мы все добросовестно хотим найти это решение, давайте вот с этой минуты прекратим изготовление этих чудовищ, этих фурий ада атомной войны. Почему же у некоторых не поднимается рука в пользу такого решения? Почему—я спрашиваю—вы, большинство, останавливаетесь перед тем, чтобы уже теперь прекратить производство атомных бомб, раз решено, что нужно подготовить меры по прекращению производства атомных бомб и изъятию их из национального вооружения? Почему? Что вам мешает, по крайней мере, принять решение о прекращении производства атомных бомб?

Я прошу ответить мне на этот вопрос.

Мы, Советский Союз, ответим здесь сегодня на этот вопрос, как мы уже отчасти ответили — и, может быть, даже лучше, чем это я сумею сделать сегодня, — в других соответствующих случаях.

Разве не является грубым отходом от решений Генеральной ассамблеи об атомной энергии, когда люди, которым поручено работать эту задачу, не осмеливаются принять такого гуманного, естественного, разумного решения, как решение о том, что, пока будет идти подготовка соответствующих мероприятий по запрещению атомного оружия и изъятию его из национального вооружения, ни одно государство впредь не будет производить больше атомного оружия.

Напрасно думать, и это большое заблуждение тех, кто так думает, что есть одно только государство, которое является монополистом атомной энергии, атомной бомбы. Это может повлечь за собой очень серьёзный и опасный просчёт.

Китай сегодня заявил, что он не в состоянии готовить атомную бомбу, может быть, ещё другие это заявят; но есть государства, которые так не заявят, ибо это не соответствовало бы действительности.

Так вот, было предложено, чтобы все государства взяли на себя обязательства впредь, пока не будет найден способ выполнения решений Генеральной ассамблеи от 24 января и 14 декабря об атомной энергии, не производить больше атомного оружия. Но это предложение было отклонено.

Почему, однако, такое решение не могут принять те, кто действительно стремится к тому, чтобы атомное оружие было вычеркнуто из жизни современного человечества?

Между тем дело обстоит именно так, что даже то, о чём говорил г-н Барух 14 июня 1946 года в своём выступлении в «Хантер колледж», когда указывал на такие задачи, как прекращение производства атомной бомбы и т. д., даже такое предложение, несмотря на то, что с тех пор прошло уже более двух лет, до сих пор не принято. Это само по себе уже достаточно ясно говорит о тех причинах, которые скрываются в этом факте, о тех мотивах, которые определяли собой этот факт.

Вот почему мы, советские люди, говорим, что всё направление работы атомной комиссии с самого начала, с 14 июня 1946 года, когда собралось первое заседание атомной комиссии, и до сегодняшнего дня шло по неправильному пути, шло не по пути выполнения решений Генеральной ассамблеи, о которых мы говорили, а наоборот, в противоположном направлении. Вот почему всякие предложения, которые вносились в соответствии с этими решениями, отклонялись; вот почему, отклоняя эти предложения, противоположная группа держав вносила свои предложения, которые, однако, не соответствовали решениям Генеральной ассамблеи. Когда же мы, советские делегаты, возражали против этого, нам говорили, что мы загоняем работу комиссии в тупик. Это называется валить с большой головы на здоровую.

Но обратимся к американским предложениям. Ведь насколько нереальны были предложения Соединённых Штатов Америки относительно международного контрольного органа, можно судить хотя бы по той части этих предложений, которая проектировала не больше и не меньше, как создание международного контрольного органа, — я цитирую почти дословно то, что говорил в своё время г-н Барух, — как мирового руководителя в области атомной науки и, кроме того, в области практической разработки атомной энергии с тем, чтобы огромным влиянием, которое связано было бы с его руководящим положением в науке, выполнить «юридическую власть», которой по плану Баруха предполагалось наделить этот международный орган.

Разве это реальная задача — превратить международный орган над атомной энергией в руководителя мировой науки? Нет, это не реально. Такая мысль вредна потому, что она означает не что иное, как стремление зашнуровать научную мысль, отдать науку под полицейский надзор, лишить науку возможности идти своим свободным путём развития. Между тем такую нереальную и вредную «идею» и положили представители США в основу своего так называемого плана организации международной контрольной системы.

3. США ОТКАЗЫВАЮТСЯ СТАВИТЬ ПОД МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНТРОЛЬ СВОИ АТОМНЫЕ ЗАВОДЫ

Таким образом, с самого начала работы атомной комиссии был взят курс, не соответствующий решениям Генеральной ассамблеи от 24 января, от 14 декабря 1946 года. Этот курс можно было бы определить формулой: раньше следует установить международный контроль, да и то лишь над первоначальной стадией атомного производства, т. е. над добычей сырья, а затем можно уже поговорить и о запрещении атомного оружия. Вчера представитель Соединённых Штатов оспаривал, что Соединённые Штаты Америки отказываются ставить свои атомные предприятия под международный контроль. Представитель США вчера сказал, что это заявление противоречит фактам, что оно противоречит факту, существующему со времени первого заседания комиссии по атомной энергии. Однако это прямо вытекает из теории контроля по стадиям, которая была изложена Барухом на первом же заседании комиссии по атомной энергии. Эта теория стала политической линией американской делегации в атомной комиссии и в Совете безопасности, и этой линии последняя твёрдо держалась и держится всё время.

Советский представитель в атомной комиссии неоднократно делал попытки убедить комиссию рассмотреть вопрос о времени установления контроля на всех предприятиях по производству атомных материалов, начиная с рудников и кончая заводами по производству атомного оружия. Но эти попытки так и не увенчались успехом. Это, конечно, явилось результатом того, главным образом, что представители США отказывались обсуждать, даже в самой

общей форме, вопрос о времени и практических мероприятиях по установлению контроля на таких предприятиях. Они неизменно ссылались на стадии.

Об этом не раз говорил мой друг Громыко в атомной комиссии и в Совете безопасности. Это содержится и в протоколе, приложенном к третьему докладу атомной комиссии, и поэтому я думаю, что этот факт не может служить предметом какого бы то ни было оспаривания. Как же при таких условиях г-н Остин берёт на себя смелость отрицать столь очевидные факты?

В то же время второй доклад комиссии по атомной энергии обстоятельно защищает необходимость предоставления неоспоримого контроля над исходными материалами немедленно после извлечения их из недр. Я ещё раз говорю: ни в одном докладе — ни в первом, ни во втором, ни в третьем — ничего не указывается, что одновременно с контролем над добычей сырья должен быть установлен и контроль над промышленным производством атомной энергии. Именно об отказе США ввести контроль одновременно над всеми стадиями производства атомной энергии я и говорил в своём выступлении 25 сентября, но это обстоятельство г-н Остин счёл за благо просто игнорировать. Если г-н Остин даст себе труд внимательно рассмотреть моё заявление, сделанное 25 сентября, то он увидит, что именно на это я особо обращаю внимание Генеральной ассамблеи, и я не имею никаких оснований вносить в это какие бы то ни было поправки. Это факт, и этот факт, говоря словами г-на Остина, находит уже своё подтверждение и существует со времени первого заседания комиссии по атомной энергии. Второй доклад прямо указывает, что установление строгого контроля над месторождением исходных материалов и их добычей является одним из первых шагов международного органа по принятию им на себя ответственности за укрепление безопасности и что вообще эффективный международный контроль над атомной энергией должен быть начат со строжайшего контроля над атомным сырьём. Пусть будет так. Но мы утверждаем, что одновременно нельзя оставлять без контроля и дальнейшие стадии производства атомной энергии, ибо иначе, покамест мы будем налаживать контроль над первой начальной стадией — над сырьём, — в то же время будут работать на полном ходу машины, производящие атомные бомбы. Этого нельзя допускать; это противоречит тем решениям, которыми мы обязаны руководствоваться в своей работе.

Я должен повторить, что во втором докладе атомной комиссии вопроса о контроле над промышленным производством атомной энергии мы не видим. Предложение о том, чтобы сначала учредить международный орган контроля над атомной энергией, а затем уже начать договариваться о запрещении атомного оружия, — к чему, в сущности, и сводится весь так называемый американский план, — уже само по себе разоблачает действительные цели и намерения авторов этого предложения. Такая позиция американских представителей в этом вопросе означает не что иное, как попытку разговорами об учреждении так называемого контроля над атомной энергией, без того, чтобы в основу этого контроля было положено запрещение производства атомного оружия, — чтобы такими разговорами прикрыть

нежелание вообще иметь какой бы то ни было эффективный контроль и вопрос о запрещении этого оружия отложить *ad calendas graecas* — до греческих календ, которые, как известно, никогда не существовали в греческом летосчислении.

Таким образом, с самого начала возникло коренное разногласие между представителями Советского Союза и представителями Соединённых Штатов Америки по вопросу о возможности учреждения международного контроля без предварительного запрещения атомного оружия.

Советский Союз стоит на той точке зрения, что учреждению международного контроля над атомной энергией должно предшествовать запрещение атомного оружия и что задачей строгого и эффективного международного контроля должно являться именно наблюдение за выполнением этого запрещения. Необходимость же запретить атомное оружие вытекает из самого характера этого оружия, как оружия агрессии, предназначенного не для обороны, а для нападения, для массового уничтожения мирного населения, для массового разрушения городов, сёл, деревень.

Мы видим, что правительство Соединённых Штатов Америки упорно отстаивает необходимость в первую очередь учредить международный контрольный орган и при этом подчёркивает важность учреждения международной инспекции.

Кстати, об инспекции. Это было время, когда Соединённые Штаты Америки упорно настаивали на том, что необходимо учредить международную инспекцию, как самый-де эффективный орган контроля. Но стоило только советской делегации выдвинуть план организации такой инспекции, как те самые делегации, и в том числе делегация США, которые подчёркивали важность инспекции, переменили курс и стали доказывать, что инспекция не так уж важна и что она может рассматриваться как эффективное средство контроля лишь вместе с некоторыми другими мерами.

В чём же дело? Что значит такой поворот?

Дело, оказывается, в том, что как раз в то время представитель Советского Союза выдвинул предложение о периодическом инспектировании и специальных обследованиях международной контрольной комиссией. Советское правительство считало и сейчас считает, что такое инспектирование является необходимой мерой контроля наряду со специальными обследованиями, которые должны были бы иметь место при наличии каких-либо подозрений в отношении утайки атомной энергии в той или другой стране.

Этот эпизод весьма характерен. В институте инспекции авторы американского плана усмотрели опасность для своей идеи превращения международного контрольного органа в собственника всей промышленности по атомной энергии. Между тем эта «идея» имеет решающее значение в американском плане.

4. АМЕРИКАНСКИЙ ОРГАН ТАК НАЗЫВАЕМОГО «МЕЖДУНАРОДНОГО КОНТРОЛЯ»

Уже в то время противники запрещения атомной энергии старались весь вопрос перевести на рельсы проблемы контрольного органа, о чём можно судить, например, по докладу четырёх правительств, а именно Канады, Китая, Великобритании и Франции, который был представлен рабочему комитету в апреле 1948 года. В этом документе о таком важном вопросе, как запрещение атомной энергии для военных целей, четыре делегации упоминали лишь мимоходом и то только для того, чтобы подвергнуть критике советское предложение относительно заключения конвенции о запрещении использования атомной бомбы. Для того, чтобы оправдать свою позицию, направленную против запрещения атомной энергии для военных целей и, вместе с тем, против советских предложений об инспектировании, четыре делегации представили обзор так называемых «технических соображений». Важно и интересно обратиться к некоторому анализу этих так называемых «технических соображений». Тогда будет видно, что они были предназначены специально для того, чтобы попытаться доказать неудовлетворительность предложений Советского Союза. Что же это за «технические соображения»? Я не ошибусь, если скажу, что главное в этих так называемых технических соображениях — это требование, которое ничего общего с техническими требованиями не имеет, а именно, требование передать предприятия по обработке и очистке урана и тория, а также предприятия для производства и использования ядерного горючего в собственность международной контрольной организации, что якобы только и обеспечит возможность контролировать количество ядерного горючего в обработке и предотвращать утечку ядерного материала.

Кроме того, четыре указанные делегации утверждали, что предложения Советского Союза не могут обеспечить раскрытие или предупреждение тайной деятельности атомных заводов. Однако авторы американского предложения в этом вопросе явно запутались. В самом деле, с одной стороны, они считают необходимым передать в собственность международного контрольного органа всё атомное сырьё и все предприятия по выработке атомной энергии, с другой стороны, они считают необходимым установить систему так называемых производственных квот, т. е. определить для каждой страны известные нормы выработки атомной энергии. Должно быть совершенно ясно, что если будут установлены такие квоты через специальную конвенцию, как это предлагает американский план, то тем самым будет решён вопрос и об урегулировании распределения и использования атомного сырья и об урегулировании атомного производства применительно к отдельным странам. Должно быть ясно, что в таком случае нет никакой технической необходимости в передаче рудников и шахт по добыче атомного сырья и предприятий по производству атомной энергии в собственность какого-либо международного контрольного органа.

Американский план домогается предоставления международному контрольному органу права производить разведку залежей минералов на территории любого государства для выяснения того, имеются ли в пределах этого государства залежи урановых и ториевых руд. Этот план добивается также контроля и во всех смежных областях, т. е., иначе говоря, он предусматривает неограниченное право вмешательства международного контрольного органа во всю хозяйственную жизнь страны, как и вообще во внутренние дела любого государства, прикрываясь тем, что иначе невозможен эффективный контроль над производством и использованием атомной энергии.

Третий доклад комиссии по атомной энергии, — касаясь конвенции о запрещении атомной энергии, — утверждает, что конвенция о запрещении атомной энергии, взятая сама по себе, не даёт уверенности в том,

а) что государства, заведомо располагающие атомным оружием, на деле уничтожат все запасы, или хотя бы только часть запасов,

б) что государства, в отношении которых неизвестно, располагают ли они атомным оружием, — но которые, возможно, располагают таковым, — будут выполнять взятое на себя обязательство,

в) что, наконец, возможно будет предотвратить производство государствами атомного оружия.

Но ведь никто и не имеет в виду ограничиться лишь только одной конвенцией о запрещении атомной энергии. Конечно, одна конвенция по запрещению атомной энергии, взятая сама по себе, ещё не решает всей задачи, ибо нужно учредить — как сказал Генералиссимус Сталин — строгий международный контроль для того, чтобы эта конвенция по запрещению атомной энергии не осталась на бумаге.

Поэтому, когда наши противники говорят: «Одна только конвенция по запрещению атомного оружия не решает вопроса», — они ломаются в открытую дверь, ибо никто и не утверждает противного. Но мы говорим, что конвенция об учреждении международного контрольного органа, с теми хотя бы функциями, которые на него возложены американским планом, — без того, чтобы было принято решение о запрещении атомной бомбы, — превращается в пустышку, превращается в величину нулевого значения, превращается в пустую болтовню, а не в реальное, большое, великое государственное дело, освобождающее человечество от опасности величайших из величайшего бедствий, которое когда-нибудь знало человечество.

Разумеется, чтобы конвенция о запрещении атомного оружия дала ожидаемый результат, необходимо учредить именно этот строгий международный контроль, о котором сказал в октябре 1946 года, отвечая на вопрос представителя Юнайтед Пресс, Генералиссимус Сталин.

Говоря об американском плане учреждения международного контроля над атомной энергией, нельзя не отметить, что по существу дела этот орган должен явиться по замыслу представителей Соединённых Штатов далеко не органом, носящим международный характер. Это не международный орган контроля. Я прямо скажу, — это американский орган контроля.

Американский план международного контроля отрицает возможность эффективного контроля над производством и использованием атомной энергии средствами и силами суверенных государств. Американский план требует передачи в распоряжение или в собственность международного контрольного органа не только предприятий, но и целых отраслей промышленности, которые в той или иной степени обслуживают заводы и установки, занятые производством атомных материалов. Международный орган по контролю над атомной энергией, по плану Соединённых Штатов Америки, мыслится в качестве какого-то международного монопольного атомного сверхтреста, который владеет на правах собственности всеми атомными материалами, всеми предприятиями по производству атомной энергии, который получает по этому плану право собственности на все исходные материалы с момента извлечения их из недр; который устанавливает нормы концентрации, при наличии которых он будет вступать во владение этими исходными материалами; который будет владеть и управлять — это прямо сказано в плане Соединённых Штатов Америки о международном контрольном органе — всеми химическими и металлургическими заводами, на которых обрабатываются основные вещества, и будет иметь монопольное право эксплуатировать их.

Международный орган контроля будет владеть всем ядерным горючим, полученным как его собственными средствами, так и на производственных предприятиях, эксплуатируемых на основании выданных контрольным органом лицензий.

Следовательно, этот контрольный орган получит право выдавать лицензии.

Если учесть все эти требования, то не трудно понять действительный смысл и предназначение этого так называемого американского плана.

Нелишне напомнить в этой связи о меморандуме английских учёных в 1947 году, в котором говорилось о том, что предоставление контрольному органу средств производства в полное владение, в обычном смысле этого слова, вызвало бы затруднения, так как оно дало бы органу по контролю над атомной энергией право решать, имеет ли та или иная страна право строить энергетические заводы и право препятствовать использованию энергии, произведённой такими заводами, или устанавливать условия снабжения такой энергией. «Такое ограничение, — говорится в меморандуме английских учёных, — создало бы возможность для вмешательства в экономическую жизнь каждой страны в такой степени, в какой нет необходимости для того, чтобы воспрепятствовать применению атомной энергии для разрушительных целей».

В том же меморандуме британские учёные указывали на тайные цели организации такого международного контроля.

Я хочу сказать, что я передаю мнение в меморандуме английских учёных, а не своё личное мнение. Вот что там говорится:

«Соединённые Штаты Америки и других сторонников плана Баруха следует побудить сформулировать гарантии, которые

обеспечили бы такое положение, когда никакой план инспекции не превратился бы в тщательно разработанную систему шпионажа».

Это — весьма многозначительное замечание. Вот что должен представлять собой этот так называемый «международный» орган контроля над атомной энергией. В то же время американский план отвергает требование о запрещении атомного оружия, добивается исключения запрещения производства и использования атомного оружия из системы контроля.

Третий доклад откровенно признаёт, что американский план «наносит удар прерогативам суверенитета отдельных государств».

Авторы этого плана пытаются оправдать это тем, что нет иного исхода из создавшегося положения в отношении проблемы использования атомной энергии в мирных целях, как добровольный и частичный отказ отдельных государств от своего суверенитета в этой области в пользу других государств. Хорошо. Пусть будет признано истиной, что в интересах общего блага каждое государство должно отказаться от части своего суверенитета с тем, чтобы вся сумма власти в этой области была предоставлена какому-то независимому международному органу контроля.

Но ведь для того, чтобы государство могло пойти на отказ, хотя бы частично, от своего суверенитета в пользу международного органа, ему должны быть даны гарантии, что этот орган действительно будет отвечать своему назначению, что он действительно будет международным органом контроля, — а я здесь должен сказать со всей откровенностью, как это я уже сказал и как я ещё буду иметь возможность это доказать дальше, что тот орган контроля, который подаётся здесь на основании первого, второго и третьего докладов атомной комиссии, а также предложений, внесённых канадской делегацией, не является международным органом. Это американский орган, где обеспечено большинство американскому влиянию, и именно в расчёте на это влияние американского большинства и строятся все планы организации этого так называемого международного контроля.

Нам говорят: «Вы должны уступить часть своего суверенитета в пользу высшего блага». Согласен. На этом строятся все международные отношения, где нужно поступиться частью меньшего во имя большего, более важного, более ценного, что таким образом оправдывает уступку. Но для этого нужна уверенность, что дело идёт о действительно «высшем благе», уверенность, что данный орган будет действительно международным, что в этом органе будет действительно международное сотрудничество.

Надо сказать откровенно, что если в этом органе будут господствовать такие методы работы, как на этой сессии Генеральной ассамблеи или в нашем Первом комитете, то разве мы, советская делегация, сможем рассчитывать на сотрудничество, которое является элементарным и необходимым условием для того, чтобы отказаться от какой-то части своих прав в пользу международного органа?

Вы посмотрите, что произошло на этой Генеральной ассамблее. Вы избрали председателей шести комитетов, но разве вы проявили

тот дух сотрудничества, который необходим и является элементарным условием взаимного доверия, когда вы не избрали ни одного представителя Советского Союза и стран новой демократии на руководящие посты во всех этих комитетах. Разве вы не нарушили тем самым один из основных принципов международного сотрудничества, на котором стоит наша организация Объединённых наций,— уважение к участию в общей работе и в руководящих органах представителей меньшинства, которые здесь находятся? Вы нарушили этот принцип.

Разве вы не допустили сейчас, когда идут по комитетам избрания заместителей председателей и докладчиков, такие вопиющие факты, когда в одном комитете избирается представитель одного государства из вашего блока в качестве вице-председателя, а в другом комитете представитель этого же государства избирается в качестве докладчика, и в то же время забаллотировываются представители стран новой демократии Восточной Европы, которые имеют все законные основания претендовать на избрание в руководящие органы Ассамблеи.

Разве это не заговор большинства против меньшинства?

Если в таком малом вопросе, как избрание докладчика, вице-председателя и председателя комитетов, мы натолкнулись на стену этого глухого отрицания наших прав,— если мы в этом малом вопросе встретились с таким грубым нарушением наших прав меньшинства, то какие же могут быть сомнения в том, что в вашем «международном» органе, где будет вам обеспечено большинство, вы продиктуете нам такие законы, от которых не поздоровится нашей промышленности, нашему народному хозяйству.

Нет, никогда,— я повторяю,— не бывать такому положению, и никто нас не обманет всякими широковещательными и высокопарными словами о необходимости отказаться хотя бы от части своего суверенитета во имя так называемого высшего общего блага.

Мы готовы отказаться от части своего суверенитета во имя этого высшего блага, но нужно, чтобы это было наше общее высшее благо. А где оно? Нужно, чтобы оно было благом, построенным на взаимном уважении, на взаимном доверии, на сотрудничестве. А где оно? Разве сейчас не действует жёсткий курс, который прокламировало и которым вдохновилось большинство здесь присутствующих, курс правительства Соединённых Штатов Америки? Жёсткий курс, который называется «коленкой на грудь и взять за горло». Но это не удастся. Грудь у нас сильна, и нет такого колена, которое могло бы нас придавить к земле, а горло у нас тоже крепкое.

И вот нам теперь преподносят в таких благочестивых и елейных выражениях этот самый план международного контроля, который направлен на то, чтобы подчинить своему контролю народное хозяйство суверенной страны. Мало атомной энергии, мало сырья — давай металлургию, давай химию, давай разведку недр, давай систематическую, из года в год повторяемую, фотосъёмку твоей территории: вот что требует этот «международный» орган. Я приводил в своей речи 25 сентября высказывания одной американской газеты, которая говорит, что главная, мол, беда в том, что плохо разведана

территория Советского Союза с воздуха, ибо это затрудняет эффективную авиационную бомбардировку советских городов. Так не этой ли же цели аэро-фоторазведок должна служить и аэро-разведка, которой будет заниматься международный контрольный орган, во исполнение того пункта плана, очень прилично причёсанного, который говорит о необходимости учитывать в полном объёме все запасы — как существующие, так и возможные, таящиеся глубоко в недрах или уже извлечённые из недр той или другой страны?

Нет, господа, мы на такой план не пойдём, ибо он лишён тех элементарных условий и основ, которые называются добросовестным международным сотрудничеством.

Мы говорим, что за высокопарными словами об уничтожении соперничества между государствами и о стремлении комиссии выполнить свой мандат, как говорится в третьем докладе атомной комиссии, скрывается действительная цель американского плана — это обеспечить за Соединёнными Штатами Америки бесконтрольное право вмешательства в хозяйственную жизнь любой страны, прикрываясь решением большинства в контрольном органе.

Я говорил 25 сентября, и я позволю себе ещё раз в этой связи повторить, что мы знаем, из кого в этих органах может состоять большинство. Мы знаем, какие решения сможет принять такое большинство. Мы знаем, что те решения, которые примет это большинство, — на доброжелательное отношение которого к себе советский народ не может рассчитывать, — что эти решения не будут гарантировать хотя бы в малой мере мир и безопасность народов, что они не будут направлены хотя бы в какой-то мере на устранение опасности войны, что они не повлекут за собой отказа от военных авантур, как средства внешней политики, к чему лицемерно призывает третий доклад атомной комиссии. Мы знаем, что американский план попросту даёт возможность США наложить свою руку на источники сырья в других странах, при помощи так называемого международного контрольного органа, где правительство США надеется иметь большинство.

5. ПРОТИВ ПОЛИТИКИ ДИКТАТА И НАЖИМА

В своём стремлении навязать свой план контроля правительство США систематически отклоняет все предложения, которые были направлены на разработку и принятие мер, преследующих цель осуществить запрещение атомного оружия и изъятие атомного оружия из национального вооружения. Я напомним, например, такой факт. В первом подкомитете 5 июля 1946 года представитель Франции Жолио-Кюри заявил, что его делегация придерживается того мнения, что одним из первых этапов контрольного плана должно быть прекращение всякого производства атомного оружия. Жолио-Кюри заявил, что производство атомного оружия должно быть прекращено по крайней мере на то время, пока идут переговоры по

этому вопросу, и это нужно для того, чтобы успокоить общественное мнение и облегчить дискуссию. С этим предложением не согласился представитель США, сославшись на то, что подобные действия, т. е. те, которые соответствуют предложениям, внесённым французской делегацией и поддержанным австралийской делегацией, он рассматривает «как результат обсуждения, а не как исходную точку». При этом представитель США почему-то сослался на общественное мнение Соединённых Штатов, с которым нужно-де считаться. Смысл этого последнего замечания легко понять, если припомнить, что за несколько дней до этого в заседании первого подкомитета тот же американский представитель на вопрос советского представителя Громико о том, почему до сих пор продолжают изготавливаться в Соединённых Штатах Америки атомные бомбы, заявил буквально следующее: «Конвенция исключительно об объявлении атомных бомб вне закона послужила бы источником раздражения и повлекла бы за собой усиление международных взаимных подозрений».

Нелепость этой аргументации против запрещения атомного оружия, я думаю, не нуждается в комментариях. Оказывается, что предложение прекратить производство атомных бомб могло бы вызвать «раздражение в Америке», усилило бы международные взаимные подозрения. Оказывается, для того, чтобы этих подозрений было поменьше, нужно побольше готовить атомных бомб. Вот так логика!

Напомним и другие факты. В июне 1947 года при обсуждении советских поправок к первому докладу атомной комиссии мнение большинства атомной комиссии определилось в пользу советского предложения об уничтожении атомных бомб с использованием содержащегося в них ядерного горючего для мирных целей. Представитель Австралии, поддержанный представителями Англии, Канады и некоторыми другими, внёс даже формальное предложение по этому вопросу. Однако делегация Соединённых Штатов Америки воспротивилась принятию этого предложения, и представитель Австралии был вынужден на следующем заседании взять обратно свой проект резолюции.

Британская делегация 7 июля 1947 года, — г-н Макнейл сможет, вероятно, это подтвердить, — в рабочем комитете заявила, что она безоговорочно принимает следующий тезис: «Всё атомное оружие должно быть уничтожено, а содержащееся в нём ядерное горючее — использовано в мирных целях». Впоследствии, однако, по каким-то причинам английская делегация должна была отказаться от этого предложения. Правда, в то же время выяснилось, что американская делегация решительно возражает против этого предложения.

О чём свидетельствуют эти факты? Эти факты свидетельствуют о том, что правительство Соединённых Штатов Америки в атомном вопросе проводит политику диктата. Оно, сохраняя атомное оружие, тешит себя иллюзиями о том, что США до сих пор являются монополистами в области атомной энергии. Во власти этих иллюзий сейчас находятся ещё такие политические деятели Соединённых Штатов Америки, как, например, кандидат в президенты Соединённых Штатов от республиканской партии Дьюи, который откровенно высказал это на днях в своей речи в Фениксе, заявив, что Соединённые

ным Штатам принадлежит-де исключительная монополия на атомные секреты. Нападая на СССР, Дьюи откровенно признался, что «наши мысли (т. е. мысли Дьюи и его сторонников) об атомной энергии сосредоточились, главным образом, на её использовании для военных целей».

Я спрашиваю: это ли не является подтверждением того действительного агрессивного курса внешней политики, которой придерживается добывающаяся власти республиканская партия Соединённых Штатов Америки?

В этой связи следует напомнить об одном из заявлений председателя атомного комитета США Лилиентала. В книге «Международный контроль над атомной энергией Соединённых Штатов Америки» приводится следующее заявление Лилиентала по поводу атомной энергии: «Наша безопасность зависит отчасти от секретности некоторой жизненно важной информации и от знания способов производства, которыми только мы одни обладаем. Ибо мы хотим продлить монополию на эти знания так долго, как только возможно, прекрасно понимая, что она, в лучшем случае, является временной».

О чём говорит это заявление — не кого-либо, а председателя атомной комиссии Соединённых Штатов Америки? Оно говорит о том, что они в Америке верят в то, что они — монополисты в отношении атомных секретов и хотят продлить эту монополию так долго, как возможно. Не тут ли лежит и ответ на вопрос, почему в течение 30 месяцев атомная комиссия не могла дать никакого положительного результата в выработке предложений по ликвидации атомного оружия? Ясно, что если Лилиенталь заявляет, что Соединённые Штаты Америки заинтересованы в том, чтобы как можно дольше продлить эту монополию, то кто же тогда может сомневаться в том, что при таких условиях и работа соответствующих делегаций, в частности американской делегации в атомной комиссии в вопросе об атомной энергии, будет направлена не на то, чтобы скорее покончить с монополией в отношении атомной бомбы, а на то, чтобы как можно дольше сохранить монополию секретов, которые в общем уже потеряли свою секретность.

Все эти факты свидетельствуют о том, что Соединённые Штаты Америки в атомном вопросе совершенно не заинтересованы в проведении в жизнь тех решений Генеральной ассамблеи, с напоминания о которых я начал сегодняшнее своё выступление. Цитата, которая была приведена мною из выступления Лилиентала, служит в значительной степени ответом и на то недоумение, которое выразил здесь вчера Остин по поводу моего замечания, что американским планом вовсе не принимается во внимание распространение международного контроля на промышленное производство атомной энергии.

Для лучшего понимания политики Соединённых Штатов Америки в области атомной энергии следует напомнить ещё об одном выступлении, а именно — о выступлении президента США Трумэна по поводу результатов, достигнутых во время испытания атомного оружия улучшенного образца, которое имело место на острове Эни-ветоке.

Президент США отметил, что эти испытания, касавшиеся этого «улучшенного атомного оружия», показали «весьма значительный прогресс», прогресс в усилении эффективности действия атомной бомбы.

Я не говорю о бомбах, которые были сброшены на Хиросима и которые уничтожили сотни тысяч людей. Вероятно, прогресс, о котором говорит президент США, заключается в том, что раньше одной бомбой можно было уничтожить тысячи людей, а теперь — ещё больше. Это называется прогрессом, которым хвастают сегодня руководящие политические деятели Соединённых Штатов Америки.

Разве это не говорит, что вдохновляет нынешнюю американскую внешнюю политику в области атомной энергии? Один деятель говорит нам, что задача заключается в том, чтобы дальше основательнее улучшать и усовершенствовать атомное оружие. Другой говорит, что усилия должны быть направлены в настоящее время на то, чтобы лучше использовать атомное оружие в военных целях. Вот о чём думают сейчас руководящие политические деятели в Соединённых Штатах Америки.

Неудивительно, что при таком курсе политики по отношению к атомной энергии работа атомной комиссии, где было обеспечено влияние англо-американской группы, не могла дать положительных результатов. Должно быть совершенно ясно, что всякие кивки в сторону Советского Союза, якобы несущего какую-то ответственность за неудачу работы, за провал работы атомной комиссии, лишены какого бы то ни было основания, являются простым пропагандистским трюком.

6. МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНТРОЛЬ И СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ

Принципы политики в этой области, провозглашённые несколько лет тому назад Соединёнными Штатами, впоследствии претерпели серьёзные изменения и, как это было видно из процитированных выше выступлений некоторых американских политических деятелей, в настоящее время носят совершенно иной характер. Вот почему вместо международной системы контроля над атомной энергией в рамках Совета безопасности Соединённые Штаты предлагают теперь, вопреки решениям Генеральной ассамблеи, учредить контрольный орган вне рамок Совета безопасности, причём этому органу придают на деле, конечно, не международный, а американский характер.

Вчера Остин критиковал предложения Советского Союза по установлению контроля над атомной энергией и, в частности, предложение о том, чтобы контрольный орган имел право делать рекомендации Совету безопасности о мерах предупреждения и пресечения в отношении нарушителей конвенции о запрещении атомного оружия и о контроле над атомной энергией. Остин предпочитает обходиться и в этом случае без Совета безопасности, как это имеет в виду тот же американский план. Он утверждал в то же время, что такое решение, когда контрольный орган над атомной энергией

будет поставлен вне рамок Совета безопасности, соответствует постановлению Генеральной ассамблеи от 14 декабря 1946 года, хотя в этом постановлении прямо сказано, что этот орган должен быть в рамках Совета безопасности. Правительство США игнорирует этот важнейший факт. Оно, верное своей общей политике, пытается противопоставить Совету безопасности и в этом вопросе какой-нибудь другой орган. В одном случае оно пытается противопоставить Совету безопасности так называемый межсессионный комитет. В другом случае Совету безопасности противопоставляется какой-то международный контрольный орган, который учреждается вопреки решению Генеральной ассамблеи от 14 декабря 1946 года не в рамках Совета безопасности, а вне рамок Совета безопасности.

Абсурдность такого предложения настолько очевидна, что совет ассоциации английских учёных-атомников в своём меморандуме от 20 января прошлого года по этому поводу говорил следующее: «Не может быть двух независимых органов, ответственных за проведение в жизнь международных соглашений. Поскольку орган по контролю над атомной энергией не может заменить Совет безопасности, то в вопросах политики он должен быть подчинён руководству Совета безопасности. Ясно, что орган по контролю над атомной энергией не может взять на себя функцию определения нарушения и наказания за нарушение соглашения».

7. НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДЛОЖЕНИЙ БОЛЬШИНСТВА АТОМНОЙ КОМИССИИ

Внимательное изучение предложений большинства атомной комиссии убеждает нас в том, что эти предложения не гарантируют не только реальности запрещения, — если бы это даже было принято, — и уничтожения атомного оружия, но они не обеспечивают мер и против утайки атомных материалов или против захвата атомных предприятий со стороны государств, стремящихся к агрессии, о чём особо говорится в принятом докладе. Ведь немисливо предположить, что международный контрольный орган, который расположил бы свой аппарат на территории какого-либо государства, мог бы взять на себя охрану атомных предприятий на территории этих государств и чтобы такая охрана могла помешать государствам, стремящимся к агрессии, осуществить захват атомных предприятий.

Нереальность такого решения задачи, в сущности говоря, подтверждает и первый доклад атомной комиссии, из которого позвольте процитировать следующее место: «Политические и общие соображения, — говорится в этом первом докладе, — являются самыми главными в вопросе мер предосторожности против захвата. Никакие технические меры, повидимому, не могут предотвратить захват страной, которая решилась на агрессию; никакие мероприятия, которые могут быть проведены международным органом, не могут дать полного удовлетворения с точки зрения безопасности». И дальше: «Главнейшие вопросы, связанные с захватом, носят скорее политический, чем технический характер».

Следовательно, два главнейших положения, на которых поконтся план, предложенный большинством атомной комиссии во главе с представителями Соединённых Штатов Америки,—предотвратить утайку атомной энергии и предотвратить захват в целях агрессии обогащённого ядерного горючего или захват заводов, производящих ядерное горючее, или захват рудников и других средств производства атомной энергии,—являются несостоятельными. Несостоятельность этих положений не может не признать самый доклад атомной комиссии, который, конечно, предпочёл избрать более завуалированную форму этого признания. Но это не меняет дела. Этот американский план нарушает основные принципы организации Объединённых наций, игнорирует решения Генеральной ассамблеи, не налагает на государства никаких строгих международных обязательств в связи с немедленным запрещением атомного оружия. Этот план не гарантирует результатов, к достижению которых он должен был бы стремиться, хотя этот план и пытается обосновать свои положения научно-техническими соображениями. Но чтобы было ясно, какое значение этим научно-техническим соображениям придаёт большинство атомной комиссии, следует напомнить о первом докладе относительно научно-технического аспекта проблемы контроля, где указывается, что широкое исследование технически возможных методов контроля неизбежно ведёт к рассмотрению проблемы не технического, а политического характера. Это обстоятельство является, в конце концов, решающим при выборе той или другой системы международного контроля над атомной энергией, что, конечно, не исключает необходимости учитывать и научно-технические требования.

Что касается предложений Советского Союза, то они исходят из основной предпосылки возможности достигнуть соглашения по вопросу об установлении атомного контроля в международном масштабе, причём этот контроль должен быть установлен на основе точного выполнения принятых организацией Объединённых наций решений.

Советский Союз считает, что принятие его плана, предусматривающего заключение конвенции о запрещении атомного оружия и конвенции о контроле над осуществлением этого запрещения, будет существенным вкладом в дело укрепления международного мира и безопасности.

Критики предложения о запрещении атомного оружия и, в частности, представители Соединённых Штатов Америки, во-первых, пытаются аргументировать свои возражения тем, что это будто бы явится для США «односторонним разоружением», и, во-вторых, запугивают мир возможностью нарушения этой конвенции со стороны государств, стремящихся к агрессии.

Первое возражение не выдерживает критики в силу того, что предложение о запрещении атомного оружия касается всех государств, а не только США, избавляет их всех от угрозы атомной войны и обеспечивает для них всех международную безопасность. Пытаясь аргументировать свои возражения ссылками на возможность нарушения конвенции о запрещении атомного оружия, авторы

американского плана о контроле тем не менее все свои предложения по контролю над атомной энергией, включая и мероприятия против атомного сырья, утайки и захвата атомных предприятий, строят по существу на принципе международных обязательств, которые каждое из государств должно взять на себя по конвенции. Но, как указывалось уже выше, план США не обеспечивает предотвращения угрозы утайки или захвата со стороны государства, которое стремилось бы к агрессии и к злоупотреблению атомной энергией.

Третий доклад атомной комиссии говорит совершенно ясно о том, что авторы американского плана исходят из того, что «захват должен быть признан всеми странами серьёзным нарушением договора». Но, признавая необходимость, чтобы государства — участники договора или конвенции о контроле взяли на себя международные обязательства рассматривать захват как серьёзное нарушение международного договора со всеми вытекающими отсюда последствиями, правительство США в то же время отказывается от того, чтобы это же требование-применить и в отношении запрещения использования атомной энергии в военных целях.

Должно быть каждому ясно, что если захват атомного сырья или атомного предприятия должен быть признан всеми странами серьёзным нарушением договора, а это, конечно, так, то подготовка к указанному захвату, попытка применить атомное оружие в военных целях в результате такого захвата должны рассматриваться как тягчайшее международное преступление, как серьёзнейшее нарушение конвенции о запрещении атомного оружия. Взятие на себя всеми государствами — участниками конвенции обязательства о запрещении атомного оружия явилось бы серьёзнейшим международным обязательством, с которым не могло бы не считаться ни одно государство, участник такого соглашения. Запрещение атомного оружия поэтому является наиболее важной международной задачей. Задача организации международного контроля над атомной энергией должна быть подчинена этой задаче. Международный контроль должен обеспечить выполнение этой задачи. Запрещение атомного оружия, взятие на себя всеми государствами — участниками конвенции обязательства по конвенции о запрещении атомного оружия поставит цель и придаст смысл системе международного контроля над атомной энергией, придаст силу и основу для деятельности самому международному органу контроля над атомной энергией.

Задачи международного контрольного органа должны состоять в том, чтобы обеспечить выполнение государствами — участниками конвенции взятых ими на себя обязательств по недопущению использования атомной энергии в военных целях.

В свете изложенного становится очевидным несостоятельность и непоследовательность позиции Соединённых Штатов, которые объявляют захват атомных предприятий серьёзным нарушением международного договора, но уклоняются от того, чтобы признать применение атомного оружия, — для чего, конечно, и осуществляется или может быть осуществлён этот захват, — ещё более серьёзным международным преступлением. То сопротивление, которое оказывалось американским представителем в атомной комиссии советскому пред-

ложению о заключении конвенции относительно запрещения атомного оружия, свидетельствует, что у правительства Соединённых Штатов нет желания пойти на практическое установление международного контроля, первым шагом которого должно явиться запрещение атомного оружия, изъятие его из национальных вооружений, как этого требует резолюция Генеральной ассамблеи и как этого требует совесть народов, не могущих примириться с тем, чтобы атомное оружие и другие виды оружия, пригодного для массового истребления, применялись в военных целях. Маскируя своё нежелание запретить изготовление и применение атомного оружия, авторы плана Баруха и американская пропаганда распространяют лживую версию о том, что будто бы Советский Союз уклоняется от признания необходимости контроля над производством атомной энергии. Эта сеющая враждебные чувства к Советскому Союзу пропаганда распространяется, несмотря на то, что, как мы уже упоминали, ещё два года тому назад Генералиссимус Сталин, о чём я уже говорил, заявил, что над производством и использованием атомной энергии «нужен строгий международный контроль».

Разумеется, принятие всеми государствами международных обязательств является серьёзной уступкой части суверенных прав каждым отдельным государством в пользу международного контрольного органа. Однако советский план контроля оставляет за каждым суверенным государством право самому решать, как использовать атомную энергию, равно как и осуществлять исследования по использованию атомной энергии, но лишь в мирных целях. Производство исследований для использования атомной энергии на разрушительные цели советским планом запрещается. Этим советский план также в корне отличается от плана, поддерживаемого большинством атомной комиссии, который не стесняется заявить, что за международным контрольным органом остаётся право производить исследования по использованию атомной энергии также в разрушительных целях. Об этом напечатано чёрным по белому и в первом и в третьем докладах атомной комиссии.

Таким образом, международный контрольный орган, который учреждается для того, чтобы не допустить использование атомной энергии в военных целях, получает сам, как собственник предприятий по производству атомной энергии, право производить исследования по усовершенствованию атомного оружия. Это ли не доказательство прямого издевательства над смыслом и духом постановлений Генеральной ассамблеи от 24 января и 14 декабря 1946 года?

Советский Союз не может отдать себя и свою экономику на милость такого международного органа, который будет поступать так, как потребует большинство этого органа, считающееся со своими целями, со своими интересами, органа, где сильно будет, конечно, влияние той политики, которая откровенно признаёт, что внимание в области атомной энергии сейчас должно быть сосредоточено, и сосредоточено в действительности, на использовании атомной энергии в военных целях. Сопrotивление США запрещению атомного оружия и использования атомной энергии в военных целях и бешеная гонка атомного вооружения разоблачают полностью

намерения правящих кругов Соединённых Штатов Америки. Их единственным желанием является сохранить как можно дольше в своём распоряжении атомное оружие с целью использования этого оружия в качестве средства давления на другие страны и народы для осуществления своих экспансионистских планов. Они возлагают на атомную бомбу свою последнюю надежду, строя агрессивные планы с иллюзиями на их выполнение даже при таких обстоятельствах, когда весь народ или подавляющая часть народа нападающей страны — против войны, против затеваемой реакционной верхушкой военной агрессии.

8. СОВЕСТЬ НАРОДОВ ТРЕБУЕТ ЗАПРЕЩЕНИЯ АТОМНОГО ОРУЖИЯ

Народы мира, по нашему глубокому убеждению, не могут мириться с таким положением. Совесть народов не может мириться с намерениями тех, кто пытается сохранить и использовать в военных целях атомное оружие — оружие нападения, оружие агрессии, оружие массового уничтожения людей. Организация Объединённых Наций должна поэтому принять немедленные и эффективные меры к тому, чтобы покончить с атомным оружием и другими видами массового уничтожения людей и устранить угрозу использования атомной энергии в целях массового истребления мирного населения.

Вот почему советская делегация не может согласиться с проектом резолюции, представленным канадской делегацией. Она не может согласиться и с теми выводами и рекомендациями, которые делаются большинством атомной комиссии и Совета безопасности и сводятся к тому, чтобы прекратить дальнейшую работу в этой области. Наоборот, нужно продолжать эту работу, нужно усилить её, нужно ещё больше сделать усилий к тому, чтобы найти путь к решению этой великой и опасной задачи, этой опасной проблемы, для того, чтобы человечество могло действительно считать себя гарантированным от всех ужасов войны, которые связаны с атомным оружием.

Вот почему советская делегация категорически возражает и будет возражать против этого, я бы сказал, «капитулянтского плана», который предложен большинством атомной комиссии. Капитулянтский план — план капитуляции перед трудностями, перед которыми мы находимся, решая эту важную проблему. Мы против капитуляции перед этими трудностями, и нам стыдно, что здесь, в атомной комиссии, имеется большинство, готовое капитулировать перед ними вместо того, чтобы преодолеть эти трудности и решить ту задачу, которую мы обязаны решить во имя действительного прогресса человечества, во имя действительного мира, во имя действительной безопасности народов.

РЕЧЬ А. Я. ВЫШИНСКОГО

НА ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕЕ ООН
О ЗАПРЕЩЕНИИ АТОМНОГО ОРУЖИЯ
И СОКРАЩЕНИИ ПЯТЬЮ ВЕЛИКИМИ ДЕРЖАВАМИ
ВООРУЖЕНИЙ НА ОДНУ ТРЕТЬ

(7 октября)

25 сентября делегация СССР, по поручению советского правительства, внесла на рассмотрение Генеральной ассамблеи предложение сократить вооружённые силы и вооружения пяти великих держав на одну треть в течение одного года, запретить атомное оружие и учредить орган контроля за выполнением этих постановлений. Уже в этом первом своём выступлении на Генеральной ассамблее делегация СССР изложила мотивы, которые побудили советское правительство внести эти важные предложения. Советское правительство, внося эти предложения, следует своей неизменной политике борьбы против всяких планов и мероприятий, направленных на создание раскола между народами, борьбы за осуществление демократических принципов послевоенного мира, за безопасность народов.

Политика Советского Союза — это неизменная и последовательная политика расширения и укрепления международного сотрудничества. Такая политика определяется самой сущностью, характером, природой Советского социалистического государства рабочих и крестьян, в высокой степени заинтересованных, как и миллионы простых людей всего мира, в сохранении и укреплении мира и безопасности народов. Советский народ, героически отразивший нападение коварного врага, изгнавший из пределов своей земли немецко-фашистских оккупантов и вот уже три года все свои силы отдающий на заживление нанесённых ему войной ран, на восстановление разрушенного в оккупированных вражескими войсками районах СССР народного хозяйства, на дальнейшее развитие и укрепление экономической мощи Советского государства, особенно заинтересован в сохранении устойчивого, прочного мира во всём мире. Вот почему Советский Союз систематически и настойчиво ведёт работу в пользу мира, против попыток зажечь новую войну, чреватую величайшими бедствиями для всего человечества.

Эту политику мира и последовательной упорной борьбы против всякой агрессии, против военного психоза, особенно широко подогреваемого реакционными кругами США, против военных авантур, против войны в любой части света советское правительство ведёт с самого начала своего существования, с первых дней перехода власти в нашей стране в руки рабочих и крестьян, последовательно и неутомимо ведёт борьбу за мир и безопасность народов. В старой Лиге наций Советский Союз неуклонно вёл линию борьбы против войн, за разоружение и сокращение вооружений, проявляя в этом вопросе со своей стороны постоянную инициативу и настойчивость, поддерживая инициативу в этой области, проявляемую некоторыми другими государствами. Напомним, что ещё в 1927 году

Советский Союз ставил в Лиге наций вопрос о всеобщем разоружении, а когда такое предложение не встретило должной поддержки со стороны большинства членов Лиги наций, Советский Союз поставил вопрос о сокращении вооружений. Так, в 1927 году на первом заседании 4-й сессии комиссии по разоружению, на котором тогда впервые присутствовала советская делегация, Советский Союз сделал предложение о необходимости немедленного всеобщего и полного разоружения. Тогда рассмотрение этого вопроса было отложено до следующей сессии.

В феврале 1928 года советская делегация направила в комиссию свой проект конвенции о немедленном всеобщем и полном разоружении, в котором конкретизировала предложения советской делегации от 30 ноября 1927 года. Однако и этот проект не встретил поддержки со стороны комиссии, которая отклонила советский проект конвенции о полном разоружении и отложила рассмотрение другого проекта, представленного советской делегацией, а именно — проекта о сокращении вооружений наполовину для больших стран и на $\frac{1}{3}$ и $\frac{1}{4}$ для меньших, до следующего раза. 6-я сессия комиссии по разоружению, открывшаяся в апреле 1929 года, отклонила и второй советский проект о сокращении вооружений, хотя и обязалась внести на рассмотрение конференции второй советский проект, а также проект, составленный комиссией в 1927 году. Советская делегация приняла самое активное участие в комиссии по разоружению (1927—1930 годы). Советская делегация делала всё возможное, чтобы добиться положительного результата в работе этой комиссии. Однако этого не получилось. Работа комиссии по разоружению провалилась.

В своём докладе на съезде Советов СССР в 1931 году В. М. Молотов так охарактеризовал положение, создавшееся в результате провала работы комиссии по разоружению:

«Несмотря на все попытки советской делегации добиться действительного сокращения вооружений, комиссия в своей работе — если в данном случае уместно употребить слово «работа» — исходила из другого, исходила из того, чтобы словами о разоружении прикрыть бешеный рост вооружений».

В. М. Молотов показал, что за время четырёхлетнего существования подготовительной комиссии вооружение капиталистических государств не только не сократилось, но значительно возросло. «Итоги работ последней сессии подготовительной комиссии по разоружению, выраженные в составленном ею проекте и объяснительном докладе, сводятся к отказу от всякого ограничения одних видов вооружения и к оправданию сохранения и увеличения других видов вооружения. Полным издевательством над самой идеей разоружения является принятие по предложению американской делегации решение, дающее право каждому государству, когда оно само признает наличие обстоятельств, угрожающих его «безопасности», превышать установленные конвенцией нормы вооружений, лишь уведомляя об этом прочих участников конвенции, которые, естественно, в свою очередь, не преминут воспользоваться этим обстоятельством для увеличения собственных вооружений».

Уже тогда были совершенно очевидны безрезультатность всех происходивших до того комиссий и совещаний по вопросу о разоружении или сокращении вооружений и тот быстрый рост новых вооружений во всех капиталистических государствах, который свидетельствовал, что эти государства не заинтересованы в действительном укреплении дела мира, что с их стороны, наоборот, делается всё для того, чтобы подготовить и развязать новые империалистические войны.

Обращаясь вот к этим историческим фактам, которые напомнить сейчас мне представляется в высокой степени уместным, чтобы извлечь из этого надлежащие уроки, нельзя также не напомнить и справедливое замечание В. М. Молотова о том, что «острие и здесь направлено, как это каждому видно, против Советского Союза».

Постигла неудача и международную конференцию по разоружению в Женеве в 1932 году. Франция вновь настаивала на гарантиях безопасности. Представители Франции вновь выступали с предложениями создать при Лиге наций международную армию. Позиция английской делегации не отличалась ясностью, хотя одно было для всех очевидно — под влиянием гитлеровской демагогии на этой конференции по разоружению одни старались вооружить Германию против Франции, другие — против СССР.

Французские требования дополнительных гарантий безопасности отвергались английской делегацией, поскольку она опасалась, что осуществление французских требований может укрепить позиции Франции, что было тогда не выгодно Великобритании. Что касается США, то американский представитель Гибсон выступил с предложением сократить сухопутные силы до уровня, необходимого для охраны внутреннего порядка. Известно, что первая сессия этой конференции закончилась, в сущности говоря, ничем. Подводя итоги дискуссии о разоружении, нельзя не отметить, как это сделал итальянский делегат Гранди, что морские державы требовали разоружения на суше, а сухопутные — разоружения на море. Именно этого требовал американский план, как он был сформулирован в декларации Гувера, предлагавшего сократить вооружение сухопутных войск, но сохранить морские вооружения в размерах, обеспечивавших интересы морских держав.

Нет необходимости подробно излагать все перипетии этого вопроса, как он проходил в Лиге наций, но достаточно указать на то, что все усилия советского правительства обеспечить успешное решение этой задачи, хотя бы задачи частичного сокращения вооружений, не встретили поддержки в Лиге наций, так как миролюбивые предложения советского правительства были не в интересах правительств таких влиятельных в то время государств, определявших судьбы тогдашней Европы, как Великобритания и Франция. Уже тогда в этом отношении определилась картина, весьма напоминающая то, что мы видим сейчас, в организации Объединённых наций, когда советское правительство делает новые усилия к тому, чтобы провести мероприятия, которые уменьшили бы в максимальной степени опасность войны и обеспечили бы сохране-

ние мира и безопасности народов, и когда эти благородные начинания и стремления встречают упорное сопротивление со стороны значительного числа делегаций и в том числе не второстепенных, и даже больше — в том числе некоторых руководящих делегаций. Уже тогда, 20 лет тому назад, советским предложениям о сокращении вооружений противопоставлялась формула, которую дал тогда глава французской делегации, председатель иностранной комиссии французской палаты депутатов, член II Интернационала, неизвестный Поль-Бонкур, формула, которую и сейчас с ученическим прилежанием повторяют гг. Бевин, Спаак и другие, а именно: «Сначала безопасность, потом разоружение».

Теперь эта формула несколько изменена. Теперь она гласит: «Сначала гарантии безопасности, а потом сокращение вооружений».

Но что такое гарантии безопасности? О чём, в сущности говоря, идёт речь? Почему от этих гарантий безопасности ставится в зависимость сама судьба проблемы разоружения и запрещения атомного оружия?

И здесь нам придётся допустить небольшое отступление в историю. Что это за гарантии безопасности? В эпоху Лиги наций французское правительство (Поль-Бонкур, например) понимало под гарантиями безопасности такие договоры, как Локарнский, которые должны были гарантировать не только границы Франции, но и границы её восточных союзников — Польши и Чехословакии. Но о том, дали ли эти договоры действительно какие-либо гарантии подписавшим их государствам, можно судить по достойному вечного позора Мюнхену, когда была предана Чехословакия. «Мюнхен» открыл ворота форсированному маршу войны на Восток, против Советского Союза. Вот что представляет собой сущность так называемых договоров, гарантирующих международную безопасность. Этот «Мюнхен» развязал руки разбойничьей гитлеровской клике, подтолкнул агрессора на военную авантюру. Таким образом, были созданы политические условия, необходимые для «объединения Европы без России». Мюнхен создал эти условия объединения Европы без России — положение, весьма напоминающее нынешнее международное положение, когда, как 20 лет назад, создаются под руководством США блоки объединения Европы без Советского Союза, направленные, как это доказал в своём выступлении на Генеральной ассамблее г-н Спаак, против Советского Союза, хотя он немало употребил слов, целые фонтаны слов, для того, чтобы утопить в этих словах действительный смысл своего выступления.

Вот к чему свелись эти так называемые гарантии безопасности, о чём сейчас упоминают любители военных авантур, которые многое забыли и ничему не научились. Английская позиция (лорд Кашенден-Макнейл, тогдашний товарищ министра иностранных дел, пришедший в 1927 году на смену лорду Роберту Сесилю — английскому представителю в Лиге наций) выражалась иной формулой: «Сначала разоружение (с оговоркой — сухопутное), потом безопасность». Но это, увы, было мимолётное увлечение логикой и истиной, оно скоро прошло, и на смену появилась вновь французская формула — «Сначала гарантии безопасности, потом разоружение».

или сокращение вооружений». Это, по мнению английской делегации, никак не должно было относиться к морским вооружённым силам, о разоружении которых Англия и слышать не хотела. Разоружение же в области сухопутных сил было вызвано стремлением удовлетворить требования доминионов, видевших в сокращении и тем более в разоружении в отношении сухопутных вооружённых сил средство избавления от тяготивших их обязательств по Локарнскому договору в отношении европейских стран.

Но уже в 1934 году английское правительство (Гендерсон) на конференции по разоружению перешло на французскую позицию. Гендерсон объявил, что именно проблема национальной безопасности является «корнем всего вопроса разоружения».

Что касается США, то США отказались вообще принять какой-либо проект контроля под руководством Лиги наций. Особое удивление они делали и тогда на вопросе о гарантиях безопасности.

Это было 20 с лишним лет тому назад. Но вот прошли эти 20 лет, и собралась 3-я сессия Генеральной ассамблеи, и наступил день 27 сентября 1948 года. На этом заседании Генеральной ассамблеи выступил английский министр иностранных дел г-н Бевин, который опять-таки выдвинул ту же самую формулу, имеющую уже серьёзный 20-летний стаж, — «Сначала — безопасность, потом сокращение вооружений».

Что касается других ведущих ораторов на Генеральной ассамблее, то нельзя пройти мимо речи Спаака. С этого я и должен начать.

В связи с советским предложением о запрещении атомного оружия и установлении международного органа контроля г-н Спаак выступил с большой речью. Он заявил, что речь советского делегата свидетельствует о незнании настоящих целей Бенилюкса и, в частности, Бельгии. Так ли? В своей речи 25 сентября я говорил, что такие договоры, как договор о военном союзе западных стран — Англии, Франции, Бельгии, Голландии, Люксембурга, — могут в равной мере быть направлены против тех государств, которые были союзниками во второй мировой войне. Я указывал, что во всей английской, французской, американской печати открыто говорят, что военный союз пяти западных стран направлен против СССР и стран новой демократии. Я это готов повторить и сейчас.

Что же ответил на это Спаак? Опроверг он это утверждение? Привёл ли он какие-либо факты в доказательство того, что этот договор пяти держав имеет целью оборону? Нисколько! Никаких фактов. Одна риторика, одна истерика по поводу какого-то страха, во власти которого находится г-н Спаак и, вероятно, его единомышленники.

Спаак заявил, что он не знает страны, не знает ни одной политической партии, ни одного ответственного политического деятеля, ни одного человека, имеющего какое-либо влияние на общественное мнение, и т. д., которые говорили бы, что Бельгия добровольно участвует в кампании подстрекательства и подготавливается к агрессивной войне. Это, конечно, не соответствует ни в какой мере действительности, ибо такие партии есть — это, во-первых, та

партия, к которой принадлежит сам г-н Спаак; ибо такие общественные деятели имеются — это, раньше всего, проповедники и пропагандисты военно-политического союза пяти западных государств.

В своей речи от 28 сентября г-н Спаак ясно дал понять, что этот союз создан против СССР.

С другой стороны, я спрошу вас — покажите мне хотя бы одну строчку в советских газетах, выступление хотя бы одного из деятелей, одного из представителей советской культуры, науки, искусства, которые где-нибудь, когда-нибудь хотя бы одним словом обмолвились о том, что СССР собирается напасть на какую-либо другую страну. Спасённая героизмом и жертвами советского народа Западная Европа, в том числе и ваша страна, г-н Спаак, оказывается, охвачена страхом перед... СССР, принесшим великие жертвы миллионами своих сыновей и дочерей во имя освобождения от гитлеровской чумы народов Европы. Дальше такого кощунства некуда идти.

Нам заявил г-н Спаак, что «мы (я не знаю, кто это «мы», — во всяком случае это не бельгийский народ) боимся советской мощи».

Почему же тогда, если вы боитесь советской военной мощи почему вы не поддерживаете наше предложение о том, чтобы сократить эту военную мощь, как мы предлагаем? Но для вас это не подходит, потому что мало уменьшить нашу военную мощь, это требует также уменьшения военной мощи и ваших друзей, а вы этого-то и не хотите допустить.

Г-н Спаак сказал: «Я не питаю слишком больших иллюзий. Я знаю, что завтра утром в одной части международной прессы меня будут называть лакеем Уолл-стрита»... Г-ну Спааку нельзя отказать в дальновидности и проницательности.

Г-н Спаак добавил: «Что меня пугает, так это то, что я отдаю себе отчёт в том, что в настоящий момент человечество знает, что оно должно было бы сделать для своего спасения, что человечество хотело бы сделать это. Однако его трагическая судьба заключается в том, что, кажется, оно не будет способно сделать это».

Что это означает? Не есть ли это плохо замаскированная угроза? Но что же должно сделать несчастное человечество, которое не способно это сделать, как заявил г-н Спаак? Что? На это не последовало ответа. Нельзя считать ответом имитированные охи и вздохи по поводу сложного, трудного, опасного момента.

Перед г-ном Спааком стояла, кажется, ясная задача — определить своё отношение к трём советским предложениям. Но ни одно из трёх предложений не удовлетворило г-на Спаака, употребившего своё красноречие, как мы видели, на совершенно посторонние и ничтожные цели. Он уклонился от того, чтобы принять решение относительно этой важной задачи, поставленной Советским Союзом, предпочёл отделаться общими и мало что значащими фразами.

В сущности говоря, если отрешиться от тех враждебных Советскому Союзу, совершенно нелепых и необоснованных положений, которыми была уснащена эта речь г-на Спаака, то можно сказать, что от этой речи ничего не остаётся. В ней нет, в сущности, никаких заслуживающих внимания в связи с обсуждаемым вопросом

положений. В ней нет никакой попытки внести что-либо своё в дело освобождения человечества от угрозы войны, от ужасов использования атомного оружия, нет попытки положить свой камень в фундамент мира и безопасности народов. Про речь Спаака нельзя даже сказать, что она следовала формуле — «сначала безопасность, потом сокращение вооружений», настолько речь г-на Спаака ничего общего не имеет с задачей укрепления мира и безопасности народов. Она служит прямо противоположным целям. Во всяком случае ясно — представитель бельгийского правительства против сокращения вооружений пятью великими державами, против запрещения атомной бомбы со всеми вытекающими отсюда последствиями, а следовательно, против международного контроля. Речь Спаака в этом отношении была вполне откровенна и не оставляет места для какого бы то ни было недопонимания того, чем дышат те круги, выразителем мнения которых является г-н Спаак.

В сущности говоря, речь Спаака преследовала цель помочь Бевину решить непосильную для них обоих задачу — доказать такой несусветный вздор, как утверждение, что, по концепции марксизма-ленинизма, не может быть никакого сотрудничества между СССР и капиталистическими государствами. Бевин заявил, что всё, что делает в этом отношении советское правительство, является тактикой, манёвром, и в подтверждение этого сослался на цитату из сочинений В. И. Ленина. Бевин умолчал, однако, что эта цитата относится к тому времени, когда отношения между молодой советской республикой и некоторыми странами капиталистического мира, и в том числе с Великобританией и Францией, характеризовались такими историческими фактами, как иностранная интервенция, как военный поход против СССР 14 европейских государств, как вооружённая интервенция государств, в числе которых была и Англия, о чём Бевин предусмотрительно тоже счёл за благо промолчать.

То, что взялся доказывать Бевин, имеет, конечно, свой смысл. Ему нужно было сказать и доказать, что Советский Союз не стремится к международному сотрудничеству и что, следовательно, нет той базы для сотрудничества, которая основывается на состоянии доверия сотрудничающих стран. Эта цель Бевина понятна. Если исключается априорно такое сотрудничество, то, конечно, предложения о таких мерах, как запрещение атомного оружия или сокращение вооружения, теряют смысл, превращаются в простой манёвр. Бевин хотел доказать, что советская внешняя политика и самая концепция марксизма-ленинизма направлены не на сотрудничество между социалистической страной и капиталистическими странами, а на отказ от такого сотрудничества. Вот задача, которую поставил перед собой Бевин. Своими разговорами о страхе этому пытался помочь и г-н Спаак.

Однако можно без труда доказать, что из этой затеи, кроме провала, получиться ничего не могло, даже без того, чтобы противопоставить бевинскому утверждению многочисленные факты и высказывания великого основоположника Советского государства и гениального мыслителя человечества В. И. Ленина.

Если бы г-н Бевин, взявшись рассуждать о концепции марксизма-ленинизма в вопросе о международном сотрудничестве, проявил больше объективности и добросовестности, чем это оказалось в данном случае, то, может быть, он и не пустился бы в столь рискованный исторический экскурс в области марксистской теории.

В самом деле, разве в 1921 году советское правительство, во главе с В. И. Лениным, не принимало мер к тому, чтобы добиться перехода от отношений войны с империалистическими странами к мирным и торговым отношениям? Разве Ленин тогда не говорил, что этот вопрос, и в частности вопрос о торговых сношениях с Англией, стал центральным пунктом советской политики?

Как же взял на себя смелость английский министр иностранных дел, характеризуя позицию советского правительства по отношению к некоммунистическим странам, утверждать то, что он здесь утверждал?

Разве г-ну Бевину не известно высказывание Ленина в 1922 году по поводу Генуэзской конференции?

Ленин тогда говорил: «Мы идем в Геную с практической целью — расширить торговлю и создать условия, при которых бы она наиболее широко и успешно развивалась...» и дальше: «Ведь самые неотложные, насущные, практические и резко обнаружившиеся за последние годы интересы всех капиталистических держав требуют развития, упорядочения и расширения торговли с Россией. А раз такого рода интересы есть, то можно поспорить, можно похвастаться, можно разойтись в разных комбинациях — весьма даже правдоподобно, что доведется разойтись, — а все же, в конце концов, эта основная хозяйственная необходимость сама себе проложит дорогу... можно довольно уверенно сказать, что развитие правильных торговых сношений между советской республикой и всем остальным капиталистическим миром неизбежно пойдет дальше».

Разве в том же 1922 году Ленин не говорил: «Мы стоим на дороге, совершенно ясно и определенно очерченной, и обеспечили себе успех перед государствами всего мира, хотя некоторые из них до сих пор готовы заявлять, что садиться с нами за один стол не желают. Тем не менее, экономические отношения, а за ними отношения дипломатические налаживаются, должны наладиться, налаживаются непременно. Всякое государство, которое этому противодействует, рискует оказаться опоздавшим и, может быть, кое в чем, довольно существенном, рискует оказаться в невыгодном положении».

Обратясь к сочинениям Ленина, вы найдёте там множество такого рода высказываний, в которых сформулированы основные принципы советской внешней политики.

Вот линия советской внешней политики, проводившаяся Советским государством под руководством Ленина и Сталина в те годы, о которых упоминал в своей речи Бевин. Это дало основание тогдашнему высшему законодательному органу Советского Союза — II съезду Советов СССР — констатировать в 1924 году по поводу установления дипломатических отношений между СССР и Англией, что этот акт явился результатом «усилий миролюбивой политики

советского правительства под руководством В. И. Ленина, и громко выраженной упорной воли английского народа, явилось, наконец, установление нормальных отношений между двумя странами в форме, достойной великих народов обеих стран и закладывающей фундамент для их дружественного сотрудничества». II съезд Советов СССР заявил, что «сотрудничество народов Великобритании и Союза Советских Социалистических Республик неизменно останется одной из первых забот Союзного советского правительства».

И разве г-ну Бевину не известно заявление Генералиссимуса Сталина в 1947 году в беседе со Стассеном, когда, говоря о сотрудничестве двух разных систем, И. В. Сталин сказал: «Впервые мысль о сотрудничестве двух систем была высказана Лениным. Ленин — наш учитель, — говорит И. В. Сталин, — а мы, советские люди — ученики Ленина. Мы никогда не отступали и не отступим от указаний Ленина. Возможно, что он, И. В. Сталин, сказал, что одна система, например, капиталистическая не хочет сотрудничать, но это относилось к области желаний, а не возможности сотрудничать. Что же касается возможности сотрудничать, то он, И. В. Сталин, стоит на точке зрения Ленина о возможности и желательности сотрудничать между двумя экономическими системами. Равным образом, что касается желания народа и коммунистической партии в СССР сотрудничать, то такое желание у них имеется. Бесспорно, такое сотрудничество будет лишь полезно обоим странам».

Так обстоит дело с попыткой Бевина подорвать доверие к Советскому Союзу, с попыткой «теоретически» обосновать фальшивый тезис о том, что руководители Советского государства якобы отрицают возможность сотрудничества советской и капиталистической систем. Бевин попросту смешал вопрос о возможности сотрудничества двух систем с вопросом о желательности такого сотрудничества. Что касается СССР, то, как это видно из неоднократных авторитетнейших заявлений по этому вопросу руководителей Советского государства, позиция СССР в этом отношении ясна. Но любители мутить воду не унимаются, пускаясь на всякие трюки и подтасовки фактов. Они пытаются во что бы то ни стало сорвать сотрудничество с Советским Союзом, прикрыть своё нежелание такого сотрудничества ложными ссылками и извращениями исторических фактов.

Естественно, что в таких условиях не могло быть успешных результатов от работы комиссии по общему регулированию и сокращению вооружений, которая год тому назад приступила к своей работе в соответствии с резолюцией Генеральной ассамблеи от 14 декабря 1946 года.

Выступая на 1-й сессии Генеральной ассамблеи в защиту своего предложения о всеобщем сокращении и регулировании вооружений, министр иностранных дел В. М. Молотов особо подчёркивал, что устав организации Объединённых наций уполномочивает Генеральную ассамблею рассматривать общие принципы сотрудничества в деле поддержания международного мира и безопасности и называет в том числе прямо статью 11 устава, в том числе принципы,

определяющие разоружение и регулирование вооружений, и даёт в отношении этих принципов рекомендации членам организации или Совету безопасности или членам организации и Совету безопасности действовать в соответствии с указанным.

Устав организации Объединённых наций предусматривает также создание военно-штабного комитета, на который возлагается, между прочим, во-первых, давать советы и оказывать помощь Совету безопасности по вопросам, относящимся к военным потребностям Совета безопасности, и, во-вторых, в числе этих вопросов также указываются вопросы, относящиеся к регулированию вооружений и к возможному разоружению.

Таким образом, ясно, что вопрос о сокращении вооружений и даже, как это гозорится в уставе организации Объединённых наций, о возможности разоружения относится к области важнейших принципов организации Объединённых наций, во имя реализации которых организация Объединённых наций, следуя своему уставу, обязана работать.

Следует признать, заявил на 1-й сессии Генеральной ассамблеи В. М. Молотов, что пришло уже время принять определённые решения по осуществлению этой задачи.

«Нельзя забывать,— говорил в упомянутом выступлении В. М. Молотов,— что, если наряду с заявлениями о миролюбивой политике, те или иные государства не только не сокращают свои вооружения, но, наоборот, увеличивают их, как в количественном, так и в качественном отношениях, народы вправе усомниться в искренности миролюбивых деклараций».

Внося на 1-й сессии Генеральной ассамблеи своё предложение о всеобщем сокращении вооружений, советское правительство исходило из того, что принятием решений по этим предложениям Генеральная ассамблея действительно сделала бы чрезвычайно важный шаг вперёд в деле укрепления мира и безопасности народов. В ответ тем, кто выдвигает требования раньше обеспечить коллективную безопасность, обещая только после этого приступить к разоружению, В. М. Молотов указывал на неправильность такого рода рассуждений, ибо всеобщее сокращение вооружений под руководством организации Объединённых наций, говорил он, несомненно укрепит международную безопасность.

«Следовательно,— говорил В. М. Молотов,— именно те, кто заботится о международном мире и безопасности, и должны стремиться к осуществлению всеобщего сокращения вооружений. В противном случае, ссылки на необходимость укрепления всеобщей безопасности служили бы только прикрытием для тех, кто в действительности не признаёт необходимости всеобщего сокращения вооружений».

Несмотря на активные усилия представителей Советского Союза продвинуть работу по сокращению вооружений, положительных результатов эта работа не дала, и спустя полтора года после начала работы этой комиссии нам приходится констатировать провал работы этой комиссии, так же как и провал работы комиссии по запрещению атомного оружия.

Советская делегация уже изложила свою позицию также и по вопросу о запрещении атомного оружия. Я не вижу необходимости во всём объёме излагать этот вопрос снова, потому что это было бы повторением того, что мы уже говорили. Нужно считать, что постановления Генеральной ассамблеи от 24 января и 14 декабря 1946 года по существу предрешили вопрос о запрещении атомного оружия. Тем не менее реализация этих постановлений встречает упорное сопротивление. Рассмотрение в Первом комитете докладов атомной комиссии дало немало примеров упорного нежелания ряда делегаций не только разработать мероприятия и подготовить предложения, направленные на изъятие атомного оружия из национального вооружения, но даже установить действительный международный контроль за недопущением использования атомной энергии в военных целях.

Не случайно ведь, что под влиянием американского правительства большинство атомной комиссии заняло позицию отказа от дальнейшей работы по подготовке мероприятий, предусматривающих изъятие атомного оружия. А сегодняшнее голосование против той части резолюции Эквадора, где говорится о необходимости продолжить эту работу в целях достижения общего соглашения по этим вопросам, свидетельствует о том, что эти-то настоящие цели — достижение сотрудничества, достижение общего соглашения, согласования различных точек зрения — принципиально отвергают представители США и Великобритании, голосовавшие против этого предложения Эквадора.

Между тем решение этой задачи в духе указанных выше постановлений Генеральной ассамблеи является насущной необходимостью, так как атомное оружие является оружием агрессии, нападения, и в дальнейшем производстве этих видов оружия могут быть заинтересованы только те, кто лелеет агрессивные и экспансионистские планы, планы нападения на чужие территории и распространения своего господства на чужие земли. Ибо, кто не собирается нападать на чужие территории, тем не нужно оружие нападения, каким является атомная бомба. Тем, кто не собирается распространять своё господство на чужие земли, тем не нужно это оружие нападения.

С другой стороны, без запрещения атомного оружия и изъятия атомного оружия из национального вооружения нельзя серьёзно говорить и о сокращении вооружений в том или другом объёме. Эти две задачи — запрещение атомного оружия и сокращение обычного вооружения — тесно связаны между собой и требуют совместного решения. Без такого совместного решения этих задач нельзя добиться облегчения тяжёлого бремени военных расходов, становящихся всё более и более непосильными для миллионов и миллионов налогоплательщиков, принадлежащих в своей подавляющей массе к людям, добывающим себе средства к существованию своим трудом.

Советская делегация уже приводила в своём выступлении на Генеральной ассамблее 25 сентября данные, характеризующие гонку вооружений в ряде капиталистических стран и в первую очередь

в США. В дополнение к приведённым уже нами данным, характеризующим рост военного бюджета 1948 года по сравнению не только с довоенным временем, но и с бюджетом 1947 года, а также громадный рост военного бюджета на следующую пятилетку, можно привести следующие данные: по данным официального органа министерства армии США «Арми информейшин дайджест» за август 1948 года, военный бюджет США на 1948/49 финансовый год конгрессом США утверждён в законе 776 в размере 15,2 миллиарда долларов, что составляет 36,1 процента от общего национального бюджета 1949 года. Больше трети бюджета идёт на содержание, увеличение и оснащение вооружённых сил и армии вообще. Причём из общих 15 миллиардов долларов, ассигнованных для этой цели, около 7 миллиардов идёт на воздушные силы, около 4 миллиардов — по бюджету военно-морских сил, 3 с лишним миллиарда долларов ассигнований — на постройку самолётов по закону 547 и остальная часть — оккупационные расходы в Германии. Однако эти цифры ещё не отражают полной картины ассигнований, предусмотренных на военные нужды США на 1948/49 год, ибо сюда не вошли 500 миллионов долларов на нужды комиссии по атомной энергии, 600 миллионов долларов на закупку и создание запасов военных и стратегических материалов, которыми не располагают США и которые требуют импортирования этих материалов, 400 миллионов долларов, ассигнованных на военные расходы и помощь Греции, Турции и Китаю. Но и это ещё не окончательные цифры, так как проектируется дальнейшее увеличение этих статей военных расходов.

Мы вправе поэтому говорить о том, что идёт бешеная гонка вооружений, бешеное и систематическое увеличение военных бюджетов, которые, конечно, всей своей тяжестью ложатся на массы, на миллионы и миллионы простых людей, на трудящееся население. Военные бюджеты США из года в год увеличиваются, в военных бюджетах США из года в год увеличиваются расходы, связанные с производством атомного оружия. Это, кстати сказать, само по себе достаточно красноречиво свидетельствует о действительном отношении правительства США к предложению о запрещении атомного оружия.

Я не могу не напомнить, что на днях агентство Юнайтед Пресс передало сообщение о том, как США планируют производство атомного оружия на 50 лет вперёд. Согласно этому сообщению агентства Юнайтед Пресс, начальники наземных, военно-морских и воздушных штабов считают, что требования обороны атомного века, как они говорят, будут развиваться в течение следующих 50 лет тремя фазами. В течение этих фаз США ставят своей задачей, по сообщениям из американских военных источников, добиться подавляющего превосходства в воздухе и на море, главным образом при помощи атомного оружия. Правительство США исходит из того, что США сохраняют сейчас и сохраняют за собой на длительное время монополию владения атомной бомбой.

Всё это, конечно, не пустые разговоры. Что же получается? С одной стороны, в организации Объединённых наций идут раз-

говору демагогического порядка о разных формах международного контроля, который должен предусмотреть запрещение атомного оружия, а с другой стороны, в канцеляриях и военных штабах не краснобаи, а люди дела разрабатывают планы атомного вооружения на 50 лет вперед. Готовясь к новой войне, они тешат себя вместе с тем надеждой, что Советскому Союзу не удастся в быстрый срок своими промышленно-техническими и военно-техническими успехами ликвидировать эти преимущества и привилегии. Не случайно ведь в Америке циркулирует брошюрка Джона Хогерторна и Элсуорда Реймонда под загадочным заглавием: «Когда Россия будет иметь атомную бомбу?» Эта брошюра преследует цель пропаганды атомной войны, с одной стороны, и, с другой стороны, она пророчествует, что Советский Союз в течение многих лет не сумеет организовать производство атомных бомб.

Все такого рода разговоры не выдерживают никакой критики. Если бы даже запрещение атомного оружия и лишило США каких-то преимуществ или привилегий, то не нужно забывать, что это преимущество возможности массового уничтожения людей. Против таких преимуществ восстаёт человеческая совесть, против таких преимуществ протестует всякий честный человек в любом пункте земного шара, с такими привилегиями или преимуществами, которые Соединённые Штаты Америки боятся потерять в случае запрещения атомного оружия, не может мириться совесть народов, и ликвидация таких привилегий и преимуществ будет всегда оправдана перед всем человечеством, жаждущим мира и проклинающим войну. Так ставится вопрос в советских предложениях.

Таковы мотивы, которыми руководствуется советское правительство, внося на рассмотрение Генеральной ассамблеи свои предложения о сокращении пятью великими державами вооружённых сил и вооружений на одну треть в течение одного года и о запрещении атомного оружия.

Советское правительство ставит задачу сокращения вооружений в более ограниченном виде, предлагая провести это мероприятие лишь в отношении пяти великих держав — постоянных членов Совета безопасности, в руках которых сосредоточена подавляющая масса вооружённых сил и вооружения и которые несут главную ответственность за поддержание мира и всеобщей безопасности.

Мы глубоко убеждены, что проведение в жизнь предлагаемых советским правительством мероприятий должно явиться первым шагом в деле реального обеспечения мира, в деле реального обеспечения безопасности народов.

СОВЕТСКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ — ОСНОВА УКРЕПЛЕНИЯ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ

РЕЧЬ ГЛАВЫ УКРАИНСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ Д. З. МАНУИЛЬСКОГО НА ЗАСЕДАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОМИТЕТА 3-й СЕССИИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ООН

(11 октября)

Три предложения, внесённые на Генеральную ассамблею правительством СССР 25 сентября сего года о запрещении атомного оружия, о сокращении вооружений и вооружённых сил пяти великих держав на одну треть и о создании, в рамках Совета безопасности, международного контрольного органа для наблюдения и контроля за проведением в жизнь указанных мероприятий, представляют собой единое целое. Трудно представить себе такое положение, при котором вооружения так называемого обычного типа были бы сокращены, а атомное оружие, являющееся средством массового истребления мирного населения, предназначенным для целей агрессии, а не обороны, осталось бы вне всякого запрещения и контроля.

Известно, что искусственное разделение на части англо-американским блоком единого комплекса вопросов, охватывающих все виды вооружений, в том числе изъятие атомного оружия из национальных вооружений государств, вело на деле к срыву резолюции Генеральной ассамблеи от 14 декабря 1946 года. Внося своё нынешнее предложение от 25 сентября, правительство СССР исходит из того факта, что представители англо-американского блока прекратили работу атомной комиссии, что завело работу комиссии по обычным вооружениям в тупик. Нынешнее предложение правительства СССР является продолжением той политики мира и сотрудничества, которая нашла своё выражение в известном предложении министра иностранных дел СССР В. М. Молотова от 29 октября 1946 года «О всеобщем сокращении и регулировании вооружений», в советском «Проекте международной конвенции о запрещении производства и применения оружия, основанного на использовании атомной энергии в целях массового уничтожения» от 19 июня 1946 года, равно как и в «Предложениях по установлению контроля над атомной энергией» от 11 июня 1947 года.

Обосновывая предложение о всеобщем сокращении и регулировании вооружений, В. М. Молотов ещё в 1946 году говорил:

«После того как проведено разоружение главных агрессивных стран и приняты меры к решительному ограничению вооружений других бывших вражеских государств, пришло время к проведению мер по всеобщему сокращению вооружений. Проведение этих мер будет укреплять, вместе с тем, уверенность в том, что Объединённые нации, действительно, проникнуты стремлением к прочному

миру. Наконец, сокращение вооружений будет заслуженным ударом по экспансионистским стремлениям тех групп, которые ещё недостаточно усвоили уроки позорного крушения агрессоров в последней войне. С другой стороны, нельзя забывать, что, если наряду с заявлениями о миролюбивой политике, те или иные государства не только не сокращают свои вооружения, но, наоборот, увеличивают их, как в количественном, так и в качественном отношениях, народы вправе усомниться в искренности миролюбивых деклараций».

Эти слова В. М. Молотова звучат особенно убедительно сегодня, когда такая страна, как США, рассчитывает увеличить свои расходы на вооружение с 10,7 миллиарда долларов в 1947/48 году до 22,5 миллиарда долларов в 1952/53 году, когда военные расходы в наступающем 1948/49 году будут больше, чем военные расходы за 19 лет, с 1922 по 1940 годы — вместе взятые, когда, несмотря на окончание войны, промышленность США на 50 процентов загружена военными заказами, когда по инициативе США создаются военно-политические блоки, угрожающие целостности и независимости миролюбивых стран и народов, когда помощь для военных целей иностранным государствам в 1949 году будет составлять около 7 миллиардов долларов в то время, как в 1939 году было затрачено для этих целей всего 19 миллионов долларов («Юнайтед стейтс ньюс энд уорлд рипорт» от 28 мая 1948 г.), когда с трибуны Генеральной ассамблеи г-н Бевин открыто заявляет, что Великобритания сократила расходы на восстановление и переключила их на производство вооружений.

Ни один акт с самого начала существования организации Объединённых наций не подымал так авторитета этой последней, как советское предложение от 29 октября 1946 года, лёгшее в основу резолюции Генеральной ассамблеи от 14 декабря 1946 года.

Миллионы людей во всех концах мира связывали с ним свои надежды на прочный, длительный мир, на быстрое восстановление разорённых фашистской агрессией стран, на рост благосостояния народных масс в результате облегчения налогового бремени, связанного с уменьшением военных бюджетов. Народные массы не могли не видеть, что своими предложениями Советский Союз содействует росту и упрочению международного доверия, уменьшает элемент подозрительности и настороженности различных стран друг к другу и упрочивает у них сознание безопасности, покоящейся не на пышных декларациях, а на основах материального порядка.

Ни одно правительство стран, входящих в организацию Объединённых наций, не решилось выступить против этого благородного почина советского правительства, не рискуя разоблачить себя в глазах общественного мнения как противника мира и безопасности. Резолюция Генеральной ассамблеи, в основу которой легли предложения Советского Союза, была единогласно принята 14 декабря 1946 года всеми членами организации Объединённых наций. Однако, несмотря на это единогласие, советское правительство не могло не учитывать, что предложение о сокращении и регулировании вооружений натолкнётся на сопротивление и противодействие тех финансовых групп в отдельных странах, которые рассматривают войну как

прибыльное предприятие, обеспечивающее высокие дивиденды, всегда готовых жертвовать делом мира в своих узко корыстных интересах. Опасения советского правительства основывались на двух обстоятельствах: во-первых, на международной практике современных финансовых монополий, непосредственно заинтересованных в экспансионистской политике, в подчинении чужих стран и народов своему контролю, что не может не вести к росту вооружений и не способствовать развязыванию новых захватнических войн; во-вторых, советское правительство не могло также упустить из виду и опыта, который оно имело при обсуждении его предложений о разоружении и сокращении вооружений Лигой наций, как бы предвосхитившей все те дипломатические ходы, манёвры, казуистические подкопы, которые вскрылись впоследствии в Совете безопасности и в его комиссиях при обсуждении советского предложения и которые так широко пускаются в ход на нынешней Ассамблее представителями англо-американского блока.

Многое из того, что здесь говорилось представителями Великобритании, как две капли воды, похоже на те аргументы, которые приводились против советских предложений о всеобщем, а затем частичном разоружении в Лиге наций. И тогда представитель Греции, подобно нынешнему бельгийскому делегату, заявлял, что советские предложения являются не больше как химерой и что эти предложения неосуществимы на практике. И тогда английский консерватор лорд Кашенден говорил то же самое, что сейчас усердно повторяет представитель лейбористского правительства г-н Шоукросс, отыскивая в советских предложениях «скрытые мотивы», «далеко идущие планы», квалифицируя советские предложения, как пропаганду, рассчитанную на человека с улицы. И тогда было немало недобросовестных людей, которые уверяли, что они не знают, что происходит в Советском Союзе и какие замыслы питает советский народ. Всё это не ново и свидетельствует, что нынешние кашендены ничему не научились и ничего не забыли из печальной практики Лиги наций. Хорошо известно, к каким результатам привела эта политика бонкуров, кашенденов: к росту вооружений, срывавшему основы коллективной безопасности, к поощрению агрессоров и, в конечном счёте, к новой мировой войне. Эту гибельную политику копируют и сейчас противники сокращения вооружений, выступая против советского предложения, независимо от того, какими бы манёврами они ни прикрывали свои подлинные намерения.

Нельзя при этом не отметить известного разделения труда между делегацией США и её младшими партнёрами. Всем известно, что США являются очагом военной лихорадки, гонки вооружений и необузданной пропаганды новой войны. Но на Ассамблее делегация США старается в глазах внешнего мира остаться в тени, в то время как представители таких стран, как Великобритания и Бельгия, выступают с наиболее агрессивными речами.

Украинская делегация понимает смысл и значение этого разделения труда, и она сознательно не хочет становиться на тот путь, на который г-ну Шоукроссу хотелось бы повернуть выступления сторонников советского предложения, снизив уровень обсуждения

столь важного вопроса до вульгарных выкриков об обмане, надувательстве, наглости и т. д. Тот, кто прибегает к такого рода приёмам, лишь выдаёт себе свидетельство о бедности своих аргументов и о полной необоснованности своей позиции. Люди, сознающие свою правоту, оперируют логикой и говорят фактами, не считаясь с тем, приятны или неприятны эти факты для кого бы то ни было.

Когда мы говорим о поджигателях войны, мы цитируем заявления, даём имена, указываем даты, не считаясь с положением лиц, которые безответственно бросают призывы к новой войне. Когда мы говорим о росте вооружений, мы даём цифры, указываем источники, ссылаемся на официальные документы, и, конечно, это звучит более убедительно, чем нервноистерические речи, которые произносились здесь людьми, выступавшими против сокращения вооружений и запрещения атомного оружия. Можно обижаться на людей, но нельзя обижаться на истину и факты, так как обижаются на истину только те, кто находится с нею в неладах, негодуют на факты те, кто привык их извращать. Если мы вынуждены касаться выступлений представителей делегации Великобритании, то лишь постольку, поскольку они выражали точку зрения стоящей за их спиной делегации США.

Английская делегация, извращая факты, утверждала здесь устами своих представителей, что советское предложение неприемлемо для неё потому, что правительство СССР добивается якобы только декларативной резолюции о запрещении атомного оружия и сокращении в течение одного года на одну треть вооружений и вооружённых сил, но в то же время закрывает свою дверь на замок от всякого контроля за выполнением этой резолюции в случае её принятия.

Так ли обстоит дело? Если бы противники советского предложения не занимались демагогической декламацией, а заглянули в текст советского предложения от 25 сентября, они прочли бы в нём, что правительство Советского Союза стремится в целях «наблюдения и контроля за проведением в жизнь мероприятий по сокращению вооружений и вооружённых сил и по запрещению атомного оружия учредить в рамках Совета безопасности международный контрольный орган».

И это предложение не случайно, оно связано теснейшим образом со всей позицией правительства СССР, которую выразил Генералиссимус Сталин 23 октября 1946 года. Эту же позицию отстаивал В. М. Молотов на Генеральной ассамблее в 1946 году и неоднократно представитель Советского Союза в Совете безопасности, в частности 5 марта 1947 года.

Ещё в июне 1947 года правительство СССР предложило учредить, в рамках Совета безопасности, международную комиссию по контролю над атомной энергией, располагающую своим инспекторским аппаратом, организованным на международной основе, облечённую правом производить как периодические, так и специальные обследования и имеющую право доступа на любое предприятие по добыче, производству и хранению сокращения вооружений обычного типа. Равным образом в отношении сокращения вооружений обычного типа предложение Советского Союза, внесённое в июле 1948 года,

предусматривало в пункте 4, что «для обеспечения проведения мероприятий по регулированию и сокращению вооружений и вооружённых сил в качестве составной части плана такого регулирования и сокращения должна быть создана, в рамках Совета безопасности, международная система контроля, которая должна защитить государства, выполняющие свои обязательства, от опасности нарушений и уклонений от выполнения соглашения по сокращению вооружений». Таковы факты и документы, а не голословные утверждения людей, привыкших произносить легковесные речи в надежде, что им поверят на Генеральной ассамблее на слово так же, как и в их собственной стране на собрании единомышленников.

Похоже ли это в какой бы то ни было степени на британский тезис о том, что правительство СССР, внося своё предложение от 25 сентября, хочет обойти вопрос контроля и инспекции?

Но фактическая сторона дела не ограничивается только этими документальными данными. Известно, что представители англо-американского блока не приняли предложений правительства СССР от 11 июня 1947 года об установлении контроля над атомной энергией, так как они добивались и добиваются бесконтрольного производства атомного оружия. Та же участь постигла и советские предложения об установлении международной системы контроля в отношении вооружений обычного типа, так как представители англо-американского блока не хотели ни сокращения вооружений, ни контроля и инспекции над выполнением резолюции от 14 декабря 1946 года.

Однако и это ещё не всё. Известно, что одним из важнейших пунктов разногласий между англо-американской стороной и СССР, в силу которого англо-американская сторона отклонила советские предложения о контроле над атомной энергией от 11 июня 1947 года, был вопрос о том, должна ли конвенция о запрещении атомного оружия, как настаивал Советский Союз, предшествовать установлению контроля над атомной энергией. Американская сторона всячески оттягивала заключение конвенции о запрещении атомного оружия, ссылаясь на необходимость первоочерёдности установления контроля над атомной энергией.

На нынешней Ассамблее делегация СССР в целях достижения соглашения с англо-американским блоком предложила одновременное введение в действие конвенций как по запрещению атомного оружия, так и по установлению контроля над атомной энергией. Это была та реальная основа, на которой можно было достичь соглашения и сотрудничества. Однако американская сторона, следуя своему курсу бесконтрольного производства атомного оружия, отклонила возможность сотрудничества между СССР и США в вопросах атомной энергии и тем самым взяла на себя полную ответственность за использование атомной энергии в военных целях. А сейчас представитель Великобритании, игнорируя этот очевидный для мирового общественного мнения факт, имеет смелость предлагать Советскому Союзу сделать какие-то ещё новые уступки. Но такой образ действий мало похож на сотрудничество, а скорее заслуживает другой квалификации.

Нам говорили здесь, что делегация СССР, внося своё предложение от 25 сентября, не учитывала всей практической сложности частичного разоружения, как, например, вопроса о военном потенциале, о полицейских силах, о диспропорции вооружённых сил в разных странах и т. д. Представитель Бельгии пагетически взывал здесь к теням Лиги наций, которая, как известно, не могла справиться и не справилась с этой задачей. Но если бы противники сокращения вооружений дали себе труд ознакомиться с теми предложениями, которые делались советской делегацией в комиссии по обычным вооружениям, они могли бы убедиться в том, что в ходе работы этой комиссии советская делегация ставила её на практическую и деловую почву. Так, 3 октября 1947 года она внесла проект списка вопросов, который, говоря словами русской пословицы, брал быка за рога. В нём предлагалось: «1. Установление общих принципов сокращения вооружений и вооружённых сил и определение минимальных потребностей для каждого государства по всем видам вооружений и вооружённых сил (наземных, военно-морских и военно-воздушных) с учётом при этом запрещения атомного оружия и других видов вооружений, пригодных для массового уничтожения. 2. Установление общих принципов, которые должны быть положены в основу сокращения производства военной продукции и определение предельной мощности производства военной продукции для каждого государства, имея при этом в виду допущение производства и применение атомной энергии лишь в мирных целях».

Кроме того, этот проект включал в себя вопросы об установлении лимитов для отдельных видов вооружений и вооружённых сил, а также установление лимитов для различных видов военного производства по отдельным странам, определение порядка и сроков приведения уровня вооружений, вооружённых сил и военного производства в соответствие с указанными лимитами и другие важные вопросы.

Как видно из этого, советские предложения шире и глубже захватывали вопросы, связанные с практическим осуществлением сокращения вооружений, чем те скороспелые мысли, которые были брошены на лету некоторыми ораторами, неосведомлённость которых в подобного рода вопросах может конкурировать только с их азартом. Однако, как известно, с этими деловыми предложениями советской делегации не согласились сторонники англо-американского блока, не выдвинув против них никаких серьёзных политических доводов.

Если работа комиссии по вооружениям обычного типа, равно как и её рабочего комитета, не дала никаких положительных результатов, то ответственность за это несёт всецело англо-американская сторона. Уже на первом заседании комиссии от 27 марта 1947 года из выступлений английского и американского представителей было ясно, куда они ведут дело и при помощи какого рода софистики они пытаются сорвать проведение в жизнь резолюции Генеральной ассамблеи от 14 декабря 1946 года.

Вся последующая дискуссия, равно как и внесённая впоследствии объединённая канадско-англо-американская резолюция от

7 апреля 1948 года лишь подтверждали и повторяли ту позицию, которую заняла англо-американская сторона на заседании 27 марта 1947 года. Один этот факт свидетельствует о том, что никакой попытки сотрудничества с советской делегацией, выступившей инициатором предложения о всеобщем сокращении и регулировании вооружений, англо-американская сторона не делала и не сделала. Как это явствует из канадско-англо-американской резолюции от 7 апреля 1948 года, авторы этой резолюции обставили выполнение решения Генеральной ассамблеи от 14 декабря 1946 года рядом таких условий, которые заранее обрекали это решение на провал. Первым условием для проведения в жизнь вышеозначенного решения Генеральной ассамблеи англо-американская сторона ставила наличие международного доверия и безопасности. Однако советское предложение о всеобщем сокращении и регулировании вооружений от 29 октября 1946 года, равно как и предложение правительства СССР от 25 сентября сего года о частичном сокращении вооружений и запрещении атомного оружия как раз и направлены на то, чтобы ослабить напряжённость международной обстановки, подорвать подозрительность в отношениях государств друг к другу и содействовать установлению международного доверия и безопасности.

Международное доверие и безопасность создаются и укрепляются не общими декларативными заявлениями, а такого рода всеми ощутимыми материальными актами, как сокращение вооружений и прекращение изготовления атомного оружия, как неуклонное выполнение устава ООН, как строгое и точное соблюдение договоров и соглашений и вытекающих из них обязательств, что создаёт возможность урегулирования послевоенных проблем на основе заключённых соглашений в Ялте и Потсдаме. Одна отвлечённая формула о международном доверии и безопасности ничего сама по себе не говорит. Весь опыт истории конца XIX и первой половины XX века учит тому, что формула об отсутствии международного доверия всегда использовалась милитаристическими кругами для оправдания гонки вооружений. Тот, кто отклоняет прямые и открытые предложения о приостановлении этой гонки вооружений, тот не укрепляет международного доверия и безопасности, а углубляет и обостряет всеобщее недоверие, сеет семена тревоги и беспокойства у народов. К тому же, если взять формулу международного доверия в строгом и точном смысле этого слова, то можно ли утверждать, что такое доверие существует даже среди тех государств, которые обычно голосуют за предложения, исходящие от правительственных кругов США.

Нельзя думать, что можно создать доверие между государствами политикой неприязни к Советскому Союзу. Такой политикой нельзя создать международного доверия, а можно лишь его разрушить. Политика неприязни к СССР не может быть ни положительным, ни здоровым фактором международной жизни и международного сотрудничества. Такая политика может привести лишь к дезорганизации Объединённых наций, само существование которых немислимо без элементарного доверия государств — членов ООН друг к другу. Также сомнительны и другие условия, выдвигавшиеся англо-амери-

канской стороной как в комиссии по обычным вооружениям, так и в её рабочем комитете.

Выставление этих условий лишь изобличает их авторов в том, что они сознательно и заведомо нагромождают такого рода препятствия, устранение которых зависит исключительно от англо-американской стороны. Англо-американская сторона требует, например, в качестве предварительного условия всеобщего сокращения и регулирования вооружений создания международных вооружённых сил, предусмотренных статьёй 43 устава ООН. Однако известно, что осуществление этой статьи задержалось не по вине советской делегации. Американской стороне так же хорошо известно, как и нам, что советские представители в военно-штабном комитете внесли в целях ускорения и успеха работы военно-штабного комитета по созданию международных вооружённых сил конкретные предложения, обязывающие пять постоянных членов Совета безопасности представить в распоряжение последнего равное по числу и видам вооружений количество вооружённых сил.

Никаких вразумительных объяснений, почему это предложение, основывающееся на справедливом и разумном принципе равенства, было отвергнуто англо-американской стороной, представители последней дать не смогут. Известно, что внесённые ими на рассмотрение военно-штабного комитета предложения не могли служить базой для соглашения, так как они находились в противоречии с уставом ООН.

Американская сторона преднамеренно завышала цифры международных вооружённых сил, чтобы тем самым оправдать гонку вооружений США. Американская сторона без каких бы то ни было на то прав и оснований добивалась, чтобы Соединённым Штатам было отведено господствующее положение в вооружённых силах Совета безопасности, что давало бы им возможность использовать последние для оказания давления на другие страны с целью подчинения их политике США. А теперь англо-американская сторона использует организованное ею невыполнение статьи 43, как повод для срыва резолюции Генеральной ассамблеи от 14 декабря 1946 года.

Или возьмём другой общеизвестный факт: в апреле — мае 1948 года сторонники англо-американского блока внесли в атомную комиссию, а затем и в Совет безопасности предложение о приостановлении работ атомной комиссии. Представитель СССР и представитель УССР решительно возражали и голосовали против этого англо-американского предложения, направленного на саботаж резолюции Генеральной ассамблеи от 24 января 1946 года о запрещении атомного оружия и изъятии его из национальных вооружений государств. А сейчас те, кто построил затор в работе атомной комиссии, вместо того, чтобы возобновить её работу, демагогически ссылаются на организованный ими затор, как повод для того, чтобы отложить в сторону решения о всеобщем сокращении и регулировании вооружений и открыть все шлюзы для новой гонки вооружений в своих странах. Мы попадаем, таким образом, в заколдованный круг, искусственно созданный для того, чтобы сорвать международ-

ное сотрудничество при помощи механики так называемых гарантий доверия и безопасности.

А механика эта чрезвычайно проста. Стоит опытной руке застопорить одну из таких гарантий, как весь механизм гарантий терпит аварию, и на поверхности остаётся лишь одно недоверие, нужное англо-американскому блоку для того, чтобы оставить в силе гонку вооружений и дальнейшее производство атомного оружия. Таковы те нарочито придуманные поводы, ссылаясь на которые англо-американская сторона сорвала выполнение резолюции Генеральной ассамблеи от 14 декабря 1946 года. К тем же приёмам она прибегает и сегодня, добиваясь отклонения предложения правительства СССР от 25 сентября с. г. Но никакими речами нельзя опровергнуть факты и истину. А истина состоит в том, что принятие советского предложения означает, что около 5 миллиардов долларов останется на руках в 1948/49 году у американских налогоплательщиков, что около 140 миллиардов франков, сбережённых на военных расходах, будут содействовать скорейшему восстановлению такой страны, как Франция, что не израсходованные на военные нужды 300 миллионов фунтов стерлингов помогут населению Англии преодолеть быстро послевоенные трудности. Истина состоит в том, что сокращение военных бюджетов пяти крупных государств позволит малым и средним странам, особенно странам, пострадавшим от вражеского нашествия, направить их финансовые ресурсы на подъём их хозяйства и благосостояния их населения. Истиной является также и то, что одна треть контингентов армии и флота сможет вернуться к домашним очагам и к производительному труду. Непреложная истина состоит в том, что международное доверие и безопасность всех государств и всех стран окрепнут и получают твёрдую основу для своего дальнейшего развития. Таковы факты, которые говорят лучше всяких слов в пользу предложения правительства СССР.

Основываясь на выводах, сделанных на основании фактов, делегация УССР будет голосовать за принятие предложения советского правительства от 25 сентября с. г. в непоколебимой уверенности, что, голосуя за это предложение, она голосует за дело мира, против поджигателей войны, за доверие между государствами, против тех, кто культивирует недоверие и подозрительность, за международное сотрудничество, против носителей международного раздора.

О ЗАПРЕЩЕНИИ АТОМНОГО ОРУЖИЯ И СОКРАЩЕНИИ ВООРУЖЕНИЯ

РЕЧЬ А. Я. ВЫШИНСКОГО
НА ЗАСЕДАНИИ ПЕРВОГО КОМИТЕТА ГЕНЕРАЛЬНОЙ
АССАМБЛЕИ ООН

(12 октября)

1. ПОПЫТКА СОРВАТЬ СОВЕТСКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Наши прения по второму пункту повестки дня по поводу предложений, внесённых правительством Советского Союза относительно запрещения атомного оружия, сокращения вооружений и вооружённых сил на одну треть пятью великими державами в течение одного года и относительно установления международного контроля над выполнением этих постановлений, — подходят к концу. И в этом случае мы имеем два лагеря государств, одни из которых последовательно защищают позицию мира и безопасности народов, добиваясь принятия решений, которые явились бы первым шагом в деле действительного сокращения вооружений и вооружённых сил, которые явились бы первым шагом в деле устранения угрозы новой войны, в деле укрепления мира. Другая группа государств продолжает линию, которую она вела и до сих пор и которая характеризуется стремлением во что бы то ни стало отложить, сорвать проведение в жизнь мероприятий по запрещению атомного оружия и сокращению вооружённых сил хотя бы пятью великими державами, как это предлагается Советским Союзом. Нужно ли вновь указывать на то, что позиция этой второй группы держав в корне противоречит принципам, духу, задачам и целям организации Объединённых наций, что она в корне противоречит и тем решениям, которые были уже приняты организацией Объединённых наций два года тому назад и против которых никто, — повторяю — никто не осмеливается выступить открыто, что, однако, не исключает закулисной работы, направленной на срыв указанных исторических постановлений Генеральной ассамблеи.

Советская делегация неоднократно уже указывала на пагубность такой позиции, таящей в себе подлинную угрозу миру и безопасности народов. Тем не менее, сопротивление со стороны этого лагеря предложениям, направленным против гонки вооружений и в пользу укрепления мира, продолжается. При этом выискиваются и придумываются самые разнообразные мотивы и поводы, которыми можно было бы прикрыть своё стремление во что бы то ни стало добиться отклонения предложений Советского Союза. Советская делегация подвергла уже анализу эти мотивы и показала, по крайней мере старалась показать, их полную несостоятельность. И, действительно, разве не бросается в глаза искусственность и надуманность подавляющего большинства мотивов, представленных против предложения Советского Союза, мотивов, которые удивительно совпадают и на

этот раз с тем, что в аналогичных случаях говорилось и раньше на протяжении уже более чем четверти века и говорится всякий раз, когда Советский Союз и дружественные ему государства поднимают свой голос в защиту мира. На этот раз вновь делается попытка поколебать предложения, преследующие цель остановить военную горячку, запретить атомное оружие, сократить вооружённые силы пяти великих держав на одну треть, что, несомненно, имело бы большое значение с точки зрения дальнейшего развития международных отношений в направлении дружественного сотрудничества различных государств, что имело бы, несомненно, громадное значение и с точки зрения ослабления напора со стороны реакционных сил, стремящихся направить это развитие по линии, не имеющей ничего общего с задачами укрепления мира и безопасности.

Поход против советских предложений на этой сессии возглавили, как это бывает часто и в других аналогичных случаях, представители Соединённых Штатов Америки, Великобритании и Франции. Они, как можно судить по тем выступлениям, которые только что прошли перед нами, совершенно распоясались в своих нападках на Советский Союз, а их «спикеры» переходят всякие границы дозволенного. Тон задала английская делегация, представители которой в лице г-на Бевина на Генеральной ассамблее, гг. Макнейла и Шоукросса в Политическом комитете не стеснялись средствами для того, чтобы очернить — я говорю прямо — очернить, оклеветать позицию советской делегации и чтобы таким способом попытаться подорвать доверие к предложениям Советского Союза. Вслед за ними выступили представители французской, канадской, греческой, чилийской, сальвадорской делегаций и ещё кто-то, — это как раз те государства, которые входят в тот другой лагерь, о котором я говорил выше, — в лагерь противников советских предложений, противников мира и всех тех мероприятий, которые предлагаются для того, чтобы укрепить мир, укрепить безопасность народов, ослабить напряжение в международных отношениях, ликвидировать опасность, которая надвигается на нас благодаря линии, занятой Соединёнными Штатами Америки и Великобританией, при поддержке со стороны Франции и Китая. Их выступление завершил г-н Остин, постаравшись подлить ещё больше яду инсинуаций и прямой клеветы в свою речь, направленную не только уже против предложений, фигурирующих сейчас здесь в виде проектов резолюции советской делегации, но направленную против Советского Союза в целом.

Я начну с канадского представителя, который заявил, что каж-
дое мыслящее существо — я говорю его словами — на нашей встре-
военной планете должно помнить, что имеющееся в настоящее
время напряжение создано Советским Союзом, который-де продол-
жает подливать масла в огонь. Канадский представитель договорился
до того, что ответственность за это напряжение якобы лежит на
советской внешней политике тем более, что, как он здесь утвер-
ждает, Советский Союз старается всеми мерами вызвать раздоры
в других государствах. От канадского представителя мы не могли
бы впрочем ожидать ничего другого после того всем известного
«вклада», так сказать, который внесло канадское правительство в

разнузданную кампанию вражды и ненависти к Советскому Союзу, не гнушаясь при этом использовать и различных провокаторов и изменников, которым нет и не может быть места в обществе порядочных людей. Но канадский представитель в этом деле, в этом хоре клеветников и инсинуаторов в отношении Советского Союза, был не одинок; ему подпевали представители Сальвадора, Греции, Франции. Все они старались — в отношении советских предложений и мотивов, которыми мы руководствовались, внося свои предложения, — посеять подозрения, подорвать доверие, извращая действительный смысл и сущность наших предложений, характер и значение которых совершенно ясны и говорят сами за себя. Ведь дело дошло до того, что английский представитель, как это мы слышали из уст генерального прокурора Великобритании г-на Шоукросса, попытался советские предложения, проект советской резолюции о запрещении атомного оружия и о сокращении пятию великими державами вооружений и вооружённых сил изобразить не больше и не меньше, как агрессивный акт. За ним послушно последовал и французский представитель г-н Пароди, который действовал в этом случае также без всяких оснований.

Г-н Шоукросс не постеснялся здесь заявить, что когда советская делегация протягивает оливковую ветвь мира, то она делает это столь агрессивным способом, что как будто рассчитывает отбить у других желание принять её. Видите, даже когда делается такой миролюбивый шаг, как протягивание оливковой ветви, и то в этом будто бы скрываются уже агрессивная цель и намерения. Разве это не карикатура, сработанная генеральным прокурором Великобритании в расчёте на плохой политический вкус своих поклонников?

Но г-н Шоукросс пошёл дальше. Он соблазнился какой-то немецкой поговоркой, которую счёл уместным напомнить именно в связи с нашими предложениями, именно в связи с усилиями, которые мы, меньшинство поборников мира и безопасности народов, делаем здесь для того, чтобы ограничить опасность новой войны, сделать хоть один действительный шаг в направлении укрепления мира, — именно в этот момент по поводу такого рода предложений генеральный прокурор Великобритании счёл нужным напомнить немецкую поговорку, которая говорит: «Или ты должен быть моим братом, или я проломлю тебе голову».

Конечно, криминальный уклон здесь естественен — мы имеем дело с выступлением прокурора, но, позволяете, разве уместно так трактовать, разве добросовестно так трактовать советские предложения, что мы принуждаем людей либо быть миролюбивыми, либо мы угрожаем им «проломить голову»? Разве это не красное словцо, по поводу чего уместно было бы вспомнить русскую поговорку: «Для красного словца не пожалеет и отца».

Г-н Шоукросс сделал попытку обусловить рассмотрение советских предложений и принятие по ним резолюции тем результатом, к которому придёт подкомитет по разработке резолюции относительно докладов атомной комиссии, и он заявил, что английская делегация не займёт никакой окончательной позиции по поводу предложений о запрещении атомного оружия и сокращении вооружений.

и вооружённых сил великими державами на одну треть в течение года, пока не получит доклада указанного подкомитета.

Надо прямо сказать, что такая постановка вопроса свидетельствует о нежелании деловым образом, по-настоящему отнестись к предложениям Советского Союза, что является не чем иным, как отговоркой, как стремлением уйти от решения этой задачи, тем более что действительно такая постановка лишена всякого логического основания.

Чем занимается сейчас подкомитет, который мы избрали по первому вопросу повестки дня Первого комитета? Он занимается выработкой резолюции по поводу трёх докладов атомной комиссии. Примет ли он тот или иной проект резолюции по поводу докладов атомной комиссии,— какое это имеет отношение к принципиальному вопросу о запрещении употребления атомной энергии в военных целях?

По докладам атомной комиссии можно принять любую резолюцию, но вопрос о запрещении атомного оружия никак не может и не будет ею затронут, ибо это не комиссия по выработке конвенции по запрещению атомной энергии для военных целей, ибо это не комиссия по выработке линии Генеральной ассамблеи по поводу запрещения применения атомной энергии в военных целях. Мы можем не принимать никакой резолюции по докладам атомной комиссии, но разве это устраняет возможность или необходимость, целесообразность и разумность принятия резолюции по запрещению атомного оружия? Какая здесь связь? Связь чисто внешняя, притом надуманная, искусственная, я даже не сказал бы формально логическая, потому что даже формальной логики здесь нет. И вот нам предлагают, после того как мы столько времени потратили на обсуждение советских предложений и ряда других предложений, которые обильно были представлены здесь другими делегациями, нам говорят, что мы не будем ничего решать, пока нам подкомитет не доложит, как он решит относительно докладов атомной комиссии, как будто бы это и есть существо дела и как будто это в какой-то мере относится к существу тех предложений, которые внесла на рассмотрение Генеральной ассамблеи советская делегация по поручению советского правительства.

Вот почему я говорю, что с такой постановкой вопроса согласиться нельзя. Это отводный канал, чтобы куда-то сплавить этот вопрос, по крайней мере до того момента, который покажется моему уважаемому соседу справа г-ну Шоукроссу удобным. Английская делегация старается предупредить развитие событий, подготовить почву для того, чтобы использовать затруднения в вопросе о разработке конвенции по контролю для удара по предложению о запрещении атомного оружия. Иначе я не могу понять ту часть выступления г-на Шоукросса, где он, не стесняясь в выражениях, заявил, что советские предложения сформулированы,— он так сказал, я даже не поверил сначала своим ушам,— в провокационном тоне...

Но разберёмся по существу. Какие же доказательства Шоукросс привёл против этого будто бы провокационного тона советской резолюции? Он нашёл два основания: первое — это тот параграф

преамбулы предложений советской делегации от 25 сентября, где говорится, что до сего времени практически ничего не сделано по проведению в жизнь решений Ассамблеи от 24 января и 14 декабря 1946 года.

Вот, оказывается, такое заявление и даёт нашей резолюции тон. Но разве в действительности мы не констатировали, что работа атомной комиссии упёрлась в тупик? Хорошо, мы расходимся в том, какие причины этого, кто виноват. По-вашему — мы, по-нашему — вы. Но вопрос заключается в том, что же мы имеем налицо? Каков результат 30-месячной работы атомной комиссии? Мы объективно и спокойно констатируем — политического результата нет. И нам говорят — это провокация.

Провокационный тон рассердившийся английский прокурор усмотрел и в последнем параграфе советских предложений, где эти предложения мотивируются целью укрепить дело мира и устранить угрозу новой войны, разжигаемой экспансионистскими и другими реакционными элементами. Это — второе основание для обвинения нас в провокационном тоне. Но будете ли вы, г-н Шоукросс, отрицать, что существуют в мире реакционные элементы, разжигающие войну? Вы отрицаете, что существуют такие группы, которые разжигают войну? На чём же основывается в таком случае резолюция, которая была принята в прошлом году Генеральной ассамблеей, осуждающая пропаганду войны? На чём же она была основана или это была ошибка?

Мы считаем, что это не было ошибкой. Мы приводили факты, мы и сегодня приведём факты, которые говорят о том, что имеются не только отдельные люди, а целые группы и определённые круги, которые являются реакционными, которые носят с идеей мирового господства, которые пытаются осуществить это мировое господство, зажечь новую войну, которые сейчас подстрекают к этой новой войне. Что же здесь провокационного? Какая тут провокация? В нашей резолюции констатируется только факт, который нельзя отрицать. Если бы вы сравнили, скажем, с нашей резолюцией резолюцию, представленную великобританской делегацией, то вы увидели бы, что в этой резолюции что ни параграф, то обвинение, которое бросают меньшинству комиссии. Что ни абзац, что ни параграф, то обвинение. И после этого нам говорят, что вот этот тон, в котором составлен проект резолюции великобританской делегации, — это лойяльный тон, а тот тон, в котором составлен проект советской резолюции — где нет ни одного выпада, — это провокационный тон. Это значит действительно говорить на разных языках.

Первый и второй параграфы проекта советской резолюции, как я указал, объективно констатируют факты, против которых бесспорны злоба, ненависть, клевета, брань. Ведь все эти выраженьица, которыми так щедро пересыпал свою речь г-н Шоукросс, потеряв всякое душевное равновесие, были, очевидно, предназначены для того, чтобы вывести нас из себя, чтобы дискредитировать если не самые наши предложения, то по крайней мере делегацию, которая внесла эти предложения. Вот почему опять слышатся те же самые

уже навязшие в зубах стандартные и враждебные Советскому Союзу бредни относительно «железного занавеса» и прочих антисоветский вздор.

2. МАНЁВРЫ ФАЛЬСИФИКАТОРОВ.

Задача наших оппонентов, как всегда, судя по их выступлениям, заключается в том, чтобы попытаться доказать, что Советский Союз вообще против всякого международного сотрудничества и соглашений с другими державами, что Советский Союз вообще смотрит на это сотрудничество как на какой-то тактический приём, что в действительности Советский Союз находится в состоянии войны со всем миром, маскируя это словами о мире. Вот концепция, которую здесь очень примитивно излагали господа англичане и американцы и, в частности, г-н Остин. Чтобы доказать это, понадобилось попытаться извратить ряд фактов, касающихся основ советской внешней политики. Признаться, мне немного не по себе, когда меня тянут на путь теоретической дискуссии о марксизме и ленинизме в Политическом комитете. Я понимаю, что, в сущности говоря, Политический комитет не для этого создан. Но если требуют этой дискуссии, если навязывают нам такую дискуссию, мы принимаем её.

Если, например, лавры г-на Бевина, пустившегося в теоретическое исследование ленинизма, не дают покоя г-ну Макнейлу или не дают покоя также и г-ну Остину, то я готов пойти им навстречу в этом вопросе. Давайте, поговорим, посмотрим, что из этого выйдет.

Вот г-н Макнейл, защищая, как он сказал, своего шефа, пустился в рассуждение относительно одной цитаты из сочинений В. И. Ленина о трудном восхождении на неисследованную гору. Иногда — говорил Ленин — бывает необходимо итти не прямым путём, а зигзагами и пробовать различные направления. Я надеюсь, что шотландцу, как себя очень часто любит именовать г-н Макнейл, хорошо известно, что значит восходить на гору, да ещё на неисследованную гору. И неужели г-н Макнейл никогда не прибегал при таком восхождении к этим так называемым зигзагам, а предпочитал итти напролом, даже с риском проломить себе голову?

Чему же учит ленинизм? Он учит великой истине: нельзя не учитывать обстановки; нужно уметь приспосабливаться к обстановке, нужно уметь лавировать, нужно уметь не только наступать, но и отступать. История настоящих войн показывает, что искусство отступать является величайшим военным искусством. Этим искусством владел в совершенстве Кутузов — и он победил Наполеона. Этим искусством в совершенстве владеет Сталин — и он победил Гитлера. Этим искусством владеют большевики — и они не раз побеждали в борьбе с нашими врагами нашего наиболее могущественного и опасного противника.

Но курьёзнее всего то, что та цитата, на которую сослался г-н Макнейл, имеет прямо противоположный смысл, чем тот, который усмотрел в ней г-н Макнейл. Эта цитата направлена против непонимания необходимости быть гибкими в своей тактике. Наши против-

ники здесь на практике тоже стараются по-своему лавировать, применять свою тактику. Например, им не нравится советская резолюция. По их мнению, она просто нереальна, она бессмысленна, она провокационна. Но ни один из противников нашей резолюции не осмеливается открыто предложить отклонить эту резолюцию. А сирийский представитель почтенный Эль Хури даже сказал, что если бы мы прямо, открыто отклонили такую резолюцию, то мы вызвали бы разочарование во всём мире. Отсюда поиски более гибкого и осторожного решения задачи.

Сегодня бельгийский представитель сказал: нужно мотивировать, почему мы считаем необходимым отклонить советские предложения. Нужно, развивал далее бельгийский делегат свои мысли, чтобы, отклоняя предложения о запрещении атомной бомбы, сказать, что мы вовсе не против запрещения атомной бомбы, иначе мы окажемся в неудобном положении.

Приведённая Макнейлом цитата способна была доказать только одно, а именно, что Макнейл, как он сам это признал, не в ладах с логикой. Что правда, то правда. Однако, если углубляться в область высказываний ответственных руководителей разных стран по поводу международного сотрудничества, то не лучше ли посмотреть, как и что говорили представители английского правительства или английской правящей партии по этому поводу. Не припомнит ли г-н Макнейл, а кстати и г-н Шоукросс, выступление г-на Бевина в палате общин 4 мая 1948 года, когда г-н Бевин говорил, что он всегда считал, что если бы не пришлось иметь дело с коммунистической идеологией, то урегулирование разных вопросов с СССР было бы возможно.

Мы придерживаемся другой точки зрения. Можно иметь разные идеологии, можно иметь разные общественные системы и можно сотрудничать, если уважать друг друга, несмотря на разницу в идеологиях, несмотря на различие в общественных системах. И отсюда наше стремление к сотрудничеству. Мы — меньшинство — хотим этого сотрудничества, добиваемся его. На какой основе? Не на основе диктата. Мы хотим сотрудничества на основе взаимного уважения, доверия, которое вытекает из этого уважения, сотрудничества равного с равным. Дело не в разных идеологиях и не в разном общественном строе. Войны в капиталистическом обществе — это войны между странами с одинаковыми экономическими системами. Генералиссимус Сталин в беседе со Стассеном указывал на то, что «экономические системы в Германии и США одинаковые, но, тем не менее, между ними возникла война. Экономические системы США и СССР различны, но они не воевали друг с другом, а сотрудничали во время войны».

И. В. Сталин говорил: «Если две разные системы могли сотрудничать во время войны, то почему они не могут сотрудничать в мирное время?»... И дальше: «Нужно уважать системы, одобренные народом. Только при этом условии возможно сотрудничество».

Г-н Бевин придерживается, видимо, прямо противоположных взглядов. Чемберлен пробовал договориться с Гитлером. Он пытался это сделать путём тайных переговоров за спиной Советского

Союза, в то самое время, когда в Москве шли переговоры с англо-французской делегацией. Тогда велись переговоры с Гитлером втайне от нас. Гитлера толкали на Восток, на СССР, подстрекая его к новой войне. Это исторический факт. Госдепартамент США сделал неуклюжую попытку фальсифицировать историю, выступив со своим сборником под названием «Нацистско-советские отношения в 1939—41 г.г.» Госдепартамент пытался таким способом очернить Советский Союз.

Советское информационное бюро при Совете Министров СССР ответило на это исторической справкой под заглавием: «Фальсификаторы истории», где показало факты и действительную роль Чемберлена, Даладье, вершителей европейских судеб в то время, роль Соединённых Штатов Америки, которые стояли за их спиной, которые оплодотворили немецкую фашистскую почву миллиардами американских долларов, американским золотом, вспоили и вскормили зверя гитлеровской агрессии.

Нам говорят, что если бы в СССР не было коммунистической идеологии, то с нами могли бы договориться. Это неправильно, во-первых, потому, что капиталистический мир знал войны, и этим войнам не мешало тождество идеологий или близость идеологий воюющих стран друг к другу.

Франко-прусская война — разве она была не между двумя государствами примерно одинаковой политической, социальной и классовой структуры? А первая мировая война — не то же самое? Вторая мировая война — не то же самое? Разве вторая мировая война началась между коммунистическими и некоммунистическими системами? Нет. Она началась в пределах капиталистической системы. Но она потом повернулась своим основным остриём против социалистического государства. И в этом была гигантская ошибка, непоправимая историческая ошибка фашистов, которые попробовали испытать силу Советской страны и закончили это своим катастрофическим поражением.

Конечно, мы были не одни в этой борьбе, и мы отдаём должное тем заслугам, которые имеет перед историей советско-англо-американская боевая коалиция. И это ещё лишний раз доказывает, что разница в системах не может иметь решающего значения там, где имеются общие интересы, выраженные в стремлении людей к миру и безопасности, к демократии, к обузданию агрессора, к ликвидации безумных планов мирового господства и уничтожения независимости других демократических государств.

Как же г-н Бевин может говорить, что если бы в СССР не было коммунистической идеологии, то всё было бы в порядке? Как же, говоря это, г-н Бевин пытается утверждать, что Советский Союз против сотрудничества. Есть книга, написанная теоретиком лейбористской партии Ласки. Книга называется: «Вера, разум и цивилизация». Разве в этой книге мы не читаем следующее: «Несмотря на нашу совместную с русскими борьбу, наших правителей и в Англии и в Соединённых Штатах Америки не покидает известный скептицизм в отношении возможности найти общую основу для постоянного соглашения и взаимопонимания между нами и русскими. Откро-

венно говоря, нашим правителям больше по душе такие люди, как Франко и Салазар, нежели Ленин и Сталин».

К этому прибавить ничего нельзя. Комментариев, как говорится, не нужно. Вы сказали, ваша партия сказала, кто вам ближе. Вам более по душе такие люди, как Франко и Салазар. Что к этому можно ещё прибавить? Г-н Макнейл заявил, что позицию правительства СССР во многих отношениях невозможно предсказать.

В связи с чем это сказано? В связи с нашими предложениями о сокращении вооружений. Но г-ну Макнейлу, может быть, некогда было вооружиться, как он сказал, документацией, за что он уже раз должен был извиняться. Но он должен был бы всё-таки хотя бы у своих экспертов спросить, соответствует ли такое утверждение действительности? Они должны были бы сказать, что это не соответствует действительности. Вот доказательства. Обратимся к вопросу о сокращении вооружений. Советский Союз, даже будучи членом Лиги наций, неизменно ставил вопрос о разоружении или о сокращении вооружений. Известно ли вам это, господа английские делегаты? Если известно, то как же вы тогда позволяете себе говорить об изменчивости советской политики? Нет, наша политика неизменна. Мы против усиления вооружений. Мы против гонки вооружений. Мы против подготовки новых войн, мы за то, чтобы ликвидировать эти войны, хотя мы знаем, что закон капиталистического общества таков, что война является своего рода законом общественного развития капитализма.

Попутно замечу, что это не один порок, не одно несчастье, которое человечеству принёс капитализм, который в своё время был прогрессивным явлением, придя на смену феодализму. Но впоследствии в процессе своего исторического развития он превращается в отрицание прогресса, он отживает, и ему на смену идёт социализм. Не только войны являются спутником капитализма. Спутниками капитализма являются экономические кризисы, безработица, проституция, преступления. Всё это азбука марксизма-ленинизма, который указал путь преодоления пороков капиталистической системы. Но чтобы рассуждать о марксизме-ленинизме, нужно знать, по крайней мере, эту азбуку. Пускай лучше они это сделают без меня.

Сегодня г-н Остин заявил, что он охотно возьмётся за изучение марксизма-ленинизма. Я приветствую это, г-н Остин. Я только очень жалею, что вы выступили сегодня до того, как вы взяли за изучение марксизма-ленинизма. (Смех.) Я предпочёл бы выслушать не до того, а после того, как вы приметесь за изучение. (Смех.) А главное, вы окажетесь тогда в менее смешном положении, чем вы находитесь сегодня, сделавшись жертвой ваших недобросовестных начётчиков, жертвой ваших недобросовестных компиляторов, цитатологов, которые вам подсунули несколько цитат, кстати сказать, начинающихся не с того места, с которого их нужно было бы начинать, и оканчивающихся не на том месте, где их нужно было бы окончить. Это, конечно, ставит человека в смешное положение.

Но вернёмся к г-ну Макнейлу. Макнейл заявил, что позицию правительства СССР во многих отношениях невозможно предсказать. Это неверно. 30 лет уже мы долбим изо дня в день, из года в год,

что надо сокращать вооружения, нужно ликвидировать излишнее вооружение. А нам говорят о нашем непостоянстве. Нет, г-н Макнейл, это очень большое постоянство, и я бы желал, чтобы вы обладали хотя бы некоторой долей этого постоянства. Кстати, следует напомнить, что в 1932 году на Женевской конференции тогдашний представитель США внёс свой проект, в котором предусматривал сокращение так называемого обычного вооружения примерно на одну треть. Этот проект тогда дружно провалили. Вы можете даже заподозрить, что мы, так сказать, стянули у Гувера это предложение. Нет, мы тогда вносили предложения тоже сократить на 50 процентов.

Лишено также основания и другое заявление г-на Макнейла — в отношении проблемы атомной энергии. Два года, начиная с резолюции 1946 года, Советский Союз борется за то, чтобы атомная энергия была запрещена для военных целей. Нам противостоит тысяча отговорок. Мы ищем решения задачи. Мы вносим свои предложения, делаем необходимые уступки в интересах достижения возможного соглашения, но нам говорят: «Почему вы не внесли ваших предложений раньше, почему вы не пришли с этими предложениями раньше?» Когда мы не приходим со своими предложениями, нас спрашивают: «Почему вы не пришли?» Когда мы приходим, нам говорят: «Почему вы пришли?» Такова ваша логика. Мы говорим, что нужно раньше запретить атомную энергию, а затем установить контроль, потому что бессмысленно контролировать то, чего нет. Нам отвечают: «Нет, это неприемлемо. Нужно одновременно». Мы говорим: хорошо, мы согласны, чтобы одновременно были введены и подписаны в действие конвенция о запрещении атомного оружия и конвенция о контроле. Тогда нам отвечают: «Нет, раньше нужно заключить конвенцию о контроле, а потом о запрещении атомного оружия». Что это может означать, как не попытку во что бы то ни стало изыскать новые и новые поводы, чтобы сорвать заключение и той и другой конвенции.

Где идёт дело о судьбах человечества, там невозможно упорствовать, механически отклоняя предложения, которые не затрагивают основных принципиальных вопросов. Мы не видим оснований настаивать во что бы то ни стало на своём там, где не затрагиваются принципы и где можно уступить не за счёт принципиальной стороны дела. Но, когда мы идём на уступки, нас спрашивают, почему же мы не уступали раньше? При этом позволяют себе высказывать всякие подозрения насчёт задних мыслей, которыми якобы руководствуется советская делегация. Позволяют себе намекать на то, что с нами трудно иметь дело ввиду якобы каких-то наших манёвров и т. п.

Не трудно разобраться в том, кто маневрирует, кто руководствуется тайными планами. Остаётся фактом, что советская делегация в интересах возможного достижения соглашения сошла допустить для себя не настаивать на своей первоначальной формулировке и представила формулу, говорящую о том, что конвенция о запрещении атомного оружия и конвенция о международном контроле над выполнением этого решения должны быть подписаны и должны

вступить в силу одновременно. Эта формула даёт полную возможность найти путь к соглашению. Но те, кто решил уклониться от заключения и той и другой конвенции, разумеется, уклоняются и от принятия новой советской формулировки. Они говорят о каких-то ловушках, которые мы расставляем на этом пути, отыскивая новые поводы отклонить советские предложения.

Я должен теперь перейти к замечаниям некоторых делегатов и раньше всего английских делегатов Макнейла и Шоукросса относительно существа предложений, внесённых советской делегацией.

Английский делегат, а вслед за ним и некоторые другие делегаты заявили здесь, что советские предложения являются нереальными. Г-н Макнейл заявил, что советские предложения не являются методом, дающим какую-либо надежду на реальное разоружение. Кстати, г-н Шоукросс и кое-какие другие делегаты, в частности бельгийский делегат, касаясь советских предложений, систематически говорят о разоружении. Но мы не предлагаем никакого разоружения. Мы не предлагаем никакого метода всеобщего сокращения вооружений. Зачем же подменивать одним вопросом другой вопрос?

В советском проекте и в выступлениях нашей делегации совершенно ясно указывается на то, что дело идёт лишь о сокращении вооружений и вооружённых сил на одну треть пятью великими державами. Мы указывали на то, что пять великих держав обладают подавляющей массой вооружений и вооружённых сил, они несут главную ответственность за состояние вооружённых сил и вооружений. Поэтому, поскольку до сих пор не удалось осуществить решения Генеральной ассамблеи о подготовке мероприятий по всеобщему сокращению и урегулированию вооружений, было бы важно, чтобы эту задачу решили, по крайней мере, пять великих держав, что явилось бы первым шагом в деле сокращения вооружений и вооружённых сил. Пять великих держав больше, чем кто-нибудь, должны подумать о тех мероприятиях, которые могли бы содействовать охлаждению всё более и более накаляющейся внешнеполитической атмосферы, о том, чтобы изменить тот международный климат, о котором здесь сегодня говорил один из делегатов. Поэтому было бы совершенно неправильно, было бы извращением советских предложений спорить о том, возможно, реально или нет разоружение тогда, когда речь идёт не о разоружении, а лишь о сокращении вооружений и вооружённых сил на одну треть пятью великими державами.

На наше предложение, чтобы великие державы сократили все свои вооружённые силы — сухопутные, военно-воздушные, военно-морские, — нам говорят, что это невозможно, так как СССР имеет громадные армии и если СССР сократит их на одну треть, то это не будет иметь большого значения. Нам говорят, что не так дело обстоит у других великих держав.

Однако мы, в свою очередь, также можем заявить: у вас громадный военно-морской флот, и если вы его сократите на одну треть, то это тоже будет мало чувствительным, потому что и после сокращения ваш флот останется значительно большим, чем флоты ряда других государств, вместе взятых. Кроме того, вы считаете, что

являетесь монополистами атомной бомбы. Это тоже что-нибудь значит в общем балансе вооружений. Правда, вы не очень надеетесь на себя в этом случае. Но как бы то ни было, предложение сократить вооружённые силы пяти великих держав на одну треть — повторю, пяти великих держав, а не всех 58 государств — членов ООН — нельзя ставить в зависимость от того, как это отзовётся на состоянии вооружённых сил того или другого государства. Сокращение есть сокращение. И поскольку это сокращение для пяти великих держав предлагается произвести в одинаковом объёме, соотношение сил останется тем же, но самый факт сокращения вооружённых сил положит предел гонке вооружений, послужит одним из серьёзнейших факторов укрепления взаимного доверия в международных отношениях.

Но когда мы говорим о сокращении вооружений пяти великих держав, в это время поднимается Люксембург и говорит — я не могу сократиться. Да вас, господа люксембуржцы, никто об этом и не просит, и вы напрасно проявляете беспокойство, так как сейчас идёт речь о вооружённых силах и вооружениях пяти великих держав, а не о всеобщем сокращении вооружений.

Советская делегация уверена, что при желании великие державы без особых трудностей могут разрешить эту задачу, но у них нет этого желания, и я постараюсь дальше показать, почему нет этого желания. Конечно, осуществление сокращения вооружений и вооружённых сил и запрещение атомного оружия связано с целым рядом мероприятий технического порядка. Нельзя отрицать, что здесь возможны и некоторые трудности и что, следовательно, необходимо будет серьёзно поработать над устранением этих трудностей, над тем, чтобы расчистить путь и обеспечить полную возможность добросовестного выполнения принятого решения. Но мы категорически должны отвергнуть всякие намёки на возможность подвоха со стороны Советского Союза, на опасность каких-то ловушек, которые будто бы мы готовим на этом пути, на какой-то обман.

Конечно, те, у кого вся психология строится под углом зрения ловушек, обманов, подвохов со стороны своих партнёров, те и в данном случае не могут отделаться от своей подозрительности. Но никто и не ставит вопроса о том, чтобы просто поверить на слово.

Разумеется, решая такой серьёзный и большой вопрос, как запрещение атомного оружия или сокращение вооружений и вооружённых сил, необходимо предусмотреть все меры, какие должны быть приняты в отношении контроля за проведением в жизнь принятых решений. Я не могу не напомнить ещё раз о позиции в этом вопросе Советского Союза и о заявлении по этому поводу Генералиссимуса Сталина, указавшего на то, что мы стоим за строгий международный контроль.

Против нашего предложения о сокращении вооружений и вооружённых сил пятью великими державами приводятся самые разнообразные мотивы. Здесь выступил представитель Китая, который откровенно заявил, что советские предложения для них не подходят, так как сейчас значительная часть территории Китая занята коммунистическими войсками и что нынешнему китайскому правительству

солдаты необходимы, так сказать, для внутреннего употребления, т. е. для подавления освободительного движения китайского народа. Китайский представитель заявил, что для Китая речь должна идти не о сокращении вооружений, а, наоборот, об увеличении вооружений. Эти соображения показались убедительными сирийскому делегату, он поддержал заявление китайского представителя о необходимости для Китая дальнейшего увеличения вооружений и вооружённых сил.

Однако не надо делать большие усилия, чтобы показать полную несостоятельность возражений китайского представителя. Организацию Объединённых наций не могут интересовать внутренние дела в Китае. Эти вопросы, связанные с внутренним положением в Китае, с происходящей в Китае гражданской войной, не могут служить предметом обсуждения в организации Объединённых наций, поскольку, повторяю, это внутреннее дело Китая.

Поэтому странно было здесь слышать возражение против сокращения вооружений, продиктованное не соображениями внешнеполитического характера, которые только и могут интересовать организацию Объединённых наций. Конечно, если армии используются в качестве полицейской силы и создаются не для защиты границ государства, а для того, чтобы их направлять против собственного народа, трудно в таком случае рассчитывать на сочувственное отношение к предложению о сокращении вооружений и вооружённых сил на одну треть, о чём говорят предложения Советского Союза. Но подумайте, что же получается? Вносятся предложения сократить вооружения и вооружённые силы пятью великими державами на одну треть, что должно явиться первым шагом к сокращению вооружений и что должно послужить важным элементом в деле укрепления мира и безопасности народов. Но вместо того, чтобы сочувственно откликнуться на это предложение в интересах всех миролюбивых народов, начинают доказывать, что это предложение является нереальным потому-де, что вооружённые силы нужны для подавления народно-освободительного движения.

Но были представлены и другие мотивы против советских предложений. И здесь в первых рядах оказалась английская делегация, представитель которой Макнейл выдвинул два основных аргумента, как он сказал, против наших предложений. Первый аргумент: известно, говорил Макнейл, какие средства тратит Великобритания на вооружение и вооружённые силы, какое количество людей стоит под ружьём в Великобритании. Второй аргумент: неизвестно, какое количество средств тратится в СССР на содержание советских вооружённых сил. Известно, какое количество советских вооружённых сил имеется налицо. Поэтому не равны условия. То, что касается Великобритании или США, всем известно: и сколько денег тратится на армию, и сколько солдат имеется в этих странах, и как они вооружены. Что же касается Советского Союза, то якобы ничего об этом неизвестно: ни сколько денег тратится на армию, ни сколько солдат имеется в рядах советских вооружённых сил, ни как и чем вооружена Советская Армия. При таких условиях, говорят, нельзя думать о том, что можно принять предложения Советского Союза.

Г-н Макнейл прямо заявил, что при таких условиях те, кто имеют крупные вооружённые силы, получают от такого метода сокращаться немедленную выгоду, но дал при этом понять, что в этом деле не обойдётся и без представления неправильных сведений, которые к тому же и невозможно будет проверить, т. е. прямо наметнул на какое-то надувательство. Правда, Макнейл тут же заметил, что, несмотря на невыгоды, которые пали бы в таком случае на долю крупных держав, Великобритания готова была бы на это согласиться, если будет выработана соответствующая система инспекции, проверки и контроля.

Но советские предложения в своём третьем пункте как раз и содержат требование учреждения международного контроля.

За чем же тогда стало дело?

При виде, очевидно, невозможности удержаться на этой своей позиции, г-н Макнейл заранее подготавливает пути отступления, пытаясь опорочить самую возможность договориться с Советским Союзом о системе контроля, т. е. сначала говорят: «С вами нельзя разговаривать, потому что вы не признаёте контроля». Когда мы говорим: «Нет, посмотрите, вот тут написано у нас — контроль», нам отвечают: «Да, вы признаёте контроль, но ваша система контроля никуда не годится, примите обязательно нашу систему контроля».

Но как понимать такую постановку вопроса? Разве такая постановка вопроса не свидетельствует о нежелании достигнуть какого-либо соглашения, разве это не даёт основания думать, что если бы советская делегация и согласилась на предлагаемую англо-американцами систему контроля, то они постарались бы найти ещё какой-нибудь довод или повод, чтобы уклониться от достижения соглашения, чтобы отказаться от заключения конвенции относительно запрещения атомного оружия и от решения о сокращении вооружений и вооружённых сил? Ведь не могут же ни правительство США, ни правительство Великобритании рассчитывать на то, что им удастся просто продиктовать свои условия Советскому Союзу? Если они рассчитывают на это, то они проявляют очень большую наивность. Советский Союз не принадлежит к числу таких государств, и советский народ не принадлежит к числу таких народов, которым можно было бы диктовать какие-то условия и требования. Этого нельзя забывать. Мы готовы договориться о согласованном решении самого трудного вопроса, но готовы это сделать на равных началах, исходя из понимания взаимных интересов и при взаимном уважении друг к другу.

Но если нам говорят: примите вот эту систему контроля, когда все предприятия по производству атомной энергии и даже предприятия смежных отраслей промышленности передаются в собственность какому-то американскому сверхтресту под названием «международный контрольный орган», когда требуют, чтобы мы разрешили свободно гулять по нашей земле и заниматься разными «исследованиями», производить всякие аэросъёмки и вообще предаваться занятиям, о которых мы уже имели возможность составить себе представление из диалога, происходившего в американском конгрессе, о чём здесь рассказал польский представитель Кац-Су-

хи,—то на это нужно прямо сказать, что господа американцы и англичане обращаются не по адресу.

Из этого, господа хорошие, ничего хорошего не выйдет. Поэтому мы отклоняем со всей решительностью такую постановку вопроса, которая носит характер диктата, мы не можем согласиться с такой постановкой вопроса, тем более что и система контроля, разработанная большинством комиссии, является неудовлетворительной. Это, как мы уже говорили, не система международного контроля, а способ подчинить американскому контролю промышленность и народное хозяйство других суверенных государств. С этим согласиться нельзя, мы с этим не соглашаемся и не согласимся.

Нам здесь говорил английский представитель, что советские предложения — это несправедливая система количественного разоружения и что опыт работы в штабном комитете не даёт оснований для оптимизма.

Но это заявление нельзя рассматривать иначе, как прямой отказ принять предложение о запрещении атомного оружия и о сокращении вооружений, в которых заинтересованы, однако, — и этого не надо забывать, — миллионы и миллионы людей во всём мире.

Коллега Макнейла Шоукросс вынужден был смягчить, по моему мнению, неблагоприятное впечатление, которое создалось из-за такого заявления Макнейла об его отказе, и этим объясняется, очевидно, то, что он должен был прикрыть отрицательное отношение Великобритании к советским предложениям ничего не значащими общими фразами о стремлении английского правительства к сотрудничеству, о готовности «попробовать ещё раз», не приведёт ли это к какому-нибудь положительному результату. Я не хотел бы брать под подозрение это заявление, но всё же я должен сказать, что одних заявлений, одних общих фраз недостаточно, тем более когда словам и прекрасноречивым заявлениям противоречат факты, всегда оказывающиеся сильнее всяких слов. А факты говорят, что наши предложения пришлись не по вкусу правительствам США, Великобритании и некоторых других стран, находящихся в настоящее время в чадущей военной горячке.

В этой связи нельзя не обратить внимания на опубликованную на этих днях в индийской газете «Нэйшнл геральд» статью, в которой приводится ряд данных относительно накопления богатств в Соединённых Штатах Америки в период первой и второй мировых войн. В этой статье справедливо указывается, что американская промышленность в результате окончания в 1945 году второй мировой войны потеряла наиболее выгодного своего потребителя, потеряла войну, что ввиду этого создалось весьма серьёзное положение, особенно для крупнейших частных военных предприятий. В статье указывается, что между 1940 и 1943 годом одна только фирма «Дженерал моторс» получила военных заказов в переводе на индийские деньги на сумму в чегыре миллиарда рупий. «И вот причина того, что «Дженерал моторс» предпочитает войну миру», — пишет автор этой индийской газеты. «Вот почему, — заключает автор, — сейчас в Англии и в Соединённых Штатах Америки ведётся бешеная кампания разжигания войны». И автор — справедливо на

мой взгляд — добавляет: «Народным массам нужен мир, но это означает банкротство для фирм, работающих на войну» «Я имею основание утверждать, — говорится в этой статье, — что нынешняя кампания разжигания войны культивируется и субсидируется фирмами, заинтересованными в получении военных прибылей»

Я смею думать, что наши предложения не потому встречают сопротивление, что они не реальны, что они бессмысленны, как это здесь неосторожно сказал канадский представитель, говоря о формуле «в рамках Совета безопасности», — о чём я ещё дальше скажу особо, — а потому, что наши предложения расстраивают планы милитаристов, все планы поджигателей войны.

В странах, где идёт бешеная гонка вооружений, где расходуются громадные деньги на изготовление всякого рода новых образцов усовершенствованного оружия, где производятся громадные затраты на военные исследования и всякие военные эксперименты, что сулит миллиарды долларов прибылей капиталистическим монополиям, в этих странах влиятельные круги в штыки встречают всякое предложение, направленное против войны и военных мероприятий. Там в штыки встречают и такие предложения, как те, что представил сейчас Советский Союз в интересах облегчения тяжёлого экономического бремени, лежащего на плечи миллионов и миллионов трудящихся людей. Нельзя, естественно, ожидать сочувствия советским предложениям со стороны тех кругов, где нажива на войне считается такой же добродетелью, как сама война. Есть круги в указанных мною странах, которые заняты совсем другими делами, чем дело укрепления мира и безопасности народов. Как сообщает печать, правительство Соединённых Штатов Америки сейчас занято подготовкой трёх законопроектов, которые в январе 1949 года должны быть внесены в американский конгресс. Эти три проекта следующие: во-первых, проект новых законов о системе «кленд-лиза», согласно которому Соединённые Штаты Америки должны будут поставить Франции, Великобритании и Бенилюксу необходимые вооружения для 25 танковых дивизий. Во-вторых, законопроект об устройстве во Франции, Великобритании, Голландии, Италии, Западной Германии полупостоянных американских баз и о создании совместно с Канадой сети воздушных баз в Норвегии, Гренландии и Аляске. И всё это под предлогом отражения возможных нападений в районе Арктики.

Что же в таком случае можно ожидать от делегаций таких стран, которые представляют правительства, занятые сейчас разработкой вот этих, скажем, трёх и им подобных законопроектов? Эти законопроекты исходят из задач и из стремлений, совершенно противоположных задачам и стремлениям, которые вдохновляют авторов наших предложений о запрещении атомного оружия, о сокращении вооружённых сил и вооружений.

Противники советских предложений в оправдание своей отрицательной позиции приводят самые разнообразные мотивы. Французский представитель г-н Пароди привёл, например, в качестве мотива такое соображение, что разоружаться или не вооружаться — это не простое дело, это опасный риск. Оказывается, разоружиться —

это опасный риск. Он заявил, что Франция взяла на себя такой риск в период между двумя войнами и за это дорого поплатилась. Он добавил, что в это время — речь идёт о 1939 году — Советский Союз сам слишком далеко зашёл в своём желании выиграть время. Вот, оказывается, что сейчас побуждает французское правительство высказываться против советских предложений. По поговорке: «Обжёгся на молоке, дует на воду».

Но французский представитель дал совершенно неправильное освещение исторических фактов; он совершенно извратил историческую перспективу. Дело, конечно, не в риске, который якобы взяла на себя в 1938—1939 году Франция, а дело в той политике, которую вели в то время правительства Чемберлена и Даладье. Известно, что именно эта политика была направлена на то, чтобы отвести от себя угрозу гитлеровской агрессии в расчёте, что мюнхенское и другие подобные соглашения уже открыли ворота Гитлеру на восток, в направлении Советского Союза. Эта политика была политикой провокационного натравливания гитлеровской Германии на Советский Союз, прикрывавшаяся для обмана народов не только фарисейскими фразами о готовности сотрудничества с СССР, но и некоторыми несложными дипломатическими манёврами, призванными скрыть от общественного мнения действительный характер проводимого политического курса. Вот о чём забыл г-н Пароди, когда он говорил о том, что сокращение вооружений является опасным риском.

Противники принятия решения о запрещении атомного оружия и о сокращении вооружений великими державами на одну треть говорят, что, как я уже упомянул, эти решения не реальны. Но это старая погудка даже не на новый лад, а на старый лад. Я напомнил о конференции 1932 года и о предложении американского правительства, когда выставлялись те же самые доводы, когда тоже говорили, что эти предложения не реальны.

Но, когда говорят о нереальности, я спрашиваю: почему 20 лет тому назад возможно было запретить применение на войне удушающих, ядовитых газов, почему 17 июня 1925 года было возможно в Женеве подписать протокол о запрещении использования в войне ядовитых и других удушающих газов, о запрещении ведения бактериологической войны, а в 1948 году нельзя подписать здесь, в Париже, соглашение о запрещении атомной энергии в военных целях?

23 года тому назад 33 государства могли подписать акт о запрещении газовой и бактериологической войн, а в настоящее время, оказывается, Генеральная ассамблея не может принять от имени 58 государств такой акт, который является ещё более значительным, ещё более величественным, ещё более необходимым, ещё более отвечающим требованиям миллионных масс простых людей, совесть которых протестует против использования атомного оружия, предназначенного для массового уничтожения людей, для уничтожения городов. Почему?

3. ЗА СТРОГий КОНТРОЛЬ, ЗА ПРАВДИВУЮ ИНФОРМАЦИЮ

Остаётся ещё вопрос о контроле. Английские делегаты особенно много говорят о контроле, без чего якобы нельзя принять решение о запрещении атомного оружия и о сокращении вооружений великими державами на одну треть.

И здесь повторяется то же самое, что говорилось уже, например, по отношению к использованию атомной энергии. Теперь, ссылаясь на трудности выработки плана о сокращении вооружений великими державами, предлагают, чтобы комиссия по обычным вооружениям начала действовать по стадиям, т. е. сначала бы затребовала информацию о вооружении, а потом бы уже, получив соответствующую информацию, начала бы разрабатывать те возможные мероприятия, которые оказались бы полезными на данные случаи.

Но, если принять этот путь, путь стадий, то это означает ещё больше оттянуть решение задачи и уйти от решения этой задачи.

Мы предлагаем другое. Мы предлагаем принять решение и на основе этого решения заняться разработкой практического и технического порядка мероприятий, которые обеспечили бы проведение в жизнь и контроль за его правильным проведением в жизнь. Наш путь таков. Вот мы, здесь сидящие, давайте решим сократить вооружения на одну треть и поручим выработать соответствующие технические мероприятия. Нам говорят: «Нет, нельзя. Надо собрать информацию».

Вам нужна информация о том, какое имеется количество вооружённых сил, вам нужна информация, где они находятся? Хорошо. Вам нужна информация о том, какие средства тратятся нами на вооружённые силы? На это мы можем ответить уже сейчас. Мы можем сказать: что касается бюджета, ничего загадочного в этом нет. Мы можем удовлетворить любопытство г-на Макнейла и всех остальных и привести цифры и дать необходимые разъяснения.

Что касается Советского Союза, мы можем сказать раньше всего, что в структуре бюджета Советского Союза послевоенного времени отразилась, в общем, конечно, виде, послевоенная перестройка военного хозяйства. Что это означает в цифрах? А вот что: в 1940 году расходы на вооружённые силы Советского Союза составляли 32,5 процента всех расходов бюджета. В 1944 году, в разгар войны, расходы на вооружённые силы Советского Союза составляли 52 процента всех расходов бюджета. В 1946 году (первый послевоенный год) эти расходы составляли 23,09 процента, в 1947 году — 18,4, а в 1948 году — 17 процентов.

Следовательно, послевоенное время в СССР характеризуется снижением расходов на военные нужды и всё возрастающим повышением расходов на нужды развития народного хозяйства.

Вы хотите поставить это под сомнение? Хорошо. Вы сообразите тогда одно. Известно ли вам, какой ущерб принесла Советскому Союзу навязанная нам гитлеровскими разбойниками война? Из-

вестно ли вам, что означают реально и в ценностном выражении, в материальном выражении, тот ущерб и те разрушения, которые были причинены этой войной Советскому Союзу? Известно ли вам, что Советский Союз обязан ликвидировать эти последствия войны, ибо ему нужны жилища, ибо миллионы людей их не имеют; ибо ему нужны заводы, ибо десятки тысяч заводов разрушены; ибо ему нужны железные дороги, ибо десятки тысяч километров путей уничтожены; ибо ему нужны больницы, ибо десятки тысяч больниц сожжены, разграблены и разрушены; ибо ему нужны тракторы, ибо тысячи тракторов были увезены или уничтожены; ибо ему нужны посевы, ибо посевы эти тоже уничтожены, семена погибли; нужны лошади и скот, ибо миллионы лошадей уничтожены.

Всё это надо восстановить. Иначе не может страна жить, дышать, работать, совершенствоваться, двигаться вперёд, а даже самые злые враги Советского Союза не могут отрицать, что мы живём, что мы дышим, что мы работаем, что мы двигаемся вперёд, что мы отстраиваемся, что мы растём. На это нужны средства, и поэтому, когда страна социализма ставит перед собой задачу, выраженную в пятилетнем сталинском плане восстановления и развития народного хозяйства, задачу обеспечить подъём сельскохозяйственного производства, промышленности и средств потребления и на этой основе увеличить довоенный уровень народного дохода за пятилетие почти в полтора раза, создать в стране обилие продовольствия и предметов широкого потребления, обеспечить расцвет материального благополучия народов Советского Союза, отменить нормированное снабжение населения товарами,— что почти уже разрешено сейчас в результате трёхлетней работы по осуществлению нашего пятилетнего плана восстановления,— то это требует средств, гигантских средств, но нет другого источника покрытия этих средств, как тот источник, из которого должны покрываться и военные расходы.

Значит, мы имеем как бы два сосуда, которые наполняются из общего, имеющего определённый объём, резервуара. Если вы наполните больше жидкости в один сосуд, то на долю другого останется меньше жидкости. Два сосуда — военные расходы и остальные расходы, и мы говорим, что массу расходов поглощает задача осуществления плана восстановления народного хозяйства.

Таким образом, подавляющая часть средств в бюджете расходов за последнее время, за послевоенное время, расходуется на мирные, хозяйственные, культурные мероприятия, а расходы на военные нужды уменьшаются и вот дошли до 17 процентов.

А как, позвольте спросить, дело обстоит в Соединённых Штатах Америки? В послании президента Соединённых Штатов Америки Гарри Трумэна конгрессу о бюджете на 1948/49 год говорилось: 79 процентов наших расходов в 1949 бюджетном году непосредственно отражают стоимость войны, результатов этой войны и наших усилий предотвратить будущую войну. Только 21 процент наших расходов предназначен для финансирования правительственной программы в таких областях, как социальное благосостояние, жилищное строительство, просвещение, научно-исследовательская работа, сельское хозяйство, природные ресурсы, транспорт, финансы,

торговля, промышленность, труд, общее управление. Это говорит президент Соединённых Штатов Америки г-н Трумэн в своём послании конгрессу.

А каково положение Великобритании?

По имеющимся данным, военные расходы Великобритании в 1948 году превышают расходы по любой другой статье бюджета. В Великобритании приблизительно один доллар из каждых четырёх долларов дохода будет затрачен в 1948 году на армию, на военно-морской флот и военно-воздушные силы.

Итак, в США военные расходы составляют 79 процентов всех расходов 1949 бюджетного года. В Великобритании военные расходы составляют 25 процентов всех бюджетных расходов 1948 года. В СССР военные расходы составляют 17 процентов всех расходов 1948 года. Факты есть факты. Они говорят, как я сказал уже раз, сильнее всяких слов.

Теперь о вооружённых силах. 27 июня газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала данные, характеризующие численность вооружённых сил Соединённых Штатов Америки. По этим данным, в 1948/49 бюджетном году численность американских вооружённых сил на 25 процентов выше численности американских вооружённых сил 1947/48 года. А что касается численности сухопутных войск, то она увеличилась даже на 44 процента. Так обстоит дело в отношении военных бюджетов и вооружённых сил по трём странам — США, Великобритании и СССР.

Но нам говорят — положите карты на стол. Дайте нам точные данные о количестве вооружённых сил, какими вы располагаете. Ну что же? Мы можем сказать на это одно: если здесь, на Генеральной ассамблее, будет принято положительное решение по предложениям Советского Союза о запрещении атомной энергии для военных целей и сокращения на одну треть пятью великими державами своих вооружений и военных сил, Советский Союз, одновременно с другими государствами, представит сведения и о своих вооружённых силах и о своём вооружении.

При этом следует иметь в виду, что в понятие «вооружённые силы» должны войти все виды вооружения, в том числе атомное оружие и все другие средства массового уничтожения людей.

Но нам говорят, что от нас уже требовали в каком-то комитете информацию о вооружении и вооружённых силах и мы не дали такой информации. Представитель Сирии по этому поводу уже сказал, что требовали такой информации от многих государств, кажется от всех государств, и никто не дал этой информации. Нам это, однако, ставится в вину. Но мы и не обязаны были вообще по любому поводу, в любом комитете давать сведения о том, какое количество у нас вооружённых сил, сколько у нас вооружений. Нет, мы дадим сведения или — как вы говорите — положим карты на стол тогда, когда это будет вызвано действительной необходимостью и будет связано с теми практическими мероприятиями, которые должны следовать за принципиальным решением о сокращении вооружений и вооружённых сил. Вот почему на все эти демагогические крики о том, что ничего якобы не известно ни о наших

расходах на военные нужды, ни о наших вооружённых силах и т. п., мы отвечаем: примите решение о запрещении атомного оружия, примите решение о сокращении великими державами на одну треть в течение одного года своих вооружений и вооружённых сил, и мы дадим вам все необходимые данные о наших вооружённых силах и нашем вооружении, положим, как вы говорите, карты на стол.

4. ГОРЕ-КРИТИКИ СОВЕТСКИХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Я должен теперь перейти к г-ну Остину, хотя предварительно разрешите сказать несколько слов относительно выступления канадского представителя. Канадский представитель разошёлся настолько, что объявил бессмысленной ту часть советской резолюции, где говорится о рекомендации учредить в рамках Совета безопасности международный контрольный орган в целях наблюдения и контроля над выполнением мероприятий по сокращению вооружений и вооружённых сил и по запрещению атомного оружия. Однако он упустил из вида, что эта часть нашей резолюции воспроизводит то, что сказано в пункте 6 резолюции Генеральной ассамблеи от 14 декабря 1946 года, и ничего больше.

Представитель США Остин также недоволен нашим предложением учредить международный контрольный орган в рамках Совета безопасности. Но и он, очевидно, упустил из виду, что, внося такое предложение, советская делегация исходила из решения Генеральной ассамблеи от 14 декабря 1946 года, где прямо говорится, что международная контрольная система должна быть создана в рамках Совета безопасности. Если канадский представитель с такой развязностью здесь заявил, что советская резолюция, требующая учреждения международного контрольного органа в рамках Совета безопасности, является «бессмысленной», то мне остаётся только спросить его, как же канадская делегация голосовала в прошлом за эту «бессмысленную» резолюцию? Или, может быть, эта резолюция стала «бессмысленной» лишь в силу того, что её поддерживает советская делегация? Очевидно, так. Но нельзя же всё-таки так откровенно продемонстрировать свою враждебность ко всему тому, что исходит от советской делегации.

Столь же смехотворны и другие критические замечания канадского представителя. Сей муж заявил, например, что советские предложения не предусматривают международной инспекции. Но, позвольте, откуда этот шум, откуда эти громы и молнии против советских предложений, когда в письме представителя СССР от 5 сентября 1947 года в пункте 1 и в пункте 2 ответов на вопросы прямо говорится, что будут приняты меры по контролю и инспектированию, что инспекция должна носить периодический характер, но что, кроме того, будет возможно производить любое инспекционное действие по решению атомной комиссии, в случае если она признает это необходимым. Читал ли всё это г-н канадский представитель? Если он читал, то как же он тогда повторяет такую —

это уж действительно надо сказать — совершенно бессмысленную ересь. И это называется критикой! И вот с таким развязным видом здесь выступают молодые люди, позволяющие себе наскакивать на советскую резолюцию и заявлять, что она бессмысленна, что она нереальна, что она не содержит в себе того-то и того-то. С такими «критиками» нельзя считаться.

Возражая против предложений, внесённых советской делегацией, указывают на то, что необходимо раньше всего добиться взаимного доверия. Это, конечно, очень важное обстоятельство, так как без взаимного доверия трудно обеспечить сотрудничество, трудно добиться успеха и в стоящей перед нами задаче. Но нам не просто говорят о важности взаимного доверия, а указывают на то, что поскольку представители СССР и дружественных ему государств не соглашаются с предложенной большинством системой контроля, то этим самым они подрывают к себе доверие. Таким образом, выходит, что основным условием доверия, о котором здесь так много говорят, является просто согласие с предложениями большинства. Выходит, следовательно, что меньшинство может заслужить к себе доверие лишь тем, что оно безоговорочно согласится с предложениями большинства. Но разве не вправе в таком случае и меньшинство предъявить такое же требование большинству? Разве меньшинство не вправе в таком случае также ожидать, что и большинство должно признать и согласиться с разумными требованиями меньшинства, без чего и большинство не может заслуживать никакого доверия?

В сущности говоря, рассуждения этих делегаций о доверии, которые только что мы воспроизвели выше, сводятся к простому требованию — подчиниться воле большинства, безоговорочно принять то, что предлагает большинство. Но в международных делах такая постановка вопроса неприемлема. Не может быть никакого сотрудничества между странами, если одни группы государств, сговорившись между собой на основе совместных действий против других государств, не располагающих в данное время большинством, будут требовать от меньшинства безоговорочного принятия их предложений. Повторяю, такая постановка вопроса неприемлема, она противоречит всем принципам международного сотрудничества, она является грубым нарушением всех принципов международного права, она противоречит основному требованию уважения к государственному суверенитету независимых стран и народов.

Но если обратиться к существу вопроса, то что же, в действительности, может помешать доверию в международных отношениях? Имеются ли, действительно, какие-либо факты, на которых можно было бы основывать свои нападки на СССР, якобы подрывающий доверие в международных делах? В самом деле, разве Советский Союз строит военные базы на чужих территориях? Разве Советский Союз окружает Соединённые Штаты Америки, или Великобританию, или какую-нибудь другую страну веерообразной сетью своих военно-воздушных и военно-морских баз, как это делает правительство США по отношению к СССР, что теперь не составляет секрета, что известно всему миру? Или, может быть,

внушает беспокойство то обстоятельство, что советских войск нигде нет в мире, кроме как на его собственной территории и там, где они находятся в соответствии с международными соглашениями, заключёнными к тому же при участии других великих держав? Или, может быть, подрывают доверие по отношению к Советскому Союзу такие внешнеполитические акты советского правительства, как его решение эвакуировать свои войска из Кореи, в то время как в Южной Корее продолжают оставаться американские войска, а американское правительство не проявляет никакого желания выводить свои войска из Южной Кореи одновременно с эвакуацией советских войск из Северной Кореи и, таким образом, уклоняется от прямого ответа на поставленные советским правительством вопросы в его ноте от 18 сентября 1948 года. Таковы факты. Эти факты говорят сами за себя.

Нам говорят представители некоторых государств, что они провели у себя демобилизацию таких-то и таких-то возрастов, но что ничего не известно, как на этот счёт обстоит дело в Советском Союзе, и что при той таинственности, которой якобы окружён этот вопрос в СССР, нельзя требовать, нельзя говорить о каком-либо доверии. Однако такие заявления более чем странны. Или говорящие это представители некоторых государств действительно не знают, что делается на белом свете, и в таком случае они сами и должны нести ответственность за свою неосведомлённость, или они знают, но прикидываются не знающими, чтобы иметь возможность ссылаться на те доводы, на которые они ссылаются, возражая против предложений Советского Союза.

В самом деле, разве не известно, что в июне 1945 года в СССР был принят закон о демобилизации первой очереди тринадцати старших возрастов личного состава действующей армии, которая закончена во второй половине 1945 года? Разве им не известно, что в феврале 1947 года был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР о демобилизации следующих возрастов? Разве им не известно, что в 1948 году был издан Указ Президиума Верховного Совета о демобилизации всех контингентов, призванных в ряды войск в военное время? Как же после этого осмеливаются здесь некоторые говорить о том, что вопрос о демобилизации призванных в ряды Советской Армии во время войны окружён какой-то тайной и что ничего не известно о том, что делается в этой области?

Не ясно ли, что все эти рассуждения лишены всякого основания, что все эти подозрения шиты белыми нитками, что всё это надумано и предназначено лишь для того, чтобы под каким бы то ни было предлогом уклониться от принятия советских предложений. Всё это басни и выдумки, на которых, разумеется, далеко не уедешь.

Есть нечто другое, что мешает установлению доверия в международных отношениях. Это — направление внешней политики таких стран, как США и Великобритания, которая действительно мешает международному сотрудничеству, ибо она направлена на цели, ничего общего не имеющие с этой задачей.

Что же нужно для того, чтобы доверие действительно могло укрепиться в международных отношениях?

Ответ на этот вопрос 26 лет тому назад дал В. И. Ленин в интервью корреспонденту английских газет «Обсервер» и «Манчестер гардиан» Ленин говорил:

«Наш опыт создал в нас непреклонное убеждение, что только громкая внимательность к интересам различных наций устраняет почву для конфликтов, устраняет взаимное недоверие, устраняет опасение каких-нибудь интриг, создает то доверие, в особенности рабочих и крестьян, говорящих на разных языках, без которого ни мирные отношения между народами, ни сколько-нибудь успешное развитие всего того, что есть ценного в современной цивилизации, абсолютно невозможны» (В. И. Ленин, Соч., т. XXVII, изд. 3, стр. 313).

Вот, господа, путь, которым создаётся, завоевывается доверие. Этим путём и следует идти для того, чтобы действительно получить доверие, чтобы сделать это доверие основой в международных отношениях.

5. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ УПРАЖНЕНИЕ АМЕРИКАНСКОГО СЕНАТОРА

Теперь я должен перейти к выступлению сенатора Остина и раньше всего к некоторым его теоретическим упражнениям по поводу марксизма-ленинизма. Г-н Остин, видите ли, недоволен тем, что марксистско-ленинское учение различает войны справедливые и войны несправедливые. Но это так, это действительно так. Марксизм-ленинизм учит, что имеются войны справедливые и имеются войны несправедливые.

Война, говорил г-н Остин, это признанное оружие коммунистического строя.

Нет! Это совершенно ложное и лишённое всякого смысла утверждение.

Советское государство начало свою жизнь покончив с войной, и в течение всех трёх десятилетий своего существования Советское государство последовательно и энергично борется против войн, за мир, за демократию, за безопасность народов. Таким образом, утверждение американского сенатора не имеет под собой решительно никакой почвы.

Г-н Остин цитировал те места из «Краткого курса истории ВКП(б)», где говорится о том, что война является неизбежным спутником капитализма, где говорится о том, что имеются войны справедливые, которые ведутся для того, чтобы освободить народы от капиталистического рабства, и войны несправедливые.

Этими цитатами г-н Остин хотел доказать, что Советский Союз, таким образом, стремится разрушить капиталистические государства и что, следовательно, война «не только рассматривается, как неизбежное явление, а в действительности превозносится вождями Советского Союза».

Но, пускаясь в рассуждения о войнах справедливых и несправедливых по марксизму, г-н Остин предпочёл умолчать о ряде других

совершенно ясных и определённых высказываний классиков марксизма-ленинизма по данному вопросу, так как эти высказывания опровергают измышления господина Остина.

Создатель Советского государства В. И. Ленин говорил:

«Мы окружены людьми, классами, правительствами, которые открыто выражают ненависть к нам. Надо помнить, что от всякого нашествия мы всегда на волоске» (*В. И. Ленин*, Соч., т. XXVII, изд. 3, стр. 117).

И. В. Сталин обращал внимание на то, что международная буржуазия «ненавидит советский строй и ищет случая произвести новую вооружённую интервенцию против Советской страны». Он указывал, что «пока есть капиталистическое окружение, будет и опасность капиталистической интервенции» («История ВКП(б). Краткий курс», стр. 261).

Между тем вся история Советского государства служит ярким подтверждением бесспорности этого положения. Крестовый поход 14 государств в 1918—1919 годах против Советского Союза — это исторический факт. Вторая мировая война и гитлеровское нападение на Советский Союз — это исторический факт; не Советский Союз нападает и строит планы нападения на соседние страны, а капиталистическое окружение угрожает социалистическому государству нападением. Г-н Остин предпочёл также умолчать и о том, что Генералиссимус Сталин в самые первые дни Отечественной войны — этой священной, освободительной войны советского народа против немецкого империализма — говорил, что «немцы ведут теперь войну захватническую, несправедливую, рассчитанную на захват чужой территории и покорение чужих народов. Поэтому все честные люди должны подняться против немецких захватчиков, как против врагов».

В отличие от гитлеровской Германии Советский Союз и его союзники ведут войну освободительную, справедливую, рассчитанную на освобождение порабождённых народов Европы и СССР от гитлеровской тирании. Поэтому все честные люди должны поддерживать армии СССР, Великобритании и других союзников, как армии освободительные» (*И. В. Сталин*, О Великой Отечественной войне Советского Союза, стр. 34).

Я бы спросил г-на американского сенатора, считает ли он, что война демократических государств во главе с англо-советско-американской коалицией против гитлеровской Германии была справедливой войной? Или, может быть, он считает, что разбойничья война гитлеровской Германии против демократических стран была справедливой войной? Что касается нас, то мы на этот вопрос отвечаем: война, которую вели демократические страны против гитлеровской Германии и милитаристской Японии, была справедливой войной. Война, которую вели эти последние агрессивные страны против демократических стран, была несправедливой войной. Но это настолько ясно, что можно было бы на этом вопросе и не останавливаться. Марксизм-ленинизм различает войны справедливые и несправедливые. Этого не понимает, очевидно, г-н Остин или делает вид, что не понимает.

Г-ну Остину не нравятся также и те места, где говорится о том, что мы не пацифисты. Да, мы не пацифисты, мы не вегетарианцы. Если бы мы были пацифистами, нас давно уже пожрали бы гитлеровские полчища. Мы на удар отвечаем ударами и стараемся на один удар ответить тройным ударом. Мы не пацифисты, потому что мы не отрицаем войну справедливую, которая необходима для того, чтобы защититься против агрессора, и об этом мы говорим. Это непонятно и во всяком случае не нравится американскому сенатору. Но это хорошо понятно каждому рабочему и крестьянину, каждому трудящемуся в любой стране.

Сославшись на нашу телеграмму протокольного характера на имя Риббентропа, г-н Остин попробовал повторить эксперимент государственного департамента, выступившего со сборником нацистско-советских отношений в течение 1941 года. Но уже доказано, что этот так называемый сборник представляет собой грубую фальсификацию истории. Если уже касаться периода, предшествующего второй мировой войне, то следует напомнить о той роли, которую Соединённые Штаты Америки сыграли в подготовке гитлеровской агрессии против Советского Союза, в подготовке похода на Восток.

Можно было бы ограничиться тем, чтобы напомнить, что одной из важнейших предпосылок гитлеровской агрессии было восстановление тяжёлой промышленности и военного потенциала Германии, что стало возможным в силу прямой и широкой поддержки гитлеровской Германии со стороны правящих кругов Соединённых Штатов Америки в период после первой мировой войны и до начала второй. Именно Соединённые Штаты Америки помогли гитлеровской Германии создать в короткий срок военные и экономические базы и таким образом вооружили гитлеровскую агрессию.

В этом деле играл видную роль банк Шредера, в котором руководящее положение занимал германский стальной трест, организованный Тиссенем и другими промышленными магнатами Рура; играла видную роль известная адвокатская фирма «Соливан и Кромвелл», возглавляемая Джоном Фостером Даллесом, одним из видных деятелей в области американской внешней политики. Это все факты, от которых некуда уйти.

Г-н Остин, желая подорвать доверие к Советскому Союзу, размахнулся по направлению коммунистических партий и, раньше всего, советской коммунистической партии большевиков. Он процитировал одно место (кстати, он не сказал, откуда оно процитировано, но я знаю откуда), которое он взял из замечательной работы Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Но г-н Остин подал его в извращённом виде. Остин воспользовался шпаргалкой, подготовленной для него малограмотными чиновниками из госдепартамента, которые, разумеется, не разобрались и не могли разобраться в сущности вопроса. Они к тому же выдернули эту цитату из контекста, и потому из такого цитирования ничего не могло получиться, кроме конфуза для Остина.

Приведённая Остином цитата взята из замечательной работы Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». В этом месте

действительно указывается на то, что необходимо уметь противопоставить проискам врагов рабочего класса тактику, которая не пренебрегала бы всякими хитростями, уловками и т. д. Но в этом месте у Ленина говорится следующее:

«Нет сомнения, господа «вожди» оппортунизма прибегнут ко всяческим проделкам буржуазной дипломатии, к помощи буржуазных правительств, попов, полиции, судов, чтобы не допустить коммунистов в профсоюзы, всячески вытеснить их оттуда, сделать им работу внутри профсоюзов возможно более неприятной, оскорблять, травить, преследовать их» (В. И. Ленин, Соч., т. XXV, стр. 198).

Именно этим преследованиям, притеснениям, нападкам на передовых людей рабочего класса ленинизм и учит противопоставить мужество и стойкость, но не только эти качества, а и всякие уловки, хитрости, нелегальные приёмы, чтобы связаться с массами, быть в массах, чтобы бороться вместе с массами и руководить массами. Остин извратил эту цитату, подставив одни слова вместо других, и пытался использовать её для того, чтобы показать моральный уровень тактики и политики передовых рабочих партий.

Тщетная попытка! Речь идёт о борьбе рабочего класса. Речь идёт о применении буржуазней всяких незаконных методов и способов давления, травли и преследования передовых людей рабочего класса и профессионального движения. Этим преследованиям и травле лучших людей рабочего класса ленинизм учит противопоставить мужество, готовность пойти на всякие жертвы, чтобы вместе с рабочими массами бороться за их интересы.

Таким образом, дело идёт о борьбе, а г-ну Остину должна быть известна французская поговорка: «На войне — как на войне». Если буржуазия против рабочего класса пускает в ход всевозможные средства давления, травли, преследований, то разве не естественно, что и рабочий класс прибегает к средствам самозащиты и обороны?

Если уж ссылаться в этом вопросе на марксизм-ленинизм, то следовало бы вспомнить о следующей цитате из указанной замечательной работы В. И. Ленина: «Чтобы уметь помочь «массе» и завоевать симпатии, сочувствие, поддержку «массы», надо не бояться трудностей, не бояться придинок, подножек, оскорблений, преследований со стороны «вождей» (которые, будучи оппортунистами и социал-шовинистами, в большинстве случаев прямо или косвенно связаны с буржуазией и с полицией) и обязательно *работать там, где есть масса*. Надо уметь приносить всякие жертвы, преодолевать величайшие препятствия, чтобы систематически, упорно, настойчиво, терпеливо пропагандировать и агитировать как раз в тех учреждениях, обществах, союзах, хотя бы самых что ни на есть реакционных, где только есть пролетарская или полупролетарская масса» (В. И. Ленин, Соч., т. XXV, изд. 3, стр. 196—197).

Вот чему учит марксизм-ленинизм — это великое учение, это непобедимое знамя рабочего класса, всего трудящегося человечества.

Г-н Остин попытался очернить Советский Союз, подорвать доверие к советской политике, якобы не пренебрегающей и даже

оправдывающей маккиавелевские способы и методы действия. Но пусть лучше посмотрит на самого себя и на своих друзей... Разве г-н Остин и его друзья забыли, как совсем недавно английская разведка выпустила фальшивку, известную под названием «протокол М», чтобы дискредитировать передовых людей в Германии, а вместе с тем и политику Советского Союза в Германии?

Все, вероятно, помнят, что в январе этого года министерство иностранных дел Великобритании распространило через печать таинственный документ под названием «протокол М». Содержание этого протокола было сформулировано в заголовке: «Планы германских коммунистов по организации забастовок в Руре и дезорганизации транспорта в Западной Германии». Когда по этому поводу был спрошен в парламенте г-н Бевин, то он вместо себя послал г-на Макнейла, и вот тогда г-н Макнейл объявил в палате общин, что английское правительство верит в подлинность этого протокола.

Получив эту фальшивку, американские и британские оккупационные власти в Германии использовали её для грубого полицейского произвола, для закрытия газет коммунистической партии, для организации ряда полицейских налётов и разгрома помещений демократических организаций Германии, для запрещения народного конгресса и, наконец, для усиления нажима на профсоюзы. Но 10 апреля 1948 года газета «Нью-Йорк таймс», сославшись на вполне надёжный источник, сообщила, что «протокол М» является подложным.

Руководители английского министерства иностранных дел сначала отказались комментировать это неприятное для них сообщение, и в палате общин был задан вопрос г-ну Бевину сообщить что-либо относительно подлинности документа. Вот тогда-то, 19 апреля, выступил г-н Гектор Макнейл, который признал, что подлинность документа является сомнительной. Когда лейборист Хьюз спросил Макнейла, почему Бевин не мог притти в палату общин и откровенно признать свою ошибку, Макнейл на этот вопрос ничего не ответил, а на дальнейшие вопросы членов парламента повторял: «Тщательное и всестороннее расследование опровергло результаты первоначального, обычного расследования».

Правильно поэтому, мне кажется, газета «Манчестер гардиан», характеризую эту историю, писала:

«Министерство иностранных дел довольно плохо выходит из положения. Оно признало подлинным документ, который даже таким неосведомлённым наблюдателям, как мы, казался сомнительным по самой своей сути. Бевин должен теперь обратить особо пристальное внимание на деятельность некоторых отделений нашей разведки в Германии. Доверчивость является самым плохим из всех возможных пороков разведки. Те, кто позволили убедить себя в подлинности «протокола М», могут быть освобождены от своих обязанностей с тем, чтобы попробовать свои силы на сочинительстве сенсационных детективных романов».

Но, мне кажется, этот совет можно было бы с некоторыми

изменениями также дать и тем, которые слишком доверчиво относятся к такого рода сенсационным открытиям.

К чему я припомнил всю эту историю? Я припомнил всю эту историю для того, чтобы показать, как легко пускаются на всякие подлоги и фальшивки всякие реакционеры, враги демократии и прогресса, преследуя свои политические цели, не стесняясь прямыми преступлениями и применением самых безнравственных и грязных методов борьбы. Поэтому вместо того, чтобы говорить о разных «военных хитростях», которые вынуждены применять в целях самообороны деятели рабочего движения и вообще прогрессивные деятели в капиталистических странах, подвергающиеся всевозможным преследованиям и гонениям, нужно было бы вспомнить о той дьявольской системе подлогов, провокаций, произвола и незаконий, которыми пользуются правящие круги капиталистических стран в борьбе со своими противниками.

Так обстоит дело с попытками Остина использовать марксистско-ленинскую литературу для своих нападок на Советский Союз и советскую внешнюю политику.

Наконец, г-н Остин обрушился со всем негодованием на постановление коммунистической партии Франции, где говорится о том, что французский народ не будет воевать против Советского Союза. Не моя задача здесь выступать в роли защитника коммунистической партии Франции. Она в этом не нуждается. Но я не могу не реагировать на следующее обстоятельство: чем же возмущается, в сущности говоря, г-н Остин? В декларации политбюро, которую я читал, говорится, что готовится война против Советского Союза, война империалистов, и сказано: «Мы в такой войне участвовать не будем, воевать против советского народа мы не будем». Это приводит в раздражение, чуть ли не в ярость г-на Остина. Очевидно ему были бы по душе противоположные призывы — к войне против Советского Союза. Своим возмущением г-н Остин разоблачает себя и тех, кого он здесь представляет.

Мы можем подвести итоги нашей дискуссии. О чём же говорят эти итоги? Мы рассмотрели все «про» и «contra» («за» и «против») в этом деле. Что же может помешать принятию тех предложений, которые представлены советским правительством и принятие которых, как и последующее проведение их в жизнь, не представляет на наш взгляд никаких непреодолимых трудностей?

По крайней мере, всё то, что говорят противники этих предложений, не выдерживает серьёзной деловой критики. Они требуют сначала обеспечить международное доверие, а потом провести в жизнь наши мероприятия.

Но уже указывалось на то, что такое положение совершенно произвольно, ибо само принятие предложений, внесённых Советским Союзом о запрещении атомного оружия и о сокращении великими державами вооружённых сил и вооружений на одну треть, — уже одно такое решение положит и не может не положить прочного основания для международного доверия.

Говорят о контроле, без чего нельзя осуществить советских предложений. Но советские предложения имеют в виду установление международного контрольного органа, который должен явиться важным звеном в системе мероприятий, связанных с осуществлением запрещения атомного оружия и с сокращением вооружений и вооружённых сил пяти великих держав на одну треть.

Нам говорят, что одной декларацией здесь ничего не сделаешь. Это верно. Одно запрещение, одно решение о запрещении атомного оружия, одна декларация не могут избавить человечество от угрозы атомного оружия. Но решение Генеральной ассамблеи, запрещающее атомное оружие, будет могучим стимулом укрепления мира. Такое решение прозвучит великим благовестом мира и войдёт в историю человечества как величайший акт гуманности, цивилизации и сотрудничества народов.

Вот почему советская делегация энергично поддерживает и будет поддерживать свои предложения.

Мы знаем, что ни одна рука не поднимется против наших предложений, ни одна рука тех, кому дороги интересы миллионов народных масс, жаждущих мира и проклинающих войну.

«Известия» № 243 (9773),
244 (9774) и 245 (9775)
от 13, 14 и 15 октября 1948 г.

США СРЫВАЮТ ДОСТИЖЕНИЕ СОГЛАШЕНИЯ О ЗАПРЕЩЕНИИ АТОМНОГО ОРУЖИЯ И УСТАНОВЛЕНИИ КОНТРОЛЯ НАД АТОМНОЙ ЭНЕРГИЕЙ

РЕЧЬ ДЕЛЕГАТА СССР Я. А. МАЛИКА
В ПОЛИТИЧЕСКОМ КОМИТЕТЕ ГЕНЕРАЛЬНОЙ
АССАМБЛЕИ ООН

(18 октября)

Отметив в начале своей речи, что англо-американское большинство подкомитета, разрабатывавшего проект решения по докладам атомной комиссии, проголосовало за канадскую резолюцию, одобряющую рекомендации атомной комиссии и направленную на прекращение работы этой комиссии, Малик сказал:

— Канадская резолюция не соответствует основному требованию, которое с достаточной ясностью выявилось в работе Полити-

ческого комитета и нашло своё выражение в ряде проектов резолюций, в частности в индийском, сирийском, австралийском и отчасти шведском и эквадорском,— не прекращать работы атомной комиссии, а принять меры к тому, чтобы эта работа была продолжена. При этом некоторые проекты, в частности шведский, указывают на необходимость добиться сближения не согласованных до сих пор точек зрения. Подкомитет игнорировал это достаточно сильно выраженное мнение ряда делегаций. Приняв канадскую резолюцию, подкомитет встал на позицию капитуляции перед трудностями, встретившимися в работе атомной комиссии.

Делегат СССР указал, что канадский проект по существу является проектом не только Канады, но и США и Великобритании, которые добивались одобрения выводов и рекомендаций, представленных большинством атомной комиссии, в основу которых положен американский план так называемого международного контроля. Настаивая на безоговорочном принятии этих выводов и рекомендаций, США и Великобритания показали, что они не желают найти базу для продолжения работы атомной комиссии в направлении, соответствующем решениям Генеральной ассамблеи от 24 января и 14 декабря 1946 года.

Малик напомнил, что точка зрения советской делегации на американский план была в полной степени изложена в выступлениях главы делегации А. Я. Вышинского на пленарном заседании 3-й сессии Генеральной ассамблеи и в Политическом комитете. Советская делегация убедительно доказала неприемлемость этого плана, который предусматривает не установление международного контроля над атомной энергией, а бесконтрольное хозяйничанье монополий США в деле производства и использования атомной энергии во всём мире.

Напомнив о том, что подкомитет в течение ряда заседаний игнорировал советский проект резолюции по докладам атомной комиссии и что этот проект был окружён заговором молчания, делегат СССР сказал:

— Согласившись на одновременное заключение и введение в действие конвенции о запрещении атомного оружия и конвенции об установлении международного контроля над атомной энергией, советская делегация сделала большой шаг вперёд к достижению соглашения. Этой уступкой было снято препятствие, которое атомная комиссия усматривала в требовании советской делегации сначала заключить конвенцию о запрещении атомного оружия, а потом конвенцию о контроле. Тем более становится ясным предвзятое и предубеждённое отношение к советским предложениям, проявленное теми, кто отказывается принять предложение СССР об одновременном заключении двух конвенций.

Малик указал, что делегат Индии в подкомитете резонно обращал внимание на то, что если прежде СССР требовал, чтобы конвенция о запрещении предшествовала конвенции о контроле, то теперь он готов принять обе конвенции одновременно. Делегат Индии обратил внимание представителей США и Англии на то, что представитель СССР в подкомитете предложил, не давая ни положительной, ни отрицательной оценки работе атомной комиссии,

принять решение о продолжении её работы и поручить ей выработать обе конвенции. Делегат Индии, видя в этих предложениях СССР благоприятные симптомы, настаивал на том, чтобы попытаться найти основу для согласованного решения. Это он повторил и сегодня.

Однако, заметил Малик, отношение к советским предложениям со стороны представителей США и Англии даёт основания полагать, что достижение согласованных решений не входит в их расчёты.

Советский делегат напомнил о том, что и представитель Китая в подкомитете отмечал, что «новый жест компромисса и примирения со стороны СССР удалил главное и наиболее сильное препятствие в наших переговорах». Делегат Китая напомнил при этом, что он был членом комиссии, которая предложила идею одновременных конвенций.

Таким образом, было вновь подтверждено, что когда СССР предлагал, чтобы запрещение атомного оружия предшествовало установлению контроля над атомной энергией, а англо-американское большинство настаивало на обратном, то часть этого большинства недвусмысленно давала понять, что если бы СССР согласился одновременно заключить две конвенции, то можно было бы найти основу для соглашения. Когда же СССР дал такое согласие, то делегации США и Англии неожиданно стали ещё упорнее настаивать на своей прежней позиции — сперва контроль, а потом, неизвестно когда, изъятие атомного оружия из национальных вооружений. Разумеется, на такой основе нельзя достичь соглашения ни о запрещении атомного оружия, ни об установлении международного контроля над атомной энергией.

Отметив, что представители США и Англии, добиваясь одобрения выводов и рекомендаций атомной комиссии, одновременно добиваются, чтобы в резолюции было упомянуто, что эти выводы и рекомендации будто бы соответствуют полномочиям этой комиссии, Малик указал, что это объясняется тем, что в действительности американский план, принятый англо-американским большинством атомной комиссии, не только не соответствует, но и прямо противоречит решениям Ассамблеи от 24 января и 14 декабря 1946 года.

Делегат СССР напомнил, во-первых, что Генеральная ассамблея 24 января 1946 года поручила атомной комиссии разработать и представить конкретные предложения относительно изъятия из национальных вооружений атомного оружия и всех других основных видов вооружений, пригодных для массового уничтожения. 14 декабря 1946 года Ассамблея признала, что запрещение и изъятие из национальных видов вооружений атомного оружия и других видов вооружений, пригодных для массового уничтожения, является неотложной целью. Между тем атомная комиссия откладывает на неопределённое будущее не только достижение этой неотложной цели, но и рассмотрение самого вопроса о запрещении атомного оружия, оставляя свободу рук тем, кто сейчас бесконтрольно производит и накапливает атомное оружие.

Делегат СССР напомнил, во-вторых, что Генеральная ассамблея поручила атомной комиссии подготовить конкретные предло-

жения относительно контроля над атомной энергией в пределах, необходимых для обеспечения использования её только в мирных целях. Вопреки этому атомная комиссия, основываясь на американском плане так называемого международного контроля, предлагает предоставить «международному контрольному органу» монопольное право производить исследования в области применения атомной энергии в разрушительных целях, т. е. предлагает продолжать и дальше вести работу в области усовершенствования атомного оружия.

Делегат СССР указал, в-третьих, что резолюции Генеральной ассамблеи предусматривают, что обследование (инспектирование) в системе международного контроля является главным средством для обеспечения эффективных мер предосторожности в целях защиты государств, соблюдающих соглашение, от возможных нарушений и уклонений. Вопреки этому атомная комиссия подменяет принцип инспектирования так называемым принципом права собственности международного контрольного органа на всё производство атомной энергии и прежде всего на сырьё во всех странах мира.

Делегат СССР подчеркнул, в-четвёртых, что решения Генеральной ассамблеи предусматривают создание международного контрольного органа в рамках Совета безопасности. Вопреки этому атомная комиссия предлагает систему контроля вне рамок Совета безопасности.

Наконец, делегат СССР показал, что большинство атомной комиссии не остановилось перед прямым извращением в толковании существа резолюции Ассамблеи от 24 января 1946 года. Эта резолюция предусматривает, что работа комиссии по атомной энергии должна производиться отдельными этапами. Извращая это положение, комиссия предлагает всю систему контроля над производством атомной энергии построить по принципу этапов или стадий, причём в качестве первой стадии предлагается ввести контроль над добычей атомного сырья. Контроль же над наиболее опасной стадией атомного производства — над предприятиями, производящими ядерное горючее, англо-американское большинство комиссии предлагает ввести лишь на более поздней стадии. Такие предложения можно объяснить лишь стремлением как можно быстрее разведать все мировые запасы урана и тория и поставить их под контроль США. Что же касается имеющих у США атомных предприятий, то эти предложения означают, что эти предприятия остаются как можно дольше вне контроля.

Таким образом, заключил Малик, канадский проект резолюции, опирающийся на выводы и рекомендации большинства атомной комиссии, прямо противоречит решениям Генеральной ассамблеи и уже поэтому не может быть одобрен.

Отметив, что советская делегация уже указывала на то, что задача организации контроля за использованием атомной энергии лишь в мирных целях — далеко не лёгкая задача и что придётся преодолеть много трудностей на пути к её решению, делегат СССР сказал:

— Это не значит, что нужно дело бросить на полпути. Нельзя же, в самом деле, закрывать глаза на действительные причины неудачи атомной комиссии и на тот тупик, в который она зашла, нельзя серьёзно думать, что можно было бы добиться положительных результатов без того, чтобы большинство атомной комиссии приняло во внимание серьёзные и вполне обоснованные возражения меньшинства против плана, который это большинство так упорно пытается навязать комиссии.

Малик привёл конкретные факты, показывающие, что представители США в атомной комиссии с самого начала заняли позицию, исключающую всякое соглашение о международном контроле, и что они упорно навязывали комиссии свои предложения, в основе которых лежат эгоистические расчёты финансово-промышленных кругов одной державы. Представители США ревниво следили за тем, чтобы не допустить сближения точек зрения между представителем СССР, с одной стороны, и представителями других стран в атомной комиссии — с другой.

Так, когда советская делегация предложила уничтожить запасы атомных бомб и когда к этому предложению присоединились представители Англии и ряда других стран, делегация США воспротивилась этому предложению, и оно принято не было.

Ещё пример. Советская делегация предложила принять в атомной комиссии следующий тезис: «Конвенция или конвенции должны предусматривать уничтожение запасов атомного оружия и незавершённого производства атомного оружия и использование ядерного горючего, содержащегося в нём, только для мирных целей». С этим предложением согласилось большинство комиссии, но затем оно уступило давлению делегации США и уклонилось от принятия какого-либо решения по этому вопросу.

Я упоминаю об этих общеизвестных фактах, сказал Малик, чтобы показать, что нынешняя позиция делегации США является продолжением той позиции, которую представители США в атомной комиссии заняли с самого начала, — не допускать никакого соглашения о контроле над атомной энергией, кроме того плана контроля, который сами США пытаются навязать миру. Сегодня делегат США Остин вновь подтвердил эту позицию и открыто заявил, что США не откажутся от атомного оружия. В этом и заключается главная и единственная причина тупика в вопросе о контроле над атомной энергией.

Напомнив, что в первом пункте канадской резолюции, предлагаемой англо-американским большинством, содержится одобрение выводов и рекомендаций атомной комиссии, а также указание на то, что эти выводы и рекомендации якобы соответствуют полномочиям комиссии, делегат СССР сказал:

Из того краткого обзора, который я сделал по этому вопросу, достаточно очевидно, что положения этого пункта не соответствуют действительности и, следовательно, не могут быть приняты.

Касаясь второго пункта канадской резолюции, в котором выражаются лицемерная «озабоченность в связи с тем тупиком, с которым встретила комиссия по атомной энергии в своей работе,

как указано в её третьем докладе», и сожаление по поводу того, что единодушное соглашение ещё не было достигнуто, Малик сказал:

Хотя по своей фразеологии этот пункт не вызывает особых замечаний, однако, если вдуматься в его существо, то в нем в скрытой форме одобряется данный англо-американским большинством атомной комиссии фальшивый анализ причин тупика, в который эта комиссия попала из-за позиции делегации США и Великобритании. Англо-американское большинство атомной комиссии пытается свалить ответственность за то, что работа этой комиссии зашла в тупик, на Советский Союз. Однако советская делегация убедительно показала, что основная причина этого тупика заключается в том, что США пытаются навязать приемлемую только для них систему международного контроля, уклоняясь при этом как от решения о запрещении атомного оружия, так и от решения об одновременном введении контроля над всем атомным производством — от сырья до ядерного горючего. С таким планом «контроля» ни СССР, ни любая другая страна, дорожающая своей независимостью, не могут согласиться. Поэтому и второй пункт канадской резолюции для советской делегации неприемлем.

Перейдя к третьему пункту канадской резолюции, в котором предлагается постоянным членам атомной комиссии провести консультации с целью определить, когда будет существовать основа для соглашения о международном контроле, и лишь в зависимости от этого решить вопрос о том, должна ли атомная комиссия продолжать свою работу, делегат СССР сказал:

Этот пункт продиктован стремлением прекратить работу атомной комиссии. Если в первом варианте канадского проекта резолюции эта мысль была выражена вполне отчётливо, то сейчас она преподносится в завуалированной форме. Это объясняется тем, что большинство делегации в Политическом комитете восприняло канадский проект как прямое предложение о прекращении работы атомной комиссии. Многие делегации неодобрительно отнеслись к этому предложению и высказались за то, чтобы атомная комиссия продолжала свою работу. Некоторые делегации даже внесли соответствующие проекты резолюции. Именно поэтому англо-американское большинство сочло необходимым несколько завуалировать существо первоначального канадского предложения.

Делегат СССР попутно отметил, что пункт 3 нынешнего варианта канадской резолюции неприемлем ещё и потому, что он сформулирован как некое благое пожелание. Это пожелание не облечено в какую-либо организационную форму. Оно не обусловлено никаким сроком и не содержит никаких указаний о направлении и характере консультации.

Нельзя же считать резолюцией, имеющей какое-либо практическое значение, сказал Малик, отвлечённое пожелание о том, чтобы представители шести государств собрались и определили, когда будет существовать основа для соглашения о международном контроле над атомной энергией. Если иметь в виду рекомендации большинства атомной комиссии, то для большинства тех государств, которых приглашают провести консультацию, основа уже

дана. В таком случае, эта часть резолюции — излишняя и бесполезная. Если же хотят действительно отыскать основу для соглашения, то тогда нужно указать, в каком направлении следует для этого действовать, нужно указать, что основа должна быть найдена в результате усилий всех участников консультации, подыскать приемлемые для обеих сторон условия.

Работа не сможет дать положительных результатов, если в основу консультаций не будет положено уважение к мнению какой-либо группы консультирующихся государств, хотя бы она и принадлежала к меньшинству. Нельзя рассчитывать на то, что в этом вопросе удастся навязать меньшинству ту линию, которая устраивает большинство. Нельзя при этом рассчитывать и на то, что кого-либо смогут ввести в заблуждение рассказы о мнимой несговорчивости меньшинства и о том, что именно по вине меньшинства вновь не удаётся достигнуть согласия.

Однако всего этого не учитывает канадская резолюция.

Касаясь откровенного заявления Рамадье о том, что консультации должны быть проведены «в узком кругу» потому, что при обсуждении вопросов в широком кругу открывается возможность для пропаганды и многие слышат, о чём ведётся речь, Малик заметил:

— Рамадье предпочитает вести переговоры в закрытом порядке. Однако перед нами вопрос важнейшего международного значения. Народы мира вправе знать о ходе таких переговоров, о том, кто какую позицию занимает в этих переговорах и почему не удаётся достигнуть соглашения. Поэтому предложение о том, чтобы вести переговоры за закрытой дверью в узком кругу представителей шести государств, является неприемлемым.

Подводя итог сказанному, делегат СССР подчеркнул, что принятие канадской резолюции повело бы к тому, что США и поддерживающие их государства в дальнейшем ещё более упорно пытались бы навязать свою систему так называемого международного контроля, ссылаясь на поддержку Генеральной ассамблеи и размахивая жупелом большинства. Советская делегация убедительно показала и доказала неприемлемость этой системы. Советская делегация доказала, что выводы и рекомендации атомной комиссии не могут быть положены в основу организации международного контроля над атомной энергией и что никакого соглашения на этой основе достигнуто быть не может.

Принятие канадской резолюции повело бы к усилению тупика, искусственно созданного англо-американским блоком в атомной комиссии.

С другой стороны, это решение обеспечило бы тем реакционным кругам, в руках которых находится проблема атомной энергии в США, свободу рук для усиления бесконтрольного производства, усовершенствования и накопления атомного оружия. Угроза атомной войны не только не была бы снята, но, наоборот, усилилась бы. Возросла бы угроза международному миру и безопасности. Разрешение проблемы использования атомной энергии только в мирных целях вновь было бы отложено на неопределённый срок.

Исходя из всего этого, делегация СССР будет голосовать против резолюции, предложенной англо-американским большинством подкомитета. Советская делегация будет настаивать на голосовании советского проекта резолюции и будет голосовать за него, так как только принятие этой резолюции может создать базу для достижения соглашения о запрещении атомного оружия и о международном контроле над атомной энергией. Никакие сказки г-на Остина о «манёврах», о «пропаганде» и прочее ни в малейшей степени не способны обоснованно доказать неприемлемость советских предложений. Опыт показал, что, когда у г-на Остина нет аргументов, он всегда прибегает к подобным разговорам. Они стары, и убедить ими Остина никого не сможет.

Касаясь демагогической попытки Остина представить дело таким образом, будто бы делегат СССР, выступая в подкомитете, показал себя противником принятия согласованного решения, Малик изобличил его в очередном грубом передёргивании цитат. Он огласил ту часть своего выступления в подкомитете, о которой Остин умолчал, и показал, что советская делегация не сочла возможным поддержать резолюцию индийской делегации лишь потому, что эта резолюция предлагала, чтобы атомная комиссия, продолжая свою работу, исходила из американского плана, исключающего возможность принятия согласованного решения. Одобрение этой резолюции лишь способствовало бы тому, что делегации США и поддерживающих их государств ещё более упорно настаивали бы на безоговорочном принятии американского плана. Но именно потому, что этот план направлен против запрещения атомного оружия, что Остин сегодня подтвердил публично, именно потому, что этот план делает невозможным установление строгого и эффективного международного контроля над атомной энергией, — именно поэтому советская делегация высказалась против индийской резолюции.

Заканчивая своё выступление, Малик заявил, что делегация США срывает достижение соглашения по вопросу об атомной энергии, которого горячо желают народы всего мира.

«Известия» № 248 (9778)
от 19 октября 1948 г.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ДЕЛЕГАЦИИ СССР ПО ГРЕЧЕСКОМУ ВОПРОСУ НА ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕЕ ООН

(29 октября)

29 октября в связи с обсуждением в Политическом комитете Генеральной ассамблеи ООН греческого вопроса членам комитета был роздан проект резолюции, внесённый делегацией СССР. Ниже публикуется текст этого проекта резолюции:

Рассмотрев доклад специального комитета, учреждённого резолюцией Генеральной ассамблеи от 21 октября 1947 года, Генеральная ассамблея считает установленным:

внутреннее положение в Греции за истекший год характеризуется дальнейшим обострением борьбы между греческим народом и антидемократическими силами, поддерживаемыми теперешним греческим правительством, что вызывает напряжённое положение в Греции, причём греческая военщина нередко использует существующее положение для провокационных действий в некоторых пограничных районах;

создавшееся в Греции положение, в том числе в её пограничных районах, является результатом усилившегося иностранного вмешательства во внутренние дела Греции, ведущего к тяжёлым последствиям для греческого народа;

деятельность специального комитета повела к дальнейшему обострению положения на северных границах Греции и к осложнению её взаимоотношений с соседними странами.

Генеральная ассамблея

рекомендует Греции, с одной стороны, и Болгарии и Албании — с другой, установить между собой дипломатические отношения, отсутствие которых отрицательно отражается на отношениях между этими странами;

рекомендует правительствам Греции, Югославии, Болгарии и Албании возобновить ранее действовавшие или заключить новые конвенции по урегулированию пограничных вопросов, а также урегулировать вопрос о беженцах в духе взаимопонимания и установления добрососедских отношений;

рекомендует правительству Греции провести необходимые мероприятия, обеспечивающие устранение всякой дискриминации в отношении граждан македонской и албанской национальностей, проживающих на территории Греции, имея в виду предоставление им возможности пользоваться родным языком и развивать свою национальную культуру;

рекомендует, далее, правительствам Греции, Албании, Болгарии и Югославии сообщить по истечении шестимесячного срока генеральному секретарю ООН для осведомления государств — членов ООН о выполнении перечисленных выше рекомендаций;

рекомендует отозвать все иностранные войска и иностранный военный персонал из Греции;

постановляет прекратить деятельность специального комитета, учреждённого резолюцией Генеральной ассамблеи от 21 октября 1947 года.

(Спец. корр. ТАСС)

РЕЧЬ А. Я. ВЫШИНСКОГО НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ООН ПО ДОКЛАДАМ АТОМНОЙ КОМИССИИ

(4 ноября)

1. ПРЕДЛОЖЕНИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА — ШАГ ВПЕРЁД В БОРЬБЕ ПРОТИВ АТОМНОГО ОРУЖИЯ

На рассмотрение Генеральной ассамблеи представлен проект резолюции, одобренный большинством Первого комитета по докладу комиссии по атомной энергии.

Советская делегация считает проект, представленный большинством Первого комитета, неудовлетворительным. Советская делегация возражала в подкомитете и в Первом комитете против этого проекта, она возражает против этого проекта и сейчас.

На рассмотрение Первого комитета, как и подкомитета, был представлен также проект резолюции Советского Союза, который был, однако, большинством комитета отклонён. Между тем именно принятие резолюции советской делегации, содержащей в себе несколько ясных и практических предложений относительно дальнейшей работы атомной комиссии, позволило бы вывести атомную комиссию из тупика и добиться положительных практических результатов.

Проект большинства Первого комитета, однако, не может решить эту задачу ввиду того, что этот проект повернут своим лицом в другую сторону, является непригодным для решения поставленной задачи. В этом не трудно убедиться из сопоставления двух проектов резолюций — советского проекта и проекта, представленного большинством Первого комитета. Обращаясь к этим проектам, нельзя не указать громадную принципиальную разницу между ними, бросающуюся в глаза всякому непредубеждённому человеку, всякому, кто действительно стремится к успешному окончанию работы атомной комиссии в целях выполнения исторических постановлений Генеральной ассамблеи от 24 января и 14 декабря 1946 года.

Совершенно также неправильно утверждать, как это пробовал, например, делать французский делегат, что проект советской делегации не содержит в себе якобы ничего нового по сравнению с решением Генеральной ассамблеи от 24 января 1946 года и с решением Генеральной ассамблеи от 14 декабря 1946 года. Такое заявление, как заявление представителя французской делегации в подкомитете и в комитете, игнорирует такой важный факт, что проект советской резолюции является шагом вперёд по сравнению с резолюциями Генеральной ассамблеи, принятыми два года тому назад. Тогда, два года тому назад, в этих резолюциях, о которых я сейчас говорил, Генеральная ассамблея могла лишь наметить задачи, стоящие перед комиссией по атомной энергии, могла дать

лишь поручение разработать и представить Генеральной ассамблее предложения относительно изъятия из национальных вооружений атомного оружия и всех других основных видов вооружений, пригодных для массового уничтожения людей, дать задание подготовить предложения также и относительно обмена основной научной информацией в мирных целях и относительно контроля над атомной энергией. Дальше этого Генеральная ассамблея, естественно, в 1946 году пойти не могла. Это было первым шагом организации Объединённых наций в решении большой, сложной, ответственной задачи по запрещению атомного оружия и по установлению международного контроля.

В проекте резолюции Советского Союза идёт дело уже не об общем задании — подготовить предложения по изъятию из национального вооружения атомного оружия и т. д. Здесь, в этой резолюции, дело идёт уже о такой конкретной задаче, как подготовка конвенций о запрещении атомного оружия и об установлении эффективного международного контроля над атомной энергией в целях её использования лишь для мирных нужд. Одно это уже с достаточной ясностью говорит о том громадном значении предложений Советского Союза, являющихся — я, думаю, вправе это утверждать — дальнейшим развитием постановлений 24 января и 14 декабря.

Таким образом, неправильно изображать дело так, как это пробуют делать некоторые делегации, что советский проект повторяет, но лишь другими словами резолюции Генеральной ассамблеи 1946 года. Это, конечно, не так, но тем не менее советский проект вызывает ожесточённое сопротивление со стороны некоторых делегаций. Чем же это можно объяснить?

Такое сопротивление можно объяснить только тем, что предложения Советского Союза выводят проблему атомного оружия, я бы сказал, из тумана общих фраз и отвлечённых формул и ставят эту проблему на почву практического решения, а этого-то больше всего и боятся большинство, которое голосовало против советских предложений в Первом комитете, и этого-то оно больше всего старается избежать, выступая против наших предложений.

Советский Союз предлагает продолжить работу атомной комиссии, чтобы добиться подготовки конвенции о запрещении атомного оружия и конвенции о контроле над атомной энергией. Принятием советских предложений Генеральная ассамблея сделала бы сама шаг вперёд в направлении реализации своих собственных исторических резолюций от 24 января и 14 декабря 1946 года. Она, Генеральная ассамблея, облекла бы эти свои постановления в живую плоть и наполнила бы их живой кровью практической деятельности.

Но именно это очень важное обстоятельство всячески стараются отклонить от себя сторонники резолюции, принятой большинством Первого комитета, именно в этих целях они стараются всячески показать и доказать, что их резолюция будто бы также предусматривает запрещение использования атомной энергии в военных целях. Но у них нет фактов, которые могли бы помочь им справиться с этой задачей. Вот почему один из защитников этой резолюции, представитель США, вынужден был заявить, что в предложениях

большинства подразумевается идея запрещения атомного оружия. «Подразумевается». Разве можно основываться на подразумеваемых в таких важных случаях, когда дело идёт об изъятии из национальных вооружений атомного оружия, о запрещении использования атомной энергии в военных целях? Об этом нужно сказать ясно, точно, определённо, без всяких оговорок, а не говорить, что идея запрещения атомного оружия якобы сама собой «подразумевается».

Уже одно это объяснение является признанием того, что в резолюции, которая вам предлагается от имени Первого комитета, нет идеи запрещения, она, оказывается, лишь подразумевается. Одно это признание свидетельствует о том, что большинство не желает выразить эту идею ясно и недвусмысленно, чтобы это могло удовлетворить встревоженную, взволнованную совесть всех миролюбивых народов. Оно вынуждено поэтому говорить хотя бы о том, что запрещение атомного оружия «подразумевается».

Столь же неудачную попытку доказать, что резолюция, фигурирующая здесь в качестве резолюции большинства Первого комитета, содержит запрещение атомного оружия, сделал и представитель французской делегации. Не будучи в состоянии процитировать соответствующее место из этой резолюции, он процитировал один из параграфов общих выводов именно доклада атомной комиссии. Но французский делегат не сказал, что как общие выводы, из которых он цитировал параграф 6, так и рекомендации, из которых он цитировал некоторые абзацы, излагают лишь основные принципы, соблюдение которых необходимо для достижения поставленной цели. Это, конечно, не то же самое, что решение о практических мерах по реализации этих принципов.

В самой же резолюции Первого комитета, если внимательно её изучить, это можно легко увидеть, нет никаких указаний на необходимость подготовки конвенции о запрещении атомного оружия, и в этом заключается один из крупных недостатков этой резолюции и её отличие от резолюции советской делегации, где содержится прямое указание на необходимость подготовки, подписания и вступления в силу конвенции по запрещению атомного оружия одновременно с конвенцией по организации контроля над атомной энергией.

Французский делегат заявил, что разногласие между большинством и меньшинством в вопросе о запрещении атомного оружия сводится якобы к вопросу, должно ли это запрещение предусматриваться в том же договоре или в той же конвенции, или же оно должно предусматриваться в другом договоре или в другой конвенции, которые должны вступить в силу одновременно с договором о контроле. Это тоже неверно, ибо основное разногласие заключается вовсе не в вопросе об одной или двух конвенциях, а в том, чтобы решение о запрещении атомного оружия было принято одновременно с решением об учреждении международного контроля и чтобы эти решения одновременно вступили в силу.

Таким образом, стремление сблизить советский проект с проектом большинства Первого комитета и представить дело так, как это пробовали сделать некоторые делегаты на предыдущих стадиях обсуждения этих проектов, — что оба проекта говорят об одном и

том же, но разными только словами,— лишены всякого основания и должны быть отвергнуты ввиду своей полной несостоятельности.

Главный недостаток проекта резолюции Первого комитета заключается именно в том, что он обходит важнейший вопрос о необходимости добиться успеха в деле подготовки и заключения конвенции о запрещении атомного оружия, как и заключения конвенции об организации международного контроля. Этого в резолюции нет, и тщетно было бы напрягать свои усилия для того, чтобы отыскать в ней что-либо подобное этим важнейшим положениям.

2. АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЙ БЛОК ДОБИВАЕТСЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ РАБОТЫ АТОМНОЙ КОМИССИИ

В то время как проект советской резолюции, как я сказал, является шагом вперёд по сравнению с резолюциями Генеральной ассамблеи от 24 января и 14 декабря 1946 года, проект Первого комитета является шагом назад, так как в нём одобряется приостановка работы атомной комиссии без какой-либо перспективы на возможность её возобновления не только в ближайшее, но и в последующее время.

Конечно, *expressis verbis* — всеми, так сказать, словами это в резолюции Первого комитета не выражено, но недаром же говорится, что дипломатам дан язык для того, чтобы скрывать свои мысли. Здесь делается попытка скрыть эту мысль, которая в действительности кричит сама о себе, выпирает из проекта резолюции Первого комитета, т. е. мысль о том, что работе атомной комиссии должен быть положен конец, что на атомную комиссию должна быть наложена надгробная плита и атомная комиссия должна мирно покоем под этой плитой до того момента, который неизвестно когда наступит, до тех решений, которые неизвестно когда будут приняты, до решения тех органов, которые неизвестно когда примут соответствующее решение.

И, несмотря на это, г-н Остин взял на себя вчера право здесь заявить, что резолюция Первого комитета призывает якобы атомную комиссию возобновить свою работу, перейти к дальнейшему изучению разных вопросов, остающихся в плане её работы, если она сочтёт это целесообразным и полезным. Но если обратиться к плану работы атомной комиссии, то можно увидеть, что, в сущности говоря, эти остающиеся для дальнейшего изучения нерешённые вопросы — это вопросы второстепенного характера. Известно, что все вопросы, рассмотренные комиссией, — это вопросы, отмеченные в так называемых выводах и рекомендациях комиссии по атомной энергии. Это наиболее важные вопросы о запрещении атомного оружия, о конвенции, об условиях её подготовки, об организации международного органа контроля, об его функциях, полномочиях, о той основе, на которой должен быть построен этот международный орган контроля.

Эти важнейшие вопросы, по которым и образовалась пропасть между большинством и меньшинством, остаются под спудом, отодвигаются в сторону, об этих вопросах ничего не говорится в

пункте 4, который предлагает атомной комиссии возобновить свою работу и рассмотреть различные вопросы. Нет, в резолюции большинства рекомендуется рассмотреть не эти, наиболее важные и животрепещущие вопросы, а лишь второстепенные вопросы.

К чему же, в таком случае, сводится это пожелание, эта рекомендация, выраженная в четвёртом пункте? Она сводится к голой фразе. Атомной комиссии предлагают заняться тем, что на парламентском языке называется вермишелью. Атомной комиссии предлагают устранить из поля своего зрения те вопросы важнейшего, принципиального порядка, по которым уже образовались серьёзные разногласия, к устранению которых Генеральная ассамблея не принимает сейчас никаких мер, становится на путь оттягивания решений, предоставляя этот вопрос самотёку и не делая никаких попыток найти средства к устранению образовавшихся разногласий внутри атомной комиссии.

Центральным пунктом проекта резолюции большинства комитета является, несомненно, пункт 3, сущность которого сводится, коротко говоря, к следующему:

Шесть инициаторов резолюции Генеральной ассамблеи от 24 января 1946 года должны решить, имеется ли базис для соглашения о международном контроле над атомной энергией, чтобы обеспечить использование её лишь в мирных целях? Имеется ли базис для исключения атомного оружия из вооружений отдельных государств? Шесть инициаторов — США, Великобритания, СССР, Франция, Китай и Канада — должны проконсультироваться, чтобы решить, имеется ли базис для того, чтобы принять то решение, на котором настаивает Советский Союз.

На этот вопрос уже можно сейчас ответить: такого базиса нет и, в сущности говоря, консультироваться не о чем, ибо все консультации уже проведены. В течение 30 месяцев шли консультации в атомной комиссии, которые показали, что этого базиса нет, ибо большинство и меньшинство стоят на принципиально различных позициях в этом вопросе. Большинство стоит на основе американского плана так называемого международного контроля, плана, который этот контроль превращает по существу, как мы уже не раз говорили, в американский контроль. Меньшинство стоит за организацию именно международного контроля. Оно выступает против плана большинства комиссии, потому что этот план не удовлетворяет основным требованиям, которым должна соответствовать организация органа действительно международного контроля.

Поэтому, когда предлагают поручить шести инициаторам резолюции проконсультироваться по поводу того, имеется ли основа для соглашения о запрещении атомного оружия и организации международного контроля, то это означает лишь топтание на пустом месте. Такая рекомендация не имеет никакого практического значения. Такая рекомендация может иметь лишь тот смысл, чтобы замаскировать отказ от дальнейшей разработки мероприятий по запрещению атомного оружия.

Далее. Инициаторы должны будут доложить Генеральной ассамблее о результатах своей консультации не позже, чем на

следующей сессии. Значит, год отсрочки уже налицо. Год отсрочки — для чего? Говорят: для консультации. Для какой консультации? — Аналогичной той, которая велась в течение 30 месяцев? С какими же перспективами? — С такими же самыми? А какие были перспективы? — Никаких.

Следовательно, вывод должен быть ясен. Шести инициаторам, о которых идёт речь в резолюции Первого комитета, говорят: можете ещё год протоптаться на одном месте, а через год придёте сюда и скажете о результатах, которые, однако, уже сегодня можно констатировать с таким же успехом, ибо для этого все данные налицо.

Но нам могут сказать: резолюция Первого комитета предлагает атомной комиссии возобновить свои сессии и приступить к изучению тех остающихся в её программе вопросов, изучение которых комиссия считает практически осуществимым и полезным. Но какие же вопросы атомная комиссия может признать практически осуществимыми и полезными? — Таких вопросов нет, если не считать мало-значительных, второстепенных вопросов более технического, чем политического характера, которые мало кого интересуют и над решением которых едва ли есть необходимость биться, пока не будут решены более важные вопросы, определяющие всю остальную работу и направление этой работы.

Что же, я спрашиваю, даёт такая резолюция, и не вправе ли мы ответить на это одним словом — ничего.

Действительно, такая резолюция не даёт ничего. Вот почему мы говорим, что этот проект Первого комитета является даже не паллиативом, потому что паллиатив является каким-то средством, хотя и мало эффективным, а является набором пустых фраз, набором пустых слов, ничего не значащей пустышкой. Такая резолюция ничего не может дать. Она является лишь прикрытием отказа от всякого решения. Мы не можем пойти по этому пути, ибо это означает, в сущности говоря, скрестить в бездействии на своей груди руки и отойти в сторону, предоставив ход событий самому себе.

Чем же вызвана такая резолюция? Я хотел бы показать те действительные причины, которые явились основой этой резолюции, которые породили эту резолюцию, и те перспективы, которые могут иметь место, если эта резолюция действительно будет одобрена Генеральной ассамблеей. Впрочем, мне кажется, что этот последний вопрос уже предreshён тем соотношением сил, с которым мы уже не первый раз сталкиваемся в работе Генеральной ассамблеи, где систематически проводится метод майоризирования меньшинства сколоченным, спевшимся большинством, командующим в этой Ассамблее, как и в других органах организации Объединённых наций, при полном пренебрежении мнением меньшинства, при игнорировании общественного мнения того громадного большинства, большинства во всём мире, которое стоит в действительности за меньшинством. Если соотношение сил, которое имеется здесь, в организации Объединённых наций, между делегациями, между большинством и меньшинством делегаций попытаться расшифровать, то это соотношение будет выглядеть совершенно иначе.

Когда будет идти речь о народах, то будет ясно, что меньшинство в Генеральной ассамблее — это в действительности большинство народов мира, которые поддерживают идею мира и которые разоблачают поджигателей новой войны, которые требуют таких усилий, которые обеспечили бы мирное существование во всём мире, и которые поднимают свои гневные голоса против всяких попыток поколебать решение этой основной задачи, записанной в уставе организации Объединённых наций, но, к сожалению, до сих пор не выполненной так, как этого требует устав и сознание своего долга.

Тем не менее здесь имеется и действует большинство, которое, как я уже говорил, пренебрегает мнением меньшинства. Тем больше на меньшинстве лежит долг изложить своё мнение так, чтобы из стен этого зала народы мира узнали правду. Правда говорит о том, что большинство Первого комитета не хочет допустить возобновления работы атомной комиссии, пока советская делегация не примет безоговорочно тот план, который пытается навязать Советскому Союзу англо-американский лагерь.

В самом деле, согласно этой резолюции, возобновление работы атомной комиссии поставлено целиком и полностью в зависимость от усмотрения так называемых инициаторов резолюции от 24 января, т. е. от усмотрения большинства этих так называемых инициаторов, в числе которых из шести участников пять являются сторонниками американского плана. Определение основы для соглашения о международном контроле над атомной энергией также предоставлено этим инициаторам. Сроки и направление работы инициаторов не определены, в резолюции нет даже на это никакого намёка, если только не считать того, что через год они должны о своих результатах консультации доложить Генеральной ассамблее.

Не ясно ли, что такая резолюция не серьёзна, что она ни к чему не обязывает, если не считать, что инициаторы через год должны прийти сюда и доложить о проведённых консультациях. Кроме того, как это усиленно подчёркивали в Первом комитете представители большинства инициаторов в лице США, Великобритании и Канады, разногласия по поводу основы работы атомной комиссии остаются в полной силе. Как же можно при таких условиях рассчитывать на успех консультации между шестью инициаторами резолюции от 24 января 1946 года? Как же возможно при таких условиях самое возобновление деятельности атомной комиссии ставить в зависимость от консультации шести инициаторов?

Ясно, что пункт 3 резолюции Первого комитета, в основу которой положен проект канадской делегации, не даёт и даже не намекает никакого выхода из тупика. Он, как и вся резолюция, просто отмахивается от этой задачи, оставляя, как я сказал, дальнейший ход событий на произвол судьбы. Между тем советская делегация полагала бы, что было бы правильным, и единственно правильным, если бы Генеральная ассамблея, внимательно отнесясь к весьма серьёзным соображениям ряда делегаций, находящихся в меньшинстве, поручила бы атомной комиссии со вниманием отнестись к этим соображениям и внушила бы большинству необходимость построить свою работу не на принципе майоризирования меньшинства, не на

попытках механически навязать меньшинству волю большинства, а поискать пути к возможному сочетанию тех или других взглядов и точек зрения, тех или других мероприятий, предложений, способов решения такой важной и сложной задачи, как выработка конвенции или конвенций по запрещению атомной энергии и по международному контролю.

3. ПОД ВИДОМ МЕЖДУНАРОДНОГО ОРГАНА КОНТРОЛЯ — АМЕРИКАНСКИЙ СВЕРХТРЕСТ

Проект резолюции Первого комитета предлагает одобрить общие выводы в части 2 «С» и рекомендации в части 3 первого доклада и конкретные предложения во второй части второго доклада комиссии, как основу для установления эффективной системы международного контроля над атомной энергией с обеспечением её использования только для мирных целей и для исключения из национальных вооружений атомного оружия.

Представитель США Остин здесь вчера сказал, и он в данном случае тоже допустил ошибку, повторив пушенную в оборот версию о том, что тупик в работе атомной комиссии образовался якобы в результате того, что СССР отказался принять характер и предел участия каждого в этой общей для всех государств сфере деятельности.

Но дело вовсе обстоит не так. Советский Союз никогда не отказывался участвовать в общей для всех государств деятельности в этой области, и утверждать так — значит извращать действительное положение вещей. Дело вовсе не в том, что Советский Союз не желает участвовать в определении характера и предела участия государств в их общей деятельности, чего нет в действительности, а в том, что по своему существу этот характер деятельности, иначе говоря, те выводы, которые представлены в докладах Первого комитета по атомной комиссии, те рекомендации, которые содержатся в докладах атомной комиссии, являются неприемлемыми. Они, эти рекомендации, не решают той задачи, которая стоит перед атомной комиссией, и не приближают к решению о запрещении использования атомной энергии в военных целях. Наоборот, искусственными и очень хитроумно сплетёнными комбинациями, которые воплощены в этом так называемом «плане» и в рекомендациях, содержащихся в первом докладе атомной комиссии, преследуются совершенно другие цели. В этих рекомендациях задача запрещения атомного оружия отодвигается на совершенно неопределённое время, которое может никогда и не наступить. С другой стороны, эти рекомендации создают благоприятные условия для тех государств, в руках которых окажется этот международный контроль, которому фактически отдаётся под контроль и на полное усмотрение вся экономика и хозяйственная жизнь других стран, их экономическое и культурно-хозяйственное развитие.

Я повторяю, что эти рекомендации отдают всю экономику, а следовательно, и все судьбы государства на полное усмотрение

этого так называемого международного контрольного органа, что представляет опасность именно тем, что этот орган, как он сейчас планируется Первым комитетом, будет фактически находиться целиком в руках одного государства — Соединённых Штатов Америки. Вместо международного органа контроля добиваются создания американского органа, какого-то сверхтреста по атомной энергии. Этот орган будет диктовать свою волю всем другим государствам с ещё большей решительностью, настойчивостью и пренебрежением к их суверенным правам, чем это делают США в настоящее время.

А что получается от этого американского диктата для народного хозяйства и для судеб тех государств, которые оказались в сетях маршалльского плана, которые, не стеснясь, называют маршаллизированными странами, это видно каждому.

Я не хочу отвлекаться в сторону этой темы и при случае охотно изложу советскую точку зрения на этот вопрос, как мы это делали уже не раз. Вот корень вещей. Да, мы не можем согласиться с выводами и рекомендациями, которые представлены Первым комитетом в резолюции большинства, в основе которой лежит канадское предложение, в резолюции, которую можно назвать с полным успехом англо-американо-канадской резолюцией, в резолюции, одобрения которой домогается большинство Первого комитета. Отвергая другие возможности иного решения и настойчиво требуя принять баруховско-ачесоновско-лилиенталиевский план международного контроля, являющийся планом американского контроля, большинство Первого комитета отдаёт под неограниченный контроль всё развитие народного хозяйства любого государства, которое было бы так неосторожно и непредусмотрительно, что согласилось бы с этим неприемлемым планом так называемого «международного» контроля.

Вот в чём дело, г-н Остин.

Что же представляют собой, действительно, эти общие выводы и рекомендации, а также предложения, упоминаемые в 1-м пункте резолюции Первого комитета? Может быть, мы, советские делегаты, не правы? Может быть, мы видим в этих предложениях совсем не то, что там есть в действительности? Может быть, мы неправильно понимаем эти предложения и думаем, что этими хорошими пожеланиями вымощена дорога в ад, в действительности же эти хорошие пожелания ведут в рай?

Нет, советская делегация имеет все основания для своей критики, и в своих утверждениях советская делегация опирается на непреложные факты, которые достаточно убедительны, которые говорят сами за себя. Об этих фактах можно судить по самому содержанию так называемых «выводов» и «рекомендаций». Сущность этих «выводов» и «рекомендаций» схематически, мне кажется, можно изложить таким образом:

В центре выводов стоит вопрос о так называемой системе международного контроля. По этому американскому плану должен быть создан соответствующий контрольный аппарат, который будет осуществлять такие функции, как инспекция, наблюдение, отчётность, управление и выдача лицензий в различных стадиях производства с момента извлечения руды урана и тория из недр земли

до превращения их в ядерное горючее и использования этого горючего в тех или других целях.

Мы видим в числе функций контрольного аппарата и такие, как управление и выдача лицензий. Что это за функции и только ли это функции? Что касается «управления», то на этот вопрос ответ даёт второй доклад атомной комиссии. Глава 3 этого доклада, озаглавленная «Месторождение руд и их разработка», посвящена попытке доказать невозможность, я повторяю и подчёркиваю это, невозможность эффективного контроля без того, чтобы контрольному органу не было предоставлено право собственности как на исходные материалы после их извлечения из природных залежей, так и на предприятия по обработке этих материалов и производству ядерного горючего.

В этом докладе прямо говорится:

«...Было решено, что... ни одно государство или лицо не смогут владеть или распоряжаться на законном основании исходным материалом по его извлечению из природных залежей. Владение этим материалом или перенесение его из одного места в другое явится явным доказательством нарушения договора или конвенции».

Так ставит вопрос доклад большинства атомной комиссии.

В другом месте этого доклада также говорится, что «единственным собственником всего исходного материала, не содержащего других существенных компонентов, становится международный орган». Эти положения развиваются также в главе 4 этого же доклада, озаглавленной «Обработка и очистка исходного материала», эти же соображения развиваются также в главе 5, озаглавленной «О накоплении запасов, производстве и распределении ядерного горючего».

Таким образом, международный контрольный орган получает право собственности на всё ядерное горючее, на все опасные предприятия, могущие производить ядерное горючее, и на целый ряд других опасных предприятий, связанных с производством ядерного горючего или его обработкой, со всеми вытекающими из этого права собственности последствиями.

Вот что означает это «управление» на английском языке в американском смысле, о котором говорится как об особой функции, какой наделяется международный контрольный орган наряду с такими функциями, как отчётность, инспекция и наблюдение. Проект резолюции Первого комитета предлагает одобрить эти рекомендации как основу для установления международного контроля над атомной энергией. Эти рекомендации предоставляют международному контрольному органу все те права, какие принадлежат всякому частному собственнику. По мнению авторов этой рекомендации, эффективный международный контроль несовместим с государственной собственностью на недра с исходными материалами и на предприятия по производству атомной энергии, так как это будет представлять собой угрозу для международной безопасности. Отсюда и требование того неограниченного права собственности, которое по плану большинства предполагается предоставить международному контрольному органу.

Однако при этом совершенно не учитывается, что право собственности, предоставляемое международному контрольному органу, могло бы потребовать и соответствующих средств и соответствующих возможностей для защиты этого права собственности. Это, в свою очередь, могло бы повлечь за собой необходимость предоставления в распоряжение международного контрольного органа таких полицейских и вооружённых сил, которые могли бы противостоять опасностям, какие предвидит само большинство атомной комиссии, говоря о тайной деятельности в области атомной энергии, о всякого рода утайках атомной энергии, наконец, даже о захвате атомных предприятий страной, которая втайне подготавливает свои агрессивные планы.

Но не может быть никакого сомнения, что постановка такой задачи, как предоставление в распоряжение международного контрольного органа вооружённых сил, которые были бы способны противодействовать на территории суверенного государства этому государству, его тайной так называемой деятельности, если бы таковая имела место, является совершенно нереальной и мифической.

Сама атомная комиссия, рассматривая проблему захвата заводов, производящих ядерное горючее, или рудников, или других средств производства в ранних стадиях обработки ядерного горючего, подчёркивает, что самым главным в вопросе мер предосторожности против захвата являются политические соображения.

По этому поводу в первом докладе можно прочесть, например, следующие выводы:

«Никакие технические меры, повидимому, не могут предотвратить захват страной, которая решилась на агрессию. Никакие мероприятия, которые могут быть проведены международным контрольным органом, не могут дать полного удовлетворения с точки зрения безопасности».

Отсюда атомная комиссия приходит к такому резюме: «Главные вопросы, связанные с захватом, носят скорее политический, чем технический характер. Представляется возможным, однако,— читаю я в этом месте доклада,— что технические меры могут уменьшить военное преимущество и, следовательно, опасность захвата».

Только уменьшить. Конечно, необходимо принять самые решительные меры против всякого нарушения будущей конвенции о запрещении атомного оружия, против этой так называемой тайной деятельности, против попыток захвата в агрессивных целях. И никто больше, чем Советский Союз, не требует гарантии и не добивается принятия эффективных мер против агрессии, мер, гарантирующих возможность задушить агрессию в самом её начале, а не этих полумер и даже лжемер, которые в действительности не способны служить делу выполнения этой задачи и которые, наоборот, опасны своей половинчатостью и неспособностью противостоять действительно агрессивным планам.

Но значит ли это, что решение найдено, что вот этот самый тезис о «праве собственности» со всеми вытекающими из него последствиями, которое нужно предоставить международному контрольному органу, и есть настоящий путь решения этой задачи?

Нет, это не способ решения задачи, обеспечивающий безопасность, а это способ создать новые и новые поводы, которые могут угрожать безопасности народов и быть источником новых и опасных конфликтов.

Так ставит вопрос делегация СССР. Она видит, что и атомная комиссия, которая планирует образование международного контрольного органа, колеблется. Об этом говорят те выводы, которые я огласил из резюме большинства атомной комиссии. Такое резюме, в сущности говоря, выбивает почву из-под ног защитников права собственности, да ещё неограниченного, международного контрольного органа на предприятия по производству атомной энергии и разоблачает несостоятельность этого тезиса о праве собственности в деле борьбы с возможными злоупотреблениями отдельными государствами своими государственными правами и полномочиями.

Понимая абсурдность такого предложения, большинство атомной комиссии пытается смягчить остроту этого тезиса, означающего беспрецедентное вторжение во внутреннюю жизнь суверенных государств, юридической фикцией доверенности со стороны подписавших договор государств, в силу которой якобы международный контрольный орган и получает это право собственности. Большинство атомной комиссии в своём втором докладе прямо заявляет, что «нельзя ожидать, чтобы государства согласились на предоставление контрольному органу неограниченной дискреционной власти».

Позвольте, если нельзя этого ожидать, то как же вы предлагаете теперь одобрить эти рекомендации, заранее зная, что они неосуществимы? Сама атомная комиссия признаёт, что нельзя ожидать согласия с этими предложениями, но в то же время вам предлагают одобрить эти рекомендации, зная заранее, что они неприемлемы. Это значит, что даже те, кто проголосуют за них, завтра же будут вынуждены искать всякого рода способов уклониться от предоставления международному контрольному органу такой дискреционной власти над властью всех других суверенных государств, как этого требует большинство Первого комитета. Отсюда и вторая юридическая фикция — договорная система, которая должна определить взаимоотношения между суверенным государством и международным контрольным органом в деле осуществления этим последним контроля на территории первого.

А что собой должны представлять эти договоры, вводящие такого рода систему контроля, можно видеть из следующего замечания того же большинства атомной комиссии (я тоже должен процитировать это. Я прошу извинить меня за длинную речь, но вопрос серьёзный и требует тщательного изучения):

«...Какие бы спорные вопросы правового порядка ни возникали в связи с этим (т. е. в связи с договором), государства не могут иметь никаких прав собственности и никаких вытекающих отсюда прав принимать решения в отношении исходных материалов, ядерного горючего и опасных установок, находящихся на их территории».

Вот на какой основе должен быть построен этот так называемый договор.

В докладе много слов о гарантиях для государств, которые должны будут подписать такие договоры с международным контрольным органом. Однако ни одной строчки в этих докладах нет о том, в чём же именно должны будут и будут ли заключаться такие гарантии. И это не случайно, так как никаких гарантий уважения суверенных прав государств в условиях плана большинства атомной комиссии и не может быть. Не случайно же поэтому мы видим в первоначальных вариантах канадской и других резолюций определённые и резкие формулировки, направленные на отрицание суверенитета других государств, который г-н Спаак ещё в прошлом году с высокой трибуны организации Объединённых наций назвал историческим хламом, реакционной идеей, которую нужно поскорее сдать в архив.

4. АМЕРИКАНСКИЙ ПЛАН КОНТРОЛЯ НАД АТОМНОЙ ЭНЕРГИЕЙ УГРОЖАЕТ РАЗВИТИЮ НАУЧНОЙ РАБОТЫ И ЭКОНОМИКИ ДРУГИХ ГОСУДАРСТВ

Нельзя не обратить также внимание на то обстоятельство, которое не ускользнуло и от внимания большинства атомной комиссии. Дело идёт о том противоречии между требованиями безопасности в отношении употребления атомной энергии и условиями, необходимыми для развития производства и использования атомной энергии для мирных целей. Перед таким противоречием большинство атомной комиссии остановилось в полном бессилии и было вынуждено признать, что, пытаясь примирить оба эти противоречивые фактора, оно встретилось с затруднениями, которые обуславливаются, как сказано далее в докладе, «недостаточностью наших познаний и неуверенностью в вопросах технического характера».

Это — *testimonium paupertatis*, выдача самим себе свидетельства о несостоятельности.

Однако предоставление международному контрольному органу над атомной энергией неограниченного права собственности, а следовательно, столь же неограниченного контроля над научно-исследовательской работой в области атомной энергии, может оказать лишь отрицательное влияние на развитие науки и развитие национального народного хозяйства. Здесь вчера г-н Остин, наоборот, подчёркивал, какие благотворительные последствия для развития мирных отраслей в жизни народного хозяйства будет иметь принятие резолюции, той резолюции, которая здесь предлагается, заявив, что такие благотворительные последствия будет иметь не принятие резолюции, а запрещение атомной энергии для военных целей, от чего как раз больше всего уходит и старается уйти американская делегация и некоторые делегации, поддерживающие её.

Это вопрос очень важный. Здесь уместно напомнить меморандум британского совета ассоциации учёных-атомников во главе с такими видными деятелями науки, как Рудольф Пай Эрлс, Олифант, Мун, в котором они возражают против того, чтобы средства производства атомной энергии были переланы в собственность органа международного контроля. В этом меморандуме говорится, что предо-

ставление такому органу средств производства «в полное владение в обычном смысле этого слова вызвало бы затруднения, так как оно дало бы органу по контролю над атомной энергией право решать, имеет ли та или иная страна право строить энергетические заводы и право препятствовать использованию энергии, произведённой такими заводами, или устанавливать условия снабжения такой энергией».

Значение атомной энергии в деле электрификации народного хозяйства, особенно тех стран, где нет природных условий, обеспечивающих успешное развитие системы электрификации хозяйства, не подлежит, конечно, никакому сомнению. О том, какое пагубное влияние такая система контроля, основанная на праве собственности международного контрольного органа в отношении атомного сырья и производства атомной энергии, оказала бы на развитие всего народного хозяйства той или иной страны, нечего и говорить. Раздаются поэтому многочисленные голоса, указывающие на то, как международному контрольному органу ничего не стоило бы парализовать развитие энергетического хозяйства любой страны под прикрытием интересов безопасности в деле развития атомной энергии. Проблема применения атомной энергии в хозяйстве, в химических, инженерных, металлургических и других отраслях мирной хозяйственной жизни не пользуется должным вниманием и не отмечает никаких серьёзных достижений.

По этому поводу в цитированной книге госдепартамента откровенно говорится, что «все эти достижения будут сделаны в своё время и, несомненно, были бы сделаны раньше, если бы атомная энергия не была столь неразрывно связана с проблемой международной безопасности» (там же, 24).

Не случайно относящееся к этому вопросу замечание известного проф. Оппенгеймера:

«...Я думаю, что пройдёт от 30 до 50 лет до того, как атомная энергия сможет в какой-либо существенной степени дополнить общие энергетические ресурсы мира. Причём, при условии, что всё время будет проводиться усиленная работа, что над этим вопросом будут работать разумные и осмотрительные люди и что для нее будут выделены средства. Я говорю это, учитывая массу различных факторов и проблем, которые необходимо разрешить до тех пор, пока эта программа будет звучать разумно с точки зрения экономики и техники».

Вот что говорит проф. Оппенгеймер, достаточно авторитетное лицо в этом вопросе. Это же подтверждают и выводы комиссии по внутреннему контролю над атомной энергией в США. В этих выводах говорится:

«Даже исходя из предположения о том, что будут сделаны самые благоприятные и быстрые технические успехи в этой области, необходимо предостеречь от излишнего оптимизма в отношении сроков. Мы не видим возможности даже при самых благоприятных условиях извлечь какую-либо значительную часть теперешних мировых энергетических ресурсов из ядерного горючего раньше, чем через 20 лет».

Госдепартамент спешит предупредить, что эти расчёты покоятся «на технических и не имеющих отношения к политике фактах». Увы, это противоречит истине. В действительности научно-исследовательская деятельность в мирных целях всё время «плетётся в хвосте» всё расширяющихся военных, промышленных и прикладных программ.

Таким образом, дело оказывается вовсе не в технических факторах. В действительности главную роль здесь играют именно политические факторы.

Можно считать совершенно необоснованными предложения передать на правах собственности атомное производство в распоряжение международного контрольного органа ещё и по другим соображениям.

Известно, что одним из важнейших вопросов в связи с установлением международного контроля над атомной энергией является вопрос регулирования атомного производства и в том числе соответствующего распределения атомного сырья между странами. Квотирование атомного производства и распределения атомного сырья могло бы, по заключению авторитетных учёных, обеспечить должное место за каждой страной в интересах как такой страны, так и всей организации Объединённых наций в целом.

Следует признать, что идея установления системы квот и заключения с этой целью отдельной конвенции ещё не была в достаточной степени изучена в комиссии.

Не странно ли, что именно эта проблема квотирования всячески затирается вместо того, чтобы быть поставленной в порядок дня и быть изученной по-настоящему и разрешённой в общих интересах. Это с достаточной убедительностью говорит о том, что тезис о праве собственности международного контрольного органа на атомное сырьё и на предприятия по производству атомной энергии продиктован отнюдь не техническими или экономическими соображениями, тем более не интересами борьбы с злоупотреблениями в области производства атомной энергии, не интересами международной безопасности, а совершенно другими интересами, ничего общего не имеющими с проблемой мира и устранением использования атомного оружия, против которого восстаёт совесть миллионов и миллионов простых людей.

Таким образом, имеется ли достаточно оснований для того, чтобы одобрить в настоящее время доклады и рекомендации атомной комиссии и установить право собственности международного контрольного органа на добычу сырья и сырьевые атомные ресурсы и на предприятия, производящие обработку этого сырья, на предприятия, производящие ядерное горючее?

И на этот вопрос мы отвечаем отрицательно. Для этого нет никаких оснований одобрять рекомендации атомной комиссии, в основе которых лежит американский план международного контроля над атомной энергией.

Мы говорим, что рекомендации, представленные Первым комитетом, продиктованы интересами, не имеющими ничего общего с действительными интересами мира и безопасности.

Б. РАЗОБЛАЧЕНИЕ АМЕРИКАНСКОГО ПЛАНА ТАК НАЗЫВАЕМОГО МЕЖДУНАРОДНОГО КОНТРОЛЯ

Каковы же действительные мотивы, которые руководят авторами так называемого американского плана контроля над атомной энергией? Об этом можно судить по всё чаще и чаще встречающимся в печати и научной литературе разоблачениям несостоятельности этого плана и подлинных стремлений инициаторов этого плана.

В этом отношении заслуживает внимания недавно вышедшая книга видного английского учёного, специалиста по атомной энергии, проф. Патрика Мейнарда Блэкетта из Манчестерского университета под названием «Военные и политические последствия атомной энергии». В этой книге проф. Блэкетт разоблачает подлинную природу американского плана контроля, указывая на то, что создание по этому плану международного контрольного органа по атомной энергии легко могло бы помешать развитию атомной энергии для мирного применения и, в частности, в Советском Союзе. Известно, что США мало интересуются развитием атомной энергии для мирных целей. Это видно, например, и из заявления председателя атомного комитета США Лилиентала.

«...Наша безопасность,— заявил Лилиенталь,— зависит отчасти от секретности некоторой жизненно важной информации и от знания способов производства, которым только мы одни обладаем. Ибо мы хотим продлить монополию на эти знания так долго, как только возможно, прекрасно понимая, что она, в лучшем случае, является временной. Но такая секретность требует, чтобы распространение и обмен знаниями между нашими собственными учёными и инженерами были поставлены под строгий контроль и ограничения» («Международный контроль над атомной энергией», издание госдепартамента США, стр. 22).

Значит, нужно засекретить как можно более своё. Это с одной стороны. С другой стороны, нужно знать как можно больше о других. Мы помним, что в американской печати совершенно откровенно высказывается сожаление по поводу плохой разведки территории СССР с воздуха, что делает мало эффективной возможную бомбёжку советских промышленных центров. «Нью-Йорк таймс мэгэзин» жаловался совсем недавно на то, что США фактически не располагают удовлетворительными картами большинства областей СССР. Известные братья Олсон в одном из сентябрьских номеров американского журнала «Сатердей ивнинг пост» также подчёркивают необходимость для успешного осуществления нападения с воздуха на СССР преодолеть целый ряд трудностей и в том числе таких, как «отсутствие точных карт России». В этой бредовой статье эти братья-разбойники вновь и вновь рассчитывают, с каких баз удобнее всего атаковать советские города, промышленность, железные дороги. Но, пожалуй, наиболее важное, о чём они тужат, это — отсутствие точного знания всех особенностей советской территории — недостаток, который может свести на нет все

преимущества радиоактивной, атомной и всякой другой бомбардировочной авиации.

При таких обстоятельствах приобретает большое значение замечание проф. Блэккетта в цитированной книге о том, что принятие американского плана контроля означало бы для Советского Союза. Проф. Блэккетт пишет: Для России — необходимость указать этому контрольному органу расположение своих военных заводов и заводов тяжёлой промышленности и дать «инспекторам Объединённых наций, а тем самым и американским начальникам штабов весьма полную карту объектов СССР».

Не этой ли цели должны служить разработанные большинством атомной комиссии рекомендации, дающие сотрудникам международного органа возможность, под видом проведения инспекции, обследования и разведывания недр, фотосъёмки и аэросъёмки, вести военную разведку, используя для этого как неограниченное передвижение своих агентов — «туристов» и сотрудников без всякого контроля со стороны заинтересованного государства, так и производство всяких фотосъёмок в порядке преимущественно аэро-обследования. В этом отношении большого внимания заслуживает параграф 15 главы 6 части 2-го доклада, предусматривающий выборочные аэросъёмки, регулярные аэросъёмки и всякие иные аэросъёмки, в том числе производимые по подозрению в тайной деятельности. Характерен также и 21-й параграф этой главы, который все предложения относительно аэросъёмок распространяет и на военные установки и военные зоны.

Не достаточно ли сказанного для того, чтобы действительно поставить вопрос об особых гарантиях, которые могли бы обеспечить экономические и военно-стратегические интересы данной страны против всякого злоупотребления столь широкими правами, которые американский план предполагает предоставить инспекции так называемого международного контрольного органа? Не является секретом для сколько-нибудь объективных и проницательных людей, что важнейшую роль в построении своего «контрольного», так сказать, плана для его инициаторов играли именно задачи военно-стратегической разведки в разных странах.

К этому следует добавить и серьёзную опасность, которая угрожает со стороны этого плана развитию экономики разных стран. Проф. Блэккетт прав, указывая на то, что «любая возможная выгода от раскрытия научной и технической информации будет мала по сравнению с непосредственной потерей военной безопасности другого государства, так же как и с возможным вмешательством в его общую программу развития атомной энергии для промышленности» («Первые шаги к контролю», стр. 1114).

В этой связи следует напомнить и другое замечание проф. Блэккетта, который приходит к выводу, что ранние стадии претворения в жизнь плана Баруха будут определённно во вред непосредственной безопасности Советского Союза. Что касается этой системы стадий по плану Баруха, которая также одобряется в рекомендациях Первого комитета, которые предлагается здесь одобрить, то ещё меморандум английских учёных в 1947 году указывал на то, что

«самым важным возражением против плана Баруха с точки зрения других стран является, вероятно, то, что он предусматривает на первых стадиях меры, которые можно истолковать, как поддерживающие господство Соединённых Штатов в области атомной энергии, в то время как уступки, которые должны быть сделаны этой страной, проявляются, главным образом, на более поздних стадиях».

Как же при таком положении можно соглашаться с американским планом так называемого международного контроля, в основе которого лежат стремления, не имеющие ничего общего с действительным исключением из национального вооружения атомного оружия. Что это за стремления? Эти стремления заключаются в том, чтобы:

1. При помощи так называемой системы стадий взять под контроль исключительно лишь добычу атомного сырья, освободив в то же время от контроля предприятия, производящие ядерное горючее и атомное оружие. Ведь должно быть ясно, насколько справедливо замечание английского учёного-атомника, что «любое решение о том, насколько предусматриваемые стадии выполнены, будет зависеть от большинства в комиссии по атомной энергии. Поэтому в любое время комиссия сможет решить, что такая-то страна не выполнила своих обязательств по более ранним стадиям плана контроля, и вынести, таким образом, решение против осуществления последующих стадий» (стр. 140, глава «План Баруха»).

Следовательно, в этой части вопрос ясен. Контроль по стадиям будет существовать и производиться в отношении тех стадий производства, в отношении которых этот контроль окажется приемлемым и выгодным большинству контрольного органа или атомной комиссии.

2. Стремление использовать так называемую международную систему контроля в целях такого регулирования развития национальной экономики, которое отвечало бы интересам сидящих в международном контрольном органе акционеров — членов этого мирового сверхтреста. Это дало бы полную возможность вмешиваться в общую программу развития атомной энергии для национальной промышленности, допуская или задерживая её развитие в такой степени, как это опять-таки будет соответствовать плану мирового треста «международного контроля».

3. Стремление использования аппарата так называемого международного контрольного органа для проведения под видом контроля таких мероприятий, которые были бы направлены в действительности на цели экономической или военной разведки.

Вот три обстоятельства, которые, можно сказать, являются основными в тех стремлениях, какие проявляются большинством, настаивающим на своём плане так называемого международного контроля, в действительности, как я сказал, преследующего совсем другие цели.

Достаточно яркий свет проливает на цели такого американского плана недавнее выступление президента Трумэна в Милуоки, где президент США заявил, что Соединённые Штаты должны

продолжать развитие атомного оружия, пока не будет обеспечена «правильная форма международного контроля». Что это значит? Не больше, не меньше, как то, что дело идёт об осуществлении американского плана контроля под руководством правительства США и по его программе. Это и есть то, что президент Трумэн назвал «справедливой формой международного контроля». Пока она не будет осуществлена, говорил Трумэн, у США «нет никакого иного выбора, кроме как продолжать развитие атомного оружия». Разумеется, нельзя ожидать, что люди с такими настроениями согласятся принять решение о запрещении атомного оружия.

6. ПРАВИТЕЛЬСТВА США И АНГЛИИ НА СЛОВАХ — ЗА КОНТРОЛЬ, НА ДЕЛЕ — ПРОТИВ ВСЯКОГО КОНТРОЛЯ

Далее А. Я. Вышинский останавливается на реальности плана контроля, принятого большинством атомной комиссии.

Мы видели уже выше, — говорит Вышинский, — что главные устои этого плана — контроль по стадиям; право собственности для международного органа на атомное сырьё и предприятия, производящие атомную энергию; лицензирование; лишение суверенного государства всякого права распоряжаться атомной энергией для мирных целей без разрешения международного контрольного органа. Это основы плана международного контрольного органа, который вам предлагает большинство Первого комитета, и всё это является не чем иным, как стремлением к вмешательству во внутреннюю жизнь суверенного государства, вмешательству, которое должно служить целям, ничего общего не имеющим с интересами мира и безопасности народов. Такая система контроля не может быть названа ни правильной, ни справедливой. Такая система, кроме всего, фантастична, ибо она не может быть проведена в жизнь ни одним государством, дорожающим своей суверенностью и независимостью.

Нереальность и фантастичность такого плана, разумеется, понятна и самим авторам и инициаторам плана, и если, тем не менее, они носятся с этим планом, предлагают его утвердить на Генеральной ассамблее, делая вид, что этот план действительно преследует цели обеспечить атомной энергией мир для мирных нужд и запретить или сделать невозможным использование атомной энергии для военных целей; если они говорят и пишут, отстаивая этот план и пытаясь ответственность за его неосуществимость переложить на тех, кто понимает несостоятельность, нереальность этого плана, то это можно объяснить только как тактический приём. Сущность такого тактического приёма заключается в том, чтобы, отстаивая фантастический, нереальный план контроля, провалить всякий контроль вообще.

Своими требованиями согласиться на контроль в столь неприемлемых формах, какими отличается план большинства атомной комиссии, авторы этого плана могут добиться лишь провала всякого вообще контроля. Известно, что имеются в некоторых государствах, и в США в первую очередь, отдельные группы, кото-

рые прибегают к такой тактике именно для того, чтобы уйти от всякого контроля.

«Как только ООН приняла,— пишет проф. Блэккет,— принцип международного контроля, очевидная тактика этой группы стала проявляться в требовании такой формы контроля, которая была односторонней настолько, чтобы быть явно неприемлемой для Советского Союза. Так, некоторая поддержка плана Баруха может иметь своим источником попытку преградить путь вообще любому виду контроля».

С таким планом советская делегация не может согласиться. Такой план нужно разоблачать. Против такого плана нужно вести самую энергичную и настойчивую борьбу во имя прогресса и интересов всего передового человечества.

7. СССР ТРЕБУЕТ ПРОДОЛЖЕНИЯ РАБОТЫ АТОМНОЙ КОМИССИИ

Проект резолюции, представленный Советским Союзом, исходит из исключительной важности осуществления резолюций Генеральной ассамблеи 1946 года. Советская делегация, подводя итоги 30-месячной работы атомной комиссии, которая была призвана разработать мероприятия по реализации постановления Генеральной ассамблеи от 24 января 1946 года, констатирует, что эта работа не дала до настоящего времени дополнительных результатов. Это факт, который нельзя отрицать. Это факт, который, однако, недостаточно констатировать, из этого факта Генеральная ассамблея обязана сделать все необходимые выводы.

В силу этого Советский Союз предлагает Генеральной ассамблее принять постановление рекомендовать Совету безопасности и атомной комиссии:

1. Продолжить свою работу в направлении, определенном указанными резолюциями Генеральной ассамблеи;
2. Не консультироваться о том, когда можно будет возобновить работу по разработке конвенции, если будет к этому времени установлен какой-то базис, как предлагает резолюция большинства, а теперь же принять решение начать атомной комиссии работать для того, чтобы искать и найти необходимое решение. Для этого нужно отказаться от того, чтобы большинство комитета продолжало настаивать на своих фантастических и ничем не оправданных требованиях.
3. Подготовить проекты конвенции о запрещении атомного оружия и конвенции об установлении эффективного международного контроля над атомной энергией, имея в виду, что как конвенция о запрещении атомного оружия, так и конвенция об установлении международного контроля над атомной энергией должны быть подписаны и введены в действие одновременно.

Нет необходимости после всего сказанного выше доказывать всю важность продолжения работы атомной комиссии. Это предусматривается пунктом 1 проекта советской резолюции.

Пункт проекта резолюции Советского Союза, предусматривающий одновременность подписания и введения в действие конвенции о запрещении атомного оружия и конвенции об установлении эффективного международного контроля над атомной энергией, открывает путь для новых усилий по достижению соглашения по этому исключительно важному вопросу.

Это наше предложение устраняет одно из возникших в процессе работы атомной комиссии разногласий, связанных с вопросом о том, возможно ли заключение конвенции о контроле над атомной энергией без предварительного заключения конвенции о запрещении атомного оружия? Теперь этого вопроса нет, и, таким образом, все те, кто искренне стремится к успешному продолжению работы атомной комиссии, кто действительно заинтересован в осуществлении решений Генеральной ассамблеи от 24 января и 14 декабря 1946 года, кто действительно преисполнен решимости запретить использование атомной энергии в военных целях и установить строгий контроль за точным и неуклонным выполнением такого решения,—все имеют полную и безусловную возможность приложить свои усилия к завершению этой благородной работы.

Совость народов повелительно требует продолжить эту работу и довести её до успешного конца.

Советская делегация призывает всех истинных поборников мира и безопасности народов голосовать за резолюцию Советского Союза, представленную на рассмотрение Генеральной ассамблеи.

«Известия» № 263(9793)

и 264(9794)

от 5 и 6 ноября 1948 г.

ЗАПРЕТИТЬ АТОМНОЕ ОРУЖИЕ, СОКРАТИТЬ НА ОДНУ ТРЕТЬ ВООРУЖЕНИЯ И ВООРУЖЁННЫЕ СИЛЫ ПЯТИ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ РЕЧЬ А. Я. ВЫШИНСКОГО В ПЕРВОМ КОМИТЕТЕ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ООН

(11 ноября)

Первому комитету предстоит рассмотреть итоги работы подкомитета, образованного в связи с предложениями Советского Союза о запрещении атомного оружия и о сокращении вооружений и вооружённых сил пятью великими державами на одну треть.

В подкомитете фигурировали предложения, внесённые, кроме делегации Советского Союза, также делегациями Сирии, Соединённого Королевства, Сальвадора, Ливана, Бельгии, Франции и Польши. В конечном итоге на рассмотрении подкомитета остались проекты Советского Союза и Польши, а также бельгийский проект, который теперь фигурирует в качестве проекта большинства подкомитета.

1. АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЙ БЛОК НАРУШАЕТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ

Советская делегация считает бельгийский проект неприемлемым и не соответствующим постановлениям Генеральной ассамблеи от 24 января и 14 декабря 1946 года. Бельгийский проект не соответствует этим постановлениям, потому что он уходит от решения вопроса о запрещении атомного оружия, ограничиваясь одной общей фразой об этом в преамбуле. Между тем Генеральная ассамблея, принимая свои постановления от 24 января и 14 декабря 1946 года, в сущности говоря, предредила вопрос о запрещении атомного оружия и об исключении атомного оружия из национального вооружения. Бельгийский проект не соответствует и принятому Генеральной ассамблеей решению о необходимости разработать практические мероприятия по общему регулированию и сокращению вооружений и вооружённых сил, так как и по этому вопросу в бельгийском проекте нет никаких существенных предложений.

Эти постановления явились выражением стремлений и чаяний всех миролюбивых народов, выражением их решимости провести в жизнь провозглашённые уставом ООН принципы укрепления мира и международного сотрудничества. Долг каждого члена организации Объединённых наций повелительно требует поэтому принятия таких мер, которые обеспечили бы проведение в жизнь указанных выше резолюций в отношении запрещения атомного оружия и других основных видов вооружения, которые могли бы применяться в настоящее время и в будущем для массового уничтожения, и требует скорейшего установления международного контроля над атомной энергией и техническими усовершенствованиями для обеспечения их использования лишь для мирных целей. Долг каждого члена организации Объединённых наций также повелительно требует и принятия всех мер к выполнению той части указанной резолюции Генеральной ассамблеи, которая призывает к разработке и принятию мер по скорейшему сокращению вооружений и вооружённых сил.

Так обстоит дело у нас с постановлениями Генеральной ассамблеи. Эти постановления перед нами; они ясны, они точны, они определены, они являются выражением всеобщего желания, всеобщих стремлений запретить атомное оружие, сократить вооружения и вооружённые силы.

Между тем, — об этом необходимо сказать с самого же начала, — большинство членов атомной комиссии и комиссии по обычным вооружениям не выполнило своего долга, несмотря на то, что с тех пор прошло более двух лет и в международных отношениях за это время ещё резче определилось напряжение, вызванное бешеной гонкой вооружений и пропагандой новой войны в ряде стран, и в первую очередь, в США и Великобритании. В результате, разработка мероприятий, направленных на запрещение атомного оружия и на сокращение вооружений и вооружённых сил, уперлась в тупик.

Мы уже приводили немало фактов, свидетельствующих о том, что такое положение в этом вопросе создалось ввиду позиций, главным образом, представителей США и Англии. Вместо того, чтобы стремиться к согласованным решениям, в результате чего могло бы быть достигнуто соглашение и могли бы быть подготовлены конвенция или конвенции о запрещении атомного оружия и сокращения вооружённых сил и вооружений, они явно пренебрегали этой задачей, нагромождая одну трудность на другую, создавая новые и новые препятствия к достижению возможного соглашения.

2. КТО И ПОЧЕМУ СОПРОТИВЛЯЕТСЯ ЗАПРЕЩЕНИЮ АТОМНОГО ОРУЖИЯ?

Всё поведение представителей США и Англии в Совете безопасности, в атомной комиссии, в комиссии по так называемым обычным вооружениям и, наконец, на этой сессии Генеральной ассамблеи и в её комитетах подтверждает с неопровержимой силой слова Генералиссимуса Сталина о том, что «вдохновители агрессивной политики в США и Англии не считают себя заинтересованными в соглашении и сотрудничестве с СССР. Им нужно не соглашение и сотрудничество, а разговоры о соглашении и сотрудничестве, чтобы, сорвав соглашение, взвалить вину на СССР и «доказать» этим невозможность сотрудничества с СССР. Поджигатели войны, стремящиеся развязать новую войну, более всего боятся соглашений и сотрудничества с СССР, так как политика соглашений с СССР подрывает позиции поджигателей войны и делает беспредметной агрессивную политику этих господ».

Разве мы не были свидетелями всевозможных манёвров англо-американского блока на протяжении всех 30 месяцев работы атомной комиссии и других комиссий, которые всё больше и больше запутывали работу этих комиссий и всё более и более отдаляли возможность достигнуть соглашения в этом деле в интересах укрепления мира и безопасности народов? Эти манёвры вместе с тем рассчитаны на то, чтобы ответственность за неудачу в этом деле переложить на Советский Союз, изобразив именно его виновником этой неудачи, несмотря на то, что никто больше Советского Союза не добивался успеха в этой работе, проявляя максимум сговорчивости и уступчивости.

Чтобы прикрыть своё нежелание договориться о запрещении атомного оружия, представители США и Англии нашли такой повод, чтобы не допустить запрещения атомного оружия, как необходимость раньше всего договориться об учреждении международного контрольного органа. Несмотря на то, что более логичным было бы раньше всего договориться о запрещении атомного оружия, а потом уже о контроле над выполнением такого запрещения, на чём первоначально настаивали советские представители, советское правительство согласилось на одновременное подписание и вступление в силу обеих конвенций — и о запрещении атомного оружия и об учреждении международного контроля.

Это предложение Советского Союза устраняло одно из препятствий к соглашению. Но англо-американский блок отказался принять это предложение. Он открыто, таким образом, занял позицию срыва соглашения о запрещении атомного оружия. Одновременно этот блок ещё более упорно стал настаивать на принятии Советским Союзом американского плана контроля, что ещё больше углубляло и усиливало имеющиеся в этом вопросе разногласия между англо-американской позицией и позицией Советского Союза. Всем видно, как недружелюбно встретили представители США и Англии предложение СССР о запрещении атомного оружия. Они, правда, не могут опровергнуть, что атомная бомба — оружие нападения, оружие агрессии, что совершенно бесспорно. Но они энергично стараются отвергнуть советские предложения, направленные против этого оружия агрессии.

Я хотел бы в подкрепление этого своего определения атомного оружия, как оружия агрессии, сослаться на мнение такого авторитетного и видного учёного в области атомной энергии, председателя консультативного совета атомной комиссии Соединённых Штатов Америки проф. Роберта Оппенгеймера, который в сборнике группы учёных Иэльского института по международному вопросу в США писал:

«Атомное оружие является оружием агрессии, внезапности и террора... Стратегия её (атомной бомбы.— А. В.) использования может сильно отличаться от той, при которой она была применена против фактически побеждённого врага. Но она остаётся оружием агрессии, и элементы внезапности и террора являются такими же неотъемлемыми её свойствами, как и распад атомного ядра».

Вот вам голос видного американского учёного, голос человека, который является председателем консультативного совета атомной комиссии США, который на весь мир объявил, что атомное оружие является оружием агрессии и террора. Хотя в деле стратегического её использования и могут быть изменения, но атомная бомба всегда остаётся этим оружием агрессии. Причём террор является таким же неотъемлемым её свойством, как распад атомного ядра.

Вот почему советская делегация требует запретить это оружие агрессии. Атомной бомбой не защищаются, а при помощи атомной бомбы нападают.

Вы, господа, хотите сохранить атомную бомбу, значит вы вынашиваете планы агрессии. К этому сводятся рассуждения учёных, которые поднимаются выше официальных позиций, которые они представляют.

С высказыванием Оппенгеймера нельзя не сопоставить заявление шведского проф. Свена А. Хансона (журнал «Текникс тидскрифт» № 29 от 14 августа 1948 г.) о том, что «США твёрдо намерены сохранить за собой ведущее положение в области атомной науки и её военного применения».

Вот где лежат причины саботажа работы атомной комиссии, сопротивления со стороны правящих кругов США предложениям Советского Союза о запрещении атомного оружия.

Вместе с заботой о сохранении атомного оружия и об обеспечении возможности дальнейшего неограниченного производства этого оружия правящие круги США ведут бешеную гонку вооружений. В США с каждым годом всё больше и больше раздувают военные бюджеты, бешено увеличивают расходы на вооружение и вооружённые силы, что всей своей тяжестью ложится на миллионы людей, на всё трудящееся население. Никто не может поверить тому, что этот громадный рост военных бюджетов в США, эта бешеная гонка вооружений и настоящее поклонение атомной бомбе, культивируемое милитаристскими кругами США, видящими в этом оружии агрессии последнюю надежду на спасение, что всё это осуществляется в целях самообороны, в целях укрепления коллективной безопасности.

Никто не поверит, что непрекращающиеся призывы со стороны американских руководящих политических деятелей к усилению вооружений и укреплению военного союза нескольких западных государств действительно служат целям коллективной самообороны, как об этом недавно говорил в Лондоне г-н Остин в своём выступлении по случаю дня Объединённых наций. Никто не поверит всяким высокопарным разглагольствованиям представителей США и Англии о международном доверии и о коллективных усилиях, преследующих цели какой-то самообороны, когда на глазах у всех правящие круги США и Англии усиленно разрабатывают свои военные планы, открыто готовя новую войну. Никто не поверит в миролюбивые якобы стремления тех государств, которые встретили в штыки советские предложения о запрещении атомного оружия, которые и слышать не хотят о каком бы то ни было сокращении вооружений и вооружённых сил, которые не останавливаются перед прямым нарушением постановлений Генеральной ассамблеи по атомной энергии и общему регулированию и сокращению вооружений и вооружённых сил.

Проект бельгийской резолюции, поддержанный большинством подкомитета, продиктован именно такими устремлениями — не допустить запрещения атомного оружия, не допустить сокращения вооружений и вооружённых сил, хотя бы только пяти великих держав. Такие настроения господствовали и в подкомитете, рассматривавшем внесённые в Первый комитет проекты резолюций, и это наложило свою печать на всю работу подкомитета. Это же нужно сказать и о бельгийском проекте, являющемся совершенно непригодным и неприемлемым для всех искренних сторонников запрещения атомного оружия и сокращения вооружений и вооружённых сил.

Противники запрещения атомного оружия и сокращения вооружённых сил и вооружений не решаются открыто выступать в защиту атомной бомбы, в защиту гонки вооружений. Не случайно, что представители США даже не внесли со своей стороны никаких предложений, никакого проекта резолюции по этому вопросу. Они предпочли держаться в тени, предпочли ограничиться внесением так называемых поправок, предоставив другим делегациям, вроде английской, французской и бельгийской, проявлять в этом деле

необходимую инициативу. Не случайно и то обстоятельство, что очень скоро английский и французский делегаты в подкомитете поспешили снять свои проекты и превратить бельгийскую поправку к французскому проекту в самостоятельную резолюцию, которая теперь и фигурирует в качестве единственной платформы противников запрещения атомного оружия и сокращения вооружённых сил. Вполне понятно, что бельгийский проект резолюции безоговорочно поддерживают представители и США, и Англии, и Франции, и Китая — всех тех, кто напрягает силы, чтобы похоронить постановления Генеральной ассамблеи от 24 января и 14 декабря 1946 года, все противники запрещения атомного оружия и сокращения вооружённых сил.

Бельгийский проект подаётся под громким заглавием: «Запрещение атомного оружия и сокращение на одну треть вооружений и вооружённых сил постоянных членов Совета безопасности». Но это чистейшая мистификация. В этом бельгийском проекте нет никакого запрещения атомного оружия. В этом проекте нет никакого сокращения вооружений и вооружённых сил пяти великих держав. Бельгийский проект, наоборот, по существу преследует прямо противоположные цели, прикрывая их ничего не значащими общими фразами о необходимости дальнейшего изучения этого вопроса и пожеланиями относительно сбора информации о вооружении и вооружённых силах. И такую-то лишённую всякого значения резолюцию преподносят теперь нам как резолюцию о запрещении атомного оружия и о сокращении вооружений и вооружённых сил!

Но стоит только внимательно ознакомиться с этой резолюцией, чтобы убедиться, что основная цель бельгийского проекта — сорвать дело подготовки мероприятий по запрещению атомного оружия. Основная цель этой резолюции — не допустить сокращения вооружённых сил. Вот почему в бельгийском проекте содержится прямое заявление о невозможности какого-либо соглашения о сокращении вооружений и вооружённых сил, пока не будет выполнен ряд указанных в этом проекте предварительных условий. Этот бельгийский проект, кроме того, направлен на то, чтобы попытаться реабилитировать тех, кто сорвал работу атомной комиссии и комиссии по обычным вооружениям, бесплодность которой в течение 30 месяцев общеизвестна. Бельгийский проект игнорирует вопрос о причинах этого провала. Он не пытается также наметить хоть какие-либо практические мероприятия, которые могли бы обеспечить успешность работы обеих комиссий в дальнейшем. На этот счёт в бельгийском проекте не найдёте ни одного слова, ни одного звука. Это как будто не входит в задачу того большинства подкомитета, которое отмахивается от всех практических мероприятий и которое пытается и здесь провести своеобразную систему стадий по принципу «улитка едет, когда-то будет».

Между тем имело бы важное значение вскрыть, проанализировать и показать причины, обусловившие неудовлетворительное состояние работы этих комиссий. Из такого анализа можно было бы извлечь урок, который послужил бы на пользу делу, помог бы устранить препятствия на пути успешного развития работы этих

комиссий в будущем. Ряд фактов из работы атомной комиссии и комиссии по обычным вооружениям показывает, что в их работе было немало совершенно искусственных и неоправдываемых объективными обстоятельствами препятствий. Об этом имеется немало свидетельств людей, даже недружелюбно настроенных к Советскому Союзу.

В качестве примера можно было бы указать на профессора социологии Чикагского университета и Лондонского экономического института Шилс, который в статье, опубликованной в бюллетене учёных-атомников США за 1948 год, должен был признать, что предложения Советского Союза могли привести к благоприятному развитию переговоров в сторону достижения соглашения, если бы большинство атомной комиссии не было, как пишет Шилс, раздражено против советской делегации. Понятно, что там, где поведением людей руководит раздражение, нельзя говорить о правильной организации работы и об объективном подходе к задачам, которые должны быть решены в процессе этой работы. Этот же автор должен был признать также, что разногласия, например, по вопросу о «вето» фактически были такими, которые «могли бы быть преодолены в результате более объективной и рассудительной американской позиции». Этот автор подчёркивает, что большинство комиссии не сделало даже частичной уступки Советскому Союзу в вопросе о заключении конвенции по запрещению атомного оружия.

Если так на дело смотрят люди, которых нельзя заподозрить в благожелательном отношении к позиции Советского Союза в атомной комиссии и к советским предложениям по атомному вопросу, но которые считают, однако, нужным предостеречь от неправильного стремления возложить ответственность за срыв работы атомной комиссии на Советский Союз, то разве этого недостаточно для изобличения подлинных причин провала работы этих комиссий? Разве этого вместе с тем недостаточно для изобличения подлинных стремлений и намерений большинства атомной комиссии?

Вот где нужно искать причину того, что всё направление политики правительства США в вопросе об атомной энергии и, в частности, в связи с выполнением исторических резолюций Генеральной ассамблеи по поводу мероприятий, связанных с запрещением атомного оружия и сокращением вооружений, оказалось в таком вопиющем противоречии с этими постановлениями. Вот чем нужно объяснить отсутствие прогресса в работе комиссии, не справившейся с возложенными на неё обязанностями.

Однако задачи эти настолько велики и имеют столь большое значение для судеб всего человечества, что нельзя примириться с создавшимся положением. Интересы всех миролюбивых народов повелительно требуют найти выход из этого положения, выход, которого требуют разум и совесть народов, а именно — запретить использование атомного оружия, поставить атомное оружие вне закона.

Так стоит задача, и к этому призывает наш долг в отношении атомного оружия. Запрещение атомного оружия будет иметь ги-

гантское значение для всего человечества. Запрещение атомного оружия будет великой вехой в истории всего человечества, освобождаемого таким образом навсегда от опасности опустошительнейшей войны при помощи атомного оружия, от угрозы и всех ужасов массового истребления людей, от массового и беспощадного уничтожения материальных ценностей, созданных человеческим трудом. Запрещение атомного оружия даст гигантский толчок применению атомной энергии в мирных отраслях экономики всех стран. В настоящее время все усилия в области развития атомной энергии обращены на её применение лишь в военных целях. Применение атомной энергии в мирных целях — в области медицины, в качестве энергетического ресурса и т. д. — сознательно задерживается и ограничивается под предлогом, что это будет возможно в отдалённом будущем. (См. книгу «Политика на распутьи», издание госдепартамента США.)

3. СОВЕТСКИЙ СОЮЗ ТРЕБУЕТ НЕМЕДЛЕННОГО ЗАПРЕЩЕНИЯ АТОМНОГО ОРУЖИЯ

В противоположность позиции США и Великобритании в вопросе об использовании атомной энергии и сокращении вооружений и вооружённых сил позиция Советского Союза полностью соответствует принципам ООН и указанным выше постановлениям по этому вопросу Генеральной ассамблеи. Советский Союз последовательно и настойчиво добивается запрещения атомного оружия и всех других основных видов оружия, предназначенных для массового уничтожения. Советский Союз систематически сокращает свои военные расходы и своё вооружение, отводя всё меньшее и меньшее место в своём бюджете военным статьям и всё больше и больше увеличивая те статьи бюджета, которые направлены на развитие промышленности, транспорта, сельского хозяйства, торговли, народного образования, здравоохранения и других культурных мероприятий, и это вполне понятно и легко объяснимо тем основным принципиальным направлением советской внешней политики, которое чуждо всяких стремлений к территориальным приобретениям и подчинению своему влиянию и тем более господству над какой-либо другой страной.

Известно, что военный бюджет США на 1948/49 год составляет 36,1 процента от общего национального бюджета 1949 года. Таким образом, больше трети бюджета идёт на содержание, оснащение и увеличение вооружённых сил США. Печать сообщает, что 16 июля бюджетное бюро по указанию Трумэна направило министру обороны Форрестолу распоряжение, в котором сообщалось об установлении максимума расходов на военные нужды «до новой оценки наших потребностей и соотношения наших ресурсов». В этом распоряжении также говорится, что в случае необходимости эта основа будет пересмотрена — если это будет оправдано изменениями в международном положении. Это подтверждают и английские источники, по крайней мере агентство Рейтер сообщает, что военные

расходы США на вооружение самих Соединённых Штатов и некоторых государств Западной Европы достигнут 20 миллиардов долларов, что является беспрецедентной суммой военных расходов в мирное время.

В то же время военные расходы Советского Союза в 1948/49 году составляют только 17 процентов от общей суммы бюджета.

Факты говорят, что военные расходы США в 1948/49 году увеличились на 43,4 процента, что в абсолютном выражении составляет увеличение на 4,6 миллиарда долларов по сравнению с предыдущим 1947/48 бюджетным годом, тогда как в СССР расходы на военные нужды 1948/49 года уменьшились в абсолютном выражении по сравнению с 1947 годом на 2,5 миллиарда рублей. На нужды народно-хозяйственного и культурного строительства Советский Союз расходует в том же году 83 процента от общей суммы бюджета.

Сопоставление этих цифр говорит само за себя. Одно это сопоставление достаточно, чтобы уличить и разоблачить клеветников, возбуждающих враждебные чувства к Советскому Союзу, якобы готовящемуся к каким-то нападениям на какие-то страны.

Советский Союз последовательно и твёрдо ведёт свою линию на претворение в жизнь в международных отношениях принципов, целей и задач устава организации Объединённых наций. Советский Союз борется за выполнение решений Генеральной ассамблеи об атомной энергии и сокращение вооружений и вооружённых сил. Устав организации Объединённых наций настойчиво подчёркивает значение этой проблемы, указывая путь к её решению через сокращение вооружений и вооружённых сил вплоть до полного разоружения. В этом направлении работала мысль сотен миллионов людей всего земного шара, пославших сюда своих полномочных представителей, чтобы не щадить своих усилий во имя великого дела укрепления мира и безопасности народов.

Советская делегация уже обращала внимание на те положения в уставе организации Объединённых наций и, в частности, на статью 11 устава, которая уполномочивает Генеральную ассамблею рассматривать общие принципы сотрудничества в деле поддержания международного мира и безопасности и, в том числе, принципы, определяющие разоружение и регулирование вооружений. Устав организации Объединённых наций, предусмотрев создание военно-штабного комитета при Совете безопасности, также отнёс к его компетенции, как это видно из статьи 47 устава, и вопросы регулирования вооружений и возможного разоружения. Нельзя также забывать и о такой важной статье устава, как статья 26, где говорится, что в целях содействия поддержанию международного мира и безопасности с наименьшим отвлечением мировых людских сил и экономических ресурсов для дела вооружения Совет безопасности несёт ответственность за формулирование планов создания системы регулирования вооружений.

Мы видим, таким образом, что устав организации Объединённых наций ставит вопрос о регулировании и сокращении вооружений в широком плане военно-политических и политико-экономиче-

ских мероприятий. Устав призывает к наименьшему отвлечению мировых людских сил и экономических ресурсов для дела вооружения. Устав призывает не только к сокращению вооружений, но и к возможному разоружению, ставя перед организацией Объединённых наций далеко идущие цели, осуществление которых было бы достижением такого прогресса, который означал бы вступление человечества в новую эпоху своей истории.

В этой связи приобретает особенное значение и резолюция Генеральной ассамблеи от 14 декабря 1946 года. Этой резолюцией организация Объединённых наций сделала громадный шаг вперёд по пути практического осуществления таких задач, как запрещение атомного оружия и сокращение вооружений и вооружённых сил. Значение резолюции 14 декабря заключалось именно в попытке поставить дело запрещения атомного оружия и сокращения вооружений на рельсы практической работы. Об этом говорят те пункты этой резолюции, которые обязывали Совет безопасности ускорить рассмотрение проектов конвенции или конвенций по запрещению атомного и других видов оружия, которые могли бы применяться в настоящее время и в будущем для массового уничтожения. Эта резолюция рекомендовала Совету безопасности незамедлительно приступить к выработке соответствующих предложений по запрещению атомного оружия и по контролю над атомной энергией. Именно эта цель — практическое претворение в жизнь всеобщего стремления народов к запрещению атомного оружия и к сокращению вооружений — нашла своё выражение в резолюции 14 декабря 1946 года, и это определяет громадное историческое значение указанной резолюции.

Что касается сокращения вооружений, то следует напомнить пункт второй указанной резолюции, который рекомендует Совету безопасности незамедлительно приступить к выработке предложений в целях обеспечения такого рода практических и эффективных гарантий в связи с контролем над атомной энергией и общим регулированием и сокращением вооружений. Надо напомнить также и другие пункты этой резолюции и, в частности, пункт седьмой, которым рекомендовалось «общее прогрессивное и балансирующее сокращение национальных вооружённых сил».

С тех пор прошло два года. Задачи, поставленные перед организацией Объединённых наций постановлениями Генеральной ассамблеи от 24 января и 14 декабря 1946 года, оказались более сложными и более трудными, чем это предполагалось в то время. За эти два года ещё резче определилось напряжение в международных отношениях, вызванное бешеной гонкой вооружений и пропагандой новой войны со стороны правительств Соединённых Штатов Америки и Великобритании, задающих тон целому ряду европейских капиталистических государств.

Не ясно ли, что Советский Союз и страны новой демократии Восточной Европы являются последовательными и неутомимыми борцами за выполнение решений Генеральной ассамблеи, направленных на запрещение атомного оружия и на сокращение воору-

жённых сил, о чём мечтают, к чему стремятся, за что борются миллионы и миллионы простых людей во всём мире.

Руководствуясь принципами политики мира и укрепления добрососедских отношений со всеми соседними странами, Советский Союз и внёс свои предложения о запрещении атомного оружия и сокращении на одну треть вооружений и вооружённых сил пяти постоянных членов Совета безопасности. При этом сокращение пятью великими державами всех своих наличных сухопутных, морских и воздушных сил на одну треть в течение одного года Советский Союз рассматривает в качестве первого шага в деле сокращения вооружений и вооружённых сил. Это именно первый шаг, это начало, которое нужно, наконец, положить великому делу всеобщего сокращения вооружений и вооружённых сил. На этот раз Советский Союз предлагает провести сокращение вооружений и вооружённых сил пяти великих держав, поскольку именно пять великих держав, постоянных членов Совета безопасности, обладают подавляющей массой вооружённых сил и вооружений и несут главную ответственность за поддержание мира и всеобщей безопасности.

4. ГОРЕ-КРИТИКИ СОВЕТСКИХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Уже общие прения в Первом комитете по советским предложениям показали, что эти предложения пришлось не по вкусу делегациям тех государств, внешняя политика которых, наоборот, направлена не на сокращение, а на усиление вооружений, на гонку вооружений. Именно эти делегации с самого начала встретили советские предложения недоброжелательно, хотя и не имели мужества открыто об этом заявить. Эту же линию они продолжали и в подкомитете по выработке резолюции.

Они начинали с уверения в том, что они полностью согласны с предложениями, представленными Советским Союзом о запрещении атомного оружия и о сокращении пятью великими державами на одну треть своих вооружений и вооружённых сил. Но они тут же выражали всякие сомнения в возможности принять советские предложения и заканчивали прямыми возражениями против советских предложений. Французский делегат сделал, например, в подкомитете заявление в таком духе, что советские предложения, мол, «слишком общи по форме», что они представляют собой «просто заявление» и т. п.

Эти противники советских предложений придумывали всяческие возражения вроде того, что неясно, каким образом должны быть осуществлены предусмотренные в этих предложениях мероприятия; что в настоящее время неизвестно количество вооружённых сил и вооружений постоянных членов Совета безопасности; что не указан механизм для проведения сокращения вооружений; что не указаны постановления, которые помогли бы обеспечить по стадиям проведение учёта вооружённых сил и вооружений; что нет опубликованных данных об этих вооружённых силах и вооружениях; наконец, указывали на то, что не обеспечено учреждение эффектив-

ного контроля для наблюдения за выполнением всех предписанных мероприятий в отношении сокращения.

Некоторые критики всё дело старались свести к вопросу о контроле и в первую очередь к вопросу о соотношении между мероприятиями по контролю и мероприятиями по сокращению вооружений и вооружённых сил.

Не трудно было понять, что это был тот же вопрос, который ставился и в работе атомной комиссии и который был использован для того, чтобы загнать в тупик работу атомной комиссии. И на этот раз противники советских предложений прибегли к тому же самому приёму, пустив в ход ту же самую аргументацию, настаивая на тех же самых мотивах, которые они широко и неоднократно использовали и используют в настоящее время, чтобы сорвать мероприятия по запрещению атомного оружия.

Французский делегат говорил в подкомитете: «Проведение учёта, опубликование данных и контроль являются тремя основными мероприятиями, от которых зависят регулирование ограничений и сокращение вооружённых сил и вооружений».

Нет спора, эти мероприятия имеют, действительно, большое значение. Но совершенно неправильно, по-нашему, было бы решение вопроса о сокращении вооружений и вооружённых сил ставить в зависимость от предварительного решения таких вопросов, как учёт и контроль. Учёт и контроль при всём своём значении не могут обусловить решение вопроса о сокращении вооружений и вооружённых сил. Наоборот, решение о сокращении вооружений и вооружённых сил должно обусловить решение вопросов об учёте и контроле, как и решения ряда других технических вопросов.

К сожалению, не так ставят вопросы некоторые другие делегации. Китайская делегация, например, возражает против предложения Советского Союза по ряду совершенно искусственных мотивов. Она даже в самой краткости советских предложений позволяет себе усмотреть, как выразился неучтиво китайский делегат, злонамеренность и бесцельность. Выходит, что уже в том, что советская резолюция кратко и ясно излагает свои предложения, усматривается злонамеренность и бесцельность. Можно думать, что в крепких выражениях китайский делегат видит всю силу своих аргументов. Он недоволен, главным образом, тем, что, согласно предложениям Советского Союза, контроль над осуществлением сокращения вооружений и вооружённых сил должен быть учреждён в рамках Совета безопасности. Этого обстоятельства для китайского делегата достаточно, чтобы притти к заключению о том, что это не контроль, а, как он выразился, «неопределённый контроль», не эффективный контроль, и что поэтому нельзя принимать предложения Советского Союза о сокращении вооружений и вооружённых сил.

Однако китайский делегат не потрудился разъяснить, в чём же он видит неэффективность этого контроля. Он не потрудился также разъяснить и то, чем объясняются его возражения против учреждения контрольного органа в рамках Совета безопасности согласно предложениям СССР, тогда как это в точности соответ-

ствует резолюции Генеральной ассамблеи от 14 декабря 1946 года и именно пункту 6 этой резолюции, где говорится о том, что контроль должен быть в рамках Совета безопасности. Выходит, что китайская делегация отказывается от того решения, которое при участии китайской делегации было принято в 1946 году и выражено в 6-м пункте резолюции 14 декабря.

Китайский делегат полностью принимает американский план международного контроля, в пользу которого он распиался здесь с таким усердием, причём китайский делегат утверждал, что якобы в проекте советской резолюции ничего не говорится о контроле.

Но такое утверждение явно не соответствует действительности. В проекте советской резолюции, а именно в пункте 3 его резолютивной части говорится об учреждении международного контрольного органа в рамках Совета безопасности. Как же в таком случае китайский делегат позволяет себе говорить, что в советской резолюции нет указания на учреждение контрольного органа. Это, повторяю, не соответствует действительности.

Мы помним, что некоторые делегаты, оспаривая предложения СССР, указывали на то, что в этих предложениях не предусматривается обязательство пяти государств дать полные сведения о состоянии своих вооружённых сил и вооружений.

Это — тоже неправильно. В предложениях делегации СССР на этот вопрос даётся исчерпывающий ответ. Международному контрольному органу, гласит этот ответ, каждой из пяти великих держав — постоянных членов Совета безопасности должны быть представлены полные официальные данные о состоянии их вооружений и вооружённых сил.

Таким образом, возражения против этой части проекта советской резолюции, представленные некоторыми делегациями, и в том числе делегациями США, Великобритании, Франции и Китая, лишены всякого основания. В своих стараниях во что бы то ни стало отвести предложения Советского Союза противники этих предложений указывали на то, что никому не известно якобы состояние вооружённых сил Советского Союза в настоящее время.

Это тоже не соответствует действительности. Всему миру должно быть известно состояние вооружённых сил в СССР, поскольку были опубликованы указы Президиума Верховного Совета о демобилизации всех возрастов, призванных под ружьё в Советском Союзе во время войны, и что, следовательно, вооружённые силы СССР приведены в настоящее время к уровню мирного времени. Таким образом, и здесь факты говорят против тех, кто возражает против советских предложений о запрещении атомного оружия и сокращении вооружений и вооружённых сил пятью великими державами на одну треть.

Китайский делегат в подкомитете возражал против советских предложений, считая принятие этих предложений равносильным подписанию бланкового чека.

О каком бланковом чеке можно говорить при наличии представленных полных официальных данных о состоянии вооружений и вооружённых сил. Как же можно говорить о бланковом чеке,

когда и советская делегация заявляет: «Пять постоянных членов Совета безопасности должны предоставить полные официальные данные о своих вооружённых силах и вооружениях».

А нам говорят: «Это требование равнозначно выдаче бланкового чека».

Но ведь это же нелепо, это же не лезет, как говорится, ни в какие ворота, это же просто выдумка, которая противоречит очевидным фактам. Но нам говорят: тем хуже для фактов.

Далее т. Вышинский высмеял китайского делегата, который пытался выдвинуть против СССР клеветнические обвинения в посылке каких-то тридцати тысяч японских военнопленных для участия во внутренней борьбе в Китае.

— В подкомитете,— продолжал т. Вышинский,— выступал представитель Сальвадора. Он, со своей стороны, пытался доказывать в подкомитете, что принимать какие-либо решения о сокращении вооружений или о запрещении атомного оружия не позволяет «атмосфера, существующая сегодня в мире». Он при этом напомнил о ситуации в Греции, Корее, Китае, добавив к этому и берлинский вопрос, заявив по этому последнему вопросу, что стоило бы только Советскому Союзу снять ограничения по транспорту в Берлине, как политическая атмосфера сейчас же бы улучшилась.

Представитель Сальвадора делает вид, что ему неизвестно, что Советский Союз предпринял всё, что от него зависело, для достижения возможного соглашения по берлинскому вопросу, что неофициальные переговоры представителя СССР с представителями шестёрки в Совете безопасности привели к такому соглашению, но что представители США и Англии объявили это соглашение несуществующим. Ясно, что именно на США и Англии должна лежать и вся ответственность за то положение, которое сложилось в так называемом берлинском вопросе.

Вот что создаёт, в сущности говоря, ту атмосферу, которую отравляют правительства государств, не заинтересованных в международном сотрудничестве, не заинтересованных и в укреплении мира, которые не дорожат ни миром, ни безопасностью народов. Они-то и сопротивляются предложениям Советского Союза о запрещении атомного оружия. Они сопротивляются предложениям Советского Союза о сокращении вооружений и вооружённых сил пяти великих держав на одну треть, т. е. сопротивляются всем мероприятиям, проведение которых само по себе уже облегчило бы напряжённость положения в международных отношениях; проведение которых само по себе уже послужило бы фактором укрепления международного доверия; принятие которых сразу внушило бы уверенность в том, что если можно сговориться на этих вопросах, то, значит, можно договориться и на более общих и важных проблемах международного сотрудничества. Но это именно и встретило такое сопротивление.

Я не считаю уместным говорить здесь больше того, что сказано и опубликовано, в частности, в официальном порядке по берлинскому вопросу, но я утверждаю — и это уже разоблачено в полном объёме и до конца,— что Советский Союз сумел достигнуть

соглашения с шестью державами по берлинскому вопросу, но оно было сорвано английским и американским представителями.

Поэтому представитель Сальвадора не имел никаких оснований говорить, что стоило Советскому Союзу сделать какой-то шаг в берлинском вопросе, и сразу было бы найдено международное доверие. Да, мы сделали этот шаг. Мы договорились с шестью, но нам помешали довести это дело до конца, сорвали это соглашение. И, таким образом, тот шаг по пути к укреплению международного доверия, который был сделан Советским Союзом, не был сделан теми, которые с самого начала взяли в берлинском вопросе за правило не выполнять достигнутые соглашения, под которыми стоит их подпись. Так было с согласованными директивами 30 августа, так было с целым рядом других соглашений по берлинскому вопросу, которые все оказались Англией и Соединёнными Штатами Америки зачёркнутыми и сданными в архив, начиная от Ялты и Потсдама и кончая согласованными решениями о Контрольном совете и по другим вопросам, касающимся Германии.

Вот, я говорю, что создаёт ту атмосферу, которая действительно отравляет общественное доверие, ликвидирует, уничтожает и подрывает это общественное доверие.

Советская делегация, защищая свои предложения, указывала на то, что можно же было договориться в прошлом о запрещении употребления в войне удушающих газов и газовых бомб. Почему же нельзя договориться о запрещении атомных бомб? Почему же нельзя договориться о запрещении использования атомной энергии в военных целях? В ответ на это нам говорят, что это неудачная аналогия. Но, как известно, такой же точки зрения держится и английская ассоциация научных работников, публично выразившая в сентябре этого года своё недоумение по поводу сопротивления советским предложениям о запрещении атомного оружия. Генеральный секретарь этой ассоциации госпожа Инс по этому поводу писала:

«Мы считаем, что позиция западных держав в отношении конвенции, ставящей вне закона применение атомного оружия, является неправильной. Какой вред принесло бы наше согласие с декларацией о том, что не следует использовать атомную энергию в военных целях в любой будущей войне? Это никоим образом не помешало бы обсуждению других вопросов, поднятых Советским Союзом.

В конце концов, подобное заявление,— говорится в этом меморандуме английских учёных,— содержалось в конвенции, осуждающей газовую войну. Почему же нельзя было осудить применение в войне атомной энергии?»

И это совершенно справедливо. Однако нашлась делегация, которая считает эту аналогию с запрещением использования на войне удушающих газов в данном случае неприменимой. По мнению бельгийского делегата, эта аналогия неприменима потому, что конвенция о запрещении отравляющих газов имеет в виду не производство отравляющих газов, а лишь их использование на войне, тогда как конвенция о запрещении атомного оружия должна запретить не только использование, но и производство атомного ору-

жия. Здесь бельгийский делегат и видит существенную разницу, исключаящую возможность проведения аналогии между этими двумя конвенциями.

Но такое рассуждение бельгийского делегата — кажется, г-на Роллена — не выдерживает критики. Г-ну Роллену должно быть ясно, что и в случае запрещения атомного оружия дело идёт не о запрещении производить атомную энергию, как в случае о запрещении употребления удушающих газов дело не идёт о запрещении производства удушающих газов. Удушающие газы можно производить, и их никто не собирался запретить и не запретил производить, а конвенция запретила только использовать их на войне. Атомную энергию можно производить, и никто не собирается и не предлагает запретить производство атомной энергии. Но мы собираемся запретить, по крайней мере, предлагаем и настаиваем на том, чтобы было запрещено использование атомной энергии в военных целях, т. е. как там запрещались газовые бомбы, так здесь должны быть запрещены атомные бомбы.

Как же можно в таком случае не согласиться с такой аналогией? Аналогия полная. Иначе говоря — в одном случае не допускается использование в качестве оружия удушающих газов, в другом случае не допускается использование в качестве оружия атомной энергии. В одном случае разрешается производство удушающих газов, но не для военных целей, в другом случае допускается производство атомной энергии, но не для военных целей. Полная аналогия.

Но бельгийский представитель должен отрицать эту аналогию, и он отрицает её. И он придумал такого рода соображения, что там-де идёт речь об использовании, тут — о производстве. Ничего подобного. И там, и здесь идёт речь об использовании в одном случае удушающих газов в качестве оружия, в другом случае атомной энергии в качестве оружия. В одном случае разрешается производство удушающих газов и в другом случае разрешается производство атомной энергии. Но как в первом случае дело идёт о мирных целях, так и во втором случае дело идёт лишь о мирных целях.

Вот почему мы настаиваем на этой аналогии, ибо если, действительно, даже такое страшное оружие, как бактериологическое оружие, как удушающие газы, могло быть запрещено международной конвенцией, то, спрашивается, какие же препятствия к тому, чтобы запретить атомное оружие? Какие препятствия? Недаром же целый ряд учёных высказывается в том смысле, что бактериологическое оружие не менее страшное, не менее убийственное оружие, чем атомная энергия. Будут ли погибать миллионы людей от атомной бомбы или от чумы, — я думаю, что для тех, которые были бы жертвами того и другого, это не имеет никакого значения.

Вот почему мы, советская делегация, настаиваем на правильности этой аналогии, больше того, мы настаиваем на том, что конвенция о запрещении применения в войне удушливых газов — это исторический прецедент, который себя оправдал и который нельзя не использовать и которым нельзя пренебрегать, для того, чтобы

на историческом опыте показать всю реальность и возможность запрещения атомного оружия — и чем раньше, тем лучше.

Бельгийский делегат в своих возражениях против предложений Советского Союза относительно сокращения вооружений и вооружённых сил указал на то, что в странах — я хочу держаться ближе к тексту его заявления — парламентской демократии никогда не сообщаются подробности, как он выразился, «специфического характера относительно нашего военного оружия, резервов и вооружений, которые только что поступают в производство». Значит, в странах парламентской демократии не сообщаются подробности, касающиеся оружия, и т. д.

Что же за вывод сделал отсюда г-н бельгийский представитель?

Он сделал тот вывод, что, в сущности говоря, официальные сведения не являются достоверными. В связи с этим он высказал предположение, что и те сведения, которые должны будут представить пять великих держав относительно состояния своих вооружённых сил и вооружений, точно так же будут не достоверны и что вообще к ним относиться с должным доверием нельзя.

Это замечание характерно. Из него следует, во-первых, что в парламентских странах не говорят своему народу всей правды. Я прошу обратить внимание, это говорит бельгийский представитель, заявивший, что сведения, которые публикуются в парламентских странах, в странах парламентской демократии, не заслуживают доверия в той части, которая нас особенно интересует. Он говорит, что народу всей правды, касающейся состояния вооружений, не сообщают ни в бюджетах, ни в парламентских докладах.

Но если это так, — пусть это остаётся на совести бельгийского делегата, — то это очень плохо, это очень дурной обычай. Следует ли, однако, из этого, что, ссылаясь на дурные обычаи разных стран, где, как сказал бельгийский представитель, действует парламентская демократия, надо противопоставлять эти дурные обычаи советским предложениям и стараться опорочить смысл и значение тех предложений, которые внесены советской делегацией?

Конечно, для этого нет никаких оснований.

Вместо советских предложений бельгийский представитель отдаёт предпочтение французскому предложению, сущность которого заключается в том, что прежде, чем проводить сокращение вооружений и вооружённых сил, необходимо собрать информацию о состоянии вооружённых сил и вооружений. Как известно, это и вошло впоследствии в качестве основного элемента так называемого проекта бельгийской резолюции.

Бельгийский представитель ссылаясь при этом на то, что для проведения в жизнь советских предложений нет необходимого общественного доверия.

Но если состояние международных отношений в настоящее время таково, что нет доверия для проведения в жизнь советских предложений, то разве это нельзя применить также и к вопросу о проведении в жизнь французского предложения? Доверие есть о проведении в жизнь французского предложения? Доверие есть доверие, как недоверие есть недоверие. И если нет доверия для

того, чтобы сократить свои вооружения, так как нет уверенности в правильности и полноте представляемых для этого данных, то какие основания считать, что представляемая предварительно информация, о которой говорится в бельгийской резолюции, будет пользоваться большим доверием при таком же самом состоянии международных отношений?

Ясно, что положение совершенно одинаковое и что если в первом случае нет оснований для доверия, то никаких оснований для доверия нет и во втором случае. Если нельзя согласиться на то, чтобы доверять официальным данным, которые будут представлены правительством о вооружённых силах и вооружениях, чтобы на основании этих данных произвести сокращение, то какие же основания относиться с доверием к той информации, которую представят те же самые правительства о тех же самых вооружениях и вооружённых силах. Ясно, что положение одинаковое, и, таким образом, аргумент, выдвинутый бельгийским представителем, решительно не выдерживает никакой критики.

Но речи о международном доверии, как предварительном условии для сокращения вооружений или для запрещения атомного оружия, мы слышали и от других делегаций. И это, в сущности говоря, является лейтмотивом всех возражений противников. На это указывала и английская делегация.

В качестве условия для установления такого международного доверия английский представитель, если я не ошибаюсь — г-н Фалла, указал в подкомитете на несколько пунктов и среди них на необходимость завершить мирное урегулирование с Германией и Японией.

Но, во-первых, если вы обратитесь к резолюции Генеральной ассамблеи от 24 января или к более полной, развёрнутой резолюции на эту же тему от 14 декабря 1946 года, то вы убедитесь, что там нет вообще никаких предварительных условий. Следовательно, представитель Великобритании совершенно произвольно выдвинул новые условия, как, например, «мирное урегулирование с Германией».

Мы, однако, примем этот вызов. Пусть будет так. Пусть для того, чтобы завоевать и укрепить международное доверие, действительно нужно мирно урегулировать вопрос с Германией. Но как же здесь обстоит дело?

Известно, что ещё в ноябре 1947 года советский министр иностранных дел В. М. Молотов внёс в Совет министров иностранных дел в Лондоне во время Лондонской сессии предложение советской делегации о мирном урегулировании германского вопроса, о мирном урегулировании с Германией. Можно было бы напомнить, что в советских предложениях по этому вопросу, внесённых в Совет министров иностранных дел в ноябре 1947 года в Лондоне, говорилось: «...Руководствуясь ранее принятыми совместными решениями наших правительств, Совет министров иностранных дел должен признать неотложность, поскольку это касается Европы, необходимости приступить к подготовке мирного договора с Германией и рассмотреть при этом как вопросы, относящиеся к процедуре подготовки мирного договора с Германией, так и основные вопросы самого мирного договора».

Факт это или не факт? Факт, который нельзя опровергнуть, факт, который говорит о том, что советское правительство год тому назад вносило в Совет министров иностранных дел в Лондоне предложение, которое я сейчас огласил, по мирному урегулированию с Германией. В силу этого советская делегация предлагала в первую очередь рассмотреть такие основные вопросы, относящиеся к подготовке мирного договора с Германией, как вопросы об образовании общегерманского демократического правительства, о созыве мирной конференции для рассмотрения проекта мирного договора с Германией и об основных директивах для выработки мирного договора с Германией.

А какова была судьба этого советского предложения? Судьба его была такова: это предложение было отклонено по инициативе Соединённых Штатов Америки и Великобритании. Если представители Великобритании считают, что мирное урегулирование с Германией является одним из важных условий, способных обеспечить международное доверие, то должно быть ясным, что удар по международному доверию нанесли именно представители трёх правительств в Совете министров иностранных дел, отклонившие советские предложения о мирном договоре с Германией.

Что же получается? Мы вносим предложение о мирном урегулировании с Германией; его отклоняют. Теперь, через год, нам говорят: Если бы вы сделали шаг по направлению к мирному урегулированию с Германией, то тогда международное доверие окрепло бы. Но мы сделали этот шаг; мы внесли соответствующий документ. А вы какой шаг сделали? Пошли ли вы навстречу этому предложению? Согласились ли вы с этим предложением? Нет, вы отклонили его. Какое же вы имеете право говорить о том, что нельзя принять советское предложение о сокращении вооружений, потому что нет международного доверия, а международного доверия нет потому, что нет мирного урегулирования с Германией, и что Советский Союз должен был сделать в этом направлении какие-то шаги, тогда как Советский Союз уже год тому назад сделал эти самые шаги?

Если вы считаете, что без такого условия нет международного доверия, то вы должны нести ответственность за то, что нет этого международного доверия, ибо, отклонив советские предложения о мирном урегулировании с Германией, вы тем самым подорвали то международное доверие, о котором вы здесь лицемерно вздыхаете.

Английский делегат заявил далее, что стоило бы только советскому правительству согласиться представить, хотя бы в общих чертах, сведения о своих вооружённых силах и вооружениях, как уже сделан был бы большой шаг в направлении укрепления международного доверия. Желая блеснуть своей проникательностью, английский представитель к этому добавил, что советское правительство, конечно, не сделает такого шага и, конечно, отвергнет такое предложение.

Увы, наш предсказатель и здесь провалился, так как советское правительство совершенно ясно и определённо заявило и это заявление облекло в конкретное предложение, включённое в проект

советской резолюции, что международному контрольному органу должны быть представлены всеми пятью государствами, а следовательно, и Советским Союзом, полные официальные сведения о вооружениях и вооружённых силах.

Но допустим, что прав представитель Великобритании, который говорил, что стоило бы только Советскому Союзу дать согласие на предъявление всех своих данных о вооружениях и вооружённых силах, как был бы сделан большой шаг вперёд. Мы согласны представить эти сведения. Мы об этом не только сказали с трибуны, но мы записали это в проект нашей резолюции. Значит, отпадает препятствие к тому, чтобы принять наше предложение. В таком случае, почему же вы его не принимаете?

Не ясно ли, что это опять-таки только отговорка, предназначенная для того, чтобы прикрыть своё нежелание осуществить сокращение вооружений, как это предлагает советская делегация.

Английский делегат не оставил без внимания и вопрос о «вето», повторив старые, заезженные аргументы против принципа единогласия, которые якобы советское предложение имеет в виду применить и в работе международного контрольного органа. Трудно понять, зачем понадобилось Макнейлу так извращать дело, особенно после всех тех разъяснений, которые были уже даны советскими представителями по этому вопросу.

Напомним, что в третьем докладе атомной комиссии от 19 июня 1946 года в том месте, где излагается позиция по этому вопросу советского правительства, прямо говорится: «...Контрольные органы и органы инспекции должны осуществлять свои контрольные и инспекторские функции, действуя на основе своих собственных правил, которые должны предусматривать принятие в соответствующих случаях решений большинством голосов».

Следует также напомнить о сделанном в 1946 году на заседании Первого комитета Генеральной ассамблеи заявлении главы советской делегации В. М. Молотова по этому же вопросу. В. М. Молотов в ответ на подобные речи противников советских предложений заявил, что «совершенно неправильно изображать дело так, что будто бы какое-нибудь государство, располагающее «правом вето», будет в состоянии помешать осуществлению контроля и инспектирования». В. М. Молотов продолжал: «Контрольные комиссии — не Совет безопасности, и поэтому нет никаких оснований говорить, что, пользуясь «правом вето», какая-либо держава будет в состоянии воспрепятствовать проведению контроля. Всякая попытка,— говорил В. М. Молотов,— воспрепятствовать проведению контроля или инспектирования по принятым Советом безопасности решениям будет не чем иным, как нарушением решения Совета безопасности».

Значит, совершенно неправильно толкуется вопрос о так называемом «вето» в применении к работе международного контрольного органа. Конечно, право «вето» принадлежит Совету безопасности. Нравится ли оно кому-нибудь, или не нравится (мы знаем, что есть делегации, которым это «вето» не нравится), но это устав, это — принцип устава, и мы вправе его защищать, пока он из устава не исключён. Мы вправе бороться за него всеми мерами, всеми силами

и средствами, чтобы он из устава не был исключён, ибо это краеугольный камень устава, краеугольный камень всей организации Объединённых наций.

Но это другой вопрос, а здесь идёт вопрос о том, что никто никогда, по крайней мере, что касается Советского Союза, не предлагал и не предлагает применить право «вето» в работе контрольных органов.

Значит, противники и критики советских предложений или сознательно смеиваются эти два вопроса, чтобы ввести в заблуждение неискушённых людей, или действуют по недоразумению, потому что они сами не разобрались как следует в этих вопросах, не разобрались в том, что одно дело — работа контрольных органов, одно дело — механизм голосования в международном контрольном органе, а другое дело — Совет безопасности, другое дело — механизм голосования в Совете безопасности. Смешивать эти вопросы нельзя.

Мы говорим ясно и точно: международный контрольный орган должен быть без «вето», Совет безопасности — с «вето». Значит, никто не смеет говорить, что мы будто бы хотим в международный контрольный орган включить право «вето». Нет, этого и не было с самого начала. Я вам привожу документ, опубликованный в третьем докладе, и я вам привожу заявление авторитетнейшего руксводителя советской внешней политики министра иностранных дел СССР Вячеслава Михайловича Молотова, которое уже два года тому назад было произнесено в Первом комитете в Нью-Йорке.

После всего того, что было высказано, как же английские представители и некоторые другие представители позволяют себе вновь возвращаться к вопросу о «вето», пытаясь и на этот раз использовать этот жупел, чтобы попробовать сорвать принятие советских предложений.

Мы видим, однако, что все эти попытки достаточно неуклюжи, и мы надеемся, что эти попытки постигнет такая же неудача, как и многие другие попытки такого же рода.

Есть ещё другие возражения против советских предложений, которые представил г-н Макнейл. Он буквально засыпал советскую делегацию этими вопросами, вроде того, как понимать выражение «вооружённые силы»? Определяется ли соотношение в одну треть в соответствии с количеством каждого отдельного вида оружия или с количеством средств, затраченных на производство этого оружия? Как можно обеспечить справедливое проведение сокращения вооружений и вооружённых сил и т. д. и т. п.

Здесь сегодня бельгийский представитель дошёл до того, что он просил разъяснить, как можно сократить на одну треть один крейсер? Я должен думать, что даже бельгийский представитель этого не разъяснит, тем более что никто и не предлагает один крейсер сократить на одну треть. Я видел, правда, в одном французском журнале карикатуру, как на одной лошади сидят три французских кавалериста, с надписью «Сокращение армии на одну треть». Но с крейсером даже и этого нельзя проделать. Но зато я скажу — можно сократить три крейсера на одну треть. Можно сократить 33 подводных лодки на одну треть и т. д. и т. п. И это

сокращение в течение года должно быть произведено экспертами, сведущими в этих вопросах в большей степени, чем некоторые другие. Не будучи специалистом военного дела, я заранее могу сказать, что всё это не представляет непреодолимых трудностей, тем более что в анналах даже ещё печальной памяти Лиги наций имеется много материалов по этому поводу, разработанных в своё время, ибо в течение двух десятков лет разрабатывались вопросы о сокращении вооружений, в том числе и на одну треть. Ещё американский президент Гувер вносил аналогичное предложение и вносила такие предложения о всеобщем сокращении вооружений и советская делегация двадцать лет тому назад.

Есть множество материалов такого рода, которые дают возможность технически справиться с задачей, трудность которой так подчёркивается сейчас противниками этого предложения только для того, чтобы этой трудностью отпугнуть от принятия этого предложения.

Оказывается, нельзя сократить на одну треть флот, если имеется один крейсер, оказывается, нельзя сократить флот, если имеется один дредноут. Нет, всё это задача разрешимая, точно так же как разрешимы все задачи, перед которыми стала втупик английская делегация, когда она задавала вопрос: «А что такое вооружённые силы?»

Я кратко мог бы, пожалуй, объяснить. Я просто сослался бы, скажем, на мирный договор с Италией или на мирный договор с Болгарией и с Румынией, где употребляется термин «вооружённые силы» и где в приложениях даже нет никакого объяснения понятия этого термина, хотя имеется объяснение ряда других терминов, но ведь это же элементарно. Если г-ну Макнейлу кажется очень трудным решить эту задачу, то, я думаю, найдутся специалисты этого дела, которые сумеют разрешить такую проблему — определить, что такое вооружённые силы.

Но важно нам ответить на одно. Советский Союз говорит: все вооружённые силы — и сухопутные, и морские, и военно-воздушные — пяти великих держав, — все вооружённые силы подлежат сокращению на одну треть. И говорят нам после этого: это неясно, это туманно, это нереально. Ну, знаете ли, это можно говорить, конечно, по всякому решительно поводу. Можно тогда вообще эту фразу раз навсегда затвердить и повторять при каждом рассмотрении каждого проекта для того, чтобы за эти фразы скрывать своё отрицательное отношение вообще к самому принципу сокращения вооружений и вооружённых сил.

Вот почему я и говорю, что можно успокоить английского представителя, что все эти вопросы нетрудно будет решить в процессе последующей работы на протяжении года. Ведь неправильно делают те мои коллеги, которые утверждают, что советская делегация предлагает немедленно осуществить сокращение вооружений и вооружённых сил. Это неправильно. Мы не предлагаем немедленно сократить, а говорим: в течение года. Вы, может быть, считаете, что год — это очень маленький срок, но я не слышу других предложений. Год — это срок солидный. Значит, не немедленно, а в течение года.

Потом Бельгия говорит: «Мы не согласны на сокращение». Но ведь, господа бельгийцы, мы вас и не приглашаем к этому делу. Мы предлагаем это пяти великим державам. Мы знаем, что вы не согласны. Вы и не решаете этого дела, потому что решают дело пять великих держав, у которых подавляющая масса вооружённых сил. Почему вы так горячитесь? Почему вы такую активность проявляете? И резолюцию внесли. Но было бы более понятно, если бы резолюцию внесли США, или внесли бы англичане, или даже французы, или даже Китай. Во всяком случае, эти доводы не имеют решительно никакого значения.

Английский представитель говорил ещё, что он должен откровенно признать, что «некоторые государства едва ли могут провести дальнейшее сокращение, не подвергая опасности выполнение своих основных обязательств, таких, как поддержание порядка, возможно, во многих частях мира».

Значит, выходит так, что во многих частях мира сейчас британские вооружённые силы поддерживают порядок. В этих многих частях мира, как известно, почва горячая. В некоторых случаях она даже горит под ногами этих самых вооружённых сил и людей, которые наводят там порядок. Вот для этого нужно держать вооружённые силы, и поэтому не могут эти государства сократить свои вооружённые силы. Великобритания здесь перекликается с Китаем, с той только разницей, что Китай употребляет эту аргументацию в порядке внутреннего употребления, а Великобритания в порядке внешнего употребления.

В этой связи вполне понятно заявление г-на Макнейла о стратегическом интересе Великобритании в Греции. Раз стратегический интерес в Греции, значит — войска. Раз стратегический интерес в Китае, значит — войска. Раз стратегический интерес в Индонезии, значит — войска. Да, ну, как же можно в таком случае сокращать войска? Конечно, те государства, которые по уши влезли во всякие военные авантюры в разных частях мира, — они, конечно, не хотят принять наши предложения.

Вот, в сущности говоря, главные возражения противников советских предложений, и вы сами можете теперь судить, насколько они выдерживают критику. Нам кажется, что они критики не выдерживают. Нам кажется, что они не выдерживают критики потому, что они неосновательны, потому, что в этих возражениях упускается из виду главное и основное, и вместо главного, основного, выдвигаются на первый план второстепенные вопросы, а главные вопросы уаулируются и отодвигаются куда-то вдаль.

5. ИТОГИ И ВЫВОДЫ

Нам говорят о том, что, прежде чем принимать предложения Советского Союза о запрещении атомного оружия и о сокращении вооружений и вооружённых сил пятью великими державами на одну треть, необходимо обеспечить международное доверие. Но международное доверие должно быть обеспечено и для принятия любых

других предложений. Кроме того, принятие советских предложений безусловно будет содействовать укреплению международного доверия.

Нам говорят, что необходимо предварительно иметь точные и полные сведения о количестве вооружений и вооружённых сил всех заинтересованных государств. Но советские предложения предусматривают предоставление международному контрольному органу именно всех этих необходимых сведений.

Нам говорят о необходимости обеспечить контроль за выполнением этих предложений. Но предложения советской делегации точно указывают и на необходимость организовать контрольные органы — международный контроль, на который и возлагается настоящая задача.

Нам говорят о необходимости учредить международный контроль, особенно в отношении запрещения атомного оружия. Но Советский Союз предлагал договориться об одновременном заключении и введении в действие двух конвенций — о запрещении атомного оружия и о контроле над атомным оружием. Это предложение, однако, не было принято, и не было принято, несмотря на то, что до внесения Советским Союзом этого предложения об одновременности двух конвенций делегации США и Великобритании настаивали именно на таком решении этого вопроса.

Нам говорят, что вообще для принятия предложения Советского Союза не созрели все необходимые условия и что поэтому необходимо получить предварительную информацию о состоянии вооружённых сил, а потом уже принимать те или иные решения по существу вопроса о сокращении этих сил. Но требование такой информации полностью покрывается предложением Советского Союза представить международному контрольному органу все сведения и о вооружениях и о вооружённых силах. Это полностью исчерпывает весь данный вопрос. Таким образом, нашим пунктом относительно представления полных сведений исчерпывается, в сущности говоря, вся бельгийская резолюция, которая направлена на то, чтобы обеспечить получение предварительной информации. Так мы и говорим: дадим полную информацию.

Чем же это хуже того, что предлагают бельгийцы?

Таким образом, каких-нибудь серьёзных, деловых, заслуживающих внимания соображений против принятия предложения Советского Союза о запрещении атомного оружия, о сокращении вооружений и вооружённых сил пятью державами — нет.

Дело, очевидно, не в тех возражениях, которые были представлены. Дело не в тех искусственных причинах, на которые ссылаются противники советского предложения. Дело совсем в другом. Дело, очевидно, в том, что правящие круги США и Великобритании стремятся не только сохранить свои вооружения и вооружённые силы на нынешнем уровне, но и стремятся обеспечить себе возможность беспрепятственного дальнейшего роста своих вооружений и вооружённых сил, которые им нужны, как и атомная бомба, для осуществления своих планов, не имеющих ничего общего с задачами, целями и принципами организации Объединённых наций. Это

агрессивные планы. Этим планам противостоят силы миролюбивых народов.

Вот в чём заключаются действительные причины сопротивления четырёх великих державам предложениям Советского Союза. Действительные причины сопротивления советским предложениям заключаются в самом направлении политики руководителей США и Англии, которая является, как сказал Генералиссимус Сталин, политикой агрессии, политикой развязывания новой войны. Вот где действительные причины энергичных усилий, которые делают здесь делегации США, Великобритании, а вместе с ними — Китая и Франции, чтобы сорвать советские предложения.

Нельзя сомневаться в том, что воля миролюбивых народов к миру и международному сотрудничеству одержит верх, что эта воля устраним все препятствия, которые воздвигаются на этом пути силами реакции и агрессии. Как сказал Генералиссимус И. В. Сталин, слишком живы в памяти народов ужасы недавней войны и слишком велики общественные силы, стоящие за мир, чтобы ученики Черчилля по агрессии могли их одолеть и повернуть в сторону новой войны.

Вот те соображения, в силу которых советская делегация, уверенная в правоте своего дела и в правильности представленных ею предложений о запрещении атомного оружия и сокращении вооружений и вооружённых сил пятью великими державами на одну треть, уверенная в том, что эти предложения соответствуют интересам всех миролюбивых народов и будут способствовать делу мира и безопасности во всём мире, будет настойчиво бороться за свою резолюцию и призывает другие делегации поддержать проект советской резолюции.

„Известия“ № 268 (9798),
269 (9799) и 270 (9800)
от 12, 13 и 14 ноября 1948 г.

РЕЧЬ А. Я. ВЫШИНСКОГО В ПЕРВОМ КОМИТЕТЕ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ООН

(13 ноября)

Я хотел бы раньше всего остановиться на некоторых вопросах, которые были здесь подняты в связи с резолюциями бельгийской и советской делегаций. Я говорю об этом потому, что во вчерашних и позавчерашних прениях ряд выступавших ораторов далеко уходил от нашей темы, нагромождая один вопрос на другой, поднимая вопросы, которые, в сущности говоря, не имеют ничего общего с проектом советской резолюции, с теми предложениями, которые

были внесены Советским Союзом по запрещению атомного оружия и по сокращению на одну треть пятью великими державами вооружений и вооружённых сил. Это обязывает советскую делегацию ответить на наиболее важные, конечно, замечания, которые здесь были сделаны, притом нередко в пространной и часто весьма неделкатной форме.

Не надо забывать, в конце концов, что перед нами стоит конкретный вопрос о запрещении атомного оружия, вопрос о сокращении вооружений и вооружённых сил пятью великими державами на одну треть и что всякого рода вопросы, ничего общего не имеющие с этими предложениями, нисколько не содействуют ни выяснению дела, ни нашему продвижению вперёд в этом вопросе.

Больше того, это можно, пожалуй, рассматривать как стремление увести комитет в сторону от обсуждения наиболее важных и животрепещущих проблем, стоящих перед нами, и запутать важнейшее и самое существенное в куче всякого рода второстепенных вопросов, часто представляемых здесь в искажённом виде и ни в какой мере не содействующих успеху нашей работы. Я повторяю, это не метод, которого хотела бы держаться советская делегация, но, поскольку нам навязывают такой метод, мы не можем, конечно, им пренебрегать и не можем оставить без ответа целый ряд тех выступлений, которые в других условиях самое лучшее было бы вовсе игнорировать и отметить полным пренебрежением, если не сказать презрением.

1. МАСКИРУЮТ ОТКАЗ ОТ ЗАПРЕЩЕНИЯ АТОМНОГО ОРУЖИЯ И СОКРАЩЕНИЯ ВООРУЖЁННЫХ СИЛ

С точки зрения непосредственно стоящей перед нами задачи, именно — рассмотрения проекта представленной резолюции о запрещении атомного оружия и сокращении вооружённых сил на одну треть, я, конечно, не могу вновь не вернуться к проекту бельгийской делегации. Я считаю, что вчерашнее замечание уважаемого сирийского представителя Эль Хури по поводу пункта 6 было весьма основательно. Он убедительно доказал несостоятельность пункта 6 бельгийского проекта, и это очень опасное для бельгийской резолюции место, потому что если разгромить, говоря военным языком, это «предмостное укрепление», то ничего не останется от последующих объектов обороны. Дело в том, что в резолюции бельгийской делегации кроме пункта 6 ничего нет.

В самом деле, если вы возьмёте на себя труд ещё раз прочитать внимательно проект, который изложен в документе 1/356, то вы увидите, что первый абзац — это констатация, второй абзац — это констатация, третий абзац или параграф — это констатация, четвёртый — это та же констатация, пятый — это некоторые рекомендации для подхода к шестому параграфу, который составляет суть самой резолюции. Вот эта суть резолюции и подверглась вчера, как мне кажется, достаточно убедительной критике со стороны сирийского представителя. Я хотел бы продолжить эту критику и указать на те

действительно совершенно слабые места этого пункта, а следовательно, и всей резолюции, которые объясняют моё заявление позавчера о том, что этот проект является непригодным и неприемлемым.

В самом деле, что говорится в пункте 6, в котором выражается желание, чтобы комиссия по вооружению обычного типа озаботилась формулировкой предложений, касающихся собирания, проверки и опубликования информации о вооружённых силах и вооружениях?

Здесь, как бы между прочим, появляется, я бы сказал, как *deus ex machina*, какой-то международный контрольный орган. Однако нигде ничего об этом международном контрольном органе не сказано.

Откуда же он появляется? Откуда же он берётся? Кто должен его учредить? На каком основании он будет учреждён? Каковы будут его полномочия? Каков будет объём этих полномочий? Каковы будут его функции? Какие будут принадлежать ему права? Какими он будет обладать обязанностями?

Никакого ответа на эти вопросы в проекте резолюции большинства первого подкомитета нет, но авторы этой резолюции должны отдать себе отчёт в важности получить ответы на все эти вопросы. Нельзя же в самом деле сказать: «Комиссия по обычным вооружениям займётся формулировкой предложений, которые должны быть собраны, проверены и опубликованы международным контрольным органом», ничего не сказав в то же самое время о том, кто учредит этот орган, когда этот орган будет учреждён, на основании какого постановления он будет учреждён и какими он будет наделён правами, функциями и полномочиями. Вот такая формула, говоря языком китайского представителя,—действительно есть не что иное, как «бланковый чек».

Но я пойду дальше в области этой банковской терминологии. Я скажу, что это не бланковый чек, а это бронзовый вексель, который ничего не даёт, который видимостью какой-то формулы прикрывает полную бессодержательность этой формулы.

Советский проект резолюции, который подвергается здесь критике, действует иначе. В этом проекте резолюции говорится точно и ясно о том, что необходимо учредить международный контрольный орган в рамках Совета Безопасности.

Разве это не ясно? Разве это не определённо? Разве это не конкретно и разве это не реально?

Это реально потому, что это опирается на постановление Генеральной ассамблеи от 14 декабря 1946 года, где говорится о том, что контрольный орган должен быть учреждён в рамках Совета Безопасности. Мы это и воспроизводим, но мы говорим ясно, что мы хотим, чтобы Генеральная ассамблея уже теперь приняла решение об учреждении международного контрольного органа. А этому противопоставляют какую-то скороговоркой произнесённую фразу — в виде придаточного предложения, втиснутого в большой текст,— о международном контрольном органе, который неизвестно когда будет учреждён, кем будет учреждён и какими правами, обязанностями и полномочиями будет обладать.

Господа, разве после всего этого имеет кто-либо право говорить, что Советский Союз против международного контроля, а они — авторы этой резолюции, господа бельгийцы, англичане, американцы и французы, которые пожертвовали своей собственной резолюцией для того, чтобы спасти так называемую бельгийскую поправку, — стоят якобы за международный контроль. Оказывается, что те, которые ничего не говорят о том, что должен быть учреждён международный контрольный орган, — это сторонники международного контроля; а те, которые говорят, что нужно учредить этот международный контрольный орган, — те, оказывается, противники международного контроля?! Разве это не смешно, разве можно не краснея говорить такие вещи в Политическом комитете, где сидят взрослые и серьёзные люди?

Вот почему прав сирийский представитель, когда он говорит, что о таких вещах нельзя мимоходом бросать словечки, а нужно высказаться точно и ясно, но этого нет в проекте резолюции большинства. Это одно делает вашу резолюцию, г-н Роллен, порочной и негодной, делает тем, что по-русски называется филькиной грамотой.

В этом шестом пункте резолюции авторы идут, однако, дальше, говоря, что этот международный контрольный орган должен быть облечён полномочиями, *всеми принятыми*, т. е. полномочия эти должны быть приняты всеми государствами. И разве не прав почтенный Эль Хури, который и на это обратил внимание, указывая на то, что это означает всеобщую ратификацию.

Но ведь даже вступление в силу таких важных международных документов, как устав ООН или мирные договоры, не знает такой всеобщей ратификации. В прошлом году мы заключили пять таких мирных договоров, которые вступили в силу после ратификации их не всеми подписавшими эти договоры государствами, а лишь некоторыми, указанными в договорах. Версальский договор, заключённый в 1919 году, вступил в силу не тогда, когда все государства его ратифицировали, а когда была налицо ратификация со стороны некоторых государств, указанных в этом договоре.

Сирийский представитель сказал: это значит соглашение «*sine die*», без даты.

Я скажу больше — это значит соглашение с датой, которая называется *ad calendas graecas*, — с датой до тех календ, которых никогда у греков не существовало, ибо известно, что календы были только в римском календаре.

Что же это означает? Что же вы нам представляете? И тем не менее я уверен, что большинство всё же будет голосовать за это предложение, хотя оно и лишено всякого смысла. Конечно, это механическое большинство. Вчера г-н Макнейл блестяще доказал, что у них нет такого механического большинства. Я пойду дальше г-на Макнейла, я скажу, что у вас вообще нет никакого большинства. У вас имеется четыре делегации, которые равны трём, которые в свою очередь равны двум и которые в конце концов равны одной делегации. Вот ваше «большинство».

Что же, вы предлагаете этому большинству решение, которое уйдет в кармане у Соединённых Штатов Америки? Они не беспокоятся за исход дела, когда вы говорите, что контрольный орган должен быть облечён полномочиями, принятыми всеми, всеми 58 государствами, всем миром. Следовательно, достаточно, если кто-нибудь один не ратифицирует, то никогда этот контрольный орган не вступит в силу.

Разве это серьёзно, г-н Роллен? Разве это достойно серьёзного законодательного творчества? Разве так пишутся законы? И разве такие пишутся законы? Разве так пишутся международные соглашения? И разве такие пишутся международные соглашения, где неизвестно, кто учреждает, что за орган учреждается и в каком порядке ратифицируется это учреждение, когда вступает в силу? Какие сроки, даты?

Нет, господа, это шарада, а не проект резолюции. Это какой-то crossword, а не проект. В него нужно ещё подставлять какие-то буквы, чтобы получить слова. И, конечно, вполне естественно, что одни будут подставлять одни буквы, а другие — другие буквы. Языки разных народов так богаты словами, что из одинаковых букв можно составить разные слова, и всё это будет подано как резолюция Политического комитета, а потом и как резолюция Генеральной ассамблеи организации Объединённых наций.

Нет, господа, мы достаточно уважаем организацию Объединённых наций, чтобы присоединиться к такой пустой, бессодержательной резолюции, в которой столько же неизвестных, сколько и порочных мест, и где всё это запутано в один клубок, который распутать никто из вас оказывается не в состоянии.

Вот почему вчера детским лепетом звучала речь сенатора Роллена — детским лепетом, — когда он, не будучи в состоянии ответить на прямые и чётко поставленные вопросы сирийского представителя, должен был вертеться, крутиться и договариваться до того, что якобы непонятно, что значит сократить вооружения и вооружённые силы — как предлагает Советский Союз — на одну треть в течение года. Он даже сказал, — насколько я понял из перевода через эту трансляционную сеть, — что получается такое положение, что можно к такому-то времени в течение года сократить вооружения, а потом опять начать их восстанавливать. Откуда это видно? Откуда это взял бельгийский делегат? Где подобные указания можно почерпнуть в проекте советской делегации? В советском проекте ничего подобного нет, нет ничего, что позволило бы сделать такой смешной вывод.

Это означает только одно, что когда нет аргументов, когда нет основания и возможности опровергнуть доводы противника, тогда начинают нести всякую околесицу, всякий вздор, только для того, чтобы звучали слова, сотрясался воздух и создавалось впечатление, что всё-таки какие-то доводы приводятся, какие-то аргументы выдвигаются. Но прикоснитесь к этим так называемым аргументам, и они рассыплются в прах, как истлевшая ветошь.

Вот почему я и говорю, что основной, важнейший пункт в резолюции бельгийской делегации, который является проектом резолю-

ции большинства Первого комитета, порочен, непригоден, ибо главное, о чём здесь нужно говорить, — о международном контроле, — смазано, об этом сказано между прочим, скороговоркой, без указания, кто учредит этот контроль и каковы будут отношения органа контроля с Советом безопасности и будет ли вообще этот орган иметь какое-либо отношение к Совету безопасности.

В резолюции, между прочим, сказано, что этот контрольный орган будет собирать, проверять и публиковать какие-то сведения, но ничего не сказано о том, как он будет их собирать, как он их будет проверять, — это всё *tabula rasa* — чистый лист бумаги, на котором можно писать всё, что угодно, вплоть до того, что вовсе не относится к делу.

Вы считаете, что можно принять резолюцию с таким главным пунктом? Вас она удовлетворяет? Я должен сказать, что в таком случае у вас вкусы господ, не очень требовательные. У вас политические требования в таком случае, господа, не очень большие. И это понятно, потому что вам вовсе не нужен ни этот контрольный орган, ни сокращение вооружений, о чём здесь ясно, точно заявили и Соединённые Штаты Америки, и Англия и поддерживающие их некоторые другие государства, которые сейчас озабочены только одним: как-нибудь замаскировать своё отрицательное отношение к этому предложению Советского Союза, которое волнует умы, сердца и чувства миллионов и миллионов людей, следящих за работой и Политического комитета, и всей организации Объединённых наций, людей, которые потребуют от вас, — если не завтра, когда вы вернётесь к себе домой, то в своё время, — ответа, почему вы голосовали за сохранение атомной бомбы, почему вы голосовали против сокращения вооружений и вооружённых сил? Все усилия противников советских предложений сейчас направляются к этому, и поэтому нагромождается одна небылица на другую вместо аргументов, нагромождается одна клевета на другую вместо доводов, нагромождаются всякие выдумки «числом поболее, ценою подешевле» для того только, чтобы сохранить, как говорят французы, «хорошую мину в плохой игре».

Вот почему нельзя без смеха слышать замечания, например, о том, что мы ближе стоим сейчас к советской резолюции, чем стояли раньше; что, в сущности говоря, дело в принципе уже решено, а весь вопрос только в степени. Видите ли, оказывается, когда одни говорят — запретить бомбу, а другие — сохранить атомную бомбу, то разницы между этими позициями никакой в принципе нет.

За что стоят те и другие? Одни — за запрещение атомного оружия, другие — против запрещения атомного оружия. Разве тут нет разницы? И разве это разница в степени? Разве это разница не в самом существе — именно в принципе? Конечно, так, но нашему проекту хотя навязать родство с проектом большинства.

Советская делегация решительно отвергает это родство или свойство, которое хотят нам навязать господа бельгийские делегаты. Мы отвергаем его, мы не нуждаемся в таких родственниках, потому что мы принципиально с ними расходимся. Мы говорим, что необхо-

димо запретить атомную бомбу, ибо это желание, это стремление уже два года тому назад выразила Генеральная ассамблея в тех исторических постановлениях, которые вам всем известны, над которыми надо и дальше работать. Для того, чтобы эта работа, наконец, приобрела конкретное содержание и была облечена в плоть и кровь, нужно дать этой работе основу. Этой основой должно быть постановление Генеральной ассамблеи — запретить атомное оружие, как была запрещена в своё время газовая бомба, как были запрещены средства бактериологической войны. Таким же образом нужно сейчас поступить с атомной бомбой, если вы действительно хотите добиться ликвидации этого оружия агрессии.

Мы стоим за запрещение атомного оружия, и поэтому мы отвергаем утверждение о том, что между вами и нами нет принципиальной разницы. Разница глубокая, она существует, и мы никогда не позволим прикрывать советским именем вашу резолюцию, направленную на сохранение атомного оружия — оружия нападения, оружия агрессии.

В нашей резолюции говорится о том, что мы предлагаем это мероприятие в качестве *первого шага*. Это не значит, что это будет единственный шаг. Это первый шаг. Это значит, следовательно, что не может быть никакого возврата к восстановлению уже сокращённых вооружений и вооружённых сил. Это значит, что за этим шагом должны последовать другие шаги, которые будут означать осуществление той основной задачи и цели, которая провозглашена в нашем уставе. Сейчас это только первый шаг.

2. РАЗОБЛАЧЁННАЯ ФАЛЬСИФИКАЦИЯ

Вчера здесь развязно выступал генерал Осборн. Говорят, что он до войны был начальником отдела пропаганды на гитлеровскую Германию. Это чувствовалось в его выступлениях. Можно подумать, что он ещё не перестроился на мирный лад, что он всё ещё чувствует себя больше генералом, чем дипломатом, больше генералом военного времени или мирного времени, но готовящимся к войне, чем дипломатом, деятельность которого должна быть направлена на то, чтобы ликвидировать последствия войны. Но как бы он ни был развязен, я не думаю, чтобы ему удалось добиться успеха.

В самом деле, г-н Осборн поставил перед собой несколько целей и пытался эти цели осуществить. Во-первых, он поставил такой вопрос: почему существует теперь, в мире атмосфера страха и недоверия? Отвечая на этот вопрос, г-н Осборн сказал, что это объясняется тем, что такую политику ведёт Советский Союз, что он ведёт такую политику, которая создаёт страх и рождает недоверие, что Советский Союз изменил якобы свою политику после окончания войны.

Но это не соответствует действительности.

Я напомним г-ну Осборну, что в своей первой речи от 25 сентября я указал, что внешняя политика Советского Союза осталась неизменной, что изменилась политика Соединённых Штатов Америки

после того, как окончилась война. Раньше эта политика была рассчитана на сотрудничество с Советским Союзом. Но когда доблестные, как нас хвалят здесь, вооружённые силы Советского Союза, которые одержали блестящие победы в интересах всех союзников, когда они по окончании войны перестали уже иметь для них большее значение, тогда можно попытаться бросать им в спину комья грязи.

Оказалось, что Советский Союз изменил свою политику. В чём же он изменил свою политику? Этого г-н Осборн нам не рассказал. Он ограничился только тем, что привёл глупейшую, рассчитанную на сенсацию статью, опубликованную в «Нью-Йорк таймс» 5 ноября. Я читал эту статью. Она у меня вызвала только улыбку, и я её бросил в корзину. В самом деле, чего стоит один лишь заголовок: «Центральный Комитет в Москве призывает коммунистов мира быть готовыми к восстанию». Этот заголовок прельстил г-на Осборна, который не потрудился поразмыслить, откуда это пришло, откуда почерпнул эти нелепые сведения нью-йоркский орган печати, не потрудился проверить, соответствует ли это действительности.

А проверить это было очень легко, потому что, во-первых, номер «Большевика», в котором напечатана статья Бурджалова, о которой вчера здесь распространялся г-н Осборн, можно купить в Париже в любом книжном магазине, продающем русские издания. Если бы г-н Осборн послал своего клерка купить этот номер журнала «Большевик», то он мог бы убедиться, что в той интерпретации, которая содержится в упомянутой нью-йоркской статье, вдохновившей г-на Осборна, нет ни грана истины. Если г-н Осборн удостоится ознакомиться со статьёй в журнале «Большевик», о которой он здесь говорил, хотя этой статьи и не видел и не читал, то не исключено, что ему станет неловко за вчерашнее своё выступление. Он убедился бы, что в этой статье нет никакого призыва к коммунистам быть готовыми к восстанию, да и не могло быть. До такой глупости мог дойти только автор статьи в «Нью-Йорк таймс». Если вы прочтёте эту статью, то вы увидите, что это сплошная мистификация, фальсификация. Такую фальсификацию пытались учинить в своё время господа из госдепартамента США, когда издали сборник по поводу советско-германских отношений в 1939—1941 годах и попали впросак, потому что там также была допущена фальсификация фактов.

В самом деле, что же говорится в статье, за которую тут ухватился г-н Осборн? В этой статье, которая у меня в руках, содержится изложение истории развития теории марксизма-ленинизма за почти 50-летнее существование коммунистической партии большевиков, хотя известную часть времени она носила другое название, и история всей её борьбы, которая привела в октябре 1917 года к величайшей исторической победе трудящихся, к переходу власти в нашей стране в руки рабочих и крестьян.

Эта статья содержит анализ всей 50-летней истории нашей партии, развития теории Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, которая, как известно, является теорией революционной и в которой содержится целый ряд замечательных указаний о том, какое имеет

значение для рабочего класса овладение марксистско-ленинской теорией.

Я думаю, что здесь не место всё это цитировать, хотя, если бы вы выразили согласие, я готов был бы отвлечься на двадцать минут и изложить некоторые основы, которые, может быть, были бы небесполезными и для некоторых лиц в нашем комитете, для того, чтобы показать, насколько лжива и фальшива интерпретация, которая была дана газетой «Нью-Йорк таймс» статье в журнале «Большевик», подхваченная г-ном Осборном.

В журнале «Большевик» действительно указывается на то, что марксистская теория есть передовая теория и что без овладения этой теорией рабочий класс не может идти по своему историческому пути. В журнале «Большевик» говорится, что марксизм-ленинизм есть революционная теория. Но, позвольте, это уже известно, по крайней мере в отношении марксизма, сто лет, ибо в 1848 году был издан «Коммунистический манифест», который положил основу этому великому революционному учению марксизма о путях освобождения рабочего класса в капиталистических странах, в том числе, следовательно, и в России, как это и произошло в 1917 году.

Г-н Осборн наивными глазами младенца смотрит теперь на мир и говорит:

— Ах, вы призываете к революции.

Но, позвольте, это самое имел возможность сказать сто лет тому назад ваш дедушка, когда в 1848 году был издан написанный Марксом и Энгельсом «Манифест коммунистической партии».

Но разве всем грамотным людям уже тогда не было ясно, что это революционная теория? А теперь г-н Осборн проснулся, протёр глаза и спросонья поднимает крик: вы призываете к восстанию!

Кстати, то, что здесь цитировал генерал Осборн со слов «Нью-Йорк таймс», было сказано 24 года тому назад, было сказано в университетской лекции, посвящённой вопросу «Об основах ленинизма». В этой лекции содержалось разоблачение «теоретических догм 2-го Интернационала» и, в частности, догмы, касающейся вопроса о парламентских и внепарламентских формах борьбы. Известно, что эта догма признавала парламентские формы борьбы главной формой классовой борьбы пролетариата. Но это совершенно неправильное утверждение.

В указанной лекции говорилось, что история революционного движения показывает, что парламентская борьба является лишь школой и подспорьем для организации внепарламентской борьбы пролетариата. В этой связи нелишне вспомнить, что ещё в 1873 году Энгельс в своём замечательном труде «Бакунисты за работой» критиковал теории анархистов, проповедывавших рабочему классу воздержание от участия в политической борьбе, подменявших политическую борьбу «всеобщей экономической забастовкой». Марксизм учит, что рабочему классу нельзя обойтись без того, чтобы пройти школу парламентской борьбы, чтобы научиться бороться за своё освобождение.

И вот теперь представители американского государственного департамента выхватывают отдельные фразы из статьи в журнале

«Большевик», подправляют их своими словечками и кричат на весь мир, что журнал «Большевик» призывает коммунистов всего мира готовиться к восстанию, призывает следовать примеру Советского Союза. Но они скрывают от общественного мнения те места из статьи в журнале «Большевик», в которых говорится, что нельзя не учитывать своеобразия в переходе отдельных стран к социализму и что, поскольку это касается стран народной демократии, они идут к социализму, «внося своеобразие в формы перехода к этому новому общественному строю».

В этой статье дальше говорится: «Наша страна приступила к строительству социализма и построила его, будучи в капиталистическом окружении, в то время как страны народной демократии приступают к строительству социализма при наличии Советского Союза где уже победил социализм и где совершается переход к коммунизму». В этой статье говорится, что «страны народной демократии совершают переход к социализму в других конкретных исторических условиях», но это не отменяет общих закономерностей развития и что, следовательно, нельзя отрицать международное значение опыта строительства социализма в СССР. То, что в своё время проводилось в СССР в области социалистических преобразований, то проводится теперь в странах народной демократии. Но и здесь имеется разница, заключающаяся в том, что «все эти, одинаковые по своему социальному смыслу, политические и экономические мероприятия проводятся в иных формах».

Все эти места из статьи в журнале «Большевик» Осборн скрыл потому, что если бы он процитировал эти места, то сразу была бы разоблачена вся фальсификация и немедленно обнаружился бы провокационный характер сделанного здесь Осборном заявления о том, что журнал «Большевик» якобы призывает коммунистов всего мира к вооружённому восстанию. Поэтому, когда фальсификаторы из госдепартамента, вроде Осборна, передёргивая факты и искажая статьи, публикуемые в советских журналах, занимаются провокационными выдумками, из этого для них ничего, кроме конфуза, получить не может.

Осборн хотел ещё раз повторить давно разоблачённую глупость, что СССР намерен экспортировать революцию. В этой связи следует напомнить беседу Генералиссимуса Сталина с председателем американского газетного объединения «Скриппс-Говард ньюспейперс» Рой Говардом в 1936 году. Тогда Говард также затронул этот вопрос. Позвольте воспроизвести эту беседу, как она была в своё время опубликована.

«ГОВАРД: Не считаете ли Вы, что и в капиталистических странах может существовать обоснованное опасение, как бы Советский Союз не решил силой навязать свои политические теории другим народам?

СТАЛИН: Для подобных опасений нет никаких оснований. Если Вы думаете, что советские люди хотят сами, да ещё силой, изменить лицо окружающих государств, то Вы жестоко заблуждаетесь. Советские люди, конечно, хотят, чтобы лицо окружающих государств изменилось, но это дело самих окружающих государств.

Я не вижу, какую опасность могут видеть в идеях советских людей окружающие государства, если эти государства действительно крепко сидят в седле.

ГОВАРД: Означает ли это Ваше заявление, что Советский Союз в какой-либо мере оставил свои планы и намерения произвести мировую революцию?

СТАЛИН: Таких планов и намерений у нас никогда не было.

ГОВАРД: Мне кажется, мистер Сталин, что во всем мире в течение долгого времени создавалось иное впечатление.

СТАЛИН: Это я считаю плодом недоразумения.

ГОВАРД: Трагическим недоразумением?

СТАЛИН: Нет, комическим Или, пожалуй, трагикомическим.

Видите ли, мы, марксисты, считаем, что революция произойдет и в других странах. Но произойдет она только тогда, когда это найдут возможным или нужным революционеры этих стран. Экспорт революции — это чепуха. Каждая страна если она этого захочет, сама произведет свою революцию, а ежели не захочет, то революции не будет. Вот, например, наша страна захотела произвести революцию и произвела ее, и теперь мы строим новое бесклассовое общество. Но утверждать, будто мы хотим произвести революцию в других странах, вмешиваясь в их жизнь, это значит говорить то, чего нет и чего мы никогда не проповедывали».

Это было сказано 12 лет тому назад. Генерал Осборн мог бы легко и без труда со всем этим ознакомиться, если бы он хотел действовать добросовестно и поостерёгся бы использовать всякий вздор, который публикует сплошь и рядом американская реакционная печать.

Таким образом, должна быть очевидна полная несостоятельность попытки американских делегатов дать своё объяснение тому состоянию тревоги и недоверия, которое теперь царит в международных отношениях. Осборн пытался ответить на вопрос о причинах такого состояния, свалив вину за это на СССР, но эта попытка, как мы могли убедиться, окончилась полным крахом.

Но мы всё-таки должны ответить на вопрос, который поставил здесь Осборн и на который он не дал, да и не мог дать, правильного ответа.

Где же лежит действительная причина того недоверия и тревоги, которые характеризуют сейчас международные отношения? Советская делегация на этот вопрос уже дала свой ответ. Как известно, такой же вопрос ставился в прошлом году, и советская делегация ещё в прошлом году ответила на этот вопрос, разоблачая поджигателей войны и добиваясь на Генеральной ассамблее принятия решения, которое осуждало бы поджигателей новой войны, требовало бы борьбы с пропагандой новой войны. Известно, что резолюция в таком духе и была принята. Ни для кого не секрет, что осуждение пропаганды войны касалось в первую очередь Соединённых Штатов Америки, где эта пропаганда усиленно ведётся реакционными кругами и в настоящее время, кажется, достигла своего апогея.

Безусловно, гонка вооружений, эта пропаганда войны, это систематическое подогревание военного психоза, и не только людьми

безответственными, но и весьма ответственными представителями ответственных американских кругов,—это-то и создаёт состояние беспокойства, тревоги и недоверия. Всем известно, кто не хочет международных соглашений, кто предпочитает политике международного сотрудничества политику раскола, кто предпочитает борьбе за мир подстрекательство к новой войне.

Вы хотите примеров — я могу их вам привести.

17 мая 1948 года журнал «Ньюс уик», ссылаясь на выступление генерала Кенни — командующего стратегическими воздушными силами Соединённых Штатов Америки,—писал, что у Америки имеются два вида оружия для борьбы. С кем? Я спрашиваю, для борьбы с кем? Оказывается, с Советской Россией. Эти два вида оружия — стратегические воздушные силы и атомная бомба. Далее в статье, комментирующей речь Кенни, говорилось, что сейчас массированные авиационные налёты слишком дороги, что они являются излишними, ибо в нынешних условиях один самолёт с одной атомной бомбой может нанести такой ущерб, для нанесения которого раньше потребовались бы сотни самолётов.

Что это — просто мысли праздного генерала в часы досуга? Нет, в статье, ссылающейся на выступление генерала Кенни, дальше говорится, что эти самолёты вылетели бы из Англии небольшими группами, возможно, по два, по три, пролетели бы на высоте в 35 тысяч футов, стремясь незамеченными проскользнуть в Россию и — дальше я цитирую: «Их цель,—во-первых, Москва, и более всего Москва».

Разве это не ясно сказано? Разве это мы говорим, что наши самолёты на высоте 35 тысяч футов незаметно должны проскользнуть в Соединённые Штаты Америки и устремиться на Нью-Йорк и что их цель — Нью-Йорк, и раньше всего Нью-Йорк? Разве мы это говорим? У нас — я говорил это в прошлом году и повторяю сейчас — сочли бы за сумасшедшего, на него надели бы смиренную рубашку, его посадили бы немедленно в сумасшедший дом, если бы кто-нибудь позволил себе сделать подобное заявление или опубликовать его в печати. А у вас?

Когда советское правительство послало по этому поводу ноту правительству США, указав на то, что это же явное нарушение решений Генеральной ассамблеи прошлого года, запрещающих пропаганду войны, то что вы ответили на это? Вы сказали: У нас свобода печати, мы не можем ничего сделать. Посадить передовых американских писателей в тюрьму за то, что они выступают в защиту свободы и демократии, против расовой дискриминации негров в США, против того, что у вас на улицах и базарных площадях линчуют негров,—это можно было сделать, тут свобода печати должна была уступить. Когда же нужно было запретить пропаганду войны и когда нужно было обуздать поджигателей войны, тогда, оказывается, этому мешает свобода печати.

Я мог бы процитировать агрессивные выступления военного министра Ройяла, сенатора Тайдингса, министра авиации Саймингтона, бывшего начальника штаба авиации генерала Спаатса, начальника штаба американской армии генерала Брэдли. Но я не могу

злоупотреблять нашим временем, хотя вопрос настолько важен, что не жаль было бы потратить на него лишний час. Вот наш ответ на вопрос Осборна.

Где же причина беспокойства в мире? Где же причина недоверия в мире? Где же причина этого страха, которую узрел в Советском Союзе г-н Спаак, забыв о «работе» таких генералов, как Кенни и Спаатс? Я отвечаю: причина этого беспокойства, недоверия и страха — в вашей пропаганде войны, и не только в пропаганде, но в вашей систематической подготовке конкретных планов новой войны. Доведёте ли вы дело до конца или нет, — вопрос другой. Можно думать, что вы не доведёте до конца, потому что миролюбивые силы во всём мире более могущественны, чем силы агрессии и реакции, как сказал об этом Генералиссимус И. В. Сталин. Но своей политической правящие круги США создают атмосферу беспокойства, тревоги, атмосферу недружелюбия, недоверия, они всячески подрывают это доверие, нарушая соглашения, которые сегодня подписывают, чтобы отступить от них завтра.

Макнейл вчера говорил, что Великобритания никогда не нарушала своих обещаний по берлинскому вопросу. Неверно. Я буду дальше говорить о г-не Макнейле, но сейчас я могу сослаться хотя бы на такой факт, волнующий всю Францию, как новое нарушение четырёхстороннего соглашения о Германии от 5 июня 1945 года. Я имею в виду тот факт, что англичане и американцы передали Рур немецким капиталистам, сотрудничавшим с Гитлером. Ордонамсом англо-американских военных властей, в нарушении имеющихся на этот счёт соглашений, была решена судьба Рура за спиной Франции, представители которой вместе с представителями американского и английского правительств сами не стеснялись нарушать четырёхстороннее соглашение о Германии и Берлине. Англо-американские власти поставили теперь Францию перед совершившимся фактом, отдавши Рур сподвижникам Гитлера. Разве это не факт? И разве этот факт не опровергает заявление Макнейла о том, что представители Великобритании якобы не нарушают своих обязательств, принятых на себя по международным соглашениям?

Франция наказана сейчас за то, что она помогала нарушать те самые соглашения, о нарушении которых сегодня вопят даже такие газеты, как газета «Об», которая говорит: «Англо-американский ордонамс о Руре, этот закон незаконен, потому что он нарушает четырёхстороннее соглашение от 5 июня 1945 года».

Где же вы были, господа, кричащие теперь об этом вероломстве — а это вероломство налицо, — когда совершалось вероломство ещё в феврале — марте 1948 года в Лондоне, когда было грубо нарушено соглашение четырёх держав о Германии и Берлине, против чего вы не только не возражали, но в чём вы сами участвовали?

Теперь я перехожу ко второму замечанию генерала Осборна о том, что Советский Союз чинил препятствия в деле подготовки мирного договора с Германией.

Но, господа, я позавчера привёл справку. Я сказал: В. М. Молотов внёс предложение о немедленной подготовке мирного договора с Германией. Это предложение министры иностранных

дел США, Англии и Франции отвергли. Я привёл подробную справку по этому вопросу. Никто из вас не вымолвил по этому поводу ни слова. Что же вы молчите, г-н представитель Соединённого Королевства, г-н представитель Соединённых Штатов Америки? Если вы считаете, что отсутствие мирного урегулирования с Германией является одним из актов, подрывающих международное доверие, то я спрашиваю, кто же несёт ответственность за этот подрыв, когда советское правительство год тому назад внесло свои предложения о мирном урегулировании с Германией, а представители США, Англии и Франции отвергли эти предложения? Почему вы молчите? Почему вы ничего не отвечаете на этот вопрос? Не потому ли, что вам нечего ответить?

В таком случае я скажу: вы молчите потому, что вы против мирного урегулирования с Германией. Не может быть сомнений в том, что мирное урегулирование возможно не с одной какой-нибудь её зоной, а с Германией в целом. Это прямо вытекает из Ялтинского и Потсдамского соглашений. Это значит, что для мирного урегулирования с Германией необходимо создать общегерманское демократическое правительство. Однако этого-то вы и не хотите, став на путь создания сепаратного правительства западных зон Германии. Вот почему вы отклонили предложение СССР о мирном урегулировании с Германией, а теперь берёте на себя смелость ссылаться на то, что отсутствие такого мирного урегулирования с Германией подрывает международное доверие. Это верно, что оно подрывает международное доверие, но за это должны нести ответственность правящие круги США и Великобритании, и только они.

Что касается Японии, то и в отношении Японии мирное урегулирование задерживается тем, что представители США и Великобритании нарушают соглашение, которым предусмотрен порядок такого урегулирования через Совет министров иностранных дел. Вместо того, чтобы поручить Совету министров иностранных дел разработку мероприятий по мирному урегулированию с Японией, как это вытекает из международных соглашений, пытаются пойти путём, который противоречит этим международным соглашениям. Пытаются подготовку вопроса о мирном урегулировании с Японией передать особой конференции, но подобная конференция может заняться этим вопросом лишь после того, как будет уже проделана подготовительная работа Советом министров иностранных дел, как это соответствует международным соглашениям. И здесь получается так, что сами нарушают имеющиеся международные соглашения, тормозя мирное урегулирование с Японией, и в то же время вину за это пытаются переложить на Советский Союз, в точности соблюдающий указанные международные соглашения.

Представитель Соединённых Штатов Америки здесь говорил, что было бы глупо считать, что будто бы Соединённые Штаты Америки хотят напасть на Советский Союз. Если говорить об американском народе, то это верно, ибо американский народ, разумеется, не питает таких сумасбродных замыслов. Но мы уже приводили немало фактов, доказывающих, что не так настроены представители реакционных кругов в США. Таких фактов можно привести ещё немало.

Генерал Осборн говорил о выборах. Он утверждал, что в Советском Союзе не выбирают своих вождей, а вот в Америке выбирают вождей. Ну, в Америке не только выбирают вождей, но и прокатывают на воронках тех, которые хотят быть вождями, которые пытаются разыгрывать из себя вождей, ещё даже до того времени, как они избраны в вожди. Но ведь дело-то в том, что г-н Осборн просто не знает того, о чём берётся судить, или, вернее, знает, но сознательно извращает факты, не останавливаясь перед повторением всякого дикого вздора. Осборн не останавливается перед явной ложью. Если бы он мог говорить правду, то он должен был бы сказать о нашей Сталинской Конституции, о том, как проходят в СССР выборы и как весь наш народ свободно и единодушно отдаёт свои голоса своим руководителям, с какой любовью и гордостью он избирает своё правительство. Он должен был бы сказать, что в СССР выборы проходят как великий праздник. Он должен был бы сказать, что когда наш народ идёт рядами в тысячи и тысячи человек, чтобы выразить своё уважение и преданность своим вождям, его не разгоняют полицейскими дубинками, как в некоторых других странах. Но он не может сказать правды о выборах в СССР, так как это не входит в его пропагандистские планы.

Осборн сказал, что Соединённые Штаты предпринимают специальные шаги, чтобы усилить мировое доверие и улучшить возможности достижения мира. В чём выражаются эти шаги? Осборн ничего не сказал, ничего не разъяснил в этом вопросе, но это заявление не вяжется со всем тем, что делает и какую политику ведёт здесь американская делегация. Это лучше всего доказывает её позиция в вопросе, который мы сейчас разбираем, в вопросе о запрещении атомного оружия и сокращении вооружений.

Всякий, кто стремится к действительному укреплению взаимного доверия, не может не понимать, что достижение соглашения между пятью великими державами о сокращении вооружений и вооружённых сил на одну треть является актом, укрепляющим взаимное доверие. Всякий, кто действительно стремится к укреплению международного сотрудничества, должен понимать, что запрещение атомного оружия явилось бы величайшим актом, способным укрепить международное доверие. Наоборот, отказ от запрещения атомного оружия не может не усиливать недоверия, не может не ослаблять в ещё большей мере и без того уже слабые связи международного сотрудничества.

Позиция представителей США в вопросе о запрещении атомного оружия и сокращении вооружений и вооружённых сил подрывает то доверие, о котором они так охотно разговаривают. Они пытаются своё нежелание сотрудничать с Советским Союзом прикрыть криками о том, что якобы Советский Союз готовит, делает какие-то агрессивные планы и готовится к нападению. Но это же басни, это сказано для детей младшего возраста. Ведь нигде, решительно нигде, нельзя найти ни одной строчки, ни одного документа, ни одного слова, ни одного выступления советских общественных и политических деятелей или кого-либо вообще в Советском Союзе, кто

думал бы и тем более говорил бы не о мирном созидательном труде, а о каких бы то ни было воинственных планах.

Представитель Великобритании Макнейл здесь утверждал, что мы пугаем свой народ войной. Это неверно. Мы не пугаем наш народ войной, мы говорим нашему народу лишь о том, как вы пытаетесь запугать войной и свой и другие народы всего мира и как вы не только пытаетесь запугать войной, но как в ваших странах ведётся подготовка к такой войне.

Макнейл здесь заявлял, что его информация о демобилизации вооружённых сил в СССР не соответствует тому, что я здесь утверждал, ссылаясь на изданные по этому поводу в СССР законы и указы. Но то, что говорил Макнейл, доказывает лишь, что его информация неправильна, так как факты налицо — закон Верховного Совета СССР 1945 года, указ Президиума Верховного Совета от 4 февраля 1947 года и постановление Президиума Верховного Совета СССР в марте 1948 года о демобилизации всех возрастов, призванных в ряды Советской Армии во время войны. Все эти указы были опубликованы, это факты, от которых уйти никуда нельзя.

Теперь несколько слов о военных бюджетах. Посмотрите, какие манипуляции продельывает в этом вопросе Осборн, и продельывает уже не раз. Он утверждает, что военный бюджет США составляет не 36,1 процента всего американского бюджета, как мы это утверждали, а всего лишь 6 процентов национального дохода. Мы говорим — 36,1 процента бюджета. Осборн передёргивает и говорит — 6 процентов национального дохода. Мы говорим — в СССР военные расходы составляют 17 процентов государственного бюджета, Осборн передёргивает, как будто бы мы говорили о 17 процентах национального дохода. Но государственный бюджет и национальный доход — это разные вещи, и подменять понятие государственного бюджета понятием национального дохода нельзя. Это означает: извращать факты, передёргивать факты.

Осборн вновь затронул вопрос о телеграмме на имя Риббентропа. Но я уже раньше говорил, что это обычная протокольная телеграмма, каких бывают тысячи, и ничего больше. Но эту протокольную телеграмму Осборн хотел использовать для нового клеветнического выпада против СССР. Я указал на то, что это пытался сделать в своё время в Первом комитете Остин, повторяя один из экспериментов, которые были проделаны государственным департаментом, занимавшимся фальсификацией фактов об отношениях между СССР и Германией в 1940—1941 годах. Осборн и здесь пошёл на извращение действительности.

3. ФАЛЬШИВЫЕ РЕЧИ О СОКРАЩЕНИИ ВООРУЖЁННЫХ СИЛ И ВООРУЖЕНИЙ

Я должен особо остановиться на выступлении Макнейла, который в течение всей своей полуторачасовой речи нагромоздил массу всяких вопросов — перемешал быть и небыллицы и сделал всё, что было в его силах, чтобы запутать эти вопросы, не имеющие

никакого, по существу, отношения к обсуждаемому нами проекту о запрещении атомного оружия и сокращении вооружений и вооружённых сил на одну треть пятью великими державами. Он затронул берлинский вопрос, утверждая, что никакого неофициального, хотя бы, соглашения между «шестёркой» и представителем СССР не было.

Однако это противоречит всем уже хорошо известным фактам. Правильность этих фактов никем не оспаривается и даже той «шестёркой», которой касаются эти факты. Факт, что советский представитель представил г-ну Брамуглиа, который вёл от имени «шестёрки» эти неофициальные переговоры, две поправки к проекту резолюции, выработанному «шестёркой». «Шестёрка» приняла обе эти поправки, но вторая поправка наткнулась на сопротивление представителей Англии и США, которые и сорвали это неофициальное соглашение. Об этом говорят имеющиеся в наших руках документы. Это знает после опубликованных ответов Генералиссимуса И. В. Сталина на вопросы корреспондента «Правды» весь мир. Поэтому попытки Макнейла изобразить дело так, будто никакого неофициального соглашения не было достигнуто, производят смешное впечатление.

Макнейл не мог этим фактам противопоставить какие-либо другие факты, он ограничился голым отрицанием, но голое отрицание не может служить ни доказательством, ни опровержением других доказательств.

Странное впечатление произвели рассуждения Макнейла по поводу атомной комиссии. Он обвинял СССР в том, что его представители не приняли плана работы атомной комиссии, хотя все остальные члены комиссии приняли его. Но что же это доказывает? Не приняли потому, что план оказался неприемлемым.

Мы не просто отклонили план большинства, а показали его полную непригодность и неприемлемость для всех, кто действительно стремится к достижению положительных результатов в работе атомной комиссии. Вас устраивает выработанный вами самими план. Устраивает он и тех, с кем вы сговорились на общей для вас всех основе. Вы организовали военно-политический блок пяти государств. Вот у вас ядро. Это ядро находится под покровительством и руководством Соединённых Штатов Америки. У вас имеется объединённый генеральный штаб. Против кого?

Этого вы и сами не скрываете. В вашем блоке шестнадцать так называемых маршаллизированных стран, т. е. тех, которые сейчас сидят на американском долларовом пайке. Вы представляете собой солидное количество сговорившихся людей, довольно легко вносящих нелепые предложения, как это было, например, в греческом вопросе, когда была сделана попытка внести в вашу резолюцию дополнение о том, что если Болгария или Албания не примут эту резолюцию к исполнению, то это будет учтено при решении вопроса об их приёме в члены организации Объединённых наций.

Вот ваше большинство, которое голосует, как по команде, за всё, что предлагает делегация США. Мы стоим на разных принципиальных позициях. Мы за запрещение атомного оружия и за на-

стоящий строгий международный контроль над осуществлением этого запрещения. Мы против такого контроля, который под видом международного в действительности был бы американским свертостом.

Против такого «международного» органа возражаем не только мы, представители СССР, но и, как известно, многие крупные учёные. Можно сослаться, например, на проф. Блэкетта, которому, кстати сказать, недавно присуждена Нобелевская премия мира. Блэкетт заявил в своей книге, не раз уже мною цитированной, что этот «международный контрольный орган» по американскому плану должен явиться не чем иным, как органом разведки, органом для получения тех сведений стратегического, политического и экономического характера, которых ещё нет в руках американской разведки, но которые ей дозрелу нужны.

Нет поэтому ничего удивительного в том, что в атомной комиссии нашлись делегации, которые возражали против плана большинства, и у Макнейла не может быть никаких оснований в этом факте видеть доказательство нежелания со стороны меньшинства сотрудничать с большинством. Большинство, и раньше всего представители США и Англии, должно усвоить раз навсегда, что диктатором нельзя действовать при разрешении международных проблем, при выработке международных соглашений.

Кстати, если уж говорить о сотрудничестве, то разве неизвестно, например, что на этой Ассамблее большинство под руководством делегаций США и Великобритании продемонстрировало своё нежелание сотрудничать со славянскими делегациями, когда ни в один из комитетов Генеральной ассамблеи не пропустили ни одного представителя славянских стран на руководящие посты?

С другой стороны, не потрудится ли Макнейл рассказать, как это вышло в атомной комиссии, что большинство этой комиссии приняло предложения советской делегации о том, чтобы уничтожить запасы атомных бомб, а на следующий день это большинство отказалось от своего собственного решения потому, что США воспротивились этому решению? Это важный факт, который не следует игнорировать, когда рассуждаешь о международном сотрудничестве, но Макнейл предпочитает об этом молчать.

Макнейл оспаривал, как и бельгийский делегат, аналогию между конвенцией о запрещении атомного оружия и конвенцией о запрещении удушливых газов. Но этот вопрос настолько очевиден, что тратить время на дальнейшую дискуссию в этой области мне представляется совершенно нецелесообразным. Факт тот, что конвенция о запрещении газовой войны была заключена, что газы на войне до сих пор не применялись и, следовательно, у нас имеется исторический прецедент, на который мы вправе ссылаться, доказывая, что можно было такой важный и большой вопрос о запрещении применять на войне удушливые газы решить путём заключения соответствующей конвенции. Почему же нельзя теперь заключить конвенцию о запрещении атомного оружия? На этот вопрос Макнейл и его друзья предпочитают никакого ответа не давать.

Макнейл потратил много времени на то, чтобы сказать, как Англия сокращает свои вооружения, и закончил патетическим восклицанием: «Мы разоружились!» Но это противоречит фактам. Ведь известно, что 14 сентября с. г. в палате общин при обсуждении вопросов обороны Моррисон заявил, что правительственным распоряжением военнослужащие, отбывающие воинскую повинность и подлежащие демобилизации, должны быть задержаны на три месяца после срока демобилизации, предусмотренного нынешним законом.

Вот какое положение: издаются законы о демобилизации и тут же приостанавливаются на некоторое время. Моррисон сказал, что численность английских вооружённых сил в конце этого года будет примерно на 80 тысяч больше, чем она была бы, если бы выполнялся первоначальный план демобилизации. Таким образом, г-н Моррисон признал, что план демобилизации в Англии заведомо не выполняется и, значит, этого плана, в сущности, не существует.

Г-н Моррисон также заявил о необходимости возможно скорее увеличить число обученных вспомогательных войск. Он заявил: мы должны быстро улучшить положение с оснащением вооружённых сил, в особенности противовоздушной обороны, танковых частей и пехоты. По словам г-на Моррисона, потребуются усилить работу заводов для ускорения темпов выпуска некоторых типов истребителей почти вдвое из-за модернизирования устаревших типов истребителей, имеющихся в запасе. Вот какое там идёт сокращение вооружений.

На очереди стоит вопрос, — если он уже не решён, — о создании крупной армии в Центральной и Восточной Африке; по крайней мере, командующий Восточно-Африканским военным округом генерал-майор Димолайн озабочен тем, чтобы создать большую армию, имея в виду, что на территории Восточно-Африканского военного округа имеется 17 миллионов африканского населения, из которых 200 тысяч участвовало в последней войне.

Известно также, что министр обороны Великобритании Александер в палате общин 23 сентября сообщил, что английские послевоенные вооружённые силы будут оснащаться новыми видами оружия. Темпы производства новейшего типа истребителей почти удваиваются, увеличивается производство новых танков, удваивается выпуск боеприпасов для оружия стрелков. Будет значительно ускорено производство боеприпасов для зенитной артиллерии, ускорятся выполнение программы выпуска боевых и резервных кораблей. Г-н Александер заявил также, что в ближайшие несколько месяцев численность территориальной резервной армии увеличится не менее чем на 100 тысяч человек, а 23 сентября агентство Рейтер официально заявило, что Англия намерена увеличить резервы личного состава военно-морского флота с 31 тысячи до 125 тысяч офицеров и матросов, что означает увеличение флота на 400 процентов. Вот вам и сокращение вооружений и вооружённых сил.

Я думаю, что этого достаточно для того, чтобы больше к этому вопросу не возвращаться.

Макнейл допытывался, зачем нам нужна армия в 4 миллиона солдат. Он допытывался, какова численность Советской Армии, но тут же сам утверждал, что Советская Армия состоит из 4 миллионов человек. Эту же цифру называл и Осборн, который также требовал, чтобы мы теперь же назвали численность нашей армии.

Выходит, что оба они имеют точные сведения о численности Советской Армии. Зачем же тогда они требуют от нас сказать, какова численность нашей армии. Но, мало того, они требуют ответа и на вопрос о том, зачем нам нужна такая армия.

Я хотел бы, в свою очередь, спросить Макнейла, известно ли ему, например, что не так давно, в 1948 году, в Соединённых Штатах Америки вышла книга под заглавием «Милитаризация Америки», авторами которой являются довольно видные учёные и общественные деятели, например Альберт Эйнштейн, Антон Карлстон — физиолог, бывший президент американской ассоциации содействия прогрессу и науке, Дональд Каулинг — бывший ректор Карлтонского колледжа и другие.

Они издали книгу «Милитаризация Америки», в которой говорится, что в настоящее время вооружённые силы Соединённых Штатов Америки насчитывают свыше 3 миллионов человек, причём, как заявляют авторы этой книги, это самые большие кадры армии мирного времени, какие когда-либо существовали в истории Соединённых Штатов.

Не разъяснит ли Макнейл или Осборн, зачем нужна США такая громадная армия? Было бы весьма интересно получить такое разъяснение.

Макнейл в раздражении спрашивал нашу делегацию, почему мы называем некоторых английских деятелей поджигателями войны? Ответ на этот вопрос очень прост — потому что в Англии, действительно, подвизаются некоторые господа, систематически подстрекающие к войне. Во главе этих господ стоит Черчилль и его ученики вроде Ванситарта, которые занимаются тем, что изо дня в день натравливают своих соотечественников на советский народ, на СССР, и разрабатывают всякого рода мероприятия, направленные на подготовку к новой войне. Всё это даёт основание называть таких господ поджигателями войны, которые к тому же пользуются благосклонностью английского правительства. На прошлой сессии Генеральной ассамблеи советская делегация назвала ряд имён таких поджигателей войны, включая г-на Даллеса, одного из наиболее активных членов американской делегации и на этой сессии. Можно было бы без труда назвать ещё ряд имён крупных политических деятелей в США и Англии, подстрекающих к новой войне. Поэтому непонятно, чем вызван вопрос Макнейла, ответ на который даёт сама жизнь каждый день и каждый час.

В заключение я не могу не отметить той тактики, которой придерживаются в вопросе о запрещении атомного оружия и сокращении вооружений и вооружённых сил американская и английская делегации. Они стараются во что бы то ни стало замаскировать свой отказ от разработки мероприятий по проведению в жизнь решений Генеральной ассамблеи относительно атомной энергии и

относительно сокращения вооружений и вооружённых сил. Они всячески стараются замаскировать и своё сопротивление принятию предложений, внесённых советской делегацией на эту сессию Генеральной ассамблеи. Вот почему США и Англия старались держаться в тени во время обсуждения этого вопроса, предоставив представителям Франции и Китая, Бельгии и Сальвадора выступать со своими предложениями и проектами, направленными против советского проекта резолюции о запрещении атомного оружия и сокращении вооружений и вооружённых сил пятью великими державами на одну треть.

Для маскировки своего сопротивления принятию советских предложений и не решаясь открыто и прямо высказываться против этих предложений, английская и американская делегации пытались вести борьбу против предложений СССР в плане критики недостаточности и неясности якобы этих предложений. Вот почему Макнейл из заседания в заседание засыпал советскую делегацию всякого рода вопросами технического характера, как это он сделал и на вчерашнем заседании. Он спрашивал о том, что означает сокращение на одну треть? Имеется ли в виду также сокращение военного потенциала? И т. д. и т. п.

Вся эта тактика была направлена на то, чтобы отвлечь внимание на технические вопросы от вопроса основного, принципиального, от вопроса о запрещении атомного оружия и сокращении вооружений и вооружённых сил.

Английская и американская делегации проходят мимо тех объяснений и разъяснений, которые давала советская делегация по разным вопросам, возникавшим в процессе работы подкомитета и Первого комитета. Советская делегация заявляла не раз, что предложения, внесённые от имени советского правительства по запрещению атомного оружия и сокращению вооружений и вооружённых сил пятью великими державами, являются лишь первым шагом на пути осуществления решений Генеральной ассамблеи, принятых два года тому назад.

Советская делегация обращала внимание на то, что сокращение вооружений и вооружённых сил должно быть проведено в течение года. В ответ на это нам говорят, как это сделал, например, бельгийский делегат, что такая формула может дать основание, проводя сокращение в течение года, вслед за тем начать восстанавливать сокращённые вооружённые силы. Дойти до такого рода нелепости, конечно, можно только под влиянием желания всеми правдами и неправдами попытаться сорвать предложения советского правительства.

Несомненно, надо будет решить целый ряд технических задач, которые потребуют времени, которые потребуют участия опытных специалистов. Следовательно, сейчас задавать все эти вопросы не имеет решительно никакого смысла, потому что даётся целый год для разработки всех этих мероприятий. Но на какой основе? На основе принятого решения о запрещении атомного оружия и о сокращении вооружённых сил и вооружений. Значит, надо раньше всего принять такое решение.

Наши противники предпочитают действовать иначе: не принимать никакого решения и, подобно тому как это происходило 30 месяцев в атомной комиссии и в комиссии по обычным вооружениям, топтаться на одном и том же месте.

Мы же предлагаем: примите решение о запрещении атомного оружия, примите решение о сокращении пятью великими державами на одну треть вооружений и вооружённых сил, и тогда в течение этого года можно будет разработать и разрешить все технические вопросы.

Надо в основу положить *решение*, об этом идёт речь. Все вопросы о том, какие же будут количественные и качественные соотношения между отдельными видами оружия, что понимать под вооружёнными силами, будут ли они охватывать военный потенциал в целом или только какую-то часть,— все эти вопросы должны быть решены дополнительно в процессе подготовки конкретных мероприятий на основе того решения, которое мы предлагаем принять.

Вы этого не хотите. И весь смысл постановки г-ном Макнейлом двух десятков вопросов заключается именно в том, в чём заключался смысл постановки подобных вопросов в атомной комиссии. Это был метод работы, который и означает нагромождение одной трудности на другую, лишь бы только уйти от решения главного вопроса.

Мы поэтому заявляем ещё раз: все технические вопросы должны быть обсуждены и должны быть решены, но они должны быть обсуждены и должны быть решены на основе того принципиального решения, которое предлагается принять в отношении запрещения атомного оружия и сокращения вооружений и вооружённых сил пятью державами на одну треть.

Не ограничиваясь хотя и второстепенными вопросами, но всё же имеющими хоть какое-нибудь отношение к советским предложениям о запрещении атомного оружия и сокращении вооружений и вооружённых сил, Макнейл поставил ещё ряд вопросов, которые уже совершенно не имеют никакого отношения к нашей проблеме. Эти вопросы касались ограничения передвижения иностранных дипломатов в СССР, обмена радиовещательными программами, поездок отдельных советских и английских граждан из одной страны в другую и т. д. и т. п. Я не вижу необходимости заниматься здесь этими вопросами. Но поскольку Макнейл поставил вопрос о правах, например, дипломатов в разных странах, об уважении дипломатического статуса, то я хотел бы обратить внимание Макнейла на факты, которые имеют место в Лондоне. Например, 1 ноября в 10 ч. 30 м. вечера на улице Кенсингтон Палас Гарденс, где расположено посольство Советского Союза в Великобритании, с южной стороны вошла толпа хулиганов, подошла к зданию посольства, к дому № 13, и в течение 10—15 минут злобно улюлюкала, выкрикивая всякого рода нахальные возгласы, враждебные Советскому Союзу. Это произошло в Лондоне, в столице, на улице Кенсингтон Палас Гарденс, которая, как известно, является частной улицей. Однако дежурный привратник пропустил эту толпу; полицейские, находив-

шиеся тут же, не приняли никаких мер к тому, чтобы прекратить хулиганство.

Нам говорят о правах дипломатов. Но разве не известно, что в некоторых странах наши посольства подвергаются пулемётному обстрелу из проезжающих мимо автомобилей, и это делается на глазах у всех, и против этого не принимается властями никаких мер?

Вот как обстоит дело с этими правами дипломатов в некоторых странах. И не вправе ли мы сказать Макнейлу и его друзьям: чем кумушек считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться.

К сказанному можно добавить и то, что некоторые дипломатические агенты Англии и США в СССР злоупотребляют предоставленным им гостеприимством, занимаясь не теми делами, которыми они должны были бы заниматься, нарушая свой долг дипломатов.

Повторяю, все эти вопросы совершенно не относятся к делу, и Макнейл затронул их только для того, чтобы такого рода вопросами завуалировать скандальную позицию английской делегации в вопросе о запрещении атомного оружия и о сокращении вооружений и вооружённых сил пятью великими державами на одну треть.

Но в конце концов Макнейл должен был признать, что советские предложения для Англии неприемлемы по самому своему существу. Что правда, то правда, мы видим, что представители Англии, как и представители США, действительно, энергично сопротивляются принятию наших предложений, так как это не соответствует их планам, намерениям и интересам, требующим от английского правительства, по признанию Макнейла, держать свои войска в разных концах света.

У Советского Союза нет таких интересов. Планы советского правительства ясны и просты: СССР предлагает запретить атомное оружие. СССР предлагает пяти великим державам сделать первый шаг в деле сокращения вооружений и вооружённых сил, сократив свои вооружённые силы на одну треть. Сделайте этот шаг. Примите решение о запрещении атомного оружия и о сокращении вооружений и вооружённых сил пяти великих держав на одну треть и положите таким образом основу для дальнейших усилий по укреплению мира и безопасности народов. Человечество скажет вам спасибо и свободно вздохнёт, видя в таком решении луч света, который прорезает тёмные облака, окутывающие мир и вызывающие тревогу миллионов и миллионов людей, ненавидящих и провоцирующих войну.

К этому стремится Советский Союз. Это уполномочена здесь защищать советская делегация.

«Известия» № 271(9801)

и 272(9802)

от 16 и 17 ноября 1948 г.

РЕЧЬ А. Я. ВЫШИНСКОГО
НА ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕЕ ООН
О ЗАПРЕЩЕНИИ АТОМНОГО ОРУЖИЯ И СОКРАЩЕНИИ
ВООРУЖЁННЫХ СИЛ И ВООРУЖЕНИЙ
ПЯТЬЮ ВЕЛИКИМИ ДЕРЖАВАМИ

(19 ноября)

1. СССР ТРЕБУЕТ ЗАПРЕТИТЬ АТОМНОЕ ОРУЖИЕ

Мы обсуждаем здесь чрезвычайно важный, имеющий действительно историческое значение вопрос, поставленный Советским Союзом, — о запрещении атомного оружия и о сокращении вооружений и вооружённых сил пятью великими державами на одну треть. Едва ли в настоящее время есть какая-либо необходимость в подробном рассмотрении тех причин, которые привели к срыву работы в атомной комиссии и в комиссии по так называемому обычному вооружению, на которые была возложена задача подготовить и внести на Генеральную ассамблею соответствующее предложение по этому вопросу.

Об этом достаточно говорилось здесь, и ещё не так давно — по пункту первому повестки дня настоящей сессии. Несомненно, то, что было тогда сказано, остаётся ещё свежим в памяти у всех. Тем не менее, некоторые делегации и, в первую очередь, делегации Соединённых Штатов Америки и Великобритании представили здесь Генеральной ассамблее вновь свои возражения против предложения Советского Союза, причём они заявили, что они-де не понимают, как Советский Союз мог внести такие предложения, совершенно нереалистичные, как заявил здесь г-н Макнейл, в настоящих условиях, когда ни о каком сокращении вооружений и речи быть не может.

Вот почему делегация Советского Союза считает необходимым напомнить о тех мотивах, которые руководили советским правительством, когда оно вносило свои предложения о запрещении атомного оружия и о сокращении вооружений и вооружённых сил пятью великими державами на одну треть.

Делегация СССР указывала на непрекращающуюся бешеную тонку вооружений и вооружённых сил в Соединённых Штатах Америки, Англии и в некоторых других странах англо-американского блока. Делегация Советского Союза указывала на тот военный психоз, который бушует в этих странах, на ту непрерывную мобилизацию сил реакции, потерявших уверенность в завтрашнем дне, которые ведут теперь оголтелую обработку общественного мнения, возбуждая ненависть к Советскому Союзу и подстрекая к новой войне.

Делегация СССР считала своим долгом с трибуны Генеральной ассамблеи разоблачить ведущуюся за кулисами организации

Объединённых наций в разных штабах и военных канцеляриях Соединённых Штатов Америки, Великобритании и некоторых других стран, находящихся под англо-американским влиянием, лихорадочную работу по подготовке к войне против СССР и стран новой демократии Восточной Европы.

Мы указывали уже в начале этой сессии, почти два месяца тому назад, что миллионы простых людей, своей кровью заплатившие за преступления фашистских организаторов второй мировой войны, не хотят допустить и не допустят повторения новой войны, несущей всему человечеству страшные бедствия и страдания.

Вот те основания, в силу которых советское правительство сочло необходимым поставить перед 3-й сессией Генеральной ассамблеи вопрос о запрещении атомного оружия и о сокращении пятью великими державами на одну треть своих вооружений и вооружённых сил. Действуя таким образом, советское правительство исходит из того, что сокращение вооружений отвечает задачам установления прочного мира и укрепления международной безопасности; что оно соответствует интересам народов в облегчении тяжёлого экономического бремени, ложащегося на них в результате чрезмерно больших и всё возрастающих расходов на вооружение в различных странах.

Осуществление этой задачи — великое дело, и, какие бы трудности ни стояли в этом деле на нашем пути, должны быть приняты все меры, должны быть напряжены все усилия, чтобы эта задача была решена, и решена возможно скорее и возможно полнее.

Первым шагом — так ставит вопрос советское правительство — первым шагом в решении этой задачи и должно явиться сокращение на одну треть всех наличных сухопутных, морских и воздушных сил пяти великих держав, причём это важное мероприятие должно включать также запрещение атомного оружия, без чего не могут быть достигнуты положительные результаты в деле сокращения вооружений и вооружённых сил в целом.

Советское правительство поэтому не может согласиться с тем, чтобы рассматривать вопрос о сокращении вооружений и вооружённых сил без того, чтобы это мероприятие было распространено на атомное оружие. Советская делегация, наоборот, настаивает на том, чтобы эти две задачи — запрещение атомного оружия и сокращение вооружений и вооружённых сил на одну треть пятью великими державами — рассматривались и были решены одновременно, в их органической связи.

2. АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЙ БЛОК ПРОТИВ ЗАПРЕЩЕНИЯ АТОМНОГО ОРУЖИЯ

Между тем проект резолюции, представленный представителями Соединённых Штатов Америки, Великобритании, Франции, а также некоторых других стран, обычно поддерживающих предложения этих государств, принятый Первым комитетом, вовсе не касается вопроса о запрещении атомного оружия. Я повторяю — не касается этого важнейшего, самого основного вопроса о запрещении атом-

ного оружия. По этому поводу проект резолюции большинства Первого комитета, как вы легко можете в этом убедиться, обратившись к самому проекту, ограничивается указанием на то, что сокращение вооружений и вооружённых сил может быть достигнуто лишь «в атмосфере ослабления напряжения в международных отношениях», что, как говорится в этом проекте резолюции, «подразумевает, главным образом, установление контроля над атомной энергией и запрещение атомного оружия».

Не будучи в состоянии открыто заявить о том, что они против запрещения атомного оружия, не решаясь прямо сказать, что они не согласны с запрещением атомного оружия, проект большинства Первого комитета избирает двусмысленную формулу, вуалируя свои истинные намерения, когда говорит, что в проекте резолюции подразумевается установление контроля над атомной энергией и запрещение атомного оружия.

Я спрашиваю большинство Первого комитета: что же вы — за запрещение атомного оружия или против запрещения атомного оружия? Если ваша резолюция подразумевает запрещение, то почему же вы не скажете ясно и открыто, чтобы народы всего мира знали и чтобы тем самым помочь созданию необходимой атмосферы общественного доверия или, по крайней мере, сделать шаг в этом направлении? Почему же вы не говорите прямо в своей резолюции, что вы за запрещение атомной энергии для военных целей, а боязливо и робко, двусмысленно говорите только о том, что резолюция подразумевает запрещение атомного оружия?

Но позволяю себе утверждать, что проект резолюции большинства Первого комитета ничего этого не подразумевает, ничего не подразумевает относительно запрещения атомного оружия, потому что он нигде не упоминает, что атомное оружие действительно должно быть запрещено. В таких вопросах нельзя допускать такого рода формулировки, нельзя говорить о том, что подразумевается запрещение атомного оружия, а надо говорить ясно и точно: запрещается атомное оружие. Этого вы, большинство Первого комитета, не говорите. И в этом основной порок вашего проекта резолюции, который делает его неприемлемым для всех тех, кто искренне стремится к тому, чтобы это атомное оружие — оружие агрессии было действительно запрещено и изъято из национального вооружения.

Нам здесь говорили, что проект резолюции Первого комитета — шаг вперёд. Это неверно. Такая резолюция в отношении атомного оружия является в действительности шагом назад по сравнению с резолюциями 24 января и 14 декабря 1946 года. Разве, спустя такой большой срок, который прошёл со времени принятия этих двух резолюций, можно удовлетвориться ничего не значащей фразой о том, что должно «подразумеваться» установление контроля над атомной энергией, должно «подразумеваться» запрещение атомного оружия в качестве меры для ослабления напряжения в международных отношениях?

И это вместо того, чтобы принять конкретное решение о запрещении атомного оружия, что явилось бы действительным вкладом в дело укрепления международного сотрудничества, явилось бы

одним из важнейших факторов в международных отношениях, что действительно содействовало бы серьёзным образом устранению взаимных подозрений и недоверия, на смену которым пришли бы взаимное доверие и международное сотрудничество.

Могут сказать, — как нам здесь уже пробовали говорить, — что вопрос о запрещении атомного оружия уже был рассмотрен по пункту первому повестки дня в связи с докладами атомной комиссии и что по этому вопросу были приняты решения, которые определяют дальнейшее направление этого вопроса. Но в резолюции, принятой 4 ноября Генеральной ассамблеей по этому вопросу, нет никаких конкретных, практических предложений по запрещению атомного оружия. В этой резолюции всё дело сводится к консультации шести инициаторов резолюции Генеральной ассамблеи, принятой 24 января 1946 года, консультации о том, имеется ли базис для соглашения о международном контроле над атомной энергией и для исключения атомного оружия из вооружений отдельных государств.

Резолюция о том, чтобы шесть инициаторов другой резолюции проконсультировались — имеется ли база для подготовки соглашения о запрещении атомного оружия, — ничего не даёт по сравнению с резолюциями от 24 января и 14 декабря 1946 года, которые уже два года тому назад обязывали подготовить конкретные предложения об изъятии атомного оружия из национального вооружения.

Больше того, по сравнению с резолюциями от 24 января и 14 декабря 1946 года эта резолюция от 4 ноября является шагом назад, является отступлением, является уступкой тем силам реакции, которые в атомной бомбе видят свою последнюю надежду на сохранение своего влияния в разных концах мира. Поэтому странно было слышать, когда здесь пытались доказать, что резолюция, предложенная Первым комитетом, — этот так называемый бельгийский проект, — является «максимумом возможного», крайним возможным достижением тех усилий, которые якобы делаются для того, чтобы продвинуть вперёд осуществление резолюций Генеральной ассамблеи от 24 января и 14 декабря 1946 года.

Таким образом, и в первом и во втором случаях вопрос о запрещении атомного оружия оказывается затёртым двумя резолюциями. Это мы можем сказать и о первой резолюции Генеральной ассамблеи от 4 ноября, против которой мы боролись здесь, хотя эта резолюция и была принята большинством Ассамблеи, и о резолюции, которая обсуждается сейчас, о так называемом бельгийском проекте резолюции.

Обе эти резолюции по существу снимают с обсуждения вопрос о практических мероприятиях по запрещению атомного оружия и по сокращению вооружений и вооружённых сил пятью великими державами как первого шага по пути к всеобщему урегулированию вооружений и вооружённых сил. Эти вопросы снимаются с порядка дня под прикрытием каких-то маловразумительных постановлений о будущих консультациях и тому подобных благих пожеланий.

3. СССР ЗА СТРОГИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНТРОЛЬ

Противники предложений Советского Союза о запрещении атомного оружия пытаются подменить этот вопрос вопросом об организации международного контроля, притом в форме, которая предусматривается американским планом. Хотя этот вопрос не раз уже и поднимался в различных органах Генеральной ассамблеи и в самой Генеральной ассамблее, я не могу пройти мимо этого вопроса, поскольку целый ряд выступавших здесь ораторов старались изобразить дело таким образом, что Советский Союз против контроля и что именно Советский Союз, благодаря тому, что занимает такую отрицательную якобы позицию в отношении учреждения контрольного органа, и мешает достижению необходимого соглашения по запрещению атомного оружия. Это, господа, неправда. Это совершенно не соответствует действительности. Такие утверждения являются результатом извращения фактов. И я постараюсь это доказать.

Вопрос о международном контроле является, по мнению Советского Союза, весьма важным, так как учреждение международного контроля и инспектирование будет иметь само по себе большое значение, как это подчеркнул Генералиссимус И. В. Сталин в своей беседе с г. Стассеном в апреле прошлого года.

Уже это одно обстоятельство, а также и заявление Генералиссимуса И. В. Сталина в беседе с президентом американского агентства Юнайтед Пресс Хью Бейли о том, что нам необходим строгий международный контроль, должны быть совершенно достаточными для всякого добросовестного и непредубеждённого человека, чтобы знать, как действительно относится советское правительство к учреждению международного контроля над использованием атомной энергии в мирных целях и над сокращением вооружений и вооружённых сил.

Но так называемый международный контроль, который планируют представители Соединённых Штатов Америки, называя эту свою американскую форму контроля «правильной формой контроля», или, как выразился президент Соединённых Штатов Америки г-н Трумэн в одной из своих предвыборных речей в Милуоки, «справедливой формой международного контроля», представляет собой в действительности не тот контроль, который соответствовал бы задачам подлинно международного контрольного органа.

Советские представители не раз указывали на неприемлемость плана так называемого «международного» контроля и такой формы этого контроля, который предлагается программой Ачесона — Ба-руха — Лилиенталя.

В связи с этим ответственные представители Соединённых Штатов Америки заявляют, что Советский Союз отклоняет этот план как посягательство на его национальный суверенитет. Они вместе с тем заявляют, что Советский Союз настаивает на том, чтобы в международном контрольном органе действовал принцип единогласия, так называемое «вето», тогда как большинство государств против этого «вето».

Такое утверждение совершенно беспочвенно. Представители Советского Союза неоднократно разъясняли, что на контрольный орган не может и не должно распространяться право так называемого «вето» и что Советский Союз никогда не настаивал на применении этого принципа в работе контрольного органа.

Здесь сознательно смешивается процедура решения вопросов в международном контрольном органе и в Совете безопасности. В первом случае никакого принципа единогласия не установлено, и Советский Союз никогда такого предложения не выдвигал и не выдвигает. Во втором случае принцип единогласия установлен уставом при решении всех вопросов по существу в Совете безопасности.

Этот принцип является краеугольным камнем всей организации Объединённых наций. Советский Союз стоит, стоял и будет стоять на этом принципе, потому что без этого принципа не может быть организации Объединённых наций.

Что касается отношения Советского Союза к американскому плану так называемого международного контроля, то характеристика этого плана, как посягательства на государственный суверенитет других государств, действительно соответствует позиции Советского Союза. Да, мы держимся такой точки зрения и будем защищать её.

4. ПОРОЧНОСТЬ И НЕПРИЕМЛЕМОСТЬ АМЕРИКАНСКОГО ПЛАНА ТАК НАЗЫВАЕМОГО МЕЖДУНАРОДНОГО КОНТРОЛЯ

Не повторяя уже ранее высказанных по этому поводу соображений, нельзя не напомнить в этой связи некоторые факты, показывающие порочность плана так называемого контроля, который, как известно, имеет в своей основе программу Баруха — Ачесона — Лилиенталя с его принципом стадий контроля. Этот принцип совершенно неприемлем, так как построенная на этом принципе система контроля способна открыть путь к злоупотреблениям со стороны контрольного органа своей властью в ущерб интересам других стран. А власть у контрольного органа по американскому плану должна быть огромная — какая-то сверхвласть, превышающая власть всякого суверенного государства. На это обстоятельство уже почти два года тому назад обратили внимание английские учёные, которые в своём известном меморандуме указали, что план Баруха предусматривает на первых стадиях меры, которые можно истолковывать как поддерживающие господство Соединённых Штатов в области атомной энергии.

На это же обращает внимание в недавно вышедшей своей книге «Военные и политические последствия атомной энергии» проф. Блэкетт, один из крупнейших авторитетов в области атомной энергии, недавно получивший Нобелевскую премию за свои работы по физике. Проф. Блэкетт, давая развёрнутую критику плана Баруха с его стадиями контроля, приходит к заключению, что, следуя этой системе — системе контроля по стадиям, — которую предлагает план

Баруха — Ачесона — Лилиенталя, международный контрольный орган сможет решать, что какая-то страна не выполнила своих обязательств по более ранним стадиям контрольного плана, и может вынести решение против осуществления последующих стадий контроля.

Ясно, что при таком положении большинство контрольного органа получает полную возможность действовать по своему усмотрению, не считаясь с интересами других государств и, в частности, с интересами безопасности этих государств. Так называемые «ранние стадии» контроля по плану Баруха смогут претворяться в жизнь, по мнению проф. Блэккетта, определённо во вред интересам безопасности других государств.

Советский Союз предлагает положить в основу международного контрольного органа другой принцип — установление строгого международного контроля одновременно над всеми предприятиями, занятыми как добычей атомного сырья, так и производством атомных материалов и атомной энергии. Эти предложения опубликованы в третьем докладе комиссии по атомной энергии, и они были внесены в эту комиссию 11 июля 1947 года. Но эти предложения представителями Соединённых Штатов Америки и Великобритании были отклонены и систематически отклоняются с тех пор и в дальнейшей работе.

Вся линия поведения представителей Соединённых Штатов Америки в вопросе о контроле над атомной энергией говорит о том, что их главная цель заключается в том, чтобы сосредоточить контроль над добычей атомного сырья и чтобы оттянуть на более длительный срок контроль над производством атомных материалов и атомной энергии. Это дало основание — ещё совсем недавно — группе французских учёных заявить, что Соединённые Штаты Америки ведут политику расчёта на своё атомное оружие в качестве средства навязывания своей воли другим государствам, всему миру.

В этой связи нелишне напомнить о представляющем значительный интерес заявлении председателя консультативного совета атомной комиссии Соединённых Штатов Америки проф. Оппенгеймера, одного из крупнейших авторитетов в этой области, заявлении, в котором он охарактеризовал атомное оружие как «оружие агрессии, внезапности и террора».

Как бы ни изменялась стратегия его использования по сравнению с тем, когда оно было применено впервые, говорит проф. Оппенгеймер, это атомное оружие остаётся оружием агрессии, и элементы внезапности и террора являются такими же неотъемлемыми его свойствами, как и распад атомного ядра.

Кому же нужно такое оружие? Каким же целям может служить это оружие? Ответ должен быть ясен.

Приведённое выше замечание видного американского учёного-атомника весьма знаменательно, оно проливает свет на вопрос о тех движущих силах, которые проводят политику, не имеющую ничего общего со стремлениями к международным соглашениям и сотрудничеству.

Всё сказанное выше объясняет и настойчивые требования авторов американского плана так называемого международного

контроля — предоставить международному органу контроля право собственности на все предприятия по добыче атомного сырья и по производству атомной энергии, несмотря на всю несовместимость этого требования с интересами других государств.

План организации международного контрольного органа, изобретённый Барухом — Ачесоном — Лилиенталем, всё больше и больше вызывает критических замечаний, вскрывающих неприемлемость этого плана для целей обеспечения международной безопасности. А это главная цель, которую пропагандируют и рекламируют сторонники этого плана, — обеспечить международную безопасность. Эти критические замечания доходят до прямого обвинения представителей Соединённых Штатов Америки в том, что, выдвигая план контроля в такой неприемлемой форме, как это делают Барух, Ачесон и Лилиенталь, они действуют в интересах группы, которая вообще против всякого международного контроля.

«Как только организация Объединённых наций, — мы можем прочесть по этому поводу в книге проф. Блэккетта «Военные и политические последствия атомной энергии», — приняла принцип международного контроля, очевидная тактика этой группы стала проявляться в требовании такой формы контроля, которая была односторонней настолько, что являлась явно неприемлемой для Советского Союза. Так, некоторая поддержка плана Баруха может иметь своим источником попытку преградить путь вообще любому контролю». Это говорит Блэккетт.

В самом деле, план Баруха — Ачесона — Лилиентала многими своими положениями заставляет сомневаться в серьёзности намерения его авторов добиться соглашения об учреждении международного контрольного органа, или, как называет его Блэккетт, международного «атомного» органа.

Авторы этого плана исходят из того, что международный орган по контролю над атомной энергией будет управляться администрациями, свободными от влияния со стороны своих правительств. Но это иллюзия.

«В действительности, — читаем мы в книге Блэккетта, — сотрудники этого органа будут целиком являться представителями отдельных наций и орудием экономических и политических устремлений правительств».

Американский план организации так называемого «международного» контрольного органа предусматривает расположение атомных энергетических станций по стратегическому принципу, а не в соответствии с интересами развития энергетического хозяйства данной страны. Ссылка при этом на то, что атомные энергетические ресурсы будут справедливо распределяться незаинтересованным и объективно действующим международным органом, является другой иллюзией.

Блэккетт говорит, что «здесь существует столь большое разнообразие в естественных богатствах, в степени индустриализации и в уровне жизни в различных странах», что невозможно полагаться на «справедливое» решение подобных вопросов этим «незаинтересованным» так называемым международным контрольным органом.

Вот каков этот план. Естественно, я называю только существенные, потому что для того, чтобы перечислить все его недостатки и в особенности разобрать все его недостатки, понадобилось бы значительно больше времени, чем мы можем здесь располагать. Указанные особенности американского плана так называемого «международного» контроля приводят беспристрастных и объективных исследователей этого вопроса к заключению, к которому пришёл и проф. Блэкетт, что этот план ставит под удар развитие атомной промышленности, даже если при этом преследуются самые мирные намерения, но, если не будет налицо соответствующего разрешения большинства этого органа, всякое развитие атомной промышленности без такого разрешения со стороны этого большинства контрольного органа будет рассматриваться по американскому плану как преступление.

Что это значит? Какой вывод можно сделать из всего сказанного? Разве всё это не даёт оснований для вывода, к которому пришёл в цитированной выше книге проф. Блэкетт, говоря о том, что «план Баруха может таким образом превратить программу улучшения социального благосостояния в международное преступление»?

Разве не обоснован также вывод, что, отвергая принцип единогласия при разрешении вопроса о наказании нарушителей соглашения, план Баруха создал бы ситуацию, при которой «любое нарушение, действительное или подразумеваемое, могло бы быть, в результате решения большинства, использовано для ускорения третьей мировой войны»?

Вот к каким последствиям может привести американский план так называемого международного контроля, вступая в противоречие с теми основными целями и задачами, которые должен был бы преследовать действительно международный контрольный орган.

Ясно, что такой план так называемого «международного» контроля Советским Союзом не мог быть принят и не может быть принят, и не только Советским Союзом, но и рядом других государств, ставящих перед собой задачу добиться действительного запрещения использования атомной энергии в военных целях и исключения атомного оружия из национальных вооружений.

Советский Союз не может принять такого плана, не может не возражать против такого плана. Принятие американского плана так называемого «международного» контроля означало бы, что судьба не только атомной промышленности, но и всего народного хозяйства, всей экономики данного государства была бы поставлена в зависимость от усмотрения так называемого «международного» контрольного органа, с его «специфическим» большинством. Это большинство всегда будет иметь возможность поставить экономическую и политическую жизнь любой страны в зависимость от планов и мероприятий этого органа, представляющего определённые группы государств. Такие тенденции нельзя, конечно, рассматривать иначе, как посягательство на государственный суверенитет, с которым американский план «международного» контроля, действительно, совершенно несовместим.

Не случайно же защитники этого плана открыто требуют, — следуя инициативе г-на Спаака, который в прошлом году ещё с этой трибуны указал на то, что государственный суверенитет — это реакционная идея и что эту реакционную идею нужно поскорее, как ветошь, сдать в архив, — они всё больше и больше настаивают, что государствам необходимо отказаться от своего суверенитета.

Последним изобретением в этой области является предложение итальянского министра иностранных дел Сфорца, в котором он призывает — правда, с оговоркой в частном порядке — европейские страны отказаться от своего суверенитета для того, чтобы создать какой-то международный пул государственных суверенитетов, чтобы на основании этого частичного «объединения», как он выражается, «суверенитетов» создать «Соединённые Штаты Западной Европы».

Вот как далеко идут планы ликвидаторов государственного суверенитета. Не ударяясь в подробности, я только хочу показать, каких союзников находят себе г-н Спаак и другие сторонники, выступающие с этой трибуны против государственного суверенитета.

Таким образом, начатый не так давно и уже проявившийся на прошлой годней сессии Генеральной ассамблеи поход против государственного суверенитета продолжается с прежней силой, хотя, нужно полагать, и без надежды на успех.

Б. КАКИМ ЦЕЛЯМ СЛУЖИТ АМЕРИКАНСКИЙ ПЛАН КОНТРОЛЯ?

К чему действительно клонят дело вдохновители американского плана так называемого «международного» контроля, можно судить по такому факту, как выступление перед американской сенатской комиссией вице-президента и директора «Монтсанта кемикал компани» Томаса по поводу плана Ачесона — Лилиентала об организации международного контроля над атомной энергией. Об этом напомнил в Первом комитете во время дебатов по этому вопросу польский делегат г-н Кац-Суши, и я считаю необходимым со своей стороны сказать об этих фактах.

Относительно плана Ачесона — Лилиентала Томас сказал перед сенатской комиссией США следующее:

«По нашему проекту мы получаем весь русский уран в распоряжение международной организации. Другими словами, все радиоактивные материалы всего мира будут находиться в ведении организации и прежде всего у нас. В России будет группа геологов, ведущих разведку по всей территории и собирающих сведения относительно наличия урана».

Отвечая на вопрос сенатора Маккелара, рекомендует ли доклад Ачесона — Лилиентала заключение соответствующего соглашения с СССР, Томас ответил: «Да, и это должно быть осуществлено прежде, чем всё другое. Другими словами, те, кто будут подписывать договор, должны будут сделать нечто большее, чем просто подписать один документ или какую-нибудь другую бумагу. Они должны будут сомаситься на то, чтобы подвергнуться геологиче-

скому обследованию их сырья и быть готовыми отдать основное сырьё — уран».

Вот какие откровенные разговоры ведутся в Соединённых Штатах Америки, в сенатской комиссии господами сенаторами и их собеседниками, разговоры, разоблачающие их мечты и затаённые планы. Не случайно, что ряд независимых людей, беспристрастно подходящих к разрешению вопроса о запрещении использования атомной энергии для военных целей, не могут не забыть тревоги, видя, куда действительно стараются направить дело инициаторы и вдохновители американского плана так называемого «международного» контроля.

Такую тревогу бьёт и упомянутый выше проф. Блэккет. В цитированной выше книге он пишет, что, если бы СССР согласился на американский план контроля над атомной энергией, это означало бы, что контрольный орган по атомной энергии получил бы возможность мешать развитию атомной энергии для мирного применения, тогда как СССР нуждается во всей атомной энергии, какую он может получить, для использования в промышленных целях. Он обращает внимание на то, что СССР, принимая американский план, должен был бы указать расположение своих военных заводов и своей тяжёлой промышленности, а это «дало бы инспекторам Объединённых наций, а тем самым и американским начальникам штабов возможность иметь полную карту объектов СССР, который не имел бы достаточной гарантии, что Соединённые Штаты уничтожат атомное оружие, даже если бы Советский Союз выполнил все условия, содержащиеся в плане».

И когда свободные от односторонности и фальши учёные других стран говорят об этом плане как о «хитроумном ходе», при помощи которого американская дипломатия рассчитывает одержать «весьма значительную победу», выдавая этот план экспансии и агрессии за якобы великодушное мероприятие, разве можно оставаться глухим и слепым к тому, что происходит вокруг?

6. СОВЕТСКИЙ ПЛАН МЕЖДУНАРОДНОГО КОНТРОЛЯ СЛУЖИТ ДЕЛУ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ НАРОДОВ

Этому американскому плану так называемого международного контроля Советский Союз противопоставил свой план, свои предложения по установлению контроля над атомной энергией, которые были внесены на рассмотрение атомной комиссии ещё год тому назад. Этот план сочетает установление строгого международного контроля с интересами международной безопасности и уважением к государственному суверенитету. Эти предложения предусматривают заключение специальной конвенции по контролю над атомной энергией, в том числе и инспектирование предприятий атомной энергии.

Те, кто критикует советские предложения, не хотят считаться с теми положениями плана Советского Союза, которые полностью обеспечивают строгий международный контроль над запрещением

атомной энергии для военных целей. Между тем советский план международного контроля предусматривает широкие права и полномочия для международного органа, призванного осуществлять этот контроль.

В самом деле, по советскому плану международный контрольный орган будет иметь право обследовать деятельность предприятий, добывающих атомное сырьё и атомную энергию, и проверять их отчёты: проверять наличные запасы атомного сырья, материалов и полуфабрикатов; изучать производственные операции в объёме, необходимом для контроля над использованием атомных материалов и атомной энергии; наблюдать за выполнением предписанных конвенцией правил технической эксплуатации предприятий.

Более того, этот международный орган, по советскому плану контроля, получает право предписывать правила технологического контроля этим предприятиям, собирать и обрабатывать данные о добыче атомного сырья, данные о производстве атомных материалов, данные о производстве атомной энергии, проводить специальные обследования в случае подозрений о нарушении конвенции по запрещению атомного оружия, делать рекомендации правительствам по вопросам, относящимся к производству, хранению и использованию атомных материалов и атомной энергии, делать рекомендации Совету безопасности о мерах, которые нужно принять для предупреждения и пресечения в отношении нарушителей конвенции о запрещении атомного оружия и о контроле над атомной энергией.

Предложение СССР по организации международного контрольного органа предусматривает также меры борьбы с утайкой добываемого атомного сырья для использования его в запрещённых целях. Международному контрольному органу предоставляется право доступа на любое предприятие по добыче, производству и хранению атомного сырья, а также по эксплуатации атомной энергии. Наш план предоставляет контрольному международному органу знакомиться на предприятиях атомной энергии с производственными операциями, в необходимом объёме, право производить взвешивание, промеривание, различного рода анализы атомного сырья, материалов и полуфабрикатов и т. п. и т. п.

Я не могу перечислять всё, потому что это и так занимает много времени, но я обращаю внимание людей, которые должны отрешиться от предвзятости в этом вопросе, что советский план есть план о функциях, правах, полномочиях и обязанностях международного контрольного органа, который должен быть строгим органом контроля, достаточно сильным для того, чтобы, соблюдая в необходимых пределах разумность и уважая в полной мере государственный суверенитет, обеспечить интересы безопасности, которым и должен служить этот международный контрольный орган. Советские предложения открывают путь для создания необходимого международного контрольного органа, устраняя те разногласия, которые мешают в настоящее время достижению соглашения по этому вопросу и препятствуют вместе с тем достижению соглашения о запрещении использования атомной энергии для военных целей.

7. США И АНГЛИЯ ОТКАЗЫВАЮТСЯ СОКРАЩАТЬ СВОИ ВООРУЖЁННЫЕ СИЛЫ

Советское правительство внесло также на рассмотрение Генеральной ассамблеи предложение о сокращении вооружений и вооружённых сил пятью великими державами на одну треть. И эти предложения были встречены в штыки в Первом комитете. Против них выдвигались всевозможные соображения вроде тех, которые были здесь повторены представителями Соединённых Штатов Америки и Англии, причём и тут, конечно, не обошлось без извращений, без неправильного освещения тех положений, которые защищает Советский Союз; стремление изобразить дело для себя в наиболее выгодном свете.

Английский представитель Макнейл в Первом комитете даже решился заявить, что мирное урегулирование с Германией якобы тормозится по вине Советского Союза, а между тем именно это является одним из условий для того, чтобы обеспечить международное доверие. Но Макнейл был тогда же разоблачён в извращении фактов, потому что ведь всем известно, что ещё в ноябре 1947 года на Лондонской сессии Совета министров иностранных дел советский министр иностранных дел В. М. Молотов внёс свои предложения приступить к подготовке мирного договора с Германией. Они были отклонены министрами США и Великобритании при поддержке министра иностранных дел Франции.

И если, действительно, мирное урегулирование с Германией является фактором, укрепляющим международное доверие, — безусловно оно и является таким фактором, — то кто же помешал тому, чтобы этот фактор был введён в действие ещё год тому назад? Я на это отвечаю: помешал шеф г-на Макнейла г-н Бевин, помешал шеф г-на Даллеса г-н Маршалл, помешал, наконец, и г-н Бидо, присоединившийся к этим двум первым министрам. И предложение советской делегации было тут же похоронено по первому разряду. А теперь, спустя год, нам говорят: посмотрите, нет международного доверия, потому что нет, например, мирного урегулирования с Германией, которое является важнейшим фактором этого международного доверия, и это по вине Советского Союза. Но если это так, то почему же вы отклонили это предложение? Почему вы его не приняли? Почему вы его не поддержали?

Вот так обстоит дело с возражениями г-на Макнейла. Он также говорил о мирном урегулировании с Японией. Конечно, это важный фактор. Но ведь имеется соглашение трёх великих держав — США, Великобритании и СССР — относительно порядка подготовки мирного урегулирования с Японией. Этот порядок должен быть осуществлён в соответствии с решением Совета министров иностранных дел, на обязанности которого и лежит эта задача. Между тем, игнорируя это соглашение, те же представители Великобритании и Франции настаивали на том, чтобы мирный договор с Японией был подготовлен не Советом министров иностранных дел, а специальной конференцией. И когда мы говорим, что это нарушает существующее международное соглашение, то это на них не

действует, но когда приходит время, они нам говорят: вы мешаете урегулировать мирным порядком отношения с Японией.

Разве можно это назвать добросовестными возражениями? Я воздержусь от квалификации этих возражений, я только поставлю вопрос: добросовестны ли эти возражения? Я думаю, что при указанных обстоятельствах — а этих обстоятельств никто не мог опровергнуть, ибо это факт, — ответ на этот вопрос будет совершенно определённый.

Если послушать представителей США и Великобритании, то окажется, что не США, опоясавшие весь мир военными базами и держащие во всех концах света свои военные гарнизоны, угрожают миру и подрывают международное доверие, а Советский Союз, несмотря на то, что Советский Союз не создаёт за пределами своей территории ни военно-воздушных, ни военно-морских, ни каких других баз; не держит своих войск на чужих территориях, кроме случаев, когда это предусмотрено соответствующими международными соглашениями; несмотря на то, что Советский Союз выводит свои войска из Северной Кореи, тогда как Соединённые Штаты Америки отказываются выводить свои войска и держат их до сих пор в Южной Корее.

Я спрашиваю: можно ли такие возражения и такие обвинения считать добросовестными в свете всех этих фактов?

Я и на этот раз воздержусь от квалификации этих возражений. Я только спрошу: добросовестно ли это? А ответ на этот вопрос каждый человек может дать, учитывая те факты, которые прошли перед его глазами. Я только скажу, что такими фальшивыми речами, таким искажением действительности преследуется цель прикрыть агрессивные планы собственных своих правительств, преследуется цель внушить доверчивым и неискушённым в политике людям, что США и Великобритания не подогревают военный психоз, что в США и в Великобритании не разрабатываются планы подготовки нападения на СССР и на страны новой демократии Восточной Европы, планы подготовки к новой войне.

В Первом комитете при обсуждении предложения Советского Союза о сокращении вооружений и вооружённых сил пятью великими державами на одну треть противники этого предложения старались доказать, что эти предложения не реальны, что они слишком просты и поэтому не могут быть приняты и проведены в жизнь.

Сегодня это здесь повторил и г-н Макнейл, который заявил о том, что наш план совершенно нереалистичен. Это, говорит он, не рабочее предложение, а жест пропаганды. Он даже выразил удивление по поводу того, как мог Советский Союз внести такие предложения, не учитывая всех трудностей, которые существуют, например, у англичан, в проведении этого плана, трудностей, о которых говорил Макнейл в Первом комитете. Г-н Макнейл отказывается принять для Великобритании этот план, ссылаясь на то, что англичане должны иметь достаточно войск, чтобы обеспечить безопасность во многих других странах. Очевидно, он имел в виду в первую очередь Грецию и некоторые другие страны, куда Велико-

британия считает необходимым очень внимательно заглядывать для поддержания «порядка».

Противники предложений Советского Союза заявляют, что эти предложения нереальны. Но ведь аргумент, что наш план нереален, слишком прост, мы уже слышали по крайней мере 20 лет тому назад. Мы слышали его, например, на восьмой сессии Лиги наций в 1928 году, когда французская делегация во главе с Поль-Бонкуром, совмещавшим со своей профессией адвоката пост председателя иностранной комиссии французской палаты депутатов и члена II Интернационала, возражала против выдвинутых тогда Советским Союзом предложений о разоружении, приводя именно эти же самые аргументы.

Французская делегация устами Поль-Бонкура тогда говорила, что советский проект «слишком прост, слишком прост». Он даже два раза это повторил. Он прибавил, как известно, к этому, что по советским предложениям выходит всё очень просто: «флоты пускаются ко дну, аэропланы взлетают на воздух, солдаты распускаются по домам,—оставаясь при этом солдатами», многозначительно добавил Бонкур. «От этой концепции разоружений,—заявил Бонкур,—Лига наций отказалась в момент своего образования».

Поэтому я обращаюсь к г-ну Макнейлу с просьбой: если он и дальше будет возражать против наших предложений, может быть, он придумает какой-нибудь новый аргумент, а не будет повторять просто не очень остроумный аргумент, выдвигавшийся 20 лет тому назад в Лиге наций.

Представители США и Великобритании доказывали, что в США и Великобритании уже проведено сокращение вооружений и вооружённых сил. И сегодня это здесь повторил г-н Даллес. Причём он повторил некоторые соображения китайского представителя,—что, видите ли, в Китае идёт гражданская война и что сокращать китайскую армию на одну треть это означает капитуляцию Китая. Это искусственный довод.

Что касается вооружений и вооружённых сил Соединённых Штатов Америки, то, оказывается, США «пришли к необходимости сбалансировать свои вооружённые силы в настоящее время», а вот Франция ещё никак не оправилась от результатов немецкой оккупации, и у неё нет никакого военного потенциала; вот так, если поверить г-ну Даллесу, обстоит дело с положением у этих трёх держав. А Англия? Об Англии он, кажется, ничего не сказал.

Остаются, таким образом, Советский Союз и США.

В Первом комитете от нас энергично требовали сказать, сколько у нас миллионов солдат? Мы уже отвечали на этот вопрос, что вы напрасно трудитесь, господа, потому что это мы в своё время скажем международному контрольному органу, как об этом говорится в проекте советской резолюции, что Совет безопасности должен учредить международный контрольный орган и этому международному контрольному органу будут представлены полные официальные сведения о всех вооружениях и вооружённых силах Советского Союза одновременно с тем, как будут представлены аналогичные сведения, касающиеся других великих держав. Но,

в сущности говоря, требование от нас сведений о количестве наших вооружённых сил является совершенно излишним. Ведь и Макнейл и Осборн в Первом комитете авторитетно заявляли, что у Советского Союза в настоящее время под ружьём находится 4 миллиона солдат. Для чего же тогда вам нужно было напрягать такие усилия, чтобы получить от нас какой-то ответ на вопрос, который вам и так уже хорошо известен?

Ну, а нельзя ли вас спросить, сколько солдат находится у Соединённых Штатов Америки? Обратимся, например, к недавно изданной книге «Милитаризация Америки», авторами которой являются небезызвестные люди, например: Альберт Эйнштейн; Карлстон — физиолог, бывший президент американской ассоциации содействия прогрессу науки; Каулинг — бывший ректор Карлтонского колледжа; Артур Морган — бывший ректор Антиохийского колледжа; Чет Паттерсон — секретарь американского комитета ветеранов войны; Джеймс Паттон — председатель национального совета фермеров; Роберт Вильсон — известный физик. Если бы вы обратились к этой книге «Милитаризация Америки», то из этой книги мы можем узнать, что в настоящее время численность вооружённых сил США составляет около трёх с половиной миллионов человек.

Значит, если речь идёт о том, в каком положении находятся вооружённые силы СССР и силы Соединённых Штатов Америки, то по данным, с одной стороны, г-на Осборна и г-на Макнейла относительно СССР — 4 миллиона человек и по данным, с другой стороны, авторитетных авторов «Милитаризации Америки» — три с половиной миллиона человек, выходит, что ничего нет неожиданного и неприемлемого в предложениях Советского Союза о сокращении вооружённых сил на одну треть.

Предложение, которое вносит Советский Союз о сокращении на одну треть вооружённых сил пятью великими державами, вполне обосновано. Но нам говорят, что такое сокращение будет «произвольным», требуют пропорционального сокращения. Под формой пропорционального сокращения скрывается не что иное, как предложение или мысль о том, что СССР должен сократить свои войска, скажем, на 75 процентов, а Великобритания на 15 процентов. Но мы говорим не только о сухопутных войсках. Мы говорим о всех видах вооружённых сил, о всех родах оружия.

Предлагаемый Советским Союзом принцип — сокращение на одну треть — справедливый и вполне реальный принцип. Кстати сказать, предлагая это, Советский Союз учитывает, что это первый шаг сокращения вооружений, за которым должны последовать и другие шаги. Почему же тогда вы останавливаетесь перед этим первым шагом, или не хотите сделать этого первого шага, а вместо этого предлагаете ничего не значащую резолюцию, совершенно бессодержательную, которая, разумеется, не только первого, но вообще никакого шага вперёд не представляет. Это просто топтание на месте или даже отступление назад.

Нам говорят — как заявил г-н Макнейл — «мы разоружились», но это не соответствует действительности. Известно ведь, и весь мир является этому свидетелем, что в США и Великобритании идёт

бешеная гонка вооружений и что совсем недавно, 14 сентября, выступил в палате общин г-н Моррисон, заявивший, что правительственным распоряжением военнослужащие, подлежащие демобилизации, должны быть задержаны на 3 месяца после срока демобилизации, предусмотренного законом. Моррисон признал, что план демобилизации в Великобритании не выполняется. Моррисон заявил о необходимости и возможности скорее увеличить число обученных вспомогательных войск. Он же заявил, что Великобритания должна быстро улучшить положение с оснащением вооружённых сил, особенно танковых частей и пехоты. По словам г-на Моррисона в палате общин, выпуск некоторых типов истребителей будет увеличен почти вдвое.

Кроме Моррисона в палате общин выступил 23 сентября министр обороны Великобритании г-н Александер, сообщивший, что английские послевоенные вооружённые силы будут оснащаться новыми видами оружия; что темп производства новейшего типа истребителей почти удваивается; увеличивается производство новых танков; значительно ускорено будет производство боеприпасов для зенитной артиллерии; ускорятся выполнение программы для выпуска боевых и резервных кораблей. Александер заявил, что в ближайшие несколько месяцев численность территориальной резервной армии будет увеличена не менее чем на сто тысяч человек. Агентство Рейтер 23 сентября официально заявило, что Англия намерена увеличить резервы личного состава военно-морского флота с 31 тысячи до 125 тысяч офицеров и солдат, что даёт увеличение в 400 процентов. Вот вам сокращение вооружений, вот вам сокращение вооружённых сил.

Как же можно тогда здесь так безответственно распространяться на тему о том, что «мы разоружились», «дальше мы разоружаться не можем». Было бы более правильным признать, что Англия увеличивает свои вооружения и вооружённые силы; признать, что в США и Англии идёт гонка вооружений, идёт работа по организации объединённых вооружённых сил военно-политического блока нескольких государств Западной Европы, что создан объединённый штаб во главе с фельдмаршалом Монтгомери. Говорят, что этот штаб уже расположился близ Фонтенебло и будто бы даже приступил к своей работе. Во всех этих мероприятиях деятельное участие принимают правящие круги Соединённых Штатов Америки, вдохновляющие и руководящие всей этой работой по сколачиванию вооружённых сил так называемой «Объединённой Европы», включая и западные зоны Германии.

Против кого?

Против Советского Союза, против стран новой демократии Восточной Европы.

Можно сказать, что главным образом в Соединённых Штатах Америки и в Англии машина по подготовке к новой войне пущена на полный ход. В этом не оставляют никакого сомнения выступления уже цитированных мною таких ответственных представителей Великобритании, как гг. Моррисон и Александер. Всё это не может не вызвать серьёзной тревоги у миролюбивых народов, жажду-

щих мира и не одобряющих поэтому воинственных планов поджигателей новой войны. Но поджигатели войны в свою очередь встревожены тем растущим сопротивлением миролюбивых народов их воинственным планам, которое всё более и более даёт себя знать и всё более и более подтверждает неизбежность провала этих планов.

8. ПОДЖИГАТЕЛИ ВОЙНЫ БОЯТСЯ ПРОПАГАНДЫ МИРА

Не случайно ведь государственный секретарь Маршалл, как сообщает «Нью-Йорк таймс» в статье Томаса Гамильтона, заявил, что Советский Союз ведёт пропагандистское мирное наступление. Не случайно, что Маршалл, касаясь недавних заявлений советских руководителей, направленных на разоблачение поджигателей войны и укрепление мира, заявил, что он считает это весьма опасным. Выходит, что опасна для интересов народов не пропаганда войны, а пропаганда мира, которая, по остроумному выражению одного из видных политических деятелей нашей Генеральной ассамблеи в частной беседе со мной, может привести к тому, что «вдруг неожиданно разразится мир». Вот почему вдохновители агрессивной политики в США и Англии не считают себя заинтересованными в соглашении и в сотрудничестве с СССР.

«Поджигатели войны, стремящиеся развязать новую войну,— сказал Генералиссимус Сталин,— более всего боятся соглашений и сотрудничества с СССР, так как политика соглашений с СССР подрывает позиции поджигателей войны и делает беспредметной агрессивную политику этих господ».

Вот чем объясняется сопротивление, которое оказали главным образом представители Соединённых Штатов Америки и Великобритании предложения Советского Союза о запрещении атомного оружия и о сокращении вооружений и вооружённых сил пятью великими державами, изобретая и придумывая всякие искусственные возражения.

Что говорят против наших предложений противники? Возьмём, например, представителя Бельгии г-на Роллена. Он здесь говорил, что вопрос о газовой войне и запрещении атомного оружия не имеет точек соприкосновения. Он заявил, что на мой вопрос о том, почему нельзя запретить употребление атомного оружия так же, как запрещено было в своё время в 1928 году употребление газового оружия, дал ответ г-н Макнейл и что этот ответ опроверг доводы советской делегации.

Нет, г-н Макнейл не дал никакого ответа ни тогда, ни сегодня, как не дал никакого ответа и г-н Роллен.

В самом деле, нам говорят, что мы неправы, когда проводим аналогию между запрещением использования газов в военных целях и запрещением использования атомной энергии в военных целях, потому что, дескать, в одном случае речь идёт об использовании, а в другом случае о производстве. Неверно. В обоих случаях речь идёт не о производстве, а о запрещении использования. Никто не собирается запрещать производства атомной энергии; атомная

энергия должна производиться, но должна употребляться только для мирных целей. Она должна быть запрещена к употреблению в военных целях. Удушающие газы никто не запрещал производить, ибо они нужны для мирных целей, например для борьбы со страшными и опасными для посевов саранчовыми налётами. Но было запрещено именно использование удушливых газов и газов вообще — в военных целях. В одном случае — газовое оружие, в другом случае — атомное оружие. Производить атомную энергию можно, производить удушающие газы можно, но использовать то и другое в военных целях — нельзя. Аналогия полная, и никто не опроверг, да и не может опровергнуть этой аналогии.

И странно было слушать, когда бельгийский сенатор г-н Роллен вдруг, разговаривая по этому поводу, доказывает, что тут нет аналогии. Странно было слышать и его заявление, что он смущён моей аналогией, ибо удушающие газы были всё-таки использованы в войне Италии против Абиссинии. Это верно, но если уже говорить об этом, то надо было бы сказать и о другом. Были ли использованы газы в войне против Абиссинии или нет, это не меняет сущность поставленного нами вопроса о самой конвенции, запрещающей использование удушливых газов.

Вопрос заключается ещё в другом. А как же реагировал в своё время Совет Лиги наций на нарушение правительством Муссолини этого запрещения? Действительно, в апреле, кажется, 1936 года итальянский агрессор применил против Абиссинии удушливые газы. 20 апреля 1936 года собрался Совет Лиги наций, чтобы обсудить вопрос о том, как реагировать на это. Когда несколько позже абиссинский негус приехал на чрезвычайную сессию Совета Лиги наций для того, чтобы требовать применения санкций против итальянского агрессора, наказать его за использование удушливых газов, то как тогда реагировал Совет Лиги наций на всё это, г-н Роллен? Разве неизвестно, что тщетно негус Эфиопии зывал к западным державам о помощи против нарушения правительством Муссолини декларации о запрещении применять газы на войне.

И во Франции, и в Великобритании раздавались тогда голоса, доказывавшие, что санкции против Италии бесполезны и даже опасны, что война в Абиссинии продолжается, что дальнейшие санкции могут вызвать войну в Европе и можно ли рисковать жизнью многих тысяч европейцев из-за независимости Эфиопии?

18 июня 1936 года Иден выступил в палате общин с заявлением, что санкции не дали того результата, какого от них ожидали в качестве способа воздействия на Италию. Вслед за тем одно государство за другим отказывалось от применения санкций к Италии и возобновляло с ней нормальные отношения, и Лига наций должна была в конце концов, в июне 1936 года, подтвердить свою капитуляцию перед нарушением итальянским агрессором протокола о запрещении использования удушающих газов в войне. Так Лига наций отказалась от всякого наказания агрессора, применившего газы в войне против Эфиопии.

Вот о чём нужно было бы вспомнить бельгийскому делегату. Конечно, если думать, что и впредь, когда, может быть, будет под-

писана в конце концов конвенция о запрещении атомного оружия, Совет безопасности нашей организации будет так вести себя в отношении нарушителей этой конвенции, как вёл себя Совет Лиги наций в 1936 году по отношению к итальянскому агрессору, который пустил в ход удушливые газы против Эфиопии, тогда нет смысла вообще дискутировать на эту тему.

Все разговоры о том, что нет аналогии между запрещением использования в военных целях удушающих газов и запрещением использования в военных целях атомной энергии, производят такое впечатление, что этими разговорами хотят лишь прикрыть свой отказ от запрещения использования атомного оружия.

Насколько искусственны и несостоятельны доводы, выдвигаемые в этой связи противниками запрещения атомного оружия, видно из замечания бельгийского делегата о том, что одна атомная бомба может решить исход войны, если, в нарушение конвенции о запрещении атомного оружия, какое-либо государство утаит атомные бомбы. Но именно та особенная угроза безопасности народов, которую представляет собой атомное оружие, казалось бы, должна была привести, наоборот, к скорейшему запрещению атомного оружия под страхом уголовного наказания за нарушение этого запрещения, за утайку атомной энергии в целях использования её для военных надобностей, к учреждению строгого международного контроля, который последовательно боролся бы за полное, безусловное и честное выполнение этой конвенции.

То, что говорил г-н Роллен по этому поводу, нельзя истолковать иначе, как попытку оправдать отказ от запрещения атомного оружия, оправдать ссылкой на то, что всё равно ведь газовая конвенция была нарушена. С такими аргументами, разумеется, нельзя ни согласиться, ни считаться ввиду их полной несостоятельности.

Бельгийский делегат Роллен в своей критике проекта резолюции СССР дошёл до того, что то место резолюции, где говорится, что сокращение вооружений и вооружённых сил пятью великими державами должно быть произведено в течение года, начал истолковывать таким образом, что указанное сокращение вооружений и вооружённых сил будет произведено лишь на один год, а затем может быть восстановлен прежний уровень вооружений и вооружённых сил.

Надо удивляться такому произвольному толкованию совершенно ясного положения проекта советской резолюции. В этом проекте говорится, что сокращение вооружений и вооружённых сил пятью великими державами должно быть произведено в течение одного года, а не на один год, и что такое сокращение должно представлять собою первый шаг. Можно ли это положение истолковывать так превратно, как это сделал г-н Роллен, попытавшийся исказить смысл советского предложения, хотя было бы совершенно нелепо предполагать, что в течение одного года будет произведено сокращение вооружений и вооружённых сил с тем, что оно может быть восстановлено в течение следующего года.

Несмотря на то, что выражение «в течение одного года» совершенно ясно говорит о том, что самое сокращение должно быть произведено не немедленно, а в течение такого длительного срока, как год, мы видим, что стремление во что бы то ни стало дискредитировать проект резолюции СССР, хотя бы ценой грубого извращения, приводит к нелепостям. Может быть, бельгийский делегат просто шутит, как это уже имело место в Первом комитете, когда другой член бельгийской делегации поставил вопрос о том, как сократить на одну треть один крейсер? Но мы предпочитаем к серьёзным вопросам относиться по-серьёзному.

9. ПРОЕКТ БОЛЬШИНСТВА ПЕРВОГО КОМИТЕТА — УСТУПКА СИЛАМ РЕАКЦИИ И АГРЕССИИ

Сторонники проекта резолюции большинства Первого комитета расхваливали здесь этот проект сверх всякой меры, заявляя, что этот проект — максимум возможных достижений. Но неужели большинство Первого комитета, поддерживающее эту резолюцию, так ограничено в своих творческих силах, что изображает этот проект как максимум возможных достижений?

Что же представляет собой этот хваленый проект резолюции? Разве, в действительности, не бросается в глаза вся бессодержательность и пустота этого проекта? Разве в этом проекте не является самым главным и существенным пункт 5, который рекомендует Совету безопасности изучить вопрос о регулировании и сокращении вооружений обычного типа и вооружённых сил, поручив это комиссии по вооружениям обычного типа в целях скорейшего достижения конкретных результатов? Но ведь Лига наций только то и делала, что занималась изучением такого вопроса. Ведь уже четверть века этот вопрос изучается — к сожалению, всё только изучается. Что же стоит такой проект резолюции, где именно «изучение» составляет самую существенную и важную часть всего проекта. И это здесь выдают за «максимум возможных достижений».

Столь же бессодержательным является и другой важный пункт этого проекта резолюции, а именно пункт 6. Здесь уже нет никакой рекомендации. Всё дело ограничивается выражением лишь уверенности в том, что комиссия по вооружениям обычного типа обратит своё внимание на разработку предложений о получении информации относительно численности вооружённых сил и размеров вооружений обычного типа государств — членов организации Объединённых наций.

Как всё это скромно! Генеральная ассамблея «выражает уверенность», комиссия «обращает внимание» — и ничего больше. И это всё, если не считать неожиданно появившегося в этом пункте международного контрольного органа, на который, оказывается, и должна быть возложена разработка предложений о получении информационных данных. Не ясно ли, что вопрос о международном контрольном органе, который должен будет разрабатывать какие-то

предложения о получении, проверке и опубликовании информации о вооружениях и вооружённых силах, поставлен лишь для видимости. В самом деле, во всём проекте резолюции Первого комитета ведь ничего не говорится о том, каким образом и кем, на каких условиях, с какими полномочиями и функциями будет учреждён этот международный контрольный орган. Не ясно ли, что и такие формулы, как «выражает уверенность», «обращает внимание», предназначены для того, чтобы как-нибудь прикрыть бессодержательность этой резолюции. В проекте большинства ведь ничего не говорится, а что же произойдёт, если комиссия по вооружениям обычного типа не «обратит внимания» международного контрольного органа или если этот международный контрольный орган не разработает предложений по информации? Какие же это повлечёт за собой последствия? Всё это остаётся покрытым полной неизвестностью.

Позволительно спросить, почему же, если действительно необходимо получить информацию, о которой говорится в проекте резолюции большинства Первого комитета, в этом проекте не употребляются более категоричные выражения, которые возлагали бы на соответствующие органы определённые обязательства? Почему, в таком случае, в резолюции большинства не говорится, что Генеральная ассамблея рекомендует всем государствам в такой-то срок представить такие-то данные, такую-то информацию о таком-то и таком-то вопросе? Вместо этого резолюция наполнена общими, никого ни к чему не обязывающими фразами, способными лишь запутать вопрос, осложнить и оттянуть его решение.

Между тем кроме 5-го и 6-го пунктов, которые являются наиболее важными пунктами, ничего в этом проекте резолюции большинства Первого комитета нет. Как мы видели, в 5-й, и 6-й пункты бессодержательны и никакого ответа на волнующий весь мир вопрос о запрещении атомного оружия и о сокращении вооружений и вооружённых сил на одну треть пятью великими державами в себе не содержат.

И такую-то резолюцию господа защитники этого проекта называют «максимумом достижений».

Если это максимум достижений, на какой только способна Генеральная ассамблея, то остаётся лишь выразить по этому поводу глубокое сожаление. Не нужно забывать, что в течение четверти века в этом направлении шла работа, которая хотя и не привела к положительным результатам, тем не менее дала некоторые материалы, которые могут быть с пользой применены и при решении этой важной задачи в настоящее время. От этой задачи пытается уйти большинство Первого комитета, поддерживающее проект резолюции, являющийся синтезом предложения Великобритании, Франции и Бельгии.

Семь государств предложили различные проекты, из которых в конце концов явился этот слабый-преслабый проект большинства комитета. Этот проект — не «максимум достижений». Это уступка силам реакции и агрессии, борющимся против мира, демократии и прогресса.

10. ПРЕДЛОЖЕНИЯ СССР ОТВЕЧАЮТ ЧАЯНИЯМ И НАДЕЖДАМ МИЛЛИОНОВ ЛЮДЕЙ ВО ВСЕМ МИРЕ

В противоположность большинству Первого комитета, действующему под явным влиянием США и Великобритании, которые рассчитывают затянуть и сорвать решение вопроса о запрещении атомного оружия и сокращении вооружений и вооружённых сил пяти великих держав на одну треть, предложения Советского Союза направлены на скорейшее и эффективное решение этого очень важного вопроса, затрагивающего кровные интересы всех миролюбивых народов.

В проекте советской резолюции указывается на то, что запрещение производства и использования атомной энергии в военных целях является первоочередной задачей. Советское правительство убеждено, и это является непреложным фактом, что всеобщее существенное сокращение вооружений отвечает задачам установления прочного мира и укрепления международной безопасности, что это соответствует интересам народов в облегчении тяжёлого экономического бремени, ложащегося на них в результате чрезмерно больших и всё возрастающих расходов на вооружения в различных странах.

Не подлежит никакому сомнению, что великие державы — постоянные члены Совета безопасности обладают подавляющей массой вооружённых сил и вооружения и что именно они несут главную ответственность за поддержание мира и всеобщей безопасности. Проект советской резолюции предлагает, в целях укрепления мира и устранения угрозы новой войны, разжигаемой экспансионистами и другими реакционными элементами, не только сократить на одну треть все наличные сухопутные, морские и воздушные силы пяти великих держав — США, Великобритании, СССР, Франции, Китая, рассматривая это как первый шаг в деле сокращения вооружений и вооружённых сил, но и запретить атомное оружие, как оружие агрессии, а не обороны.

Советское правительство в своём проекте резолюции также рекомендует учредить в рамках Совета безопасности международный контрольный орган, который будет наблюдать и контролировать проведение в жизнь мероприятий по запрещению атомного оружия и по сокращению вооружений и вооружённых сил. Этому международному контрольному органу должны быть представлены пятью великими державами полные официальные данные о состоянии вооружений и вооружённых сил государств — постоянных членов Совета безопасности.

Эти предложения Советского Союза, как и предложения Польши, имеют исключительно важное значение. Принятие этих предложений означало бы действительно громадный шаг вперёд по пути прогресса, международного сотрудничества, укрепления мира и безопасности народов. К этому устремлены все взоры и надежды многих сотен миллионов людей всего мира, к этому стремятся

Советский Союз, к этому стремится многомиллионный народ Страны Советов, к этому стремится советское правительство, приславшее нас сюда защищать это великое дело.

„Известия“ № 275 (9805)
и 276 (9806)
от 20 и 21 ноября 1948 г.

О ПРИЁМЕ НОВЫХ ЧЛЕНОВ В ОРГАНИЗАЦИЮ ОБЪЕДИНЁННЫХ НАЦИЙ

РЕЧЬ А. Я. ВЫШИНСКОГО

НА ЗАСЕДАНИИ СПЕЦИАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО
КОМИТЕТА
ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ООН

(22 ноября)

1. ОТКРЫТЫЙ ПРИЗЫВ К НАРУШЕНИЮ УСТАВА ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЁННЫХ НАЦИЙ

Я бы хотел начать с некоторых замечаний по поводу тех выступлений, которые имели здесь место, и, в частности, остановиться на том, что говорил здесь г-н Арсе, представитель Аргентины.

Представитель Аргентины выдвинул здесь довольно странную «теорию». Для того, чтобы поколебать значение статьи 4 устава, а следовательно, и вообще устава организации Объединённых наций, он пробовал доказывать, что Генеральная ассамблея может решать вопрос о приёме новых членов и без положительной рекомендации Совета безопасности. По мнению г-на Арсе, Генеральная ассамблея вправе рассматривать вопрос о приёме новых членов и в том случае, если Совет безопасности не представит своей рекомендации о приёме, и даже в том случае, если Совет безопасности выскажется против приёма того или другого государства. Г-н Арсе утверждает, что достаточно иметь любое мнение Совета безопасности по этому вопросу — будь то положительное мнение или отрицательное мнение — безразлично, для того чтобы Генеральная ассамблея имела основание заняться рассмотрением вопроса о приёме новых членов.

Аргентинский делегат всякое мнение Совета безопасности по этому вопросу считает «рекомендацией» и приходит, таким образом, к выводу, что именно о такой рекомендации и говорится в статье 4 устава. Эта «теория» г-на Арсе не выдерживает никакой критики. Против этой «теории» здесь уже выступил представитель Уругвая. К уже сказанному, мне кажется, уместно будет присоединить ещё и следующие соображения.

Как всем известно, статья 4 говорит, что приём членов в организацию Объединённых наций открыт для всех миролюбивых государств и что приём любого такого государства в члены организации производится постановлением Генеральной ассамблеи по рекомендации Совета безопасности. Ясно, что устав имеет в виду произвести приём, а не отказывать в приёме; не отказывать в приёме, а осуществлять приём по рекомендации. Следовательно, для того, чтобы Генеральная ассамблея могла решать вопрос о приёме, ей нужно иметь соответствующую рекомендацию Совета безопасности. Уже самое соотношение между словами «приём» и «рекомендация» достаточно ясно говорит о том, что Совет безопасности должен предварительно принять решение рекомендовать такое-то государство для приёма в члены организации Объединённых наций, а затем Генеральная ассамблея должна рассмотреть эту рекомендацию.

Это — единственное возможное толкование. И так мы все до сих пор понимали, в том числе так, вероятно, понимал это и г-н Арсе, потому что он — член Генеральной ассамблеи и участвовал в Генеральной ассамблее 17 ноября 1947 года, когда утверждались правила процедуры Генеральной ассамблеи.

Нельзя не удивляться, как при таких условиях, как при наличии таких правил, которые совершенно ясно трактуют данный вопрос, г-н Арсе выступает со своей странной «теорией» о том, что рекомендация Совета безопасности — это есть лишь его мнение и что совершенно безразлично, предлагает ли рекомендация приём или отказывает в приёме. В обоих случаях г-н Арсе говорит: «Всё равно вопрос идёт на рассмотрение Генеральной ассамблеи, и в обоих случаях Генеральная ассамблея должна этот вопрос рассмотреть независимо от рекомендации Совета безопасности».

С этим нельзя согласиться, так как это противоречит правилам процедуры Генеральной ассамблеи относительно приёма или рассмотрения заявлений и решений Генеральной ассамблеи по приёму новых членов. Разрешите прочитать текст правила 125: «Если Совет безопасности рекомендует принять в число членов организации подавшее соответствующее заявление государство, то Генеральная ассамблея рассматривает вопрос о том, является ли оно действительно миролюбивым государством, может ли и желает ли оно выполнить обязательства, предусмотренные уставом, и решает большинством в две трети присутствующих и участвующих в голосовании членов Ассамблеи вопрос о приёме его в организацию».

О чём говорит это правило 125, как не о том, что Генеральная ассамблея приступает к рассмотрению вопроса о приёме в том случае, если Совет безопасности рекомендует принять данное государство в число членов организации? Кажется, это должно быть ясным.

Значит, какая должна быть рекомендация? Положительная. Значит, нужно, чтобы была рекомендация о приёме. В правиле 125 прямо сказано: «Если Совет безопасности не делает рекомендации о приёме подавшего соответствующее заявление государства в число членов организации, или откладывает рассмотрение этого заявления, Генеральная ассамблея может, после тщательного рассмотрения

специального доклада Совета безопасности, возратить Совету безопасности указанное заявление вместе с полным отчётом о прениях, имевших место в Ассамблее, для дальнейшего рассмотрения и представления рекомендации или доклада».

Но этого мало, г-н Арсе. Вы должны были пойти немного дальше и прочитать, например, правило 126. Правило 126 предвидит другой случай, а именно случай, когда Совет безопасности не рекомендует принятие какого-либо государства в члены организации. Что тогда делает Генеральная ассамблея?

Г-н Арсе говорит: Всё равно, Генеральная ассамблея должна рассмотреть этот вопрос. Но это противоречит правилам процедуры, это вопреки правилу 126, ибо в правиле 126 говорится совершенно иначе. Вот что тут говорится:

«Если Совет безопасности не делает рекомендации о приёме подавшего соответствующее заявление государства в число членов организации, или откладывает рассмотрение этого заявления, Генеральная ассамблея может, после тщательного рассмотрения специального доклада Совета безопасности, возратить Совету безопасности указанное заявление вместе с полным отчётом о прениях, имевших место в Ассамблее, для дальнейшего рассмотрения и представления рекомендации или доклада».

Значит, Генеральная ассамблея ничего решать не может о приёме новых членов, если Совет безопасности не представит Генеральной ассамблее рекомендации о приёме. Конечно, Генеральная ассамблея может поговорить на эту тему, если найдутся ораторы, а ораторов у нас тут, кажется, хоть пруд пруди. Ораторы у нас всегда найдутся.

Вот вам два правила — 125 и 126. Правило 125 говорит о том, что делает Генеральная ассамблея, если Совет безопасности даёт рекомендацию о приёме, правило 126 говорит о том, что делает Генеральная ассамблея, если Совет безопасности не даёт рекомендации о приёме. Что же из этого следует? Какой вывод нужно из этого сделать? Один вывод: Генеральная ассамблея может рассматривать вопрос о приёме новых членов, если Совет безопасности представляет рекомендации о приёме. Вот что значит статья 4, где говорится: «Приём любого такого государства в члены организации производится постановлением Генеральной ассамблеи по рекомендации Совета безопасности».

Значит, совершенно неправильно и нелогично такое толкование статьи 4, которое обезличивает эту рекомендацию, которая, как говорил здесь г-н Арсе, не должна быть обязательно положительной рекомендацией. Он также ссылался на статью 97 устава, на статью, которая говорит о том, что генеральный секретарь назначается по рекомендации Совета безопасности. Правильно. Но, г-н Арсе, этот же аргумент убивает вас. Это же тот бумеранг, который вы бросаете в противника, но который возвращается и бьёт вас.

Известно ведь, что Генеральная ассамблея не может назначить генерального секретаря, если не представлен Генеральной ассамблее доклад Совета безопасности с рекомендацией соответствующего кандидата. Генеральная ассамблея не может, г-н Арсе, рассматри-

вать вопрос, кого назначить генеральным секретарём, если Совет безопасности не представил кандидатуру для занятия этого поста. Вот что говорит статья 97.

Я бы спросил теперь, как же аргентинский делегат представляет себе процедуру обсуждения и решения этого вопроса, процедуру формирования рекомендации в Совете безопасности? В Совете безопасности принимаются решения только большинством семи с единогласием пяти или, как говорится в уставе, при пяти совпадающих голосах, или же простым большинством в семь голосов.

По каким вопросам достаточно простое большинство? По каким вопросам необходимы совпадающие голоса пяти великих держав? По процедурным вопросам достаточно простое большинство в семь голосов, по непроцедурным вопросам, т. е. вопросам существа, требуется совпадение голосов пяти великих держав, членов Совета безопасности.

Конечно, и в этом случае г-н Арсе по своему обычаю восклицает: «Carthaginem delendam esse!» — «Карфаген должен быть разрушен». Это он говорит всегда относительно принципа единогласия в Совете безопасности, как некогда твердил о Карфагене Катон и как это выполнил Сципион Африканский.

Итак, Карфаген должен быть разрушен. Принцип единогласия в Совете безопасности — так называемое «вето» должно быть уничтожено. Противники принципа единогласия будут пытаться осуществить свой план уничтожения этого принципа. Посмотрим, удастся ли им эта затея. Но, пока существует принцип единогласия в Совете безопасности, аргентинскому представителю необходимо считаться с этим принципом. Он может не соглашаться с ним, но он не имеет права нарушать его, пока такой порядок голосования в Совете безопасности предусмотрен в уставе организации Объединённых наций.

Аргентинский делегат бросил замечание о том, что, может быть, мы можем обойтись без генерального секретаря, о порядке назначения которого говорится в статье 97 устава. Может быть, по мнению аргентинского делегата, можно вообще обойтись без организации Объединённых наций? Почему вы не скажете громко то, что вы, вероятно, думаете?

Назначение генерального секретаря — важное дело, и поэтому устав требует рекомендации Совета безопасности, без чего генеральный секретарь не может быть назначен Генеральной ассамблеей. Ясно, конечно, что такая рекомендация должна быть положительной. Своим примером с генеральным секретарём г-н Арсе полностью себя опроверг.

А что собой представляет приём новых членов?

2. ДЛЯ ПРИЁМА НОВЫХ ЧЛЕНОВ ОБЯЗАТЕЛЬНА ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ РЕКОМЕНДАЦИЯ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ

Приём новых членов в статье 18 нашего устава специально обозначен как один из важных вопросов, требующих голосования большинством в две трети голосов. Если это важный вопрос, требующий в Генеральной ассамблее две трети голосов, т. е. квалифици-

рованного голосования, то как же нужно к нему подойти в вопросе о голосовании в Совете безопасности? Тоже как к квалифицированному голосованию. А что это значит? Это значит, нужно применить в таком случае пункт 3 статьи 27 устава, т. е. нужно применить правило о единогласии. Следовательно, нужно иметь большинство в семь голосов, включая совпадающие голоса всех постоянных членов Совета безопасности.

Не может быть никакого сомнения в том, что когда идёт речь о рекомендации, то идёт речь о положительной рекомендации, причём не всякий результат голосования в Совете безопасности будет рекомендацией. Не всё то, что явится результатом обсуждения в Совете безопасности по поводу приёма новых членов, можно рассматривать как рекомендацию. Может получиться так, что предложение о принятии в число членов организации Объединённых наций какого-либо государства соберёт семь голосов; но так как среди этих семи голосов не будет совпадающих голосов всех постоянных членов Совета безопасности, то не будет и решения. Но если нет рекомендации, а статья 4 говорит, что Генеральная ассамблея решает этот вопрос по рекомендации Совета безопасности, то, следовательно, нет того основного условия, которое даёт право Генеральной ассамблее рассматривать этот вопрос.

Нам говорили здесь, что рекомендация не является для Генеральной ассамблеи обязательной. Это верно. Генеральная ассамблея вовсе не обязана считаться с рекомендациями Совета безопасности. Что это означает? Это означает, что Совет безопасности может рекомендовать принять такое-то государство, но Генеральная ассамблея вправе отклонить такую рекомендацию. Следовательно, рекомендация не является директивой для Генеральной ассамблеи. Она не является императивом для Генеральной ассамблеи. Это есть только рекомендация, и согласиться с этой рекомендацией или не согласиться — это, конечно, дело и право Генеральной ассамблеи, как одного из главных органов организации Объединённых наций.

Но г-н Арсе смешал здесь два вопроса, он смешал вопрос о том, является или не является рекомендация обязательной для Генеральной ассамблеи, с вопросом — обязательно ли нужна рекомендация для того, чтобы Генеральная ассамблея рассматривала этот вопрос. Между тем должно быть совершенно ясно, что хотя рекомендация для Генеральной ассамблеи от Совета безопасности не является обязательной, т. е. обязывающей Генеральную ассамблею решить именно так вопрос, как рекомендует решить Совет безопасности, это не значит, что не нужно обязательно иметь рекомендации от Совета безопасности для того, чтобы приступить к рассмотрению этого вопроса.

Следовательно, и здесь у аргентинского делегата имеется, к сожалению, крупное недопонимание смысла и сущности статьи 4, характера отношений между Советом безопасности, с одной стороны, и Генеральной ассамблеей — с другой. Вот почему неправильны все те выводы, которые делаются из неправильного понимания о статье 4 того, что такое рекомендация.

Первый неправильный вывод, который сделал представитель Аргентины, тот, что Генеральная ассамблея может рассматривать вопрос о приёме новых членов даже в том случае, если нет рекомендации Совета безопасности о приёме.

Второй неправильный вывод состоит в утверждении, что если даже Совет безопасности даст отрицательную рекомендацию, т. е. не будет рекомендовать принять данное государство в состав организации Объединённых наций, то и в этом случае Генеральная ассамблея может рассматривать этот вопрос.

И третий неправильный вывод: если Совет безопасности не вынесет, как говорил здесь г-н Арсе, ни положительной, ни отрицательной рекомендации, то и в этом случае, говорит г-н Арсе, этот вопрос может рассматривать Генеральная ассамблея.

Генеральная ассамблея может, конечно, рассмотреть любой вопрос, но в данном случае она не имеет права принимать никаких постановлений, а обязана действовать в этом последнем случае в соответствии со статьёй 126 правил процедуры. Это значит, что Генеральная ассамблея должна возратить со всеми материалами в Совет безопасности этот вопрос, причём приложить к тому же и протоколы прений, какие были по этому поводу в Генеральной ассамблее, и предоставить Совету безопасности действовать дальше согласно уставу, а именно согласно статье 4 устава организации Объединённых наций.

Г-н Арсе с отменным и уже нам хорошо известным трудолюбием отыскал где-то в архивах какой-то документ, довольно неопределённый, в котором что-то говорится относительно обязательности или необязательности для Генеральной ассамблеи рекомендации Совета безопасности. Оказывается, секретарь какой-то юридической комиссии сообщил секретарю комитета, членом которого состоял представитель Аргентины, своё мнение по этому вопросу. Для того, чтобы убедиться в том, что это мнение имеет под собой почву, он обратился за разъяснением к председателю комитета, и председатель комитета, как здесь об этом заявил г-н Арсе, сказал, что это сообщение вполне авторитетно и что его можно будет «сдать в архив навсегда».

Ну, знаете, это, действительно, что-то такое из «тысячи и одной ночи», это настоящие «арабские сказки». Возможно, что такой разговор двух секретарей и имел место, но всё это нас несколько не может интересовать.

Что же быть должно на веки вечные и на все времена?

То, что Генеральная ассамблея вовсе не обязана во что бы то ни стало принимать рекомендации, которые представляет ей Совет безопасности, это не подлежит никакому сомнению. Но кто же когда-нибудь утверждал что-нибудь противоположное? Кто же говорил когда-нибудь, что если Совет безопасности даёт рекомендацию о приёме, то Генеральная ассамблея обязана её принять?

Никто, никогда.

Этот поставленный Аргентиной вопрос об обязательности рекомендаций Совета безопасности не имеет никакой связи с тем, имеет ли право или нет по уставу и по правилам процедуры Гене-

ральная ассамблея рассматривать вопрос о приёме какого-нибудь нового члена, если нет положительной рекомендации со стороны Совета безопасности. Между тем об этом идёт речь, и на этот вопрос,—если держаться устава, его духа, смысла и буквы,—может быть дан только один ответ: должна быть положительная рекомендация Совета безопасности, а рекомендация Совета безопасности по вопросу о приёме должна быть принята в порядке, установленном в пункте 3 статьи 27 устава, т. е. решением большинством в семь голосов, включая совпадающие голоса всех постоянных членов Совета безопасности. Нравится это кому-нибудь или не нравится,—это никого не может интересовать. И когда здесь говорил представитель Голландии: закон есть закон,—представитель Аргентины ответил: да, я знаю, что закон есть закон — «*Dura lex, sed lex*». Но нужно, чтобы такой закон действительно был, а такого закона, заявил г-н Арсе, нет. Это неверно. Такой закон есть — это статья 4 устава. Вот закон, который существует, который должен быть выполнен, который нельзя извращать. Такого положения мы, конечно, допускать и терпеть не можем.

Вот почему, когда Генеральный комитет обсуждал повестку дня Генеральной ассамблеи, советская делегация возражала против включения в повестку даже этого пункта самого по себе — этого предложения Аргентины, ибо нельзя, нелепо включать в повестку дня пункт, рекомендуемый Генеральной ассамблее обсудить вопрос и принять соответствующее постановление о приёме новых членов, если не выполнены условия, установленные для этого уставом, т. е. если нет рекомендации Совета безопасности. А рекомендации в данном случае нет, ибо одних семи голосов без того, чтобы в их числе были пять совпадающих голосов постоянных членов Совета безопасности, недостаточно для того, чтобы это постановление считалось рекомендацией.

Если, однако, этот вопрос стоит на обсуждении Генеральной ассамблеи, то обязанность Первого комитета заключается не в том, чтобы поддерживать эту странную, совершенно неоправдываемую никакими логическими и юридическими соображениями «теорию», которую здесь пытался защищать представитель Аргентины, а обязанность комитета состоит в том, чтобы отклонить это предложение, как противоречащее уставу, противоречащее логике вещей и в силу этого совершенно неприемлемое для Политического комитета.

3. НЕ КОНСУЛЬТАТИВНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА, А МНЕНИЕ ГРУППЫ СУДЕЙ

Я хочу теперь перейти к более важному вопросу — о консультативном заключении Международного суда. Но позвольте, прежде всего, поставить один вопрос: правильно или нет, что мы имеем консультативное заключение Международного суда? Я на этот вопрос отвечаю отрицательно.

К сожалению, мы не имеем консультативного заключения Международного суда и не имеем такого заключения особенно по тому

вопросу, который был сформулирован в резолюции Генеральной ассамблеи от 17 ноября 1947 года.

Позвольте вам это сейчас кратко изложить и постараться это доказать.

Известно, что Международный суд состоит из 15 членов. Известно, что у нас имеется заключение 9 членов, затем имеется два особых мнения двух представителей, входящих в эту девятку, а именно г-на Альвареса, чилийского представителя, и г-на Асеведо, бразильского представителя. В числе девяти, представивших своё заключение, которое именуется заключением Международного суда, в сущности говоря, нет даже большинства Международного суда, ибо из девяти двое по самому важному вопросу о том, можно ли при голосовании в Совете безопасности о приёме новых членов руководствоваться какими-либо мотивами кроме тех, которые указаны в статье 4, или нельзя, из этих девяти членов Международного суда два члена — Альварес и Асеведо подали свои особые мнения, в которых они расходятся с остальными семью членами Международного суда по некоторым важным вопросам. Следовательно, по этим вопросам уже нет голосов девяти членов суда, а имеются только семь голосов.

Есть ещё мнение так называемого меньшинства из четырёх судей, и есть ещё мнение двух судей, которые присоединились в основном к мнению меньшинства.

Итак, у нас есть четыре группы: первая — девять членов Международного суда (по одним вопросам) и минус два члена Международного суда (по другим вопросам); вторая — это те самые два члена, которые исключаются из девяти; третья — четыре, или меньшинство, и четвёртая группа — двое, присоединившиеся к этому меньшинству. Я спрошу: кто в большинстве? Я спрошу: кто в меньшинстве? Среди «четырёх» мы имеем: проф. Бадевана — Франция; проф. Макнейра — Великобритания, канадского учёного Рида, мы имеем польского учёного Винярского, к ним присоединился советский представитель проф. Крылов и югославский представитель проф. Зоричич.

Можно ли при таких обстоятельствах говорить, что мы имеем консультативное заключение Международного суда? Не правильнее ли было бы сказать, что мы имеем несколько заключений отдельных групп или отдельных членов Международного суда? Думаю, что это было бы более правильно.

Здесь были сделаны попытки оспорить мнение шести членов суда. Австралийский делегат полковник Ходжсон с видом правого учёного профессора международного права критиковал особое мнение «меньшинства», в составе Бадевана, Макнейра, Рида и других. Но мы все, вероятно, впервые слышим, что полковник Ходжсон был специалистом международного права.

Мы знаем, что г-н Арсе — аргентинский делегат, хирург-акушер. Но едва ли кто из нас предполагал, что он настолько специализирован по международному праву, что без труда расправляется с весьма сложными проблемами международного права: оказывается, это так. Не скрою, что было всё же как-то не по себе

слышать, как они разоблачали научную «несостоятельность» крупнейших учёных-международников.

Во всяком случае хотелось бы слышать не голос отрицания правильности мнения «меньшинства», а доказательства этого. А этого-то как раз критикам и не доставало.

И вот нам теперь говорят — Австралия даже предложила резолюцию, — чтобы мы рекомендовали Совету безопасности: руководствоваться консультативным заключением Международного суда. Мы на это должны сказать: да ведь нет консультативного заключения Международного суда. Есть какой-то документ, который называется так, но что же это за заключение Международного суда, где только 7 членов из 15 высказались по спорным вопросам так, как этого добивалось большинство Генеральной ассамблеи.

Когда в докладе ставятся вопросы, которые как раз нас интересуют, — во-первых, является ли данный вопрос о приёме юридическим вопросом или политическим, — то на этот вопрос не только четверо судей — Бадеван, Макнейр, Винярский, Рид, — не только ещё двое судей — Крылов и Зоричич, — но ещё и судьи Альварес и Асеведо нам говорят: это не только юридический вопрос, как думает семёрка, а это вопрос и юридический и политический.

Когда говорят: можно ли считать, что только условия, установленные в статье 4, являются обязательными, а что сверх того, то «от лукавого», и со всем этим нельзя считаться, то не только четвёрка — Макнейр, Бадеван, Рид, Винярский — и присоединившиеся к ним Крылов и Зоричич, но и Альварес и Асеведо считают, что обязательные условия, установленные в статье 4, не исключают и политических соображений, которыми надо руководствоваться, особенно такому органу, как Совет безопасности, который является не академией юридических наук, а органом политическим и, следовательно, решения которого не могут быть только юридическими.

И когда семёрка судей говорит, что между правовыми нормами и политическими мотивами или критериями есть противоречие, его надо разрешить в пользу юридических критериев, ибо иное не предусмотрено уставом, то и Асеведо, и Альварес, и четвёрка, о которой я говорил, и присоединившиеся к ним два представителя, так сказать, славянской отрасли международного права Крылов и Зоричич говорят: нет, право и правовые нормы совместимы с политическими критериями.

И это правильно, так как право вообще есть не что иное, как инструмент политики, и поэтому противопоставлять право политике нельзя. Политика действует в ряде случаев при помощи права, правовых институтов и правовых норм, она использует право как орудие, как инструмент своего осуществления. Противоречия здесь органического нет и не может быть. И странно было бы, господи, чтобы в таком серьёзном вопросе, как приём новых членов, где скрещиваются политические интересы, где идёт политическая борьба, чтобы в решении такого вопроса умолкли политические мотивы и заговорили бы только одни юридические мотивы, говорили бы и действовали одни юридические нормы.

Я позволю себе утверждать, что в этом вопросе четвёрка в лице Макнейра, Бадевана, Рида, Винярского, присоединившиеся к ним Крылов и Зоричич и присоединившиеся к ним в этом мнении Альварес и Асеведо держатся той точки зрения, что кроме правовых требований, которые содержатся в статье 4, каждый член организации Объединённых наций, голосующий по поводу приёма того или другого государства в члены организации, имеет полное право руководствоваться, не может не руководствоваться и политическими соображениями. Если вы хотите подтверждения, пожалуйста, я их представлю дальше. Но прежде всего я хотел бы обратить внимание на то, как шло в Международном суде обсуждение вопроса, поставленного перед ним Генеральной ассамблеей. Нужно сказать по этому поводу следующее.

Во-первых, Международный суд считал необходимым поставить перед собой некоторые предварительные, преюдициальные вопросы. Одним из таких предварительных вопросов был именно вопрос о том, что означает, что представляет собой тот пункт вопроса, поставленного перед Международным судом Генеральной ассамблеей, который вам хорошо известен и который сформулирован таким образом.

Имеет ли член организации Объединённых наций, призванный в силу статьи 4 устава голосовать в Совете безопасности или в Генеральной ассамблее по вопросу о приёме государства в члены организации Объединённых наций, юридическое основание ставить своё согласие о приёме в зависимости от условий, прямо не предусмотренных в пункте 1 упомянутой статьи? В частности, может ли он, признавая, что условия, предусмотренные в статье 4, выполнены соответствующим государством, обусловить свой утвердительный голос тем условием, чтобы одновременно с этим государством были приняты в члены организации другие государства? Так поставлен был вопрос в Генеральной ассамблее. Я должен напомнить, что советская делегация с самого начала возражала против такой постановки вопроса, потому что, в сущности говоря, двух мнений здесь не может быть. Вопрос Генеральной ассамблеи по существу сводится к тому, чтобы установить: можно ли при решении вопроса о приёме новых членов в организацию Объединённых наций не руководствоваться статьёй 4 устава. Ясно, что на этот вопрос нужно дать отрицательный ответ. Конечно, нельзя не руководствоваться этой статьёй, конечно, нужно руководствоваться этой статьёй. Почему? Потому, что статья для того и написана, чтобы ею руководствоваться.

Но что значит «руководствоваться статьёй»? Это значит, что нужно поступать в соответствии с её содержанием. А содержание её каково? Оно изложено в некоторых пунктах: что страна должна быть миролюбива, что она должна быть согласна принять устав и принять на себя эти обязательства, что она должна быть способна их выполнять и т. д. Что же тут ещё спрашивать Международный суд? И, как, может быть, некоторые из вас помнят, в прошлом году советская делегация настойчиво доказывала, что по этому вопросу в Международный суд обращаться за консультацией нет никаких оснований и нет никакой необходимости, ибо вопрос и без этого

достаточно ясен. Тем не менее Генеральная ассамблея решила иначе.

Поставленный Генеральной ассамблеей Международному суду вопрос неправилен, потому что, в сущности говоря, при этом ссылались на то, что кто-то где-то что-то сказал, но никто, никакая делегация не ставила официально и формально вопроса таким образом: примите одних, тогда мы примем других.

Сегодня г-н Ходжсон говорил о торге. Известно, что торговля за кулисами производится всякая, и мы знаем, что есть много преуспевающих в этом деле. Но я спрашиваю вас — разве когда-нибудь какая-нибудь делегация ставила официально вопрос о том, что «где мы согласны принять таких-то и таких-то, если вы примете таких-то и таких-то»? Где, когда, какая делегация ставила так вопрос? Советская делегация на себя этого принять не может. Советская делегация вместе с тем считает справедливым, чтобы все были приняты, кто удовлетворяет условиям статьи 4, и чтобы была отброшена всякая дискриминация по отношению к тем государствам, внутренних строй которых или направление политики которых почему-то не нравится тем или другим вершителям мировых судеб: «Мы, — говорят, — не можем принять Болгарию потому, что Болгария не уважает права человека».

Если так ставить вопрос, то этот вопрос — уважаются ли ими права человека — должен быть обращён раньше всего к тем государствам, которые сопротивляются принятию Болгарии в организацию Объединённых наций. Можно быть уверенным, что они не смогут дать на этот вопрос положительный ответ.

Совершенно неправильно поступает Ассамблея, спрашивая, можно ли, исходя из статьи 4, обусловить приём одних государств требованием приёма других. Конечно — нельзя. Исходя из статьи 4 — нельзя. А исходя из логики и из политических условий в политических органах — можно, нужно и неизбежно.

Поэтому мы говорили в прошлый раз на Генеральной ассамблее: формально статья 4 не даёт оснований ставить вопрос так, как поставила Генеральная ассамблея, спрашивая консультативное заключение у Международного суда. А по существу, без постановки такого вопроса, если вы не хотите обманывать самих себя и лицемерить, то вы должны сказать — без этого не обойдёшься, потому что там, где сталкиваются политические интересы и мнения, там неизбежно при решении вопроса руководствоваться политическими соображениями. И весь вопрос заключается только в том, исключает ли статья 4 возможность таких политических мотивов. Мы считаем, как это считают и восемь судей, т. е. большинство Международного суда, что статья 4 это не исключает. Почему? Потому, что вопрос этот о приёме новых членов не юридический, а политический. Не девять, а лишь семь членов Международного суда стоят по этому вопросу на той точке зрения, что данный вопрос является юридическим, а не политическим. Насколько эта семёрка сама не была уверена в своей позиции, видно из того, что консультативное заключение — мнение так называемого «большинства», а в действительности меньшинства по вопросу о том, как нужно понимать запрос

Генеральной ассамблеи, указывает на то, что абстрактная форма, которая была придана этому запросу, исключает возможность говорить о каком-либо применении этого консультативного заключения к конкретным практическим вопросам. Таким образом, давая своё консультативное заключение, эта девятка членов просит не применять это заключение, которое даётся в абстрактной форме, к конкретным, практическим случаям, потому что они не хотели вмешиваться в решение этих конкретных вопросов, имеющих политический характер.

А теперь нам говорят, и даже представили соответствующую резолюцию, рекомендующую Совету безопасности руководствоваться этим консультативным заключением при решении практических вопросов. Это оговорка, которая делает честь девяти членам Международного суда. Однако она не будет принята во внимание, потому что будет сделана попытка воспользоваться этим заключением, чтобы подкрепить свою позицию.

Основной вопрос, который был поставлен перед Международным судом, таким образом, заключается в следующем: что собой представляют условия статьи 4? Достаточны ли они или только необходимы? Тут правильно говорилось: если они только необходимы, то могут быть ещё другие — добавочные. Если они достаточны, т. е. исчерпывающие, то, следовательно, никаких добавочных условий или критериев выдвигать нельзя.

Девять судей считают, что эти условия являются достаточными, т. е. что никаких других, кроме тех, которые указаны в статье 4, нельзя выдвигать. Но с таким заключением девяти членов Международного суда нельзя согласиться. Тем более, что это заключение вовсе не вытекает из собственной позиции этих девяти судей. Ведь эти судьи сами в своём заключении признают, что статья 4, хотя и носит исчерпывающий характер, — я буквально цитирую вам то, что говорится в заключении этих девяти судей, которые выступают от имени Международного суда, — всё же не исключает дискреционной оценки фактических обстоятельств, позволяющих проверить наличие требуемых условий.

Статья 4 не запрещает принимать в соображение любое фактическое обстоятельство, которое с полной основательностью и добросовестностью может быть связано с критериями и условиями этой статьи. Девять судей признают, что учёт этих обстоятельств допустим ввиду самого характера условий, сформулированных одновременно очень широко и очень гибко. Этот учёт не устраняет никакого политического соображения, могущего быть связанным с критериями или условиями, предъявляемыми при приёме в члены организации Объединённых наций. Вот что говорит это «большинство» Международного суда. Они говорят, что никакое политическое соображение не может быть устранено при решении вопроса о приёме новых членов. Почему вы об этом забываете? Почему вы проходите мимо этого? Потому, что в другом случае эти же 9 членов суда, за исключением Альвареса и Асеведо, отступают от этого правила, вступая с самими собой в коренное, глубокое противоречие.

Но если есть противоречие между двумя положениями одних и тех же консультантов, то ведь надо же объяснить, почему избирается первое и отбрасывается второе, а не наоборот? Дайте в таком случае ваши доказательства. Но вы ничего не доказали и не можете доказать. Не можете потому, что природа вещей такова, что это вопрос не юридический, хотя, конечно, в нём имеются юридические элементы, но политический.

Больше того, Альварес говорит, и это очень хорошо сказано у него, очень популярно: перед Международным судом, когда к нему поступает какой-нибудь вопрос на консультацию, всегда должен встать предварительный вопрос: «Является ли этот вопрос юридическим или политическим?»

Если он политический, Международный суд должен уклониться от принятия этого вопроса к своему рассмотрению; если это вопрос юридический, тогда Международный суд должен принять его к своему рассмотрению. Конечно, говорит Альварес, всякий юридический вопрос имеет элементы политические, и не может суд, решая даже вопрос юридический, не считаться с этими политическими элементами.

Но ведь это же говорит и большинство, большинство, консультативное заключение которого вы считаете образцом и рекомендуете или хотите рекомендовать Совету безопасности для использования, для руководства. Ведь большинство признаёт, что политические соображения, могущие быть связанными с условиями, предъявляемыми при приёме новых членов в организацию Объединённых наций, не могут быть устранены из поля зрения тех, кто решает вопрос о приёме.

В заключении этих девяти членов Международного суда говорится больше: указывается, что статья 4 устанавливает пределы, в которых осуществляется свобода решения вопроса, причём эти пределы предполагают «широкую свободу оценки», как говорится в заключении девяти судей. Больше того, эти судьи говорят, что мотивы, по которым голосует «за» или «против» тот или другой член организации, решая вопрос о приёме в организацию Объединённых наций, не подлежат контролю, ибо это есть дело свободы решающего. Это есть его суверенное право. Они говорят: «никакой уполномоченный не может иметь не больше и не меньше прав и обязанностей, чем принадлежит самому органу, который его уполномочил». Если мы с вами выступаем в качестве представителей наших государств, то мы имеем не больше прав, чем имеет само государство, и не меньше прав, чем оно ими обладает, а ровно столько, сколько оно имеет.

Но государство обладает правом, — и это право священо, — это право принимать решения, не отчитываясь ни перед кем в том, почему оно принимает то или иное решение. Это есть его суверенное право, оно бесконтрольно, оно дискреционно, ибо само государство не подконтрольно никому — это суверенное государство.

Девять судей всё это признают, они признают, что политические мотивы могут иметь место при решении вопроса о приёме, они признают, что мотивы политические не подлежат контролю и что

вообще при решении вопроса о приёме каждый из голосующих свободен как свободное суверенное государство, представителем которого он является.

Но девять членов Международного суда проявляют здесь нерешительность и колебание, но тем не менее они, как видите, не отклоняют политические мотивы. Но вот те два члена этой девятки, о которой говорили,— г-да Альварес и Асеведо заняли в этом случае совершенно самостоятельную позицию. Позвольте мне процитировать несколько строк из особого мнения Альвареса. Он говорит: «Традиционное различие между юридическим и политическим, как и традиционное различие между областью права и областью политики, в настоящий момент претерпевает глубокие изменения. Юридическими вопросами считались вопросы, подчиняющиеся нормам права, а политическими — вопросы, предоставленные свободной оценке государства. Отношения между государствами стали разносторонними и многосложными. Вследствие этого они представляют одновременно различные аспекты: юридический, политический, экономический, социальный и т. д.». Кроме того,— говорит Альварес,— многие вопросы, рассматривавшиеся по существу, как юридические, такие, например, как толкование какого-либо договора, могут в некоторых случаях приобретать, главным образом, политический характер».

Это прямо относится к нашему спору. В частности, говорит Альварес, это имеет место, когда речь идёт о мирном договоре и значительное число вопросов обнаруживает двойной характер — юридический и политический, и главным образом те из них, которые касаются международной организации.

«Таким образом,— добавляет Альварес,— далёкие от того, чтобы противостоять друг другу, как это было когда-то, право и политика в настоящее время тесно связаны между собой».

Так рассуждает один из крупных представителей латино-американской отрасли международного права. Вы знаете, что Международный суд составлен из представителей основных правовых систем мира, как говорится в уставе. Вот представители одной из таких основных систем мира, нашедших своё выражение в работах и в юридической мысли латино-американских стран, и представлены в Международном суде Альваресом и Асеведо.

У нас здесь нет расхождения по этому кардинальному вопросу о соотношении права и политики. Расхождение у нас в другом. Мы идём дальше. Мы говорим, что право вообще не имеет самостоятельной роли, оно всегда является продуктом классового господства, оно выражает собой политику господствующего класса, является только инструментом этой политики.

Г-н Альварес и г-н Асеведо говорят, что между правом и политикой нет противоречия и не может этого быть. Это совершенно правильно. Но это упускают из вида остальные судьи, уже превратившиеся из девяти в семь членов Международного суда, ставшие, таким образом, не большинством, а меньшинством суда, потому что семь из 15 всегда являются не большинством, а меньшинством.

Значит, представленное нам по этому вопросу мнение есть мнение меньшинства, а не большинства.

Так будьте любезны тогда, господа, оперируя с этим мнением, не называть его мнением Международного суда, потому что судьи, которые его разделяют, даже не представляют собою большинства членов Международного суда в этом вопросе. Они составляют меньшинство суда, мнение которого нельзя выдавать за консультативное заключение Международного суда. Это — не консультативное заключение Международного суда, какую бы вы вывеску здесь ни навесили и какие бы вы слова на этой вывеске ни написали. Вот так обстоит дело с этим вопросом.

Девять членов Международного суда, таким образом, не представляют собою — хотя они называются девятью — большинства, и по существу мы, следовательно, имеем ответ, который не может считаться ответом Международного суда. У нас есть несколько мнений, а именно те, о которых я уже говорил. Какие же нужно сделать выводы из всего того, что здесь сказано?

Во-первых, статья 4 говорит, что приём «открыт». Во-вторых, — что приём «производится». Вот эти выражения: «открыт», «производится», не являются императивными, категорическими. Это не есть обязательное требование принять, а только возможность приёма при наличии условий, которые указаны в статье 4. Значит, если нет условий, которые указаны в этой статье 4, тогда приём не открыт, тогда приём не может быть произведён. Если есть эти условия, то приём открыт, приём может быть произведён. Но обязан ли быть произведён этот приём, т. е. обязаны ли Совет безопасности и Генеральная ассамблея при наличии этих условий принять в члены ООН любое государство, удовлетворяющее условиям статьи 4, без учёта политических мотивов? Нет, потому что здесь играют решающую роль вопросы политического характера, которые связаны с приёмом, хотя непосредственно они и не указаны в тексте статьи 4.

Тут говорили об истории, о подготовке нашего устава, о конференциях. Возьмём Сан-Францисскую конференцию. Как Сан-Францисская конференция рассматривала этот вопрос? А вот как. В одном из протоколов Сан-Францисской конференции вы можете прочесть следующее:

«Принятый текст с большей ясностью, чем первоначальный текст, принятый в Думбартон-Окс, излагает условия, которые признаются основными для того, чтобы стать членом организации».

Значит, Сан-Францисская конференция, как это видно из её протокола, рассматривала условия статьи 4 не как исчерпывающие, исключаящие какие-нибудь другие, а лишь как основные. Но если они основные, то это даёт право говорить, что, следовательно, могут быть и дополнительные условия.

И вот члены Международного суда господа Бадеван, Арнольд Макнейр, Рид и Винярский в своём особом мнении заявляют — мы считаем эту позицию совершенно правильной, — что если устав и признаёт условия, изложенные в пункте 1 статьи 4, необходимыми, то устав всё же не считает их достаточными.

«Если бы,—они говорят,—он считал их достаточными, т. е. исключаящими всякие другие условия, он не преминул бы упомянуть об этом. Ибо это вопрос слишком большой, имеет слишком большое значение для того, чтобы его можно было оставлять в тени».

И дальше:

«Легко понять,—говорят четверо судей,—что составители устава, не имевшие в виду утверждение принципа универсальности, не пожелали исключить рассмотрение многообразных политических аспектов, которые в некоторых случаях могли представлять вопрос о приёме. Если учесть разнообразие политических условий, в которых находятся государства, не являющиеся первоначальными членами организации Объединённых наций, одни из которых были врагами, другие — нейтральными, одно из которых является постоянным нейтральным на основе договора, иные обладают империей, другие таковой не имеют, часть которых принадлежит к унитарным государствам, другие к федеративным, или образующим какое-либо объединение государств,—если учесть к тому же те политические последствия, которые могли бы оказаться связанными со слиянием существующих государств или появлением новых государств и их вхождением в состав Объединённых наций, приходишь к выводу, что составители устава, решив предоставить в данном случае особую роль Совету безопасности, быть может, поступили мудро, полагая, а по нашему мнению — говорят эти четверо судей — это и была их мысль, что представляется невозможным сделать что-либо больше, чем перечислить некоторые предварительные существенные условия для приёма в члены и положить в решении вопроса о приёме на добросовестность и здравый смысл Совета безопасности и Генеральной ассамблеи, в особенности первого из них, исходя из той особой ответственности, которая возложена на Совет безопасности».

Что можно сказать против этих соображений? Ничего. Эти соображения находят своё подтверждение в формулировках устава: «Открыт приём», «Производится приём», — ясно, что это и есть дискреционное право, от которого в сторону шарахаются семь судей из числа девяти, оставленные двумя своими коллегами, и без которого обойтись в данном случае нельзя, ибо это решение политического характера.

Вот почему единственным выводом из анализа всего вопроса могут быть следующие положения:

Первое: Всякий член организации Объединённых наций при решении вопроса о приёме новых членов должен исходить из статьи 4 устава, являющейся правовой основой для решения вопроса о приёме новых членов.

Второе: Каждый член организации Объединённых наций, участвующий в голосовании относительно приёма новых членов, — участник в политическом решении, и в силу этого у него имеются все основания ставить своё согласие на такой приём в зависимость от любого соображения политического характера. При этом, естественно, предполагается, что член организации Объединённых наций, решая конкретные вопросы, обязан действовать добросовестно,

руководствуясь целями и принципами организации Объединённых наций в целом.

Третье: Установленные в абзаце 1 статьи 4 устава условия или критерии приёма новых членов являются необходимыми для решения вопроса о приёме. Однако эти условия не исключают возможности руководствоваться также и политическими критериями, что прямо вытекает из изложенного выше положения.

Четвёртое: В оценке этих критериев или условий по приёму новых членов каждый член организации свободен, и мотивы его голосования не подлежат контролю, ибо это является делом его политической совести.

Пятое: Требование одинакового подхода к приёму в члены организации некоторых государств, удовлетворяющих юридическим и политическим условиям, соответствует принципам устава организации Объединённых наций и, в частности, принципу уважения суверенного равенства народов и государств.

Равным образом не противоречат принципам устава организации Объединённых наций и другие политические требования, как, например, требование одновременного приёма в организацию Объединённых наций государств, удовлетворяющих указанным выше условиям.

Вот выводы, к которым мы приходим на основании изучения всех материалов девяти судей и их заключения, и мнения двух судей, отколовшихся по важным вопросам от этой девятки, и мнения так называемого меньшинства, т. е. четырёх судей. Изучив все материалы, мы приходим к такому заключению, что здесь нужно руководствоваться такими соображениями, которые, с одной стороны, кладут в основу правовые нормы, что вовсе не исключает политических мотивов, так как самое применение этих правовых норм всегда определяется политическими интересами и политическими задачами при обязательном условии добросовестного и честного отношения к принципам и задачам организации Объединённых наций.

4. ГРУБОЕ НАРУШЕНИЕ УСТАВА ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЁННЫХ НАЦИЙ В ОТНОШЕНИИ ПРИЁМА НОВЫХ ЧЛЕНОВ

Если перейти от общетеоретических рассуждений к вопросу о приёме новых членов в организацию Объединённых наций, как этот вопрос стоит практически, то следует обратить внимание на грубое нарушение англо-американским блоком устава организации Объединённых наций в отношении приёма в состав ООН таких миролюбивых демократических государств, как Албания, Болгария, Венгрия, Румыния, Монгольская Народная Республика. Представители Соединённых Штатов Америки и Великобритании считают возможным в нарушение тех самых условий статьи 4, на которые они ссылаются как на достаточное основание для приёма новых членов, отказывать в приёме указанных государств, которые полностью, однако, удовлетворяют всем требованиям устава.

В самом деле, разве не удовлетворяют в полной мере условиям, установленным в статье 4 устава, такие государства, как Болгария,

Венгрия, Румыния, Албания, Монгольская Народная Республика? Разве они не удовлетворяют каждому из четырёх условий, указанных в пункте 1 статьи 4, в силу которых приёму в организацию Объединённых наций подлежат государства:

- 1) если они являются миролюбивыми,
- 2) если они принимают на себя обязательства, изложенные в уставе,
- 3) если они могут выполнять эти обязательства,
- 4) если они желают эти обязательства выполнять.

Я спрашиваю: разве любое из этих государств не удовлетворяет этим четырём условиям? Разве Болгария не государство, с которым вы имеете дипломатические отношения,—я обращаюсь к г-дам представителям Соединённых Штатов Америки и Великобритании в первую очередь? Разве это не миролюбивое государство, которое кровью своих сынов, восстав против гитлеровского ига, в процессе войны перешло на сторону Объединённых наций и приняло участие в завершении разгрома гитлеровских армий, принося свои жертвы маленького болгарского народа на алтарь общих жертв демократических стран в победе над гитлеровской Германией?

Разве не таково же положение Албании, Монгольской Народной Республики, Румынии, Венгрии, которым представители США и Великобритании упорно отказывают в приёме? Разве они не хотят выполнять условия и обязательства устава? Разве они не способны выполнять эти обязательства устава? Почему же тогда им отказывать в приёме?

Почему говорят, что можно принять Финляндию и Италию,—против чего мы не возражаем,—которые удовлетворяют таким-то условиям? Но почему же нельзя в это же время принять и эти государства, которые тоже удовлетворяют этим условиям? Почему? По политическим соображениям. Каким? По соображениям, которые говорят о том, что кому-то не нравится политика, которую ведут одни государства, и очень нравится политика, которую ведут другие государства. Но мы это называем фаворитизмом в отношении одних,—дискриминацией в отношении других.

Это противоречит принципу, провозглашённому в уставе,—уважение суверенного равенства государств и народов.

И поэтому отсюда надо сделать естественный вывод: если все такие-то и такие-то государства удовлетворяют условиям устава, надо их всех принять. Почему им отказывают? Почему стараются обойти это обязательство тем, что говорят: «Давайте будем индивидуально рассматривать каждое государство. Сначала Италию — примем; потом Финляндию — примем; потом дойдём до Румынии и Болгарии, а когда дойдём, тогда откажем, хотя условия те же самые». Почему? Так давайте по-честному политически договоримся, что если есть налицо те условия, которые установлены уставом, нельзя проявить дискриминацию по отношению ни к какому другому государству, нравится ли оно тебе или не нравится.

Вопрос, я думаю, не в дипломатических отношениях. Вопрос заключается и не в том, как этот вопрос поставила Генеральная ассамблея,—может ли кто-нибудь из членов организации обусловить

приём одних членов в организацию Объединённых наций требованием принять одновременно другие государства. Не так ставится вопрос.

Если правильно ставить вопрос, то, по нашему мнению, надо было бы так поставить вопрос: имеет ли право какой-нибудь член организации Объединённых наций при наличии у нескольких государств совершенно одинаковых качеств для приёма в организацию и при том условии, что они удовлетворяют всем требованиям, которые выдвигаются уставом, может ли какой-нибудь член организации в отношении одних настаивать на принятии в организацию Объединённых наций и в отношении других *caeteris paribus*, т. е. при всех равных условиях, отказывать в приёме. Так надо было бы поставить вопрос перед Международным судом, испрашивая его консультативное заключение. Тогда это было бы ближе к нашему спору, тогда из этого мы могли бы сделать и практические выводы.

Нужно отказаться от политики дискриминации в отношении одних государств и от фаворитизма в отношении других государств. Нужно учитывать не только правовые условия, но и политические условия.

Это — законно, потому что вопрос о приёме новых членов — вопрос политический. Это — необходимо, потому что Совет безопасности есть орган политический. Это — неизбежно, потому что мы с вами здесь призваны заниматься вопросами не юридическими, как таковыми, а политическими. Юридическими вопросами мы занимаемся постольку, поскольку они, естественно, возникают в процессе нашей работы и без решения которых обойтись нельзя.

Представители Соединённых Штатов Америки и Великобритании в Совете безопасности мотивировали, например, свой отказ в приёме Болгарии, Румынии, Венгрии тем, что они не согласны с политической правительств этих стран, особенно с внешней политикой, выдвигая различные и совершенно необоснованные обвинения. Но эти мотивы, как я старался показать, порочны в самой своей основе, так как означают попытку принимать или не принимать в члены организации Объединённых наций, решать вопрос о приёме или об отказе в приёме, независимо даже от тех условий, которые устав устанавливает как достаточные, игнорируя совершенно эти условия, руководствуясь исключительно своими посторонними соображениями, которые означают не что иное по существу, как попытку вмешиваться во внутренние дела этих государств.

Это означает попытку использовать такой акт, как приём в члены организации Объединённых наций, для давления на заинтересованные государства. Такое поведение продиктовано, как это совершенно очевидно, интересами, которые не имеют ничего общего с интересами Объединённых наций. В таких условиях выделить какое-нибудь одно государство из числа других государств, законно претендующих на приём в организацию Объединённых наций и имеющих все достаточные для того основания, значило бы стать на путь дискриминации в отношении одних государств, на путь нарушения своих собственных обязательств, принятых на себя по международным соглашениям, например, по пяти мирным договорам и по Потс-

дамскому соглашению, обязательств, исполнение которых, конечно, является обязательным.

После всего этого становится совершенно ясной неправомерность таких действий представителей, например, США и Великобритании, отказывающих в приёме в организацию Объединённых наций Албании, Болгарии, Венгрии и Монгольской Народной Республики.

Становится вместе с тем совершенно ясной неудовлетворительность того, что вы называете здесь консультативным заключением Международного суда по этому вопросу, ибо нет заключения суда, а есть заключения нескольких групп и отдельных членов Международного суда, представивших свои мнения.

При таких обстоятельствах нет никаких оснований рекомендовать Совету безопасности руководствоваться мнением одной группы членов Международного суда как якобы консультативным заключением Международного суда.

„Известия“ № 278 (9808),
279 (9809) и 280 (9810)
от 24, 25 и 26 ноября 1948 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СССР С. К. ЦАРАПКИНА В ПЕРВОМ КОМИТЕТЕ ПО ПАЛЕСТИНСКОМУ ВОПРОСУ (22 ноября)

Палестинский вопрос с полным основанием можно отнести к числу тех вопросов, которым организация Объединённых наций уделяла и уделяет весьма большое внимание. Как известно, непрерывная и упорная борьба еврейского и арабского народов Палестины за свою независимость заставила Великобританию, управлявшую этой территорией по мандату Лиги наций, поставить вопрос о Палестине на решение организации Объединённых наций.

Палестинский вопрос был тщательно и всесторонне изучен организацией Объединённых наций, и 29 ноября 1947 года Генеральная ассамблея подавляющим большинством голосов приняла известное всем решение о прекращении британского мандата над Палестиной и о создании в Палестине двух независимых государств — арабского и еврейского. Несомненно, что это было единственно правильным и справедливым решением вопроса, соответствующим коренным национальным интересам как еврейского, так и арабского народов Палестины, каждый из которых имеет право на самоопределение, право на создание своего самостоятельного государства.

Вторая сессия Генеральной ассамблеи, утвердив план раздела Палестины на два государства — арабское и еврейское, поручила

Совету безопасности принять необходимые меры, предусмотренные в этом плане, в целях проведения его в жизнь. Совет безопасности не выполнил, однако, своего долга в этом вопросе. Вместо того, чтобы провести в жизнь решения Генеральной ассамблеи, большинство Совета безопасности, руководимое представителями США и Англии, стало на путь ревизии этого решения.

США и Англии удалось добиться созыва в апреле с. г. специальной сессии Генеральной ассамблеи с целью пересмотра решения Генеральной ассамблеи от 29 ноября 1947 года. Как известно, на этой сессии США выступили с планом установления над Палестиной опеки ООН, однако большинство Ассамблеи не согласилось с этим планом ревизии предыдущего решения о Палестине. Потерпев неудачу в этом вопросе, США и Англия прибегли к новому манёвру, поставив вопрос об учреждении в Палестине института посредника. Под давлением США и Англии большинство Ассамблеи приняло 14 мая 1948 года резолюцию о назначении специального посредника организации Объединённых наций по Палестине, ограничив, однако, круг его деятельности чисто посредническими функциями.

Но, как известно, посредник организации Объединённых наций вместо того, чтобы ограничиться выполнением возложенного на него поручения по осуществлению перемирия и по нормализации при помощи мирных средств возникшей в Палестине обстановки, создавшейся и обострившейся ввиду позиции некоторых держав в палестинском вопросе, решил заняться делом, которое ему Генеральная ассамблея не поручала. Он занялся выработкой нового плана будущего устройства Палестины взамен плана, предусмотренного решением Генеральной ассамблеи от 29 ноября 1947 года. Это, конечно, была не его инициатива, не его вина и не его беда. Он действовал так, выполняя волю тех, кто стояли за его спиной, кто давали его деятельности нужное им направление. В июне месяце посредник вручил евреям и арабам свои предложения по урегулированию палестинского вопроса. Эти предложения предусматривали вместо создания в Палестине двух независимых государств — еврейского и арабского — создание, как говорится в докладе посредника, союза, в который входила бы и Трансиордания, что создавало бы для Трансиордании, возглавляемой, как известно, британской марионеткой королём Абдуллой, господствующее положение. Палестина оказалась бы поглощённой Трансиорданией и целиком попала бы под контроль английских властей. Эти предложения находились в прямом противоречии с решениями Генеральной ассамблеи. Подобного рода предложения, направленные на срыв решения Генеральной ассамблеи, наносили ущерб авторитету организации Объединённых наций, компрометировали её и, прежде всего, Генеральную ассамблею, принявшую 29 ноября 1947 года соответствующее решение о Палестине.

Эти предложения посредника, как известно, были отвергнуты как евреями, так и арабами. Эти предложения не оставляли никакого сомнения в том, где они были подготовлены и какова их цель. Неудивительно, что немедленно после опубликования этих предложений печать и международная общественность восприняли их как

предложения, разработанные в министерстве иностранных дел Англии. Дальнейший ход событий укрепил это мнение.

Подобная позиция в палестинском вопросе Англии и США, направленная на то, чтобы не допустить проведение в жизнь решений Генеральной ассамблеи, создавала в Палестине положение неустойчивости, способствовала ухудшению отношений и разжиганию вражды между евреями и арабами, поощряла и толкала правителей некоторых арабских стран и, в первую очередь, короля Абдуллу на военные авантюры в Палестине, создавала очаг угрозы миру и безопасности на Ближнем Востоке. Спровоцированные извне военные действия между арабами и евреями повлекли значительные человеческие жертвы и причинили арабскому и еврейскому населению Палестины бедствия и страдания.

Перехожу к докладу посредника. На рассмотрение Генеральной ассамблеи представлены доклад и предложение посредника по палестинскому вопросу.

Что предлагает нам посредник для разрешения этого вопроса? Его предложения в основном являются повторением тех прежних предложений, которые он представлял арабам и евреям в июне с. г. и которые тогда были отвергнуты обеими сторонами. Формальное отличие нынешних предложений заключается лишь в том, что на сей раз он уже не предлагает создания какого-то государства вроде Трансиорданско-Палестинского Союза, он признаёт необходимость существования самостоятельного еврейского государства, которое, как известно, уже создано, существует и осуществляет суверенитет над всей территорией, которая, согласно резолюции Генеральной ассамблеи от 29 ноября 1947 года, должна входить в состав еврейского государства. Однако план посредника вновь предлагает такую перекройку территории и границ этого государства, что если бы Генеральная ассамблея согласилась с такого рода предложениями, то это поставило бы под угрозу жизненные интересы еврейского государства.

Известно, что согласно резолюции от 29 ноября 1947 года область Негев почти полностью должна входить в состав еврейского государства. Посредник же предлагает всю территорию Негева, которая составляет более $\frac{2}{3}$ еврейского государства, передать арабам. Всю арабскую территорию Палестины, после включения в неё области Негев, по плану посредника вновь предлагается передать Трансиордании, а в качестве компенсации еврейского государства за потерю Негева посредник предлагает передать ему крошечную территорию Западной Галилеи. Такое предложение явно рассчитано не только на ещё большее разжигание вражды между евреями и арабами в Палестине, но и на то, чтобы посеять семена раздора во взаимоотношениях даже между самими арабскими государствами.

Сам посредник считает, что эти предложения будут неприемлемы как для евреев, так и для арабов. Тем не менее он предлагает провести их в жизнь, не обращая внимания на то, как к ним отнесётся население Палестины. Посредник в своём докладе даже не пытался обосновывать свои новые предложения. Повидимому, он прекрасно отдавал себе отчёт в том, что эти предложения нельзя

защитить, в обоснование их нельзя привести сколько-нибудь серьёзные доводы. Единственное оправдание для внесения своих предложений посредник находит в том, что обстановка-де в Палестине «созрела» и что стороны сейчас будут более склонны к принятию нового решения Генеральной ассамблеи по палестинскому вопросу.

Но на каком основании сделано такое заключение? Разве временное правительство Израиля согласно с тем, чтобы от территории еврейского государства была отторгнута область Негев, которая является хотя и весьма трудоёмким, требующим больших затрат, но всё же достаточно обширным районом будущего освоения и расселения евреев. Разве арабское население Палестины спрашивали и оно дало своё согласие на то, чтобы территория, предназначенная для создания арабского государства, была аннексирована Трансиорданией и чтобы вместо создания своего собственного демократического государства в Палестине арабское население попало в разряд подданных марионеточного короля Трансиордании Абдуллы и, таким образом, вновь погрузилось в полуколониальное состояние, вновь оказалось под фактическим господством английских военно-колониальных властей и англо-американских нефтяных монополий на Ближнем Востоке?

На все эти вопросы в докладе посредника нельзя найти ответа, да он и не ставил перед собой такой задачи. Из анализа предложений посредника явствует, что они противоречат резолюции Генеральной ассамблеи от 29 ноября 1947 года и являются плодом продолжающейся англо-американской политической игры вокруг палестинского вопроса.

Действительное назначение этих предложений заключается в том, чтобы добиться ревизии решения Генеральной ассамблеи от 29 ноября 1947 года в нужном для Англии и США направлении и подготовить условия, которые обеспечили бы укрепление и расширение влияния США и Великобритании в Палестине на основе империалистического сговора между ними. Последние предложения посредника нельзя рассматривать иначе, как новую попытку навязать ООН такое решение, которое совпадало бы с интересами объединённых англо-американских штабов и американских и британских нефтяных монополий, но которое в корне противоречит подлинным интересам народов Палестины. С этим согласиться нельзя, и принятие Генеральной ассамблеей этих предложений ничем не может быть оправдано.

Анализируя политику правительства Великобритании в палестинском вопросе, не трудно заметить, что оно занимало наиболее откровенную позицию срыва решения Генеральной ассамблеи от 29 ноября 1947 года. Своей первой задачей оно ставило обеспечить за собой в той или иной форме контроль над всей Палестиной. Однако, когда стало очевидным, что, несмотря на всяческое противодействие, независимое еврейское государство в Палестине всё же было создано и существует, английская позиция несколько изменилась, и, применительно к новой обстановке, на данной стадии она сводится к тому, чтобы сохранить под британским контролем посредством Трансиордании как можно большую часть Палестины.

В этом отношении предложения посредника, отнюдь не по странной случайности, поразительно совпадают с английскими планами.

В этой связи нельзя не напомнить об опубликованном 18 июня 1948 года еженедельником «Эль-ихван Эль-муслимин» письме английского генерала Клейтона посреднику Бернадотту. В этом письме, по сообщению указанного журнала, Клейтон предлагал посреднику свой «план» урегулирования в Палестине. В этом плане предусматривалось создание арабского государства в Палестине «под короной короля Абдуллы». В случае несогласия евреев с этим планом предполагалось рекомендовать обеим сторонам статус доминиона.

Далее в случае отклонения обеими сторонами этого плана генерал Клейтон предлагал дословно следующее:

«Изменить границы, указанные в плане раздела, путём изъятия части еврейской территории и включения её в арабскую часть, а также путём предложения евреям наименьшей возможной части, на которую могли бы согласиться арабы».

Мы видим, что предлагаемый посредником план послушно идёт по пути, подсказанному английским генералом.

Г-н Бевин в своей речи 27 сентября с. г. на Генеральной ассамблее, как мы все помним, дал самый лестный и, можно сказать, восторженный отзыв о плане Бернадотта. «Мы считаем,— сказал г-н Бевин,— что план, содержащийся в части I доклада посредника, является планом, с которым могут согласиться обе стороны, не принося в жертву какие-либо из их жизненных интересов. Мы считаем, что он даёт наилучшую надежду на устранение разногласий между этими двумя семитскими народами.

Мы поэтому решили целиком поддержать план, предложенный графом Бернадоттом, мы будем настаивать на его скорейшем рассмотрении».

На днях в Первом комитете г-н Макнейл также отстаивал предложения посредника, заявив, что «правительство Соединённого Королевства искренне поддерживает предложения графа Бернадотта и отстаивает их одобрение этим комитетом и затем Генеральной ассамблеей». Г-н Макнейл при этом убеждал нас в том, что Неgev не представляет вообще большой ценности и что в Галилее выпадает больше осадков и что это значительно выгоднее для еврейского государства. Странную заботу проявляет г-н Макнейл в отношении еврейского государства, предлагая ему отказаться от довольно крупной по масштабам Палестины территории Негева и взамен этого получить крошечную территорию Западной Галилеи, и, наоборот, предлагает передать Трансиорданию в придачу бесплодную и малоценную территорию Негева, упуская, очевидно, из виду, что Трансиордания и без того имеет не мало своих собственных пустынь.

Госдепартамент США также поспешил заявить о приемлемости предложений Бернадотта. Это не может не свидетельствовать о том, что новые предложения посредника, так же как и прежние, вырабатывались, прежде всего, в угоду интересам английских и американских монополий.

Принятие предложений посредника, касающихся изменений тех границ еврейского и арабского государств, которые были опреде-

лены решением Генеральной ассамблеи от 29 ноября 1947 года, не содействовало бы мирному разрешению палестинского вопроса, но способствовало бы продолжению войны в Палестине и создало бы угрозу миру и безопасности на Ближнем Востоке. Симптомы этого мы можем наблюдать в тех разногласиях по поводу предложений посредника, которые имеют место среди арабских государств.

Если до 15 мая с. г. Англия оккупировала Палестину своими собственными войсками, то в настоящий момент почти половина Палестины фактически вновь оказалась оккупированной силами так называемого трансйорданского легиона, который хотя формально и числится в качестве вооружённых сил короля Абдуллы, но фактически состоит на содержании Англии и находится под командованием английского генерала на Ближнем Востоке Глабб-паши и его офицеров.

Британское правительство столь решительно поддерживает план и торопит Генеральную ассамблею с его принятием, что даже пытается запугать организацию Объединённых наций возобновлением военных действий в Палестине в случае непринятия решения по палестинскому вопросу. Но позволительно спросить, о каком решении говорят представители Англии? Ведь решение относительно Палестины есть, оно в силе, никто его не отменял. Более того, в части, касающейся создания в Палестине независимого еврейского государства, оно уже выполнено, и государство Израиль создано и существует.

Не объясняется ли такая настойчивость и поспешность британского правительства, стремящегося навязать организации Объединённых наций принятие предложений посредника, желанием не допустить создания в Палестине независимого арабского государства и вместо этого позволить британской марионетке королю Абдулле аннексировать не только те области Палестины, которые должны войти в состав арабского государства Палестины, но и принадлежащую еврейскому государству область Негев.

Приходится констатировать, что это именно так.

Соединённые Штаты, со своей стороны, продолжают маневрировать, продолжают вести свою двойную игру в палестинском вопросе и вместо того, чтобы содействовать выполнению до конца решения Генеральной ассамблеи от 29 ноября 1947 года, присоединяются к англичанам и заявляют о своей поддержке предложений посредника.

Всё, что делается вокруг палестинского вопроса, показывает, что действительные цели политики правительств США и Великобритании в Палестине направлены на укрепление их влияния в Палестине и вообще на Ближнем Востоке в интересах американского и английского монополистического капитала. Эта политика, руководимая узко корыстными интересами, по существу направлена не на устранение национальных противоречий в Палестине и на изыскание мер, которые могли бы обеспечить добрососедские отношения между еврейским и арабским народами. Эта политика преследовала прямо противоположные цели, углубляя эти противоречия и толкая как

евреев, так и арабов на путь борьбы и вооружённых столкновений, которые и привели к войне в Палестине.

Однако, когда ход военных действий в Палестине создал неблагоприятную обстановку для осуществления англо-американских планов, англо-американский блок в Совете безопасности решил пустить в ход главу 7 устава ООН. Всё это разоблачает подлинную роль в палестинском вопросе правительств США и Великобритании, практические мероприятия которых в отношении Палестины находятся в резком противоречии с их словесными заверениями и декларациями. Подобная политика Англии и США привела к тому, что резолюция Генеральной ассамблеи о Палестине оказалась до сих пор невыполненной, миссия посредника провалилась, проблема Палестины остаётся нерешённой, между евреями и арабами в Палестине идёт война, и отношения между ними всё ещё не урегулированы.

Можно не сомневаться в том, что если бы Англия и Соединённые Штаты отнеслись к выполнению решения Генеральной ассамблеи так, как это требовал бы их долг членов организации Объединённых наций, и вместо того, чтобы чинить препятствия, оказали бы своё содействие и помощь в его осуществлении, то палестинской проблемы, как таковой, уже не было бы и в Палестине к настоящему времени уже были бы созданы два независимых государства — еврейское и арабское. Всего этого можно было бы достичь без кровавой борьбы, если бы не было интриг и вмешательства Англии и США, при прямом содействии и инспирации которых вооружённые силы третьих стран вторглись в Палестину и оккупировали значительную её часть.

С большим запозданием к такому выводу сейчас пришли те, чьи войска по указке извне вторглись в Палестину. Корреспондент «Нью-Йорк геральд трибюн» Кеннет Бильби из Аммана сообщает, что 17 ноября трансйорданский король Абдулла заявил, что если бы арабов и евреев избавили от вмешательства в их дела, то они, «возможно, и не воевали бы и что ни арабы, ни евреи не имели выгоды от вступления в войну».

Далее корреспондент сообщает, что Абдулла пояснил, что иностранные державы создали в Палестине такую обстановку, что «ни арабы, ни евреи не осуществляют контроля».

О чём говорят эти слова, как не о признании того факта, что нынешнее неурегулированное положение в Палестине есть прямой результат вмешательства Англии и США в дела этой страны. Сами арабские страны, войска которых вторглись в Палестину, начинают понимать, что вмешательство Англии и США и их собственное в дела Палестины завело эту страну в тупик. Это действительно так. Единственным выходом из этого тупика является выполнение решения Генеральной ассамблеи от 29 ноября 1947 года и установление в Палестине мира.

В этой связи представляет интерес упомянутая корреспонденция Кеннета Бильби, в которой сообщается о заявлении трансйорданского короля Абдуллы, арабский легион которого, как известно, находящийся под командованием английского генерала Глабба, первым

вторгся в Палестину и спровоцировал войну между евреями и арабами. Согласно этой корреспонденции, Абдулла заявил, что дальнейшее продолжение войны в Палестине бесполезно как для арабов, так и для евреев. Можно согласиться с этим запоздалым признанием с одной поправкой, что не только продолжение войны, но и вторжение в Палестину, которое привело к разжиганию в этой стране войны между арабами и евреями, также было бесполезным и вредным для интересов арабского и еврейского народов Палестины делом. Эти народы, как известно, войны не хотели, её навязали им извне.

В свете вышеизложенного делегация СССР считает, что решение Генеральной ассамблеи от 29 ноября 1947 года в основном должно быть выполнено.

Выполнение этого решения полностью соответствует интересам еврейского и арабского народов Палестины, ибо оно решает задачу осуществления этими народами права на национальное самоопределение и на создание самостоятельных независимых государств.

Развитие событий в Палестине убедительно подтвердило правильность и принципиальность позиции Советского Союза в палестинском вопросе. Советский Союз с самого начала занимает принципиальную позицию, которая отвечает интересам народов Палестины, интересам мира и безопасности народов и находится в строгом соответствии с принципами устава ООН.

Исходя из этой позиции, делегация Советского Союза считает, что в целях установления мира в Палестине необходимо, чтобы с территории еврейского и арабского государств в Палестине, создание которых предусмотрено решением Генеральной ассамблеи от 29 ноября 1947 года, были немедленно выведены все находящиеся там иностранные войска и иностранный военный персонал и чтобы Совет безопасности принял надлежащие меры для недопущения возобновления военных действий в Палестине.

Что касается предложения посредника об установлении демилитаризованных зон, то, как это вполне очевидно, такое предложение не устраняет возможности возобновления в любой момент военных действий в Палестине и оставляет открытым вопрос об установлении мира в Палестине.

Учитывая вышеизложенное, делегация СССР поддерживает предложение об установлении официального мира между еврейским и арабским государствами, что наряду с выводом из Палестины иностранных войск и иностранного военного персонала является серьёзным шагом вперёд в деле урегулирования палестинской проблемы.

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. Я. ВЫШИНСКОГО
В СПЕЦИАЛЬНОМ КОМИТЕТЕ ГЕНЕРАЛЬНОЙ
АССАМБЛЕИ ООН

(24 ноября)

В начале своей речи глава делегации СССР А. Я. Вышинский отметил, что представители некоторых делегаций, отклоняясь от существа обсуждаемого вопроса о приёме новых членов в ООН, предпочитали заниматься грубыми и непристойными выпадами против СССР.

— По поводу таких выпадов,— сказал Вышинский,— которые для представителей некоторых государств стали, по их мнению, признаком хорошего тона, я мог бы заметить, что они попадают в смешное положение, напоминая положение, описанное в басне великого русского баснописца Крылова «Слон и моська». Эта басня известна в школах многих стран, но я не ручаюсь за такие страны, как Чили, Парагвай и Аргентина. Тем полезнее было бы выслушать эту басню делегатам указанных стран и всем тем, кто стремится «попасть в большие забияки», бросаясь на слона, который, несмотря на это, идёт себе вперёд, не замечая мосек, добивающихся того, чтобы о них, по крайней мере, сказали: «Ай, моська, знать она сильна, что лает на слона».

Напомнив содержание басни «Слон и моська», Вышинский посоветовал хулителям Советского Союза вдуматься в неё и добавил: «Пусть это будет ответом на все их клеветнические разговоры».

Перейдя к существу обсуждаемого вопроса, Вышинский показал всю беспочвенность рассуждений аргентинского делегата о «положительных» и «отрицательных» рекомендациях. Он напомнил, что в правилах процедуры Генеральной ассамблеи ясно сказано, что Генеральная ассамблея рассматривает заявление о приёме новых членов в ООН лишь в том случае, «если Совет безопасности рекомендует принять в число членов организации подавшее соответствующее заявление государство». Если же Совет безопасности не делает рекомендации о приёме подавшего заявление государства или откладывает рассмотрение этого заявления, то Генеральная ассамблея может лишь «возвратить Совету безопасности указанное заявление вместе с полным отчётом о прениях, имевших место в Ассамблее, для дальнейшего рассмотрения».

— Допустим, однако, на секунду,— продолжал Вышинский,— что Ассамблея была бы вправе рассматривать вопрос о приёме новых членов в ООН при наличии и «отрицательной рекомендации» Совета безопасности. Что от этого изменилось бы? Ведь и «отрицательная рекомендация» должна была бы быть принята Советом безопасности на основе принципа единогласия его постоянных членов. Соблюдение этого принципа не требуется лишь при принятии процедурных решений, но я думаю, что вы не дойдёте до того, что объявите важнейший вопрос о приёме новых членов в ООН процедурным вопросом. Поэтому ваша концепция не выдерживает никакой критики.

Вышинский отметил, что аргентинская делегация поступила бы благоразумно, если бы сняла свою резолюцию, находящуюся в грубом противоречии с уставом.

В связи с клеветническими заявлениями ряда представителей англо-американского блока о том, будто бы приём новых членов в ООН задерживается по вине... Советского Союза, который якобы «злоупотребляет правом вето» в Совете безопасности, глава делегации СССР привёл убедительную фактическую справку. Он напомнил, что «право вето» не раз было использовано делегатами США и Англии, чтобы преградить путь в ООН демократическим странам. Так, во время заседаний 28—29 августа 1946 года за принятие в ООН Албании подали голоса 5 членов Совета безопасности: СССР, Польша, Франция, Бразилия, Мексика; 3 члена Совета безопасности — Китай, Австралия, Египет — воздержались; против приёма Албании голосовали США, Англия и Голландия. Таким образом, США и Англия, являющиеся постоянными членами Совета безопасности, применили своё «вето», чтобы не допустить Албанию в ООН.

Так же обстояло дело при рассмотрении заявления Монгольской Народной Республики. За приём её голосовали 6 членов Совета безопасности, включая СССР, Китай и Францию. Представители Австралии и Египта воздержались. Против голосовали те же три члена Совета безопасности — США, Англия и Голландия. Таким образом, и в этом случае представители США и Англии использовали своё «вето», чтобы не допустить в ООН Монгольскую Народную Республику.

Приведя ряд таких примеров, Вышинский заключил:

— Принцип единогласия великих держав в Совете безопасности, именуемый иногда «правом вето», является сильным политическим оружием, и нет таких простаков, которые выпустили бы его из рук в обстановке политической борьбы. Советский Союз использует это право так же, как и другие постоянные члены Совета безопасности. Могут сказать, что мы пользуемся этим оружием чаще, чем другие, но это понятно, — ведь мы находимся в меньшинстве. Если бы мы располагали большинством, могло бы быть другое положение.

В связи с тем, что аргентинский делегат употребил термин «Стыдливое вето», Вышинский указал, что «стыдливый вето» пользуются США и Англия, командующие послушным им большинством. Им достаточно сговориться с несколькими делегациями, готовыми сослужить им службу, и затем вместе с ними воздержаться от участия в голосовании, чтобы то или иное решение не собралось в Совете безопасности 7 голосов и, следовательно, не было бы принято.

— Спешшееся большинство под руководством США и Англии, — сказал Вышинский, — проводит здесь любое решение, отвечающее интересам англо-американского блока, не считаясь с уставом. И после этого представители США и Англии заявляют: «Мы отказываемся от применения вето, откажитесь от него и вы». Нет, в этой обстановке мы предпочтём пользоваться своим правом, следуя старому положению римского права: «Всякий, кто пользуется своим правом, никому не вредит». И мы будем пользоваться этим правом, пока вы не перестанете проводить свою политику дискриминации в

отношении неугодных вам государств путём предварительного сговора с послушными вам делегациями. Таков наш ответ на ваши сентиментальные всхлипывания, на ваш плач у стены вавилонской.

В связи с попытками некоторых делегатов реабилитировать так называемое «консультативное заключение Международного суда», отражающее по существу позицию лишь 7 из 15 членов суда, Вышинский дополнительно к сказанному на позавчерашнем заседании подверг обстоятельному анализу особые мнения судей Альвареса (Чили) и Асеведо (Бразилия). Как известно, эти судьи подписались под указанным «консультативным заключением», оправдывающим позицию США и Англии в вопросе о приёме новых членов в ООН, но тут же представили свои особые мнения, в которых по существу опровергают важнейшие положения этого «заключения».

Так, Альварес заявил, что он не согласен с судом относительно метода, избранного им для того, чтобы притти к изложению консультативного заключения. «Суд,— говорится в его особом мнении,— сделал вывод из изложения условий статьи 4 устава о приёме какого-либо государства в члены ООН, что ничто другое не может быть приведено в качестве довода для оправдания отрицательного решения. Этот вопрос не может быть разрешён ни путём простого толкования текста, ни путём изучения подготовительных работ; следует принять другой метод, прибегнув главным образом к основным принципам нового международного права».

— Вы ничего не смогли противопоставить этому выводу Альвареса,— сказал Вышинский, обращаясь к представителям англо-американского блока.

Далее Вышинский коснулся трёх важнейших вопросов, по которым Альварес расходится с так называемым «консультативным заключением», под которым стоит его подпись.

1. Является ли вопрос, поставленный Генеральной ассамблеей перед Международным судом, юридическим или политическим?

«Большинство» судей решило, что это юридический вопрос, поскольку речь идёт о толковании устава ООН. Альварес же заявляет, что данный вопрос является одновременно юридическим и политическим и что суд должен был бы принимать во внимание все стороны его, включая и политическую.

2. Могут ли быть привлечены при решении вопроса о приёме новых членов в ООН политические мотивы или критерии?

«Большинство» судей даёт на этот вопрос отрицательный ответ. Альварес же заявляет: «Могут возникнуть случаи, когда приём какого-либо государства сможет вызвать беспокойство в международной обстановке или по крайней мере в международной организации, например, если это принятие должно оказать самое широкое влияние на некоторые группы государств или повлечь за собой глубокие расхождения между ними...»

В подобных случаях вопрос более не является юридическим; он становится политическим и должен рассматриваться как таковой».

3. Можно ли требовать одновременного приёма нескольких государств?

«Большинство» судей даёт отрицательный ответ на этот вопрос. Альварес же заявляет, что «такое требование может быть в исключительных случаях оправдано».

Но разве не является исключительным тот случай, когда хотя бы принять в организацию несколько произвольно выбранных большинством государств и искусственно отказывают в приёме другим государствам, отвечающим требованиям устава ООН?

Подвергнув столь же детальному анализу особое мнение судьи Асеведо (Бразилия), Вышинский показал, что и этот судья в основных, принципиальных вопросах расходится с так называемым «консультативным заключением большинства Международного суда».

— Факты есть факты,— заключил глава делегации СССР. Из девяти судей, подписавшихся под этим заключением, два представили свои возражения против основных принципиальных его положений. Но девять минус два будет семь, семь от пятнадцати всегда составляет меньше половины. Таким образом, мы придём к выводу, что заключение, находящееся перед нами, представляет собою лишь позицию семи судей, т. е. меньшинства Международного суда.

Далее глава делегации СССР коснулся выступления делегата США Коэна. Он отметил, что Коэн, вслед за другими представителями англо-американского блока, обвинял СССР в «злоупотреблении вето».

— Я уже показал,— сказал Вышинский,— что, отстаивая принцип единогласия великих держав в Совете безопасности, Советский Союз защищает законные права меньшинства. Этот принцип является краеугольным камнем устава организации Объединённых наций, на котором держится всё здание организации Объединённых наций. Между тем делегат США утверждает, что содержащееся в докладе пресловутого «межсессионного комитета» предложение о том, что при рассмотрении заявлений о приёме в ООН постоянные члены Совета безопасности должны отказываться от указанного принципа, «представляет собой... многообещающий метод». Это заявление достаточно убедительно показывает, как делегация США относится к основным положениям устава ООН.

В связи с тем, что делегат США лицемерно призвал Советский Союз «пересмотреть своё отношение к приёму в ООН Италии, Финляндии, Ирландии, Португалии, Трансильвании, Австрии», Вышинский заметил:

— Нельзя ли и нам попросить делегата США, чтобы его правительство пересмотрело отношение к приёму в ООН Албании, Болгарии, Венгрии, Румынии и Монгольской Народной Республики? Может быть, тогда у вас будут основания просить нас о пересмотре отношения к приёму тех государств, за которые вы хлопчете.

Коснувшись условий, которые делегат США поставил для принятия в ООН Албании, Болгарии, Венгрии, Румынии и Монгольской Народной Республики, глава делегации СССР сказал:

— Вы предлагаете, чтобы Монгольская Народная Республика «открыла двери», чтобы вы могли, как вы говорите, «на деле убедиться в её независимости»; вы требуете, чтобы Румыния, Венгрия и Болгария пересмотрели свою внутреннюю политику и т. д. Но

ведь эти требования представляют собою не что иное, как вмешательство во внутренние дела этих государств и, следовательно, являются нарушением устава. Условия, предъявленные вами, отнюдь не предусмотрены статьёй 4 устава, соблюдать которую вы всех призываете.

Вышинский напомнил, что правительства США, Англии и СССР на конференции глав трёх великих держав в Потсдаме обязались поддержать просьбу Болгарии, Финляндии, Венгрии и Румынии о приёме в члены ООН после заключения с ними мирных договоров. Это обязательство было торжественно подтверждено 21 государством, в том числе Англией, США и Францией, в мирных договорах с указанными государствами. Это обязательство и сейчас остаётся в силе.

— Вы же,— сказал Вышинский, обращаясь к представителям англо-американского блока,— отступаете от этого обязательства и предъявляете сейчас Болгарии, Венгрии и Румынии такие требования, которые грубо нарушают их суверенитет и противоречат уставу ООН.

Глава делегации СССР изобличил в лицемерии делегата США, который требовал «уважения прав человека» со стороны стран народной демократии, где эти права строго соблюдаются, в то время как в Соединённых Штатах права человека грубо нарушаются. Он напомнил, что в Соединённых Штатах практикуется расовая дискриминация, линчуют негров, что там во многих штатах неграм запрещается даже входить в те двери, в которые входят белые, и т. д.

— Условия, которые пытаются предъявлять странам народной демократии, представляют собой не что иное, как попытку нажима на эти страны с целью заставить их изменить свой политический курс,— заключил глава делегации СССР.

Касаясь выступления французского делегата, Вышинский сказал, что делегат Франции поступил логично, присоединившись к мнению французского представителя в Международном суде Бадевана, выступившего против «консультативного заключения». Однако в выступлении делегата Франции нет должной последовательности, поскольку он не соглашается с возможностью в исключительных случаях предъявлять требования об одновременном приёме нескольких стран, отвечающих в равной мере условиям, предъявляемым уставом ООН.

В заключение Вышинский сказал, что было бы неправильно, если бы Генеральная ассамблея рекомендовала Совету безопасности сообразоваться с точкой зрения, высказанной в так называемом «консультативном заключении Международного суда», которого в действительности не существует. Против этого предложения советская делегация возражает.

О ГОЛОСОВАНИИ В СОВЕТЕ БЕЗОПАСНОСТИ

РЕЧЬ А. Я. ВЫШИНСКОГО В СПЕЦИАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ КОМИТЕТЕ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ООН

(30 ноября)

1. ПРЕДСТАВИТЕЛИ США И АНГЛИИ ВОЗГЛАВЛЯЮТ ПОХОД ПРОТИВ ПРИНЦИПА ЕДИНОГЛАСИЯ

Перед нами вновь стоит вопрос о правиле единогласия в Совете безопасности, или, как его ещё иначе называют, о праве «вето». Вокруг этого вопроса — ещё до того, как он был решён, до того, как он был записан в уставе нашей организации, можно сказать, у самой колыбели его — уже шла борьба за и против его права на жизнь. Эта борьба не прекращается и сейчас, и на сессиях Генеральной ассамблеи, и в её комитетах, и в периоды между сессиями, приковывая к себе всеобщее внимание.

Можно сказать, что молодая организация Объединённых наций не выходит из непрекращающихся кампаний, которые ведутся под знаком борьбы с «вето». Дело доходит до того, что некоторые из членов организации Объединённых наций ставят себе в большую заслугу борьбу против «вето», против принципа единогласия великих держав, записанного в нашем уставе и являющегося одним из основных принципов ООН. Эти некоторые члены ООН не стесняются открыто выступать в Совете безопасности и в других местах, идя в поход против принципа единогласия, вдохновляемые и подстрекаемые представителями США и Англии.

Можно напомнить, как, например, на прошлогодней сессии Генеральной ассамблеи нашлись люди, объявившие принцип единогласия проклятым «вето», как это сделала делегация Кубы, или невыносимым «вето», как это сделала делегация Аргентины, или назвавшие его «безумием человечества», как это сделала делегация Новой Зеландии, которая сегодня добавила к своим прежним эпитетам новый эпитет — «наступательное оружие».

И на этой сессии мы были уже свидетелями, и не раз, откровенных и грубых выпадов против принципа единогласия. Вчера, например, мы слышали, как представитель Уругвая восхвалял представителя Аргентины, называя его чемпионом борьбы против «вето». Можно подумать, что борьба против принципа единогласия, действительно, какая-то заслуга перед ООН, что тут есть чем похвалиться. Это заявление уругвайского представителя поддержал представитель Китая. В таком же духе непримиримой борьбы против «вето» выступил и канадский представитель, назвавший принцип единогласия «привилегированной процедурой» и выдвинувший, хотя и голословно, обвинение в том, что право «вето», как он сказал, намеренно применяется в целях препятствования функционированию Совета безопасности.

Представители малых стран в этом походе против «вето» были поддержаны представителями государств, являющихся инициаторами этого правила единогласия, этого «вето», — представителями США и Великобритании, — хотя и тот и другой действовали не с такой грубой откровенностью, как те, кого они поддерживали. Но в определенности и ясности их позиции, направленной против принципа единогласия, им отказать нельзя. Вчера, например, представитель Соединённых Штатов Америки г-н Коэн заявил, что все четыре постоянных члена Совета безопасности, являющиеся авторами представленного специальному комитету проекта резолюции, заявили о своей готовности воздержаться от использования своего привилегированного голосования в отношении приёма новых членов. Коэн заявил также, что якобы применение «вето» в этой области причинило серьёзную несправедливость по отношению к целому ряду государств, вполне подходящих для того, чтобы они были приняты в члены нашей организации. Это, конечно, совершенно откровенное осуждение принципа единогласия — осуждение, построенное на отрицании этого принципа как метода сотрудничества в организации Объединённых наций.

Дело теперь дошло до того, что представитель США Коэн заявил, что Соединённые Штаты готовы принять формулировку межсессионного комитета, в которой содержится призыв достичь соглашения о том, чтобы все решения непроцедурного характера, перечисленные во втором заключении межсессионного комитета, принимались голосами любых семи членов. Между тем устав требует, чтобы в числе этих семи голосов были и совпадающие голоса пяти постоянных членов.

Такая позиция, конечно, совершенно противоречит уставу ООН, является грубым нарушением устава, призывом, подстрекательством к грубому нарушению устава, который предусматривает возможность принятия решения семью голосами членов Совета безопасности лишь тогда, когда дело идёт о процедурных вопросах. Г-н Коэн, конечно, хорошо знает всё это. Тем не менее он здесь говорит, что «вето» делает невозможной деятельность Совета безопасности и создаёт необходимость для членов Совета безопасности искать других путей в рамках устава для поддержания мира и безопасности. Но г-ну Коэну хорошо известно также и то, что «в рамках устава» таких «других путей» найти нельзя, что другие пути могут быть найдены лишь вне устава и в противовес уставу организации Объединённых наций. Американский представитель добавил, что «вопрос об эффективном функционировании Совета безопасности, вопрос о неспособности Совета безопасности к действию являются чрезвычайно важными вопросами, влияющими на дело поддержания мира и безопасности»...

Таким образом, вопрос о так называемом «вето» представитель США связывает с вопросом о «неспособности Совета безопасности к действию». У г-на Коэна получается, что Совет безопасности не может действовать, потому что в Совете безопасности действует «вето». Из этого делается, конечно, совершенно определённый вывод о том, что «вето», т. е. принцип единогласия, надо уничтожить, и к

этому стремятся и представители США, и представители Англии, и некоторые другие, поддерживающие их в этом стремлении. Они, правда, считают, что время для этого ещё не пришло, что нужно выждать, когда придёт это время, и тогда нанести этому принципу единогласия смертельный удар. Они считают, что сейчас нужно ограничиться тем, чтобы провести необходимую подготовительную для этого работу.

Таков смысл всех этих выступлений. Таков смысл всего того, что мы слышали здесь как из уст представителей Уругвая, Новой Зеландии и др., так и от делегатов Соединённых Штатов Америки и Англии. И мы имеем поэтому право сказать, что все эти выступления являются не чем иным, как открытым нападением на принцип единогласия, являются подготовкой к отмене принципа единогласия, принципа «вето», того принципа, без которого не может действовать и даже существовать организация Объединённых наций.

2. ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА О ПРИНЦИПЕ ЕДИНОГЛАСИЯ

Чем было, в действительности, продиктовано принятие этого принципа, из чего исходили инициаторы и защитники предложения ввести при голосовании в Совете безопасности правило единогласия пяти великих держав?

Прежде чем ответить на этот вопрос, мне кажется, было бы излишним обратить внимание на тот факт, что правило единогласия постоянных членов Совета безопасности при голосовании непроцедурных вопросов, или так называемое право «вето», вовсе не представляет собой какое-то новшество. Надо напомнить, что предложение включить в устав правило единогласия при голосовании в Совете безопасности по непроцедурным вопросам («вето») было внесено по инициативе тогдашнего президента США Франклина Делано Рузвельта. В этом можно убедиться из послания Ф. Рузвельта на имя Генералиссимуса И. В. Сталина от 14 декабря 1944 года, где было впервые сформулировано это правило. Это предложение не создавало для постоянных членов Совета безопасности никакого нового права, ибо этим правом всегда обладали постоянные члены Совета Лиги наций, а их было 5 представителей так называемых главных держав — США, Франции, Англии, Японии, Италии, и 4 непостоянных члена, избираемые собранием Лиги наций.

В этой связи также небезынтересно напомнить о декларации четырёх держав от 7 июня 1945 года на конференции в Сан-Франциско, о которой здесь была уже речь.

В этом заявлении говорилось: «Необходимо также помнить, что, по ялтинской формуле (а ялтинская формула — это формула статьи 27 нашего устава), пять великих держав не могли бы действовать самостоятельно, поскольку, даже при условии их единогласия, принятие любого решения совета должно включать совпадающие голоса,

по крайней мере, двух непостоянных членов». Просил бы обратить внимание на этот весьма важный момент особенно тех, кто здесь выступает с такой неводержанной хулой на принцип единогласия.

Декларация четырёх от 1945 года, таким образом, констатирует, что в правиле единогласия, которое должно применяться при голосовании непроцедурных вопросов в Совете безопасности, имеются, в сущности говоря, два важнейших элемента: 1. Требование совпадающих голосов всех постоянных членов. 2. Требование совпадающих голосов двух непостоянных членов.

Ведь для принятия решения нужно иметь семь голосов, причём недостаточно пяти голосов всех постоянных членов, что, действительно, создавало бы привилегированное положение для великих держав, а нужно, чтобы были ещё два голоса непостоянных членов. Это значит, что несколько непостоянных членов Совета безопасности, отказавшись присоединиться к единодушному решению пяти великих держав по тому или другому непроцедурному вопросу, фактически могли бы наложить «вето» на это согласованное решение пяти держав.

Значит, мы имеем два вида «вето». Это должны помнить и знать те, кто, искажая историческую правду, позволяет себе говорить о том, что принцип единогласия якобы даёт привилегию пяти, которые могут как угодно командовать всеми делами в Совете безопасности. Это, господа, неверно и неправильно, потому что не пятью голосами постоянных членов, хотя бы совпадающих, решаются все вопросы в Совете безопасности, а пятью голосами плюс два совпадающих голоса непостоянных членов. Это и отмечается в сан-францисской декларации четырёх держав.

Как же можно при таком положении вещей говорить о том, что «вето» означает какую-то диктатуру пяти или даже одного из пяти, который может наложить своё «вето»? Но это можно сказать про любого из двух непостоянных членов, иначе говоря, про любого из членов совета, потому что стоит только соответственному количеству членов Совета безопасности воздержаться, как не получится семи голосов, и решение будет заблокировано. Этим, между прочим, и объясняется тот, например, случай, когда три постоянных члена Совета безопасности по берлинскому вопросу предпочли рассматривать этот вопрос согласно 7-й главе устава, а не 6-й главе, чтобы обеспечить себе семь необходимых голосов для принятия решения по этому вопросу.

Таким образом, декларация, принятая в Сан-Франциско, даёт нам возможность правильно судить о том, как осуществляется голосование в Совете безопасности, и исключает, таким образом, всякое основание демагогически восклицать о том, что «вето» — это привилегия великих держав. Это совершенно неправильно.

Кстати, о привилегии. Право «вето», конечно, не привилегия, а обязанность, долг, который вытекает из той сугубой и особой ответственности, которую несут пять великих держав за мир и безопасность народов. Позвольте вновь сослаться на послание Франклина Рузвельта от 14 декабря 1944 года. В этом послании Рузвельт гово-

рил о постоянных членах Совета безопасности, как о «главных хранителях мира», которые должны взять на себя моральное руководство и должны действовать единогласно во всех решениях совета, не подвергая опасности свои жизненные интересы. В этом послании президент Рузвельт писал: «Это сделало бы гораздо более приемлемым для всех наций **общий** проект, который обязательно должен предоставить великим державам специальную роль в деле сохранения мира при помощи силы».

«Точные положения относительно процедуры голосования по вопросам этого характера,—говорится далее в этом послании,—не содержались ни в советском, ни в американском меморандумах, представленных в Думбартон-Оксе».

«Наши представители там, конечно, не имели возможности прийти к определённом соглашению по этому вопросу».

«Вы,—писал президент Рузвельт Генералиссимусу И. В. Сталину,—и я должны теперь найти путь к завершению дела, столь успешно продвинутого ими от нашего имени».

В этом письме всё обращает на себя внимание,—и то, что пять великих держав объявляются главными хранителями мира, и что без единогласия среди них невозможно этот мир сохранить и укрепить, и что в деле сохранения мира пять великих держав играют специальную роль, особенно когда им придётся применять, для сохранения мира, силу. Не случайно же статья 47 устава организации Объединённых наций, говорящая о военно-штабном комитете Совета безопасности, устанавливает, что военно-штабной комитет состоит из начальников штабов постоянных членов Совета безопасности или их представителей. Это и разъясняет смысл формулы, употреблённой президентом Рузвельтом в цитированном выше письме, когда он говорил о специальной роли великих держав для сохранения мира при помощи силы.

Достоин внимания и то, что президент Рузвельт обращался в этом письме с призывом найти путь к завершению дела, начатого в Думбартон-Оксе, и этот путь к завершению такого дела был найден в решении, принятом на конференции в Сан-Франциско, вошедшем в наш устав в качестве статьи 27, установившей принцип единогласия при решении в Совете безопасности процедурных вопросов.

В этом письме говорилось далее о том, что в силу основной ответственности постоянных членов от них нельзя ожидать при настоящих условиях, существующих в мире, принятия на себя обязательств действовать в таких серьёзных делах, как поддержание международного мира и безопасности, в соответствии с решением, с которым они не были бы согласны. Поэтому для того, чтобы принятие решений Советом безопасности большинством голосов было возможным, единственным практически методом будет предусмотреть, в отношении процедурных решений, единогласие постоянных членов плюс совпадающие голоса, по крайней мере, двух непостоянных членов. По всем этим причинам, указывалось в письме президента Рузвельта, четыре приглашающих правительства согласны с формулировкой и представляют её конференции, как необходимую для того, чтобы была создана международная организация, через которую все

миролюбивые нации могут наиболее эффективно нести их общую ответственность для поддержания мира и безопасности. Таким образом, принцип единогласия признавался в качестве основного условия создания самой международной организации, получившей впоследствии своё нынешнее название организации Объединённых наций.

В этом заявлении покойного президента Соединённых Штатов Америки были очерчены основные политические тенденции, цели, задачи принципа единогласия. Но более развёрнутую картину даёт, однако, другой документ, о котором сейчас тоже следует напомнить, ибо о нём некоторые основательно, кажется, стали забывать или уже забыли. Я имею в виду заявление американской делегации на Ялтинской конференции 6 февраля 1945 года, сделанное тогдашним министром иностранных дел США Стеттиниусом. В заявлении американской делегации содержится анализ упомянутого выше предложения президента Рузвельта. В этом анализе указывалось, что данное предложение находится в полном соответствии со специальной ответственностью великих держав за сохранение всеобщего мира и что это предложение «требует безусловного единогласия постоянных членов совета по всем важнейшим решениям, относящимся к сохранению мира, включая все экономические и военные принудительные меры».

В заявлении американской делегации указывалось, что это предложение признаёт желательность откровенного заявления постоянных членов совета о том, что мирное урегулирование любого могущего возникнуть спора есть дело, имеющее международное значение,— дело, о котором суверенные государства-члены имеют право изложить свою точку зрения без произвольного запрещения. В заявлении американской делегации указывалось на то, что предложение, представленное делегацией США, излагает текст положений и специальный перечень тех решений совета, которые, согласно этому предложению, потребуют безусловного единогласия, и отдельно перечень тех вопросов в области споров и мирного урегулирования, при котором любая сторона в споре должна воздержаться от голосования.

Нельзя не отметить также и того обстоятельства, что в этом американском заявлении подчёркивались два важных момента в вопросе о процедуре голосования, о «вето».

Первый момент — или первый элемент, как говорилось в этом заявлении,— заключается в том, что для сохранения всеобщего мира необходимо единогласие среди постоянных членов.

Второй элемент, который подчёркивался в заявлении,— это то, что для народа США исключительно важно, чтобы была предусмотрена справедливость для всех членов организации. В заключение в этом заявлении указывалось, что задача, которую ставит перед собой правительство США, состоит в том, чтобы примирить эти два элемента.

Так была поставлена задача в документе, который мы можем называть предложением правительства США о введении в устав ООН принципа единогласия при голосовании в Совете безопасности непроектных вопросов.

3. РОЛЬ ПРИНЦИПА ЕДИНОГЛАСИЯ В ДЕЛЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

По поводу роли и значения принципа единогласия, или, как его называют, «вето», министр иностранных дел Советского Союза В. М. Молотов в 1946 году на Парижской конференции говорил, что основной смысл его заключается в побуждении великих держав к совместной работе, в том, чтобы затруднить интриги одних против других, что будет, без сомнения, в интересах всех Объединённых наций и в интересах всеобщего мира.

«Таким образом, вето направлено на то, чтобы действия великих держав шли на пользу всех миролюбивых государств, как больших, так и малых», — говорил В. М. Молотов.

Так была сделана «попытка создать, наконец, действенную организацию для обеспечения всеобщей безопасности. Именно вето играет здесь главную роль. Принцип вето требует от всех великих держав внимания к их общим интересам и к интересам всеобщего мира, затрудняя создание узких блоков и группировок одних держав против других держав и тем более затрудняя возможность чьих-либо сделок с агрессором за спиной и против интересов миролюбивых стран» (Молотов).

«Отказ от права вето, — говорил В. М. Молотов в 1946 году на Парижской конференции, — конечно, облегчит создание узких группировок и блоков среди великих держав и во всяком случае развяжет руки тем, кто является противником единого фронта Объединённых наций в защите дела мира».

Эти слова министра иностранных дел СССР В. М. Молотова бьют не в бровь, а в глаз всем тем, кто пышет ненавистью к «вето», кто, как аргентинский и некоторые другие делегаты, дали, видимо, аннибалову клятву уничтожить принцип единогласия. Борьба против так называемого «вето» — не случайное явление и не выражение каких-либо личных взглядов.

В этой борьбе находит своё отражение борьба двух основных направлений во внешней политике и в международной жизни в целом. Одна линия — это международное сотрудничество, базой которого служит, может и должна служить организация Объединённых наций.

Генералиссимус И. В. Сталин в связи с итогами конференции в Думбартон-Оксе в 1944 году сказал о международной организации следующее:

«Можно ли рассчитывать на то, что действия этой международной организации будут достаточно эффективными? Они будут эффективными, если великие державы, вынесшие на своих плечах главную тяжесть войны против гитлеровской Германии, будут действовать и впредь в духе единодушия и согласия. Они не будут эффективными, если будет нарушено это необходимое условие».

Одна тенденция видит свою опору в основных устоях организации Объединённых наций и в уважении к тем принципам, которые положены в её основу.

Другая тенденция, другая линия — это линия отказа от сотрудничества в международных отношениях; это линия диктата, давления, навязывания своей воли во имя интересов реакции и агрессии, нашедших своё выражение в стремлении к мировому господству.

Всё то, что совершается сейчас в сфере международных отношений и внешней политики, полностью подтверждает факт борьбы этих двух основных линий, этих двух основных тенденций. Это не может не отразиться и на работе, жизни и деятельности организации Объединённых наций, являющейся достаточно чётким барометром политической погоды во всём мире. Надо признать, что не только принцип единогласия, это так называемое право «вето», но и вся организация Объединённых наций мешает силам реакции и агрессии развернуться во всю ширь. Как некогда Лига наций являлась, по выражению Генералиссимуса Сталина, хотя и слабым, инструментом мира, могущим тормозить развязывание войны, так, по крайней мере, не в меньшей степени препятствием к развязыванию новой войны может и должна служить организация Объединённых наций.

4. ВРАГИ ДЕМОКРАТИИ И МИРА ПРОТИВ ПРИНЦИПА ЕДИНОГЛАСИЯ

Это понимают враги мира и демократии, выступающие против принципа единогласия и не только не заинтересованные в укреплении организации Объединённых наций, но заинтересованные в подрыве её авторитета, в её ослаблении и, возможно, даже в полной её ликвидации. По крайней мере, за последние два года сделаны в этом направлении значительные усилия такими влиятельными членами организации Объединённых наций, как Соединённые Штаты Америки и Великобритания. Всё сильнее и сильнее пытаются они расшатать фундамент нашей организации, подвергая её прочность серьёзным испытаниям. Создание незаконных комиссий и комитетов вплоть до межсессионного комитета; вмешательство во внутренние дела других государств; подрыв принципа уважения государственного суверенитета и т. д., — всё это методы расшатывания фундамента и всего здания организации Объединённых наций.

К этой же категории средств разрушения организации Объединённых наций надо отнести и предложения, фигурирующие сегодня в специальном комитете, которые сводятся к так называемой «либерализации вето», о которой говорил государственный секретарь США Маршалл на пленарном заседании Генеральной ассамблеи в этом году. Происходящие споры и борьба вокруг так называемого «вето» показывают, что сейчас ещё более обострились противоречия между основными политическими установками, из которых одна заключается в защите признанных нами всеми принципов международного сотрудничества больших и малых государств, а другая — в стремлении

некоторых влиятельных группировок развязать себе руки для безудержной борьбы за мировое господство.

Об этом тоже говорилось на Парижской конференции главой советской делегации, и это теперь, спустя два года, полностью подтверждается фактами.

«Стоит,— говорил В. М. Молотов,— позтому снять все барьеры, ликвидировать в том числе и принцип единогласия великих держав в организации Объединённых наций,— и дорога будет полностью расчищена для дел таких лиц и таких группировок, которые не хотят мириться на меньшем, чем покорность всех народов их диктату, их золотому мешку».

Вот где кроются причины такого политического ажиотажа вокруг вопроса о «вето», свидетелями которого мы здесь являемся, свидетелями которого является сейчас весь мир. Вот почему, вместе с тем, столь фальшиво и политически лицемерно звучат все эти упреки в злоупотреблении правом «вето», все эти разговоры о необходимости упорядочить как-то применение «вето» ввиду якобы каких-то злоупотреблений им со стороны Советского Союза.

Вчера здесь выступал представитель Англии Кадоган, который говорил именно на эту тему, пытаясь изобразить отношение Советского Союза к так называемому «вето» как сплошную цепь злоупотреблений. Он привёл некоторые факты. Но стоит только критике прикоснуться к этим фактам, как они должны будут разлететься в прах.

В самом деле, о чём здесь говорил г-н Кадоган в подтверждение своего тезиса? Он заявил, что 18 августа с. г. Советский Союз наложил «вето» на предложение о приёме Цейлона в организацию Объединённых наций. Я бы попросил г-на Кадогана положить на стол, раздать членам делегаций то предложение, которое он приписал Советскому Союзу о том, чтобы не принимать Цейлон в состав организации Объединённых наций. Я бы предложил, чтобы он предъявил нам текст такой резолюции или хотя бы протокола по этому вопросу, где было бы сказано, что Советский Союз наложил «вето» на принятие Цейлона в состав организации Объединённых наций. Такого документа Кадоган предъявить не может, так как такого документа не существует в природе.

Я не буду повторять здесь всего, что уже говорил по этому поводу на предыдущих заседаниях комитета. Напомню только, что речь шла о том, чтобы отложить рассмотрение вопроса о приёме Цейлона до получения той информации, в которой нуждался советский представитель. Но вместо этого по настоянию представителей США и Англии вопрос был поставлен на голосование, и советский представитель голосовал против попытки рассмотреть вопрос по существу, несмотря на то, что он просил только об одном — об отложении этого вопроса на некоторый срок, до получения дополнительной информации о государственном статусе Цейлона.

Вот, оказывается, какое было нами допущено злоупотребление правом «вето». Но, если и говорить здесь о каком-либо злоупотреблении, то окажется, что злоупотребление допустили не представители Советского Союза, а те, которые, вопреки всякому политиче-

скому такту, всякому элементарному духу сотрудничества, не согласились на то, чтобы отложить на некоторое время рассмотрение вопроса о принятии Цейлона в члены ООН, чтобы дать возможность одному из членов Совета безопасности рассмотреть материалы, относящиеся к этому вопросу. Злоупотребление допустили те, которые требовали и настаивали на том, чтобы сейчас же, под их диктовку было принято решение. И когда вопрос ставится на голосование таким методом и советский представитель голосует против, тогда говорят: «Вот вам пример злоупотребления правом «вето».

Я думаю, что этот пример лучше всего говорит о том, как неосновательны и как подозрительны все такого рода крики о злоупотреблении Советским Союзом правом «вето».

Кадоган сослался и на другой случай якобы «злоупотребления» нами правом «вето». Он указал на наше голосование в Совете безопасности по берлинскому вопросу. Но он и здесь допустил явное искажение, заявив, что «25 октября, несмотря на своё утверждение о том, что берлинский спор не имеет ничего общего с Советом безопасности, СССР принял участие в заседании совета по этому вопросу в такой степени, что наложил «вето» на проект компромиссной резолюции» и т. д.

Во-первых, Советский Союз занял определённую и принципиальную позицию, которая заключается в том, что берлинский вопрос должен быть предметом рассмотрения четырёх держав, согласно имеющемуся международному соглашению между ними, а не Советом безопасности. Этой точки зрения Советский Союз придерживался тогда, придерживается и сейчас. Советский представитель заявил, что он не будет участвовать в обсуждении этого вопроса, но он никогда не заявлял, что он не будет участвовать в голосовании, и голосовал против той резолюции, которой была подменена резолюция, согласованная предварительно между «шестёркой» в лице г-на Брамуглиа и представителем Советского Союза, но принятие которой сорвали как раз представители Великобритании и США. Мы голосовали против несправедливой резолюции. Но это не было злоупотреблением, это был акт самозащиты. Кстати, к сведению новозеландского представителя, «вето» — не наступательное оружие, как он здесь говорил. «Вето» — оборонительное оружие, «вето» — средство защиты интересов меньшинства против политики его майоризирования, против диктата со стороны большинства.

Мы не могли согласиться с такой резолюцией, которая, с одной стороны, требует, чтобы все ограничительные мероприятия по транспорту были советской стороной сняты, а с другой стороны, компенсирует это всего-навсего началом переговоров о том, чтобы ввести германскую марку советской зоны в качестве единой валюты в Берлине, вопреки тому, что было согласовано между четырьмя державами и нашло своё выражение в директиве 30 августа 1948 года. Если и этот пример для г-на Кадогана служит доказательством злоупотребления с нашей стороны правом «вето», то тогда нам остаётся лишь констатировать скудость его аргументов.

Наконец, упомяну о случае, о котором здесь уже говорил г-н Клементис, министр иностранных дел Чехословакии, и о чём мне остаётся очень мало сказать со своей стороны. Г-н Кадоган считает совершенно недопустимым такое положение, когда советский представитель возражал в Совете безопасности против назначения комиссии по расследованию, предназначенной для вмешательства во внутренние дела Чехословакии, и голосовал против назначения такой комиссии. Кадоган заявил здесь, что это процедурный вопрос. С этим никак нельзя согласиться. Это вовсе не процедурный вопрос. Наоборот, это вопрос существа дела. Если вы, например, обратитесь к декларации четырёх держав в Сан-Франциско от 7 июня 1945 года и, в частности, к пункту 4 этой декларации, то вы легко убедитесь в том, что вопрос о назначении комиссии по расследованию, что вопрос о том, чтобы начать расследование какого-то дела, никак не может рассматриваться как процедурный вопрос.

Позвольте напомнить ту часть заявления четырёх приглашающих правительств от 7 июня 1945 года на конференции в Сан-Франциско, в которой говорится: «...решения и действия Совета безопасности могут иметь крупные политические последствия, могут даже положить начало цепи событий, которые могут, в конце концов, потребовать, чтобы совет, выполняя свои обязанности, предпринимал меры принуждения, предусмотренные в разделе «В» главы 8-й. Эта цепь событий — говорится в заявлении четырёх держав — начинается тогда, когда совет решает произвести расследование или определяет, что пришло время обратиться к государствам с призывом разрешить...» и т. д. и т. д.

Таким образом, сан-францисская декларация четырёх держав подходит к делу так, что самое рассмотрение вопроса и решение о том, чтобы расследовать какой-то конфликт, какой-то случай, какую-то ситуацию (а именно об этом и шла речь по чехословацкому вопросу), может явиться началом целой цепи событий, какие могут заставить принять принудительные меры, т. е. привести к вмешательству вооружённых сил.

Ясное дело, что если такой конец может быть обусловлен расследованием, которое само по себе может явиться началом таких опасных явлений, то разве можно говорить, что решение о том, приступить ли к этому расследованию или не приступать, есть процедурный вопрос, вроде вопроса о том, открывать сегодня заседание или отложить его на завтрашний день. Решить начать расследование, которое может завершиться такого рода мерами, такого рода обстоятельствами, которые приведут в конце концов к применению принуждения, это значит решить вопрос не процедурного порядка, а существа, и весьма серьёзного существа.

Поэтому, исходя из логики, из духа, смысла и разума той декларации, которую четыре великие державы опубликовали 7 июня 1945 года на конференции в Сан-Франциско, советский представитель подошёл к этому вопросу совершенно правильно. Это не процедурный вопрос, это вопрос весьма серьёзного существа. А если это так,

то как же можно приводить этот случай в качестве примера злоупотребления правом «вето», которое как раз и создано для того, чтобы предотвратить злоупотребление, предотвратить принятие таких решений, которые могут сами по себе явиться началом серьёзнейших дел, могут вызвать серьёзные последствия вплоть до применения вооружённых сил против того или иного государства. Надо же, наконец, по-серьёзному отнестись к серьёзным делам. Нельзя же жонглировать словами, нельзя же заниматься пустым фехтованием фразами; надо вникнуть в суть дела.

Нам говорят: но эту декларацию мы не признаём. Это, конечно, ваше дело.

Но всё же надо отметить, что так могут ещё говорить те, кто не подписывал этой декларации. Но, г-н Кадоган, ведь Великобритания подписала эту декларацию. Уж, во всяком случае, вам-то надо было бы понимать ту ответственность, которую берут на себя представители Великобритании, отказываясь теперь от декларации, которая была в своё время подписана Великобританией.

Вот вам третий случай из тех, о которых здесь говорил г-н Кадоган, чтобы доказать, как советские представители якобы злоупотребляют правом «вето». Кто же из нас злоупотребляет и чем? Я думаю, что злоупотребляют представители Великобритании, злоупотребляют тем, что они отказываются от согласованных между четырьмя великими державами решений по таким весьма серьёзным вопросам, как упомянутая мною декларация.

Нам приписывают ещё одно злоупотребление. Нам говорят, что Советский Союз допустил злоупотребление правом «вето» в вопросе о приёме Италии в ООН. Но здесь опять-таки допускается извращение.

Советский Союз никогда не высказывался против приёма Италии в члены организации Объединённых наций, но Советский Союз был и есть против того, чтобы проявлять благосклонность и фаворитизм к одним государствам и проводить политику дискриминации в отношении других государств, имеющих такие же основания для приёма в организацию Объединённых наций.

По тем причинам, которые всем известны и о которых мы говорили раньше, Советский Союз был вынужден голосовать против резолюции о приёме отдельно того или иного фаворита Великобритании или Соединённых Штатов Америки, в ущерб справедливости и разуму, вопреки закону и требованиям устава. Советский Союз голосовал так ввиду дискриминации по отношению к другим государствам, которые имеют все основания для приёма в организацию Объединённых наций и которым в этом отказывают, нарушая устав нашей организации. Разве не ясно, что Советский Союз, борясь против фаворитизма и дискриминации и вынужденный применить при голосовании «вето», защищал устав ООН, справедливость, принципы организации Объединённых наций, а не злоупотреблял правом «вето». Злоупотребляли те, которые, нарушая принципы устава, нарушая справедливость, отказывали в приёме одним, стараясь во что бы то ни стало поддержать других, явно проводя политику неуважения к суверенному равенству народов и государств.

Кто же, я спрашиваю, в таком случае злоупотреблял правом «вето»? И кто пользовался этим правом «вето» для того, чтобы защитить принципы организации Объединённых наций, защитить интересы других государств, которые иначе остались бы поруганными и погранными?

Во всех этих случаях «вето» послужило оружием защиты, обороны, охраны прав и интересов суверенных государств против попыток дискриминировать эти государства проведением по отношению к ним такой линии в вопросе о приёме новых членов, которая не имеет ничего общего ни с требованием статьи 4, ни с теми принципами справедливости и равенства, которые провозглашены уставом.

Вот так, господа, обстоит дело с этой интерпретацией использования Советским Союзом права «вето». Поэтому мы должны констатировать, что все случаи, приведённые Кадоганом, не выдерживают никакой критики. Они освещены неправильно, и поэтому неправильны были и те выводы, к которым пришёл Кадоган, выступающий здесь от имени своего правительства. Право «вето» во всех указанных им случаях помешало нарушению принципов устава.

Вот почему противники этого правила и добиваются его устранения всякими искусственными мерами, желая свести его на нет, чтобы беспрепятственно делать так, как они хотят: сегодня принять одно государство, завтра отказать другому государству. Моя рука владыка, и никто не может мне, дескать, помешать делать так, как вздумается.

Вот против этого и стоит принцип «вето», принцип единогласия, который даёт право не допустить такого произвола со стороны группы государств, не допустить того, чтобы два или три государства могли действовать против интересов всех миролюбивых народов, всей организации в целом.

Я напомним, как на Парижской конференции в 1946 году В. М. Молотов говорил: «Вето мешает тому, чтобы две или три или даже четыре державы сговаривались между собой и действовали против того или другого из пяти главных государств».

Вот кому и чему мешает «вето». Вот кто страдает от «вето». Вот кому так необходимо устранить это «вето». Вот кто сейчас вздыхает о том, что не пришёл ещё час, когда можно вонзить нож в спину «вето». Но, вздыхая об этом, они уже сейчас точат ножи для того, чтобы пустить их в ход в тот момент, который им покажется подходящим для этого преступления. Это, действительно, будет преступлением, потому что такой акт угрожает разрушить ООН, которая не может существовать без того, чтобы отношения в ООН были построены не на диктате одной группы государств по отношению к другим, а на взаимном уважении, на необходимости договариваться, на необходимости добиваться согласованных решений.

Клемансо говорил в эпоху Лиги наций, что принцип договорённости, согласованности действий между великими державами требует того, чтобы они умели разрешать важные вопросы, прежде чем они войдут в зал заседаний международной конференции. И это правильно. На великих державах лежит великая ответственность за то,

чтобы помешать нарушению мира, а для этого нужно уметь достигать согласованности в решении важных вопросов.

Нужно же понять, в конце концов, как неправ был вчера представитель Китая, который, явно имея в виду Советский Союз, заявил, что один постоянный член Совета безопасности считает «вето» инструментом своей национальной политики. Было бы правильнее сказать, что «вето» является не инструментом национальной политики Советского Союза, который пользуется этим «вето» по такому же праву, как и другие постоянные члены Совета безопасности, как Соединённые Штаты Америки, или Великобритания, или же Франция, или же Китай, а инструментом борьбы против антидемократического, агрессивного внешнеполитического курса некоторых постоянных членов Совета безопасности. «Вето» в таких условиях оказывается неизбежным, необходимым, естественным орудием самообороны в руках меньшинства против всевластия большинства.

Чтобы понять сказанное, нужно знать, что на международные отношения нельзя механически переносить такие принципы, как принцип решения по большинству голосов. Генеральная ассамблея ООН — не законодательный орган. Это — международное собрание представителей суверенных наций. Это разъяснял своим коллегам в комитете по иностранным делам американского сената тогдашний государственный секретарь США Стеттиниус. Он говорил, что в большинстве случаев критика этого правила голосования возникает потому, что забывают, что Объединённые нации — не федерация, не мировое государство и что процедура голосования суверенных членов — наций не может рассматриваться на той же базе, как процедура голосования в парламентах штатов или в конгрессе.

Это хорошо понимали политические представители Соединённых Штатов Америки два года тому назад. Это плохо стали понимать нынешние представители Соединённых Штатов Америки, которые всё дело стараются свести к тому, чтобы организацию Объединённых наций и её работу построить на такой же базе, на какой строится работа законодательных органов тех или других государств, забывая, что в международной организации этот метод работы неприменим.

«Когда народы и правительства, — говорил Стеттиниус американским сенаторам, — в будущие годы приобретут опыт и приобретут доверие к мировой организации, я надеюсь, что они научатся применять или приспособлять к международным делам гораздо больше принципов и техники демократии, но я думаю, что было бы фатальным пытаться сейчас идти дальше того, что нации явно готовы совершить сегодня».

Такие американцы, как бывший президент США Рузвельт, говорили:

«Главное в праве «вето» — это признание ответственности», — и добавляли: «главной ответственности великих держав за мир и безопасность народов, за прогресс и за процветание демократий».

«Я думаю, что я выражаю мнение всей делегации, — говорил представитель США в 1946 году, — когда говорю, что требование единогласия пяти постоянных членов с гарантиями, которые были предусмотрены, не только существенно для успеха организации

Объединённых наций в ближайшие годы, но что это требование признаёт и подтверждает полномочие, которое, по мнению большинства американцев, Соединённые Штаты Америки должны иметь ввиду большой ответственности, которую наша страна неизбежно должна принять для поддержания мира в мире».

Он продолжал: «Особое положение США и четырёх других постоянных членов Совета безопасности, равным образом, признано и в правилах относительно ратификации устава и позднейших поправок к уставу. Устав сам войдёт в силу,— говорил этот представитель США,— когда он будет ратифицирован пятью постоянными членами Совета и большинством других подписавших государств. Поправки войдут в силу, если они будут одобрены двумя третями голосов членов Генеральной ассамблеи или особой конференцией, создаваемой в этих целях, и будут ратифицированы двумя третями государств-членов, включая всех постоянных членов Совета безопасности. Так гласит статья 108 нашего устава».

Всё это и есть следствие сознания той особой ответственности постоянных членов Совета безопасности, которая возложена на них по самому духу и смыслу принципов, лежащих в основе организации Объединённых наций. Против «вето» в таком именно понимании и идёт сейчас борьба.

Сейчас пробуют эту борьбу против «вето» прикрыть ссылками на то, что нельзя мириться со злоупотреблением «вето». Это совершенно искусственные и лишённые всякого основания заявления. В подтверждение правильности такого утверждения позвольте привести лишь два примера. Первый раз в истории нашей организации так называемое «вето» было применено в 1946 году в Лондоне, в Совете безопасности, где тогда обсуждался вопрос о выводе войск из Ливана и Сирии. Известно, что тогда были предложены проекты постановления Совета безопасности о выводе войск из Ливана и Сирии в духе, который не давал решения этого вопроса. Советская делегация настаивала на более точной, ясной, определённой формулировке, которая обеспечила бы суверенные интересы этих двух малых государств, защищавшихся против одной, но великой державы. Наши предложения были отклонены, и советский представитель голосовал против этой резолюции. Это было «вето» — первое «вето».

Что же произошло потом? Разве произошло то, что и как того хотели англо-французские делегации, которые тогда добивались принятия резолюции с оговоркой, что выводу войск должно предшествовать особое соглашение между французским правительством и сирийским и ливанским правительствами относительно судьбы их привилегий в этих странах? Вышло не так, как они добивались, а так, что им пришлось вывести войска — и английские, и французские — без этих соглашений. Вышло так, как требовал этого Советский Союз. Пришлось поступить не так, как было сказано в английском или французском проекте этой компромиссной, гнилой резолюции, к которой не мог присоединиться представитель Советского Союза, а в конце концов поступили так, как настаивал на этом представитель Советского Союза, т. е. чтобы вывод этих войск был безоговорочным. И он был осуществлён. Разве применение «вето» тогда не по-

шло на пользу Сирии и Ливана, не послужило делу защиты их суверенитета, защиты принципов устава организации Объединённых наций? А теперь хотят повернуть дело так, будто бы это было злоупотребление правом «вето».

Г-н Кадоган был так усерден, что подсчитал, сколько раз применяла «вето» советская делегация, и объявил: 28 раз. Он сознательно «ошибся», чтобы произвести более сильное впечатление на доверчивых людей. Он упустил маленькую «мелочь», а именно то, что «вето» приходилось применять по несколько раз — от 4 до 7 раз по одному и тому же вопросу, ввиду того, что эти вопросы ставились на рассмотрение Совета безопасности по несколько раз.

Стоял в организации Объединённых наций ещё испанский вопрос. Четыре раза пришлось советскому представителю голосовать против, т. е. применять «вето». О чём шла речь? Почему и чем была вызвана необходимость применять так называемое «вето» в испанском вопросе? Тем, что неоднократно вносились такие предложения со стороны покровителей режима Франко, которые, в сущности говоря, неприкрыто поощряли и обнаруживали тенденцию покровительствовать этому режиму. Советская делегация и ряд других делегаций возражали против этого, настаивая на прямой принципиальной, твёрдой, последовательной линии осуждения франкистского режима в Испании. Другие не соглашались с этим. Была борьба. Ставились резолюции на голосование. Советский Союз должен был голосовать против неприемлемых, гнилых, компромиссных резолюций.

И чем это всё дело кончилось? Тем, что 13 декабря 1947 года была принята на Генеральной ассамблее резолюция по этому вопросу, которая была вполне приемлема и для сторонников линии отказа от всякой поддержки франкистского режима.

Я не хочу сейчас входить в существо этого вопроса. Я хочу только сказать, что четыре раза советский представитель применял «вето» для того, чтобы не допустить гнилой резолюции, и в результате была принята та резолюция, которая удовлетворяла всех действительных противников режима Франко — сторонников демократии в Испании.

Польза была от этого четырёхкратного «вето» или вред? По моему, польза. Можно ли говорить, что это было злоупотребление «вето»? Нет, это было использование своего права, благодаря которому Генеральная ассамблея нашла правильную линию, хотя, может быть, не до конца последовательную линию в этом вопросе.

Таким образом, и испанский вопрос, и эти самые четыре «вето» вовсе не являются пороком, а являются добродетелью, и нужно уметь различать порок от добродетели.

Приём новых членов. Я уже об этом говорил. Но разве все эти факты не свидетельствуют о том, что говорить о злоупотреблениях правом «вето» со стороны Советского Союза означает расходиться с истиной, быть с истиной не в ладах. Почему же делаются эти усилия, чтобы доказать, что были такие злоупотребления и именно со стороны Советского Союза? Потому, что хотят создать таким образом атмосферу ненависти и вражды к этому принципу единогласия. Потому, что стремятся устранить одно из серьёзных препятствий,

мешающих односторонне осуществлять свою волю, осуществлять свой диктат, навязывая другим свои решения при помощи сколоченного семиголосного большинства.

В этом хоре семи голосов хотят утопить другие голоса, которые к этому хору не могут, по своей совести, присоединиться. Вместо того, чтобы сотрудничать на основе уважения к мнению меньшинства, говорят: подчиняйся. Но это не основа для деятельности международных организаций, для международного сотрудничества. В международных организациях нельзя большинством голосов подчинять себе меньшинство. Этого можно было бы достичь лишь благодаря моральному авторитету большинства, а морального авторитета не может быть, если нет уважения к меньшинству и его правам, к его взглядам, к его интересам.

В самом деле, о каком уважении может идти речь, когда в рядах так называемого большинства ведётся вакханалия разнузданной критики, охаивания, порицания этого принципа единогласия, с единственной целью попытаться создать общественную атмосферу недоброжелательства и к «вето», и к его защитникам, чтобы взорвать самый фундамент организации Объединённых наций. Но забывают, что похоронить принцип единогласия — означает похоронить организацию Объединённых наций. Но для того, чтобы оправдать себя в глазах мирового общественного мнения, надо попытаться свалить вину за такой результат на других, и это нужно попытаться как-то обосновать. И вот начинают сыпаться, как из рога изобилия, всякие обвинения и хула, причём обвинения самые недоброкачественные: подтасовываются факты, извращается действительность.

Так как борьба против так называемого «вето» слишком остро задевает кровные интересы миролюбивых народов, противники «вето» боятся прямо это сказать и делают всё, чтобы замаскировать свои действительные планы и стремления. Отсюда — демагогические вопли о том, что принцип единогласия будто бы является привилегией великих держав, будто он нарушает принцип равенства членов организации Объединённых наций, нарушает интересы средних и малых государств. Принципу единогласия в Совете безопасности противопоставляют требование голосования большинством любых семи голосов, рассчитывая таким «демократизмом» привлечь на свою сторону тех, кто колеблется и склонен поиграть в оппозицию к «диктатуре» великих держав...

Но за кулисами стоят кое-кто именно из этих великих держав, дирижирующих хором недовольных из аргентинцев, кубинцев, новозеландцев, южноафриканцев и им подобных «демократов»...

Но сколь непоследовательны противники так называемого «вето», сторонники всяких ограничений так называемого «вето», видно из того, что они готовы оставить «вето» без всяких ограничений для главы 7 устава. Но если оставлять его для главы 7, то почему нужно отменять его для главы 6? Принцип ведь должен остаться принципом. Говорят, что нужно устранить злоупотребления правом «вето». В действительности же идёт речь не о том, чтобы устранить злоупотребления и опасность этих злоупотреблений в пользовании правом «вето», как заявляют противники принципа единогласия, а о

том, чтобы вообще устранить самое право «вето», чтобы подменить его принципом большинства из любых семи голосов, на которое рассчитывают авторы обсуждаемого предложения.

Не будучи в состоянии открыто признать это и выставить это как программу своей политической деятельности, они прикрываются тем, что, дескать, идёт речь не о борьбе против принципа единогласия, а о борьбе с злоупотреблениями этим принципом. Мы разобрали несколько наиболее важных случаев, которые были названы противниками «вето». И мы могли убедиться в том, что ничего похожего на то, что они пытались здесь доказать, нет. Подоплёка всей этой кампании против злоупотреблений правом «вето», таким образом, разоблачена.

Я думаю, всем памяты выступления советской делегации на прошлогодней сессии Ассамблеи против учреждения межсессионного комитета, который создавался как орган, конкурирующий с Советом безопасности, которым хотели подменить Совет безопасности. Теперь результаты налицо — этот орган не только просуществовал в течение этого года, но он и «облагодетельствовал» организацию Объединённых наций своим проектом ограничения «вето». Внесённое на рассмотрение Ассамблеи предложение о процедуре голосования в Совете безопасности есть один из этапов борьбы против самого принципа единогласия. Доклад, представленный межсессионным комитетом, не заслуживает серьёзного внимания, тем более, что, не признавая законным учреждение межсессионного комитета, советская делегация не намерена вступать в рассмотрение и отдельных его предложений, но она не может не подвергнуть критике эти предложения потому, что они заслуживают критики.

Можно сказать, что межсессионный комитет разработал, в сущности говоря, новую процедуру голосования в Совете безопасности. Удивительно, как после этого некоторые делегаты позволяют себе говорить, что это вовсе не есть нарушение устава. Говорят: мы не предлагаем нарушать устав, да это и не нужно, когда мы можем просто предложить новую процедуру голосования. Но ведь новая процедура голосования означает отмену старой, а старая процедура — это есть то, что предусмотрено уставом.

Следовательно, здесь открыто делаются предложения, направленные на то, чтобы изменить устав, однако не в том порядке, как это предусмотрено 109-й статьёй устава, а в том странном порядке, который предложен межсессионным комитетом.

Что сделал межсессионный комитет? Он составил реестр вопросов — целых 98 вопросов, — которые хотя и не являются в своём большинстве процедурными, но должны решаться по правилу, установленному для процедурных вопросов, т. е. большинством любых семи голосов. Но почему он ограничивается 98 вопросами? Чем руководствовался межсессионный комитет, остановившись на этой цифре? Почему он не набрал 198 вопросов? Кроме того, законно спросить, исчерпывают ли эти 98 вопросов все возможные случаи, и если не исчерпывают, то как быть с другими случаями? На все эти вопросы межсессионный комитет не даёт никаких ответов.

Межсессионный комитет вообще избрал очень простой метод. Во-первых, он отделил те вопросы, которые как процедурные должны решаться простыми семью голосами по пункту 2 статьи 27. Во-вторых, он перечислил ряд других вопросов, которые не должны решаться в этом порядке, и предложил решать и эти вопросы таким же порядком.

Это и называется «решением вопроса». Оригинальное, действительно, решение вопроса. Устав говорит, что процедурные вопросы решаются так, а непроцедурные иначе. Межсессионный комитет говорит: процедурные решаются так, как говорит устав, а непроцедурные вопросы тоже будут решаться так, как процедурные. Это явное нарушение устава. Однако именно это и предлагает межсессионный комитет и его защитники. «Чемпион» борьбы против «вето», как здесь называл уругвайский делегат г-н Арсе, возглавлявшего рабочую группу межсессионного комитета, как мы видели, очень просто решил это дело, хотя и совершенно неправильно, грубо попирая устав.

Насколько просто продлевается эта операция с уставом, можно убедиться из следующего текста одного из пунктов доклада межсессионного комитета. Вот этот текст: «Подкомитет, при изучении упомянутого перечня, стремился провести различие между решениями, которые члены организации считали процедурными в смысле пункта 2 статьи 27 устава, и решениями, которые независимо от того, считались ли они теми или другими членами организации процедурными или непроцедурными, должны были, по мнению подкомитета, приниматься большинством семи любых членов Совета безопасности».

Что это значит? Это значит, что подкомитет, в сущности говоря, никакого различия между всеми вопросами, перечисленными им, не делает. Он просто берёт ряд вопросов, которые он считает нужным решать не по уставу, а вопреки уставу, и предлагает отнести их к тем вопросам, которые будут решаться простым большинством в семь голосов.

Да разве можно так поступать, уважая устав? Разве это есть решение? Этот пункт прямо говорит: вот вопросы, которые должны приниматься большинством голосов семи членов, независимо от того, являются ли они процедурными или непроцедурными. Но мы решительно должны протестовать против такого метода решения и против тех предложений, которые хотят навязать специальному комитету, а затем и Генеральной ассамблее при помощи межсессионного комитета. Это против устава, это нарушает процедуру, установленную для изменения устава.

Если угодно изменить устав, благоволиите применить ту процедуру, которая установлена для этого уставом. В уставе говорится, что нужно созвать конференцию, которая должна одобрить те или иные изменения, которые надлежит затем в должном порядке ратифицировать. Но вы не хотите этого. Вы хотите произвести изменение в уставе, нарушая ту процедуру, которая установлена уставом для внесения в него каких-либо изменений. И это вы называете — «не трогать устав, не колебать устав»?

И после этого вы говорите, что мы, советские представители, пользуемся монашеским правилом, превращая порося в карася, когда

хотим полакомиться в постный день. Нет, господа, это вы как раз так делаете, хотя отнюдь не обнаруживаете монашеского поведения, это именно вы так делаете, когда вы берёте этого поросёночка,— вопросы непроцедурные,— и говорите: превратись в карася, т. е. в процедурные вопросы, и мы тебя скушаем.

Мы вас предостерегаем: не делайте этой операции, потому что это преступление против святости устава, основного закона нашей организации.

Что нам предлагают? Посмотрите: межсессионный комитет идёт так далеко, что он даже приём новых членов предлагает решать как процедурный вопрос, простой семёркой, и это после того, как было отвергнуто подобное предложение делегации Аргентины, от которого она сама отказалась в конце концов, вняв голосу благоразумия. Это показалось до такой степени неубедительным американскому делегату Козну, что он формально отмежевался от аргентинской делегации, хотя фактически поддержал этот принцип, назвав его многообещающим актом. Надо знать, что и кому это обещает и много ли обещает. По нашему мнению, это ничего не обещает, кроме провала организации Объединённых наций.

Межсессионный комитет разошёлся в своей реформе до того, что предлагает, например, вопрос о представлении на рассмотрение Генеральной ассамблеи любого вопроса, касающегося поддержания международного мира и безопасности, решать, как процедурный вопрос.

Вопрос о приостановке действия прав и привилегий членов организации, в отношении которых Советом безопасности приняты предупредительные или принудительные меры, предлагалось решать, как процедурный вопрос, несмотря на то, что это вопрос о дополнительных санкциях, налагаемых на членов организации. Оказывается, вопрос о том, наложить ли эти санкции или не наложить, принять ли эти меры, которые означают применение дополнительных санкций к члену организации, Австралия, Аргентина и Турция предлагают решать, как процедурный вопрос. Рекомендации о приёме новых членов, о чём мы уже говорили, также предлагалось решать в нарушение устава, как процедурный вопрос. Подтверждение полномочий представителей Совета безопасности относят к процедуре. Имелись даже попытки отнести к процедуре представление планов по установлению системы вооружений. Разве всё это не важные вопросы, не вопросы существа, а не процедуры?

Иначе говоря, целый ряд сложных, острых политических вопросов предлагается голосовать и решать не по правилам, установленным уставом для решения таких вопросов, а вопреки уставу — простыми семью голосами, нарушая основной принцип единогласия. Предлагают не считаться с другими постоянными членами Совета безопасности, не добиваться единодушия между пятью главными державами, что является и основой, и залогом обеспечения мира и безопасности народов.

Вот как расправляется межсессионный комитет с этим вопросом, грубо нарушая устав, до такой степени грубо нарушая, что более грубых нарушений и придумать, кажется, трудно. Ведь вы не случайно можете найти в докладе часть третью, которая называется «Методы

проведения в жизнь», где откровенно говорится о том, как эти предложения должны проводиться в жизнь, откровенно излагается план нарушения устава и столь же откровенно даются инструкции, как лучше и успешнее всего этот план осуществить. Здесь, в этой части доклада межсессионного комитета, даются инструктивные указания, как обойти устав. Межсессионный комитет предлагает для этого несколько средств: проведение в жизнь его предложений посредством толкования устава или на основе соглашения между пятью постоянными членами Совета безопасности, т. е. по сговору между ними, в обход устава.

Наконец, ещё одно средство — это созыв конференции для пересмотра устава. Это третье средство, однако, предлагают в данное время не пускать в ход, так как проведение его в жизнь связано с большими неудобствами. Не созрело, говорят, ещё время, чтобы такая конференция могла дать положительный результат.

Остаются, следовательно, два средства: толкование устава или сговор. Но смысл этих «средств» никого в заблуждение ввести не может, ибо предложения, с которыми пришёл сюда межсессионный комитет, основываются на грубом нарушении устава, на отказе от принципа единогласия, нашедшего своё выражение в пункте 3 статьи 27 устава. Эти предложения и эти проекты, которые внёс межсессионный комитет, — это заговор против устава, это сговор для обмана своих народов, сговор для ликвидации важнейшего принципа, на котором стоит вся организация Объединённых наций.

Предложения межсессионного комитета находятся в прямом противоречии с ранее заключёнными между великими державами международными соглашениями.

В Сан-Франциско организаторы новой международной организации договорились о том, что самое решение о том — является ли вопрос процедурным или нет — должно приниматься путём применения квалифицированного большинства, т. е. семью голосами, включая всех постоянных членов. Это говорится в разделе 2 пункта 2 сан-францисской декларации четырёх держав в 1945 году. Если такой вопрос возник, говорится там, то решение этого предварительного вопроса о том, можно ли применить процедурное голосование или нет, должно приниматься семью членами Совета безопасности, включая совпадающие голоса всех его постоянных членов.

А теперь представители США и Англии, подписавшие три с половиной года тому назад эту декларацию, нам говорят, что это для них не обязательно. Это может быть не обязательно в отношении кого угодно, но не в отношении четырёх держав, которые эту декларацию объявили, приняли и от неё официально не отказались — прямо, по крайней мере, её не денонсировали.

Позволительно представителям Великобритании, Франции и Соединённых Штатов Америки прямо поставить вопрос, — отказываются ли они от этой декларации или нет. Если нет, то они должны воздержаться от того, чтобы компрометировать эту декларацию, подвергая её критике, заявляя о том, что она-де не носит обязательного характера.

Мы — советская делегация — считаем для себя обязательными все те международные соглашения, под которыми стоит подпись Советского Союза, пока мы не договорились о пересмотре или пока мы не денонсировали эти соглашения. Ничего неизвестно и никому неизвестно, чтобы США и Англия денонсировали сан-францисскую декларацию. Поэтому мы говорим, что она в силе. А если она в силе, то её нужно исполнять и нужно её уважать. И поэтому совершенно ясно, что, когда спрашивают: «Что это за вопрос, процедурный или нет?» — ответить на этот вопрос нельзя иначе, чем руководствуясь декларацией, принятой в Сан-Франциско 7 июня 1945 года.

Вот как обстоит дело с этими предложениями межсессионного комитета. Эти предложения — сплошное нарушение нашего устава, это — грубое нападение на наш устав, хотя и не в лоб, а в обход. С этим мы никак не можем согласиться. За эти нарушения устава ответственность должны нести те, кто руководит работой этого межсессионного комитета, кто вдохновляет этот межсессионный комитет.

5. АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЙ БЛОК МАСКИРУЕТ ПРЕДЛОЖЕНИЯ МЕЖСЕССИОННОГО КОМИТЕТА

Перехожу теперь к проекту резолюции четырёх — США, Англии, Франции и Китая. Но что можно о нём сказать? Конечно, если брать перечень вопросов в этом проекте, то мы увидим, что вместо 98 вопросов здесь имеется лишь 30 вопросов. По существу это ничего не меняет. Проект четырёх — это тот же проект межсессионного комитета, но только замаскированный, чтобы не так бросались в глаза его крайности и уродства. Этот проект четырёх держав почти дословно повторяет всё то, что содержится в докладах и в предложениях межсессионного комитета. Поэтому отношение советской делегации к предложениям четырёх держав остаётся тем же, что и по отношению к предложениям и рекомендациям межсессионного комитета. Проект резолюции четырёх за № 24/20 не что иное, как, в сущности говоря, повторение — только в немного изменённых выражениях — того, что предложил межсессионный комитет. Этот проект поэтому также является неприемлемым, как и проект межсессионного комитета.

Советская делегация смотрит на дело иначе. Главный порок предложений как межсессионного комитета, так и четырёх держав заключается в попытке заранее регламентировать и, мы бы сказали, формализовать этот очень важный вопрос. Кроме того, незаконно, заранее наметив вопросы, которые должны априорно рассматриваться как непроцедурные, договариваться, чтобы, ввиду их малого значения, решать их так, как решаются вопросы процедурные. Это, как я уже сказал, совершенно незаконный путь.

Советская делегация считает особенно важным, чтобы организация Объединённых наций всесторонне улучшила работу всех её органов в соответствии с высокими принципами и целями устава, получившего признание всех миролюбивых народов.

Советская делегация придаёт большое значение объединению усилий больших и малых народов в деле развития между ними

дружественных отношений и укреплению всеобщего мира и безопасности.

Поэтому советская делегация считает, что организация Объединённых наций должна принять все меры к расширению международного сотрудничества на указанной выше основе, но должна вместе с тем избегать излишней регламентации и формализма в деятельности своих органов, содействуя развитию практических достижений в политическом, экономическом и культурном сотрудничестве между народами.

Советская делегация, принимая во внимание, что принцип единогласия постоянных членов Совета безопасности, при принятии советом решений непроцедурного порядка, является важнейшим условием обеспечения эффективности действия организации Объединённых наций в развитии сотрудничества между народами и в поддержании международного мира и безопасности,— высказывает уверенность в том, что в будущем Совет безопасности соответственно будет учитывать опыт своей работы в течение предыдущего периода, в целях создания таких условий, которые, по возможности, благоприятствовали бы принятию согласованных решений.

Советская делегация внесёт соответствующий проект резолюции, который она будет защищать перед комитетом и перед Генеральной ассамблеей, глубоко уверенная в том, что не излишняя регламентация и формализирование этих вопросов а максимальное укрепление духа взаимного доверия и сотрудничества, вместе с учётом опыта работы Совета безопасности за истекшее время, должны помочь тому, чтобы достигать возможно чаще и возможно скорее согласованных решений между всеми членами организации Объединённых наций, представленными в Совете безопасности.

„Известия“ № 285 (9815),
286 (9816) и 287 (9817)
от 2, 3 и 4 декабря 1948 г.

СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ ПО ВОПРОСУ О ГОЛОСОВАНИИ В СОВЕТЕ БЕЗОПАСНОСТИ

Делегация СССР внесла в специальный комитет Генеральной ассамблеи следующий проект резолюции по вопросу о голосовании в Совете безопасности:

1. Генеральная ассамблея считает особенно важным, чтобы все государства — Объединённые нации стремились к дальнейшему укреплению авторитета организации Объединённых наций в соответствии с высокими принципами устава, получившего признание всех миролюбивых народов.

2. Придавая особенно большое значение объединению усилий больших и малых народов в деле развития между ними дружественных отношений и укреплению всеобщего мира и безопасности, Генеральная ассамблея призывает Объединённые нации к расширению

международного сотрудничества на указанной выше основе, избегая ненужной регламентации и формализма в деятельности своих органов и содействуя развитию практических достижений в политическом, экономическом и культурном сотрудничестве между народами.

3. Принимая во внимание, что принцип единогласия постоянных членов Совета безопасности при принятии советом решений является важнейшим условием обеспечения эффективности действий организации Объединённых наций в развитии сотрудничества между народами и в поддержании международного мира и безопасности, Генеральная ассамблея выражает уверенность, что в будущем Совет безопасности соответственно будет учитывать опыт своей работы в течение предыдущего периода, применяя в необходимых случаях метод консультации и стремясь к облегчению возможности принятия согласованных решений.

«Известия» № 286 (9816)
от 3 декабря 1948 г.

(Спец. корр. ТАСС)

ВЫСТУПЛЕНИЕ ДЕЛЕГАТА СССР Я. А. МАЛИКА В ПОЛИТИЧЕСКОМ КОМИТЕТЕ

(6 декабря)

Выступая в Политическом комитете в прениях по предложению делегации Чехословакии о приглашении к участию в обсуждении корейского вопроса представителей правительства Корейской народно-демократической республики, делегат СССР Я. А. Малик привлёк внимание комитета к тому манёвру, который применил делегат США Даллес, чтобы помешать обсуждению этого вопроса. С этой целью Даллес заявил, будто чехословацкий проект уже был отклонён, и процитировал в доказательство выдержку из «Журнала Генеральной ассамблеи» — официального органа Ассамблеи.

Малик напомнил, что ещё в ноябре чехословацкая делегация поставила на заседании Политического комитета вопрос о необходимости заранее обсудить её предложение о приглашении представителей Корейской народно-демократической республики. Ввиду возражений делегаций США и ряда других стран комитет решил, что это предложение должно быть обсуждено тогда, когда начнётся обсуждение корейского вопроса. Однако «Журнал» в номере от 16 ноября сообщил, будто комитет решил отклонить проект резолюции, представленный делегацией Чехословакии.

— Что это, — спросил Малик, — ошибка или подлог? Было ли это ошибкой редактора «Журнала» или это было ему подсказано? Учитывая тот факт, что представитель США пытался сегодня ссылаться на это сообщение, я начинаю сомневаться в объективности официального «Журнала», если он допускает такие «ошибки».

Малик указал, что в следующем номере «Журнала» появилось исправление. Было указано, что комитет отклонил предложение чехословацкой делегации обсудить вопрос о приглашении представителей Корейской народно-демократической республики до начала обсуждения корейского вопроса.

Однако — сказал Малик, — г-н Даллес, говоря сегодня о первом сообщении «Журнала», умолчал об исправлении. Почему г-ну Даллесу потребовалось заявлять официально, что комитет уже рассмотрел этот вопрос, отклонил его и решил к нему не возвращаться?

Малик подчеркнул, что этот манёвр Даллеса является не случайным. Цель этого манёвра — не допустить представителя Корейской народно-демократической республики. Даллес боится услышать голос подлинных представителей корейского народа.

Перейдя к проекту резолюции, предложенному чехословацкой делегацией, Малик заявил:

— Те, кто внимательно читал материалы временной комиссии ООН по Корее, не могли не заметить, что весь корейский народ решительно выступал против проведения сепаратных выборов в Южной Корее.

Не только левые, но и правые политические партии Южной Кореи во главе с видными правыми деятелями Ким Ку и Ким Гю Сиком также решительно выступали против этих выборов и бойкотировали их. В феврале этого года оба эти деятеля правого лагеря изложили перед комиссией свой план созыва конференции политических партий и общественных организаций Юга и Севера Кореи, чтобы добиться разрешения двух важнейших задач: скорейшего вывода иностранных войск из Кореи и создания единого правительства на основе всеобщих выборов. Этот план был впоследствии осуществлён, причём, как явствует из материалов комиссии, она не только не возражала против этого плана, но отнеслась к нему благосклонно.

Представители политических партий и общественных организаций Северной Кореи в лице виднейших представителей Ким Ир Сена и Ким Ду Бона также предлагали созыв такого совещания.

Инициатива Ким Ку и Ким Гю Сика нашла широкий отклик среди общественности Южной Кореи. 19 апреля 1948 года состоялась общекорейская конференция с участием представителей 56 политических партий и общественных организаций, представляющих подавляющее большинство общественности Юга и Севера Кореи. В этом общекорейском совещании участвовали представители политических партий и общественных организаций, объединяющих свыше 10 миллионов человек. На конференции не приняли участия только две крайне правые реакционные группировки: так называемая партия «Ханкук», которая является политической опорой американской военной администрации в Южной Корее, и клика американской мафионетки Ли Сын Мана. Эти две крайне правые реакционные группы, заполненные японскими коллаборационистами (т. е. людьми, тесно связанными с японцами во время их господства в Корее. — *Ред.*), не приняли участия в общекорейском совещании, подчиняясь приказу военной администрации США и боясь встречи с представителями

корейской общественности. Общекорейское совещание в обращении к корейскому народу изложило свою политическую платформу и заявило, что оно решительно возражает против проведения сепаратных выборов в Южной Корее. Оно обратилось также к правительствам США и СССР с просьбой немедленно вывести иностранные войска из Северной и Южной Кореи.

Вслед за этим в конце апреля было созвано совещание руководителей 33 политических партий и общественных организаций с участием Ким Ир Сена, Пак Хен Ена, Ким Ду Бона, Ким Ку и Ким Гю Сика. На этом совещании была выработана и опубликована декларация, предусматривающая в качестве политической программы немедленный вывод иностранных войск из Кореи, созыв общекорейского съезда для образования временного демократического правительства и проведения на основе прямого, равного и всеобщего избирательного права при тайном голосовании всеобщих выборов в законодательный орган.

Малик указал, что военная администрация США в Корее, вопреки ясно выраженной воле корейского народа в лице подавляющего большинства политических партий и общественных организаций, провела сепаратные выборы в Южной Корее. Судя по заявлениям австралийского и китайского представителей во временной комиссии ООН по Корее, военная администрация США в Корее во что бы то ни стало стремилась провести эти выборы и обеспечить господствующее положение в избранном органе представителей крайне правых реакционных партий «Ханкук» и клики Ли Сын Мана, что и было обеспечено в результате выборов. Та часть комиссии ООН, которая угодничала перед американской военной администрацией, настаивала на том, чтобы комиссия приняла участие в этих незаконных выборах. Выборы проходили в условиях свирепого политического гнёта и репрессий.

На комиссию оказал давление межсессионный комитет, а на межсессионный комитет оказали давление представители США в нём. Малик назвал членов комиссии, которые особенно настаивали на участии в сепаратных выборах. Это представитель Филиппин, представители Сальвадора и Китая, а также представитель Индии.

Таким образом, сказал Малик, решение об участии в выборах было принято голосами четырёх членов комиссии, два члена из девяти голосовали против, два воздержались, а один вообще не принял участия в голосовании. Решение большой принципиальной важности принималось в комиссии простым голосованием в нарушение всех общепринятых правил процедуры — лишь бы только провести выборы в Южной Корее, угодные американской администрации. Из материалов комиссии видно, что сам командующий оккупационными войсками в Южной Корее генерал Ходж заявил, что, по его мнению, гарантировать свободные выборы невозможно. Несмотря на это, комиссия ООН и межсессионный комитет приняли решение о проведении этих выборов.

Малик указал, что такие действия наносят удар по авторитету и престижу ООН.

Малик заявил далее, что было бы странно и наивно со стороны политических партий, участвовавших в общекорейской конференции и опубликовавших указанную декларацию, сидеть сложа руки и смотреть, какой произвол учиняется военной администрацией США под прикрытием ООН в отношении их собственного народа. Вполне естественно, что эти организации приняли нужные меры. Было проведено второе общекорейское совещание представителей политических партий и общественных организаций, принявшее решение о проведении общекорейских выборов на севере Кореи и на юге Кореи. В Северной Корее эти выборы были проведены в нормальном порядке, а на юге тайно, на двухступенной основе: были избраны представители южнокорейского народа, которые затем собрались и избрали представителей в Общекорейское верховное национальное собрание. Эти выборы явились свободным волеизъявлением корейского народа. На съезд народных представителей Южной Кореи было избрано 1080 делегатов, однако прибыло только 1002 делегата, ибо 48 делегатов были арестованы американской администрацией, а 30 погибли в пути. Они были убиты или южнокорейской полицией, или американскими войсками. 25 августа съезд избрал тайным голосованием 360 депутатов от Южной Кореи в Верховное народное собрание. В Северной Корее в это собрание было избрано 212 депутатов.

Малик привёл данные, показывающие, что депутаты Верховного народного собрания Кореи представляют широкие слои корейского народа. На первой сессии этого Народного собрания была единогласно утверждена конституция и сформировано правительство Корейской народно-демократической республики. Малик подчеркнул, что все эти факты свидетельствуют о том, что корейский народ создал верховные органы власти, представляющие население как Южной, так и Северной Кореи.

Напомним о том, что 2-я сессия Генеральной ассамблеи в резолюции от 14 ноября 1947 года постановила пригласить избранных представителей корейского народа к участию в рассмотрении вопроса о независимости Кореи, Малик сказал, что такими избранными представителями всего народа Кореи являются только делегаты правительства Корейской народно-демократической республики. Малик заявил, что, исходя из всего изложенного, советская делегация поддерживает предложение Чехословакии о приглашении для участия в обсуждении корейского вопроса на Генеральной ассамблее представителей правительства Корейской народно-демократической республики.

Затем Малик перешёл к изложению точки зрения советской делегации на предложение делегации Китая о том, чтобы в качестве корейских представителей были приглашены представители так называемого южнокорейского правительства. Факты и документы, содержащиеся в материалах комиссии ООН, сказал Малик, свидетельствуют о полном отсутствии условий для проведения свободных выборов в Южной Корее. Это признали и подтвердили верховный судья Южной Кореи, видные правые деятели Ким Ку и Ким Гю Сик, а также многочисленные представители различных общественных

организаций Южной Кореи. Все эти материалы показывают, что Южная Корея превращена в полицейское государство, что вся власть находится в руках полиции, контролируемой американской администрацией, что командные должности в полиции от лейтенанта и выше на 53 процента занимают бывшие чиновники японской колониальной полиции в Корее, что корейская полиция заполнена коллаборационистами, что на ответственных гражданских должностях также находятся многие коллаборационисты. В этих условиях осуществляются жесточайшие гонения и репрессии против демократических организаций и демократических деятелей. Комиссия ООН отметила в своих выводах, что подавляющее большинство демократических деятелей находится либо в тюрьмах либо под арестом или следствием. Сам начальник южнокорейской полиции является членом партии «Ханкук», тесно связан с её руководством и с кликой Ли Сын Мана. Эта партия и клика Ли Сын Мана, опирающиеся на поддержку полиции, заняли в результате выборов, проведённых 10 мая, господствующее положение в составе южнокорейского собрания. Эти выборы были проведены насильственным путём в условиях полицейского гнёта и репрессий и, следовательно, фальсифицировали волю избирателей.

Малик сказал, что об этом свидетельствуют материалы самой комиссии ООН. Согласно меморандуму бригадного генерала США Векерлинга за период с 7 февраля по 14 мая, когда готовились и были проведены сепаратные выборы в Южной Корее, было ранено 758 и убито 416 человек.

Не все члены комиссии ООН были согласны с её утверждениями о том, будто выборы происходили свободно. Так, представитель Сальвадора заявлял ещё до выборов, что создание правительства только в южной части Кореи не соответствует резолюции Генеральной ассамблеи. Представитель Индии указывал, что правительство, если бы оно было избрано только в южной части Кореи, нельзя было бы назвать национальным в политическом смысле этого слова, поскольку оно не выражало бы волю народа в целом. Он добавил, что сомнительно, отражало ли бы оно волю народа и Южной Кореи.

Канадский представитель заявил, что при настоящих условиях невозможно создать национальное правительство и что проведение выборов только в Южной Корее будет незаконным. Такой же позиции придерживался и представитель Франции. Однако, несмотря на всё это, комиссия четырьмя голосами из 9 (учитывая, что один член не принимал участия в её работе) решила судьбу южнокорейского народа.

Малик заявил в заключение, что материалы комиссии дают полное основание считать, что выборы в Южной Корее производились в обстановке, исключающей возможность свободного волеизъявления избирателей, и поэтому не могут быть признаны законными. Вследствие этого и власти, созданные в Южной Корее в результате фальсифицированных антидемократических выборов, не могут считаться законным представительством населения Южной Кореи. В силу этого советская делегация возражает против приглашения

представителей сеульских властей для участия в обсуждении корейского вопроса, ибо эти власти не представляют ни всего корейского народа, ни народа южной части Кореи и не могут принимать участия в обсуждении его судьбы.

«Известия» № 290 (9820)
от 8 декабря 1948 г.

(Спец. корр. ТАСС)

О ПРИЁМЕ НОВЫХ ЧЛЕНОВ В ОРГАНИЗАЦИЮ ОБЪЕДИНЁННЫХ НАЦИЙ

РЕЧЬ А. Я. ВЫШИНСКОГО
НА ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕЕ ООН

(8 декабря)

1. ПРОТИВ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИКИ ДИСКРИМИНАЦИИ

Перед Генеральной ассамблеей вновь стоит вопрос о приёме новых членов. Этот вопрос имеет свою историю. Он стоял перед Генеральной ассамблеей уже в прошлом году, когда Ассамблея сочла необходимым, вопреки возражениям делегации Советского Союза и ряда других делегаций, получить по этому вопросу консультативное заключение Международного суда. Теперь Ассамблее предстоит вновь заняться этим вопросом, рассмотрев также полученное от Международного суда консультативное заключение и одновременно доклад Политического комитета *ad hoc* (для этой цели), который также занимался этим вопросом. Кроме того, Генеральной ассамблее предстоит рассмотреть и определить своё отношение к представленным комитетом *ad hoc* проектам резолюций по отдельным кандидатам, претендующим на принятие в состав членов организации Объединённых наций.

Таким образом, объём работы, стоящей перед Генеральной ассамблеей, оказывается довольно значительным.

Уже в прошлом году делегация СССР возражала против обращения в Международный суд за получением консультативного заключения. Советская делегация исходила при этом из того соображения, что Международный суд не уполномочен давать такого рода заключения. Устав совершенно точно и определённо указывает на то, что Международный суд может давать заключения по юридическим вопросам, по вопросам правового характера. Но не может быть никакого сомнения, что вопрос о приёме новых членов в организацию Объединённых наций, имеющий политическое значение, является политическим вопросом.

Однако, преследуя цель использовать авторитет Международного суда для того, чтобы подкрепить позицию тех делегаций, которые превратным толкованием статьи 4 устава добивались оправда-

ния своего отказа принять в организацию Объединённых наций такие государства, как Албания, Болгария, Венгрия, Румыния и Монгольская Народная Республика, большинство Генеральной ассамблеи настояло на своём. В отношении именно этих государств ряд делегаций во главе с делегациями США и Великобритании не первый год уже проводит политику, которую справедливо здесь, а ещё раньше в комитете *ad hoc* мы называли политикой дискриминации в отношении некоторых государств, которым отказывают в приёме, в поддержке их просьбы о приёме в состав организации Объединённых наций, — дискриминации, которая становится тем более очевидной и тем более подчёркнутой, что в это же самое время эти же делегации упорно добиваются того, чтобы были приняты в состав организации Объединённых наций другие государства. Между тем некоторые из них, например Ирландия, Португалия, Трансиордания, не имеют для этого достаточных оснований, о чём уже много говорилось и на чём я сейчас не считаю нужным останавливаться, а другие государства, во всяком случае, имеют не больше оснований, чем пять государств, перечисленных мною выше, получающих систематически отказ в приёме их в члены организации Объединённых наций.

Делегация СССР неизменно возражала и продолжает возражать против такой политики, так как это политика дискредитации одних государств, nepотизма, фаворитизма, кумовства, по-русски говоря, по отношению к другим государствам. Вот против такого различного отношения к одним и к другим государствам, против политики разделения претендентов на принятие в состав организации Объединённых наций на козлиц и овец, на угодных и негодных, на любимых и ненавидимых, мы, делегация Советского Союза, и, как я полагаю, ряд других делегаций, стоящих на этой точке зрения, возражали и будем возражать. Мы будем против этого возражать, несмотря на всю демагогию, которую пускают в ход наши противники, несмотря на их демагогические крики о том, что мы требуем, чтобы в организацию Объединённых наций были приняты такие-то государства лишь в том случае, если будут приняты другие государства. Вопреки всем этим демагогическим крикам мы и впредь будем стоять на своей позиции против дискриминационной политики в отношении одних государств и политики фаворитизма, кумовства по отношению к другим государствам. Такая политика несовместима с принципами устава организации Объединённых наций. Такая политика несовместима и с требованиями той самой статьи 4, которая является сейчас центром нашего внимания, из-за которой был поднят на ноги даже Международный суд, хотя толку от этого получилось немного. Такой политике дискредитации и nepотизма Советский Союз противопоставляет политику равного отношения ко всем государствам в вопросе их приёма в члены организации Объединённых наций, поскольку они удовлетворяют условиям и критериям, установленным статьёй 4 устава организации Объединённых наций.

Представители США и Великобритании, а также представители некоторых других поддерживающих их государств мотивируют свой отказ в приёме Болгарии, Румынии, Венгрии тем, что они не одобряют политики правительств этих стран, особенно их внешнюю

политику. Но такие мотивы отказа в приёме каких-либо государств в члены организации Объединённых наций порочны в самой своей основе, не только не имея ничего общего с принципами устава, но являясь грубым нарушением этих принципов.

И это сегодня мы вновь слышали из уст представителя США Коэна. Он повторил то, что уже говорил в комитете *ad hoc*. Дело дошло до того, что господа американские представители в качестве предварительного условия принятия в организацию Объединённых наций, например, Албании и Болгарии выставляют чисто политические требования, такие, как, например, прекращение помощи партизанам в Греции, хотя само это обвинение в помощи партизанам, как мы в этом могли уже убедиться во время прений по этому вопросу, в высокой степени сомнительно даже для тех, кто является противниками Албании и Болгарии.

В отношении Болгарии, в отношении Венгрии и Румынии американский представитель потребовал не больше и не меньше, как ликвидации этими правительствами, как он выразился, репрессивных мер в отношении лиц, обвиняемых в государственных преступлениях. Он указал на Петкова, на Лулчева. Но Петков был приговорён судом не за то, что использовал свободу печати, как здесь говорил г-н Коэн, а за шпионаж против своего государства, за измену своему народу, и был он приговорён на основе того самого закона 1945 года, который был издан в связи с требованием, предъявленным Болгарии мирным договором от 10 февраля, в силу которого Болгария обязана была принять энергичные меры против всякого рода фашистских организаций и их членов. Но, независимо от этого, это — внутреннее дело каждого государства, и организации Объединённых наций вмешиваться в такие дела не дано.

Мы не ставим на Генеральной ассамблее вопросов, касающихся внутренней жизни того или иного государства, и такие вопросы ставить запрещает и устав организации Объединённых наций. А тут говорят: отмените свою внутреннюю политику, уголовную политику, административную политику и действуйте так, как это нам, американцам, нравится, и вы будете приняты в организацию Объединённых наций.

В отношении Монгольской Народной Республики Коэн превзошёл самого себя, предъявив требование, чтобы эта республика доказала, что она действительно является независимым государством. Но как же можно доказать, что Монгольская Народная Республика является независимым государством, когда понятие о независимости у Коэна совершенно превратно, поскольку он считает, например, Трансиорданию независимым государством. Но, независимо от того, как мы относимся к тому или иному кандидату, требовать того, что требует представитель США, это значит идти дальше, чем допускает статья 4 устава, горячим поклонником которой является г-н Коэн. Он дошёл до того, что потребовал от Албании, Болгарии, Венгрии, чтобы они представили доказательства своего желания вступить в члены организации Объединённых наций. Это уже напоминает печальною памяти практику сенатской комиссии в США по расследованию антиамериканской деятельности, требовавшей от остальных

граждан доказать, что они не ведут «антиамериканской» деятельности, но считавшей себя обязанной доказать, что эти граждане ведут «антиамериканскую» деятельность.

Имеются заявления ряда государств, в которых указывается, что они принимают на себя все обязательства по уставу и желают выполнять их, но тут выступает американский представитель и требует доказать, что это государство желает выполнять устав. Но никто не обязан этого доказывать. Докажите вы, что это государство не желает выполнять устав, тогда мы будем с вами разговаривать.

Однажды, когда во французском суде прокурор требовал от защитника, чтобы он привёл доказательства невиновности своего подзащитного, то защитник сказал: «Г-н прокурор, вы забываете, что защита не для того, чтобы доказывать невиновность своего подзащитного, это вы, г-н прокурор, здесь находитесь для того, чтобы доказать виновность моего подзащитного».

И здесь мы говорим: нельзя ставить так вопрос, как ставит его Коэн. Это недопустимая, я бы сказал — издевательская постановка вопроса, противоречащая духу и принципам устава.

Оказывается, государство, желающее быть принятым в члены организации Объединённых наций, должно доказать, что оно действительно желает этого. Разве всё это не означает, что здесь устанавливается дискриминация по отношению к ряду государств? Разве всё это не доказывает, что здесь подходят с точки зрения лицепрятия, недружелюбия, пристрастия, стремления во что бы то ни стало отклонить этих кандидатов, хотя все требования, которые к ним предъявляются, не имеют ничего общего с тем, что указано в уставе.

Советская делегация исходит из того, что ни одному государству не может быть отдано предпочтение в приёме в организацию Объединённых наций перед любым другим государством, если каждое из них удовлетворяет всем условиям и требованиям, обозначенным в уставе. Делегация СССР исходит из принципа: никакой член организации Объединённых наций не имеет права и не может поэтому настаивать на принятии в организацию Объединённых наций одних государств и отказывать другим, если они удовлетворяют условиям, установленным уставом. Нельзя допускать политику дискриминации в отношении одних государств и покровительства, кумовства в отношении некоторых государств, имеющих не больше прав и оснований для приёма в члены организации, чем другие государства.

Поскольку, однако, ряд делегаций, во главе с представителями США и Англии, упорно стремится проводить именно такую политику, используя своё большинство в Совете безопасности, делегация СССР неизбежно должна была голосовать во всех соответствующих случаях против предложений, продиктованных такой политикой. Поступая таким образом, делегация СССР выступает в защиту принципов организации Объединённых наций, в защиту прав тех государств, права которых так беззастенчиво попирались и продолжают попираяться так называемым большинством, преследующим цели, не имеющие ничего общего с целями и принципами организации Объединённых наций.

Делегация СССР в вопросе о приёме в члены организации Объединённых наций исходила из недопустимости использовать такой акт, как приём в организацию Объединённых наций, для политического давления на заинтересованные государства.

Делегация СССР в вопросе о приёме новых членов организации Объединённых наций исходит, таким образом, из того, что невозможно, нельзя, незаконно, неправильно, противоречит уставу, нарушает устав, искажает принципы устава предъявлять какие-либо требования политического характера как предварительное условие, выполнение которого может открыть путь в организацию Объединённых наций.

Делегация СССР исходила при этом также из того, что государства, подписавшие мирные договоры с Болгарией, Венгрией, Румынией, взяли на себя по этим договорам обязательство оказать им содействие в приёме в члены организации Объединённых наций. Может быть, нелишне также напомнить, что в Потсдамском соглашении также содержится обязательство великих держав поддержать пять государств, с которыми были заключены впоследствии мирные договоры, в их просьбах о принятии в члены организации Объединённых наций.

Всё это убедительно доказывает, как неправомерны, незаконны действия представителей, например, Соединённых Штатов Америки и Великобритании, отказывающих в приёме в организацию Объединённых наций Болгарии, Венгрии, Румынии. Не менее незаконны и полны произвола действия США и Великобритании, отказывающих в приёме и таким миролюбивым государствам, внесшим свой замечательный вклад в дело борьбы демократических стран против германского фашизма и понёсшим немало жертв в этой борьбе, как Албания и Монгольская Народная Республика.

При всех этих обстоятельствах можно лишь выразить крайнее удивление, что вопрос о принятии указанных пяти государств в состав организации Объединённых наций до сих пор не получил своего положительного разрешения и оказался столь запутанным и осложнённым всякого рода посторонними политическими мотивами, в противоречии с принципами устава.

Большинство комитета *ad hoc* под руководством представителей США и Великобритании продолжало в этом вопросе порочную практику англо-американского блока в Совете безопасности. Этим надо объяснить, что в комитете *ad hoc* по инициативе австралийской делегации приняли целый ряд проектов резолюций, рекомендующих Совету безопасности пересмотреть заявления таких стран, как Португалия, Трансиордания, Ирландия, Австрия, Италия, Финляндия и Цейлон, добывающихся приёма в состав организации Объединённых наций, и в то же время совершенно умалчивающих об Албании, Болгарии, Венгрии, Румынии, Монгольской Народной Республике. Принятие большинством комитета *ad hoc* этих резолюций означает, что большинство делегаций попрежнему намерено игнорировать законные требования кандидатов, имеющих все основания для приёма в члены организации Объединённых наций. Это означает намерение большинства указанных делегаций попрежнему поддерживать поли-

тику дискриминации в отношении одних государств и политику фаворитизма в отношении других государств.

Делегация СССР считает это неправильным, противоречащим принципам и постановлениям устава, в силу чего она голосовала против этих предложений и будет настаивать на отклонении этих предложений также Генеральной ассамблеей.

2. НЕУДАВШАЯСЯ ПОПЫТКА ОБОЙТИ УСТАВ

В комитете *ad hoc* аргентинская делегация предложила, чтобы вопросы о приёме новых членов рассматривались Ассамблеей независимо от того, имеется ли положительная рекомендация Совета безопасности. Аргентинский представитель даже пытался утверждать, что устав вовсе не предусматривает обязательных положительных рекомендаций Совета безопасности как условия для того, чтобы вопрос о приёме новых членов мог быть поставлен на рассмотрение Генеральной ассамблеи.

Аргентинская делегация исходила из того соображения, что якобы в уставе, а именно в статье 4 устава, не говорится о том, что Генеральная ассамблея рассматривает вопрос о приёме новых членов в случае положительной рекомендации Совета безопасности, но говорится, что она рассматривает этот вопрос по получении вообще рекомендации. Из этого аргентинский делегат делает вывод, что, следовательно, может быть любая рекомендация, хотя бы и отрицательного характера. Но аргентинский представитель забыл, конечно, или недоучёл того обстоятельства, что если нет положительной рекомендации, то нет вообще решения Генеральной ассамблеи. Это совершенно авторитетно разъясняет правило 125 процедуры Генеральной ассамблеи, которое не оставляет никакого сомнения в том, что ни о какой отрицательной рекомендации речи быть не может, тем более, что по поводу отрицательных рекомендаций говорится в правиле 126 правил процедуры Генеральной ассамблеи.

Поэтому надо просто удивляться такому бесцеремонному обращению с правилами процедуры и с уставом, которое взяла уже за правило для себя аргентинская делегация, чтобы утверждать такие экстравагантные, несуразные вещи, выдумывая такую чепуху, что будто бы Генеральная ассамблея может рассматривать вопрос о приёме новых членов даже тогда, когда нет положительной рекомендации, т. е. вообще нет рекомендации Совета безопасности.

Смысл всего этого предложения аргентинского представителя совершенно ясен. Ведь по пункту 3 статьи 27 устава все вопросы непроцедурного характера — а следовательно, и вопрос о приёме новых членов — должны решаться не просто семью голосами, а должны решаться семью голосами, включая 5 совпадающих голосов всех постоянных членов Совета безопасности. Аргентинское предложение и направлено было против этого принципа. Оно было направлено против принципа единогласия, оно было направлено на то, чтобы элиминировать (т. е. устранить.— *Ред.*) этот принцип и поставить

Совет безопасности в совершенно иное положение, абсолютно не оказывающее и не способное оказывать никакого влияния на решение вопроса о приёме новых членов.

Однако это предложение Аргентины, ввиду слишком очевидной экстравагантности, необоснованности и несоответствия уставу, не было поддержано в комитете. Зато другое предложение Аргентины встретило поддержку большинства комитета. Это предложение поддержал, в частности, и представитель Соединённых Штатов Америки, который назвал его многообещающим актом. Между тем это — предложение, сводящееся к тому, чтобы считать рекомендацию принятой, или считать данное постановление рекомендацией, если она соберёт в Совете безопасности 7 голосов, хотя бы не включая в число этих семи голосов совпадающих голосов пяти постоянных членов. Но без этого условия, наличия совпадающих голосов в Совете безопасности, нет вообще решения Совета безопасности, нет, следовательно, и рекомендации.

Аргентинское предложение, чтобы Генеральная ассамблея могла рассматривать и решать вопрос о приёме новых членов безотносительно к тому, имеется или не имеется положительная рекомендация Совета безопасности, а также без учёта того, принято ли Советом безопасности такое решение 7 голосами, включая совпадающие голоса постоянных членов, представляет собой грубое и беззастенчивое нарушение устава, представляет собой грубое и беззастенчивое нарушение того порядка приёма новых членов, который установлен уставом. По существу же это предложение направлено на то, чтобы обесценить роль Совета безопасности в решении такого вопроса, как приём новых членов.

В самом деле, если Генеральная ассамблея может рассматривать вопрос о приёме новых членов и без положительной рекомендации Совета безопасности, — иначе говоря, без рекомендации Совета безопасности, что совершенно противоречит уставу, — то в таком случае к чему же сводится значение Совета безопасности в вопросе о приёме новых членов? Не ясно ли, что в этом случае Совет безопасности теряет всякое своё значение, ибо его значение в этом вопросе тем и объясняется, что Генеральная ассамблея не может рассматривать вопрос о приёме тех или других новых членов, не имея рекомендации Совета безопасности о том, что эти кандидаты рекомендуются быть принятыми в состав организации Объединённых наций.

Принятие аргентинского предложения означало бы не что иное, как превращение рекомендации Совета безопасности в пустую формальность, лишённую всякого практического, да и вообще всякого содержания.

Такое предложение, как это указывалось и в комитете, находится в прямом и полном противоречии и с уставом, и с правилами процедуры Генеральной ассамблеи, и с той практикой, которая уже установилась за эти три года в этом вопросе.

Но почему я останавливаюсь на этом предложении Аргентины? Потому, что это предложение Аргентины симптоматично. Оно явилось не случайным фактом — эпизодом, оно явилось проявлением того похода против Совета безопасности и против принципа единогласия,

лежащего в основе всей деятельности совета, который сейчас осуществляется уже не первый год на глазах всего мира.

Ведь, в сущности говоря, отрицая значение для Генеральной ассамблеи рекомендации Совета безопасности по вопросу о приёме новых членов, сторонники этого предложения отрицают значение и Совета безопасности. Отсюда один шаг до того, чтобы вообще отказаться от рекомендаций Совета безопасности, а следовательно, устранить влияние Совета безопасности на решение вопросов о приёме новых членов, какое сейчас осуществляет Совет безопасности, опираясь на соответствующие положения устава, осуществляя присвоенные ему уставом права, обязанности, полномочия.

Аргентинское предложение было сработано, надо отдать ему справедливость, с откровенной грубостью или с грубой откровенностью и носило столь открытый характер удара по Совету безопасности, что даже у сторонников этого предложения нехватило решимости поддержать Аргентину, и аргентинская попытка разъяснить понятие «рекомендации» путём уничтожения всякого значения этого слова провалилась.

Тем не менее эта попытка заслуживает, по основаниям, которые я только что назвал, серьёзного внимания. Аргентинский путь борьбы против Совета безопасности, против принципа единогласия и, раньше всего, в вопросе о приёме новых членов, аргентинский путь в данных условиях оказался слишком откровенным, и поэтому его пришлось оставить. Но нашёлся другой путь — путь, на котором, по мнению тех, кто его открыл, можно добиться тех же результатов, так же ослабить значение и роль Совета безопасности в вопросе приёма новых членов в организацию Объединённых наций и подготовить почву для того, чтобы, может быть, если не на четвёртой, то на пятой сессии Генеральной ассамблеи уже поставить открыто и прямо вопрос о том, чтобы лишить Совет безопасности какого бы то ни было права давать свои рекомендации Генеральной ассамблее. Как говорится, мы-де «сами с усами» — и обойдёмся без содействия совета и помощи других каких бы то ни было органов.

Ведь мы должны признать, что сейчас делаются всякого рода подготовительные шаги, предпринимаются всякого рода подготовительные меры к тому, чтобы не только лучше и более эффективно атаковать через некоторое время принцип единогласия в Совете безопасности, но чтобы его и вовсе уничтожить. Об этом откровенно говорят: для этого не пришло, мол, ещё время, но оно зреет, оно придёт. Впрочем, об этом вопросе мы ещё будем говорить, если наша Генеральная ассамблея дотянет до рассмотрения вопроса о так называемом «вето». С политической точки зрения это одна линия, с политической точки зрения это не разные вопросы, это одни и те же вопросы, звенья одной и той же политической цепи, в которую хотят заковать сейчас нашу организацию, лишить её свободы политического действия, которая соответствует её достоинству высокого международного органа.

3. ЗАГОВОР ПРОТИВ УСТАВА

Межсессионный комитет прямо рекомендует при решении вопроса о приёме удовлетвориться семью голосами и не обращать внимания на голоса постоянных членов Совета безопасности. Принятые по предложению Соединённых Штатов Америки, Англии, Франции и Китая комитетом *ad hoc* решения рекомендуют дословно: «Всем постоянным членам Совета безопасности, чтобы они добивались соглашения между собой о том, при каких возможных решениях Совета безопасности они могут не использовать своего права «вето», когда семь положительных голосов уже было подано в совете, оказывая предпочтение тому списку решений, которые содержатся в приложении 2, в части 4 доклада межсессионного комитета».

Если вы обратитесь к этому приложению 2 части 4 доклада межсессионного комитета, то вы увидите там на одном из первых мест: «Решения о приёме новых членов».

Что же мы имеем, перед чем же мы сейчас стоим? Мы стоим сейчас перед таким фактом, когда, прикрывая незаконные действия незаконного межсессионного комитета, четыре великие державы, постоянные члены Совета безопасности организации Объединённых наций, на которых возложена основная ответственность блюсти неприкосновенность, силу и святость нашего устава, приглашают Генеральную ассамблею принять решение, по которому они должны сговориться, как бы лучше нарушить устав.

Нам говорят, что нужно сговориться между собой о том, чтобы оставить в стороне совпадающие голоса пяти постоянных членов Совета безопасности и договориться между собой о порядке сговора за спиной устава, как лучше нарушать устав.

В принятой комитетом резолюции по предложению указанных государств рекомендуется нарушить это правило. Рекомендуется постоянным членам Совета безопасности добиваться соглашения о том, чтобы при приёме новых членов не считаться с голосами постоянных членов.

Но чем же это отличается от рекомендации межсессионного комитета или от предложений аргентинской делегации?

Ничем.

Но нужно обратить внимание ещё на следующее обстоятельство. Я уже сказал отчасти об этом. Ведь такая рекомендация — незаконная, господа делегаты, незаконная. Статья 27, пункт 3, указывает, как я сказал, что решения Совета безопасности по всем вопросам, кроме процедурных, считаются принятыми, когда за них поданы семь голосов членов совета, включая совпадающие голоса всех постоянных членов совета.

Вопрос о приёме новых членов не может рассматриваться в качестве процедурного вопроса, так как понятие о процедуре носит совершенно определённый характер, и было бы абсолютно недопустимо принимать такое расширительное толкование, при котором стиралась бы всякая грань, отделяющая процедурные вопросы от непроцедурных. Совершенно естественно, что нельзя соглашением постоянных членов между собой искусственно относить к процедур-

ным вопросам вопросы непроцедурные. Это было бы уже само по себе грубым искажением устава.

Сама резолюция комитета ad hoc — я имею в виду документ 24/20 от 26 ноября этого года — рекомендует постоянным членам договариваться о том, при каких возможных решениях Совета безопасности они могут не использовать своего права «вето».

Значит, здесь имеются в виду вопросы, при которых должно было быть применено право «вето», т. е., иначе говоря, имеются в виду непроцедурные вопросы. Но если дело идет о непроцедурных вопросах, то, в соответствии с уставом, какой же порядок голосования при решении этих вопросов нужно применять? Не тот, который указан во 2-м пункте статьи 27, относящейся к процедурным вопросам, а тот порядок, который указан в пункте 3 статьи 27. А статья 27 говорит, что решения Совета безопасности считаются принятыми тогда, когда в эти семь голосов входят пять голосов постоянных членов Совета безопасности. Если в Совете безопасности все сговорятся принимать решения по какому-либо вопросу без наличия совпадающих голосов постоянных членов, то это будет незаконное решение, т. е. вовсе не будет решением. Спрашивается: законным ли будет такой сговор с точки зрения устава?

На это может быть отрицательный ответ. И каждый не член Совета безопасности получит в таком случае полное право притти к нам и сказать: «Вы приняли решение в Совете безопасности семью голосами без совпадающих голосов постоянных членов».

Это не соответствует правилам устава, который считает принятыми только те решения, которые принимаются большинством семи, включая голоса постоянных членов. Следовательно, решение, принятое, хотя бы по взаимному соглашению между пятью постоянными членами Совета безопасности, не применять принципа единогласия, установленного в пункте 3 статьи 27, является незаконным, лишено всякой юридической силы. Ни один член организации не может после этого считаться — хотя бы морально — с такого рода решением, ибо принятыми решениями в Совете безопасности считаются только те решения по вопросам непроцедурного характера, которые приняты семью голосами, включая в это число пять голосов всех постоянных членов Совета безопасности. Это — важное условие, но этого условия в данном случае не будет.

Генеральная ассамблея не вправе давать подобную рекомендацию своим членам, так как такая рекомендация означала бы решение по сговору между собой нарушать устав. Достаточно только поставить этот вопрос, чтобы была очевидна полная произвольность такого решения, полное неуважение к уставу, полная ничтожность, с юридической точки зрения по крайней мере, самой такой рекомендации Генеральной ассамблеи.

Никакая рекомендация, которая будет направлена на то, чтобы призвать каких-то членов организации сговориться между собой для нарушения устава, не может быть признана законной. С такой рекомендацией нельзя считаться, с ней никто из нас считаться не может, хотя бы она и была принята большинством голосов. Такая рекомендация означала бы изменение устава. А между тем Генеральная

ассамблея не вправе менять устав. Для этого установлен особый порядок. Для этого установлен специальный порядок в статье 109 устава.

Согласно этому порядку, для пересмотра устава должна быть созвана генеральная конференция всех членов организации, причём изменение, рекомендованное двумя третями голосов, должно быть ратифицировано участниками этой конференции, тоже двумя третями, включая всех постоянных членов Совета безопасности и, как сказано ещё в уставе, действующих «в соответствии с их конституционной процедурой».

Вы хотите, господа, менять устав. У вас есть легальный путь. У вас есть путь закона, путь, установленный самим уставом. Если это изменение будет принято, оно будет обязательно, оно будет морально обязательно, оно будет юридически обосновано.

Но вы хотите внести изменение в устав, нарушая этот устав.

Г-н Арсе из Аргентины говорил в комитете, что самая статья 109 может быть изменена. Правильно, г-н Арсе, но вы должны раньше всего её изменить, чтобы не ссылаться на неё, чтобы считать себя свободным от всех обязательств, которые 109-я статья устава на вас налагает.

Извольте эту статью изменить, потом ссылаться на внесённые в неё изменения.

Какой политический смысл имеет пункт 2 резолюции комитета *ad hoc*, предложенный на утверждение Генеральной ассамблеи? Политический смысл этого пункта один — свести на нет роль Совета безопасности в деле приёма новых членов, практически осуществить уничтожение принципа единогласия, к чему стремятся враги этого принципа, т. е. смысл в том, чтобы, в сущности говоря, вынуть из фундамента нашей организации краеугольный камень, на котором держится вся организация Объединённых наций.

Делегация Советского Союза стояла, стоит и будет стоять непоколебимо за сохранение принципов устава, отвергая самую возможность подобного сговора, который правильнее было бы назвать не сговором, а заговором против устава организации Объединённых наций, против организации Объединённых наций.

4. НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ТАК НАЗЫВАЕМОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА

Комитет *ad hoc* принял также резолюцию, рекомендующую Совету безопасности и Генеральной ассамблее при приёме новых членов действовать в соответствии с заключением Международного суда от 28 мая 1948 года. Делегация СССР уже обращала внимание комитета на то, что говорить о консультативном заключении Международного суда оснований нет. В действительности Международный суд оказался не в состоянии представить своё заключение, поскольку по ряду весьма важных вопросов, стоявших перед судом, он не собрал необходимого большинства. Поэтому так называемое консультативное заключение представляет собою лишь мнения отдельных

групп судей — членов Международного суда. Это можно доказать несколькими фактами.

Раньше всего надо обратиться к следующему факту. Консультативное заключение подписано девятью судьями. Но девять судей, нам скажут, из пятнадцати всегда составляют большинство. Это верно. В том, что касается вопросов небольшого принципиального значения, мы имеем действительно заключение, подписанное девятью членами суда, т. е. большинством суда. Однако в числе этих девяти судей имеется двое судей, которые не присоединились к мнению остальной семёрки по вопросам, являющимся основными. Без ответа на эти вопросы, в сущности говоря, нет консультативного заключения. Но именно по этим вопросам нет согласованного ответа этих девяти судей, а имеется ответ или заключение только семи судей. А семь из пятнадцати никогда не составляют большинства ни по каким арифметикам.

Эти двое судей — представители латино-американских стран, профессора Альварес и Асеведо, которые хотя и подписали консультативное заключение в числе девяти судей, но сделали оговорку об особом своём мнении, причём это особое мнение высказано по весьма важным и серьёзным вопросам, которые не могут не интересовать Генеральную ассамблею.

Таким образом, мнение девяти судей по этим вопросам превращается в мнение семи судей.

Но этим дело ещё не кончается. Мы имеем в числе этих пятнадцати судей другую группу судей в лице четырёх членов Международного суда, людей, достаточно известных в международном праве и в международной судебной практике. Это — представитель Франции проф. Бадеван; это — представитель Великобритании проф. Макнейр; это — представитель Канады Рид; это — представитель Польши Винярский. Эти люди представили своё особое мнение, которое расходится с указанной семёркой по всем важным вопросам, сколько-нибудь носящим серьёзный юридический или политический характер. К этой четвёрке примкнули представитель Советского Союза проф. Крылов и представитель Югославии проф. Зоричич. Получилось шесть.

По ряду важных политических вопросов к этим шести примкнули Альварес и Асеведо. Таким образом, получилось уже восемь голосов.

Поэтому, хотя и имеется заключение, подписанное девятью членами, если взять из этого заключения важные, политические вопросы, то получается, что другое мнение поддерживают уже восемь судей, а группа в девять судей уменьшается до семи. Эту семёрку можно назвать большинством только при очень большой фантазии, только в том случае, если, кроме стоящих на бумаге подписей, ничего больше не видеть.

Вот почему мы говорим: нет заключения большинства Международного суда. Есть несколько заключений. Есть заключение одной группы; есть заключение другой группы, с разными оттенками. Но в основном эта группа из восьми членов Международного суда по важнейшим политическим вопросам единодушна.

Вот как обстоит дело не формально, а по существу с так называемым «большинством» Международного суда.

Поэтому делегация Советского Союза оспаривала и оспаривает сейчас попытку некоторых делегаций рассматривать мнения, представленные отдельными группами членов Международного суда, как консультативное заключение Международного суда.

Немалое значение при этом имеет и то обстоятельство, что четверо судей являются крупнейшими представителями международного права. Юристы, имена которых я назвал, — крупнейшие представители международного права. Они не нуждаются в похвалах, но для полной картины создавшегося положения то обстоятельство, что мнение так называемого меньшинства поддерживают крупные авторитеты в области международного права, имеет, мне кажется, значение. Разве это обстоятельство не обязывает вас насторожиться, отнестись к этому делу не с точки зрения простой техники голосования? Ведь было время, когда пытались голосованием опровергнуть Галилея. Однако всё-таки земля вертится.

Так обстоит дело с качественной стороной этого вопроса. Но в чём же, в сущности говоря, самый вопрос? Позвольте и на этом остановиться.

Основной вопрос, который вызвал разногласия в составе Международного суда, — это был вопрос о том, как рассматривать установленные статьёй 4 условия. Являются ли эти условия исчерпывающими — или, как говорят судьи, достаточными, — или лишь необходимыми, т. е. не исчерпывающими и допускающими использование при решении вопроса о приёме новых членов и каких-либо ещё дополнительных условий?

Часть членов Международного суда, которых иногда здесь именуют большинством, что, как я старался сейчас здесь показать, не соответствует действительности, признала, что статья 4 содержит достаточные условия, т. е. исчерпывающие, и что если в статье 4 не указано, какие это условия или критерии для решения вопроса о приёме новых членов, то нельзя никакими дополнительными критериями или условиями пользоваться. Но интересно отметить, что само большинство Международного суда, которое высказалось в этом духе, оказывается непоследовательным, так как эти же судьи в своём заключении признали, что хотя статья 4 и носит исчерпывающий характер, всё же — это их дословное заявление — «эта статья не исключает дискреционной оценки фактических обстоятельств, позволяющих проверять наличие требуемых условий». Статья 4, говорит большинство, не запрещает учитывать любые фактические обстоятельства, которые с полной обоснованностью и добросовестностью могут быть связаны с критериями и условиями этой статьи. Этот учёт, говорит так называемое большинство в своём консультативном заключении, не устраняет никакого политического соображения, могущего быть связанным с критериями или условиями, предъявляемыми при приёме в члены организации Объединённых наций.

Разве это не означает, что при приёме новых членов Совет безопасности и Генеральная ассамблея могут руководствоваться не

только критериями, прямо выраженными в статье 4 устава, но могут руководствоваться и политическими критериями, хотя они прямо в уставе не выражены? Разве это не означает, что статья 4 не носит исчерпывающего характера; что те условия, которые в ней установлены, не являются, как говорят судьи в другом случае, достаточными, а являются только необходимыми, или, как сказал один из судей, являются «минимумом», а вовсе не максимумом тех требований, которые могут быть предъявлены?

Однако вывод, к которому пришло так называемое большинство, был другой, а именно, что нельзя пользоваться никакими добавочными соображениями, кроме тех, какие установлены в статье 4. Это явное противоречие. Я должен указать, что большинство в своём консультативном заключении по этому важнейшему вопросу впало в коренное и очень серьёзное противоречие. Наоборот, остальные судьи, а их в этом случае уже восемь, допускают, что при решении вопроса о приёме новых членов можно руководствоваться политическими мотивами, хотя эти мотивы в статье 4 и не указывались.

Позиции судей, не согласных в этом вопросе с девяткой, отчётливо изложил проф. Альварес, заявивший, кстати сказать, что он вообще не согласен с Международным судом относительно самого метода, который тот избрал для того, чтобы притти к изложению своего консультативного заключения. Альварес заявил, что этот вопрос не может быть разрешён ни путём простого толкования устава, ни путём изучения подготовительной работы, которая была проделана на других стадиях организацией Объединённых наций, когда выработывался этот устав.

Вот что он говорит: «Следует принять другой метод, прибегнув главным образом к основным принципам нового международного права». Что это за «новое международное право»? По нашему мнению, это — право, которое освобождено от узких пут формализма и юридической схоластики, которое не противопоставляет право политике, которое исходит, наоборот, из признания того неоспоримого факта, что право и политика теснейшим образом связаны между собой и что право, — скажем мы уже от себя, это не слова Альвареса, — является инструментом политики, средством, при помощи которого осуществляются политические задачи в интересах господствующих в данном обществе классов.

Таким образом, Международный суд не обнаружил единства в отношении ряда важных вопросов; одним из них был вопрос, поставленный перед Международным судом Генеральной ассамблеей. Я должен напомнить, что поставленный по решению Генеральной ассамблеи от 17 ноября 1947 года перед Международным судом вопрос гласит следующее: «С юридической точки зрения, имеет ли право член организации Объединённых наций, выражающий, согласно статье 4 устава, своё мнение путём голосования в Совете безопасности или в Генеральной ассамблее по вопросу о приёме какого-либо государства в члены организации Объединённых наций, обуславливать своё согласие на приём этого члена соображениями, не предусмотренными определённо в пункте 1 указанной статьи, в частности, может ли такой член организации, признавая, что

данное государство отвечает условиям, изложенным в этой статье, обусловить, кроме того, подачу своего голоса в пользу этого государства тем, что вместе с этим государством должны быть приняты в число членов организации Объединённых наций другие государства?»

Вот как был сформулирован в прошлом году Генеральной ассамблеей вопрос, по которому потребовалось консультативное заключение Международного суда. Международный суд, прежде чем ответить на этот вопрос, сам поставил перед собой другой вопрос: какой характер носит вопрос Генеральной ассамблеи — юридический или политический?

Так называемое большинство судей решило, что это юридический вопрос, поскольку речь идёт о толковании устава. С этим не согласились шесть судей. С этим не согласились также Альварес и Асеведо, т. е. не согласились 8 судей, и вышло большинство из 8 судей, которое высказалось в пользу того, что вопрос, сформулированный 17 ноября 1947 года Генеральной ассамблеей для получения консультативного заключения Международного суда, одновременно является и юридическим и политическим вопросом.

Второй возникший перед судом вопрос сводился к следующему: могут ли быть привлечены при решении вопроса о приёме новых членов организации политические мотивы или политические критерии? Так называемое большинство судей и на этот вопрос дало отрицательный ответ, а меньшинство, состоящее из тех же шести судей плюс Альварес и Асеведо, т. е. опять-таки большинство судей, дало на этот вопрос положительный ответ. Я сослался бы при этом на мнение Альвареса, которое, по-моему, представляет значительный интерес. Вот что сказал Альварес: «Могут возникнуть случаи, когда приём какого-либо государства сможет вызвать беспокойство в международной обстановке, или, по крайней мере, в международной организации. Например, если это принятие должно оказать самое широкое влияние на некоторые группы государств или повести за собою глубокое расхождение между ними. В подобных случаях вопрос более не является юридическим, он становится политическим и должен рассматриваться как таковой».

Другой латино-американский судья, Асеведо, высказался в том смысле, что юридическое рассмотрение вопроса может быть расширено до границ политического действия. В другом месте Асеведо говорит, что все политические соображения могут оказать влияние на определённое решение органов организации Объединённых наций относительно условий, требуемых в статье 4 устава. Самые условия, изложенные в статье 4 устава, рассматриваются как минимум, необходимый для того, чтобы не допускать произвольных действий.

Что это означает?

Статья 4 даёт условия, которые являются минимумом. Это значит, что, кроме этого минимума, можно пользоваться и какими-то другими условиями сверх этого минимума. Таким образом, мнения шести судей — Бадевана, Макнейра, Рида, Винярского, Крылова и Зоричича, — так же как и мнение Асеведо и Альвареса, сходятся в том, что данный вопрос является не только юридическим, но и по-

литическим. Это означает, что при решении этого вопроса надо подходить не только с юридической, но и с политической стороны.

Наконец, перед Международным судом стал третий вопрос: можно ли требовать одновременного приёма нескольких государств? Это — то, против чего спорит большинство, и то, что отстаивает меньшинство.

Международный суд и по этому поводу раскололся. Мы имели мнение 7 судей и мнение остальных шести, к которым присоединился опять-таки Альварес, — то-есть тоже 7. Эти последние 7 допускают возможность требования одновременного приёма нескольких государств. Такое требование, по выражению Альвареса, может быть оправдано в исключительных случаях. Но мы считаем, что случай, с которым мы имеем сейчас дело, — это и есть исключительный случай.

Вопрос, поставленный Генеральной ассамблеей перед Международным судом, в сущности говоря, в юридическом отношении сводится к тому, чтобы установить:

1. Можно ли при решении вопроса о приёме новых членов не руководствоваться статьёй 4?

2. Можно ли, исходя из статьи 4 об условии приёма одних государств, требовать приёма других?

На оба эти вопроса следует ответить отрицательно. Однако, помимо этих двух юридических вопросов, следует поставить ещё и третий вопрос — политического характера, а именно:

Можно ли при решении вопроса о приёме новых членов на основании статьи 4 устава игнорировать политические условия и отказываться от руководства политическими мотивами или соображениями, вытекающими из всей политической обстановки, характеризующей международное положение.

На этот вопрос дали отрицательный ответ 8 судей, которые хотя и не принадлежат к официальному большинству, но составляют в этом вопросе настоящее большинство, потому что официальное большинство, от которого отделились в этом вопросе двое судей, превратилось фактически в меньшинство. Эти судьи сказали: нет, нельзя, потому что вопрос о приёме новых членов есть не только юридический, но и политический вопрос.

Но разве не присоединились к их мнению представитель США Коэн и представитель Англии в своих выступлениях в комитете? Коэн заявил, что Албания, Болгария, Монгольская Народная Республика, Венгрия могут быть приняты только тогда, когда будут решены поставленные им политические вопросы. Вот почему нельзя понять Коэна, который, в сущности говоря, поддерживает мнение судей, считающих, что это вопросы не только юридические, но и политические, и который сам выдвигает эти политические критерии, ибо требования изменить внутреннюю политику, прекратить репрессивные или другие мероприятия и т. д. и есть политические критерии. И в то же самое время он поддерживает резолюцию, где требуется исходить исключительно из тех условий, которые установлены в статье 4, хотя в статье 4 не установлено ни одного политического

условия, кроме того, и Международный суд в своём заключении сказал, что это вопрос юридический, а не политический.

В своих выводах, хотя и вступая в противоречия сами с собою, представители Соединённых Штатов Америки и Англии считают правильным консультативное заключение суда, в силу которого не должны предъявляться при решении вопроса о приёме политические требования. Но в таком случае, исходя из консультативного заключения большинства Международного суда, как же может Коэн предъявлять Монгольской Народной Республике, Албании, Болгарии и другим государствам политические требования? Явно здесь у него концы с концами не сходятся.

Перед Международным судом стоял также вопрос — можно ли требовать одновременного приёма нескольких государств? Официальное большинство Международного суда подтвердило, что его заключение дано в абстрактной форме и что не имеется в виду его применять к каким-либо конкретным, практическим случаям. Однако его используют именно для конкретного решения относительно Португалии, Трансйордании, Цейлона, Болгарии, Венгрии и других государств, которые претендуют на принятие в члены организации Объединённых наций и вопрос о которых должен стоять на Совете безопасности.

Международный суд говорит: мы дали абстрактное заключение. Мы никоим образом не имеем в виду, что оно будет применено к каким-то конкретным случаям. И вот это консультативное заключение, которое считают правильным и перед которым здесь расшаркиваются с уважением, группа делегатов включает в свой проект резолюции и предлагает как практическое руководство для решения вопроса о приёме тех или иных кандидатов, о которых будет идти речь в Совете безопасности.

Разве это правильный метод? Мы говорили в комитете: вы не имеете права этого делать хотя бы потому, что вы выдёргиваете два абзаца из всего консультативного заключения. Но ведь в консультативном заключении, если вы хотите с ним считаться, имеются и другие тезисы, имеются и другие выводы, которые мы здесь приводили.

Почему же вы на них не ссылаетесь в своей резолюции? Почему вы их игнорируете? В консультативном заключении имеются мнения четырёх авторитетнейших судей: Бадевана, Рида, Макнейра и Винярского, имеется особое мнение Альвареса и Асеведо, имеются мнения Крылова и Зориича. Почему же вы не рекомендуете Совету безопасности при рассмотрении вопроса о приёме новых членов учесть все эти мнения и сделать на основании учёта мнений всех этих учёных свои выводы в интересах справедливости, в интересах мира и международного сотрудничества?

Вот почему мы указывали на то, что эта резолюция даже с точки зрения целей и задач большинства неудовлетворительна, не выдерживает критики, представляет собой спекуляцию на вырванных из контекста заключения большинства некоторых правилах, которыми хотят заставить руководствоваться Совет безопасности, скрыв от него то, что в этом заключении есть ещё другие мнения, также

важные, я бы сказал даже очень ценные, для того, чтобы Совет безопасности мог найти правильный путь к истине.

Вот почему мы против этой резолюции. В проекте резолюции, представленном на утверждение Генеральной ассамблеи, делается прямая ссылка на то, что Международный суд считает, что при голосовании в Совете безопасности нельзя ставить условий, не предусмотренных в статье 4, и что никакое государство не может оговаривать своё согласие на приём другого государства какими-либо дополнительными условиями. Это неправильно, это не соответствует ни содержанию этого консультативного заключения в целом, ни особым мнениям тех судей, которых нельзя оставить в стороне и с которыми нельзя не считаться.

Делегация СССР считает, что такая рекомендация Совету безопасности со ссылкой на отдельные места из консультативного заключения является не чем иным, как попыткой оказать политическое давление на Совет безопасности, и с этим мы согласиться не можем. Нельзя вырывать из документов Международного суда отдельные параграфы и рекомендовать Совету безопасности руководствоваться именно ими в то время, как в этих документах имеется много других положений, опровергающих первые и представляющих ценность и требующих внимательного к себе отношения.

Вот почему единственно правильным выводом из рассмотрения всего этого вопроса будет то, что при приёме новых членов следует руководствоваться не только юридическими, но и политическими критериями.

Даже Асеево, которого никак нельзя заподозрить в правовом нигилизме, пришёл к заключению, что «юридическое рассмотрение вопроса может быть расширено до границ политического действия».

Это даёт основание утверждать, что установленные в статье 4 устава условия или критерии для приёма членов, являющиеся необходимыми для решения вопроса о приёме, не исключают возможности руководствоваться также и политическими критериями. В оценке этих критериев или условий по приёму новых членов каждый член организации свободен, и мотивы его голосования не подлежат контролю, ибо это является делом его политической совести.

При решении в организации Объединённых наций вопросов о приёме новых членов не могут не оказывать своего влияния политические соображения. Об этом вполне ясно говорится в материалах Международного суда. Это значит, что допустимы и оправданы и такие политические соображения при решении вопросов о приёме, как требование одновременного приёма государств, удовлетворяющих указанным выше условиям. Этим положительно решается и вопрос о недопустимости проведения в деле приёма новых членов дискриминации, о недопустимости неравного отношения к равным суверенным государствам. Этим положительно решается и вопрос о допустимости при приёме новых членов выдвигать такие политические требования, которые были бы направлены на защиту государств, права которых попираются незаконными, дискриминацион-

ными требованиями, что противоречит принципам, целям и задачам организации Объединённых наций.

Делегация Советского Союза считает поэтому неправильным и необоснованным принятие комитетом *ad hoc* решения, изложенного в документе 24/21. Делегация СССР возражала в специальном комитете, она возражает и теперь против проекта резолюции, предложенного большинством комитета, и будет против него голосовать по мотивам, которые были изложены выше.

Делегация СССР, с другой стороны, поддержала в комитете проект шведской резолюции, который проводит мысль о необходимости равного подхода в решении вопросов о приёме в члены организации государств, указанных в специальных докладах, т. е. всех тех государств, которые подали заявление о приёме. Эта резолюция, также принятая комитетом, была поддержана делегацией СССР и будет поддержана и при голосовании этого проекта резолюции на пленуме Генеральной ассамблеи.

„Известия“ № 292 (9822)
и 293 (9823)
от 10 и 11 декабря 1948 г.

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ВЫБОРОВ В ЮЖНОЙ КОРЕЕ ПОД ПРИКРЫТИЕМ КОМИССИИ ООН

ВЫСТУПЛЕНИЕ ДЕЛЕГАТА СССР Я. А. МАЛИКА В ПОЛИТИЧЕСКОМ КОМИТЕТЕ

(8 декабря)

В начале своей речи делегат СССР напомнил, что корейский вопрос уже второй раз стоит в повестке дня Генеральной ассамблеи. Первый раз он был поставлен делегацией США на 2-й сессии Генеральной ассамблеи в ноябре 1947 года. Теперь он внесён в виде докладов так называемых временной комиссии ООН по Корее и межсессионного комитета, созданных, как известно, по настоянию США. Стремясь навязать своё господство корейскому народу, США стараются использовать ООН как ширму, рассчитывая на поддержку так называемого большинства организации.

Вместо безотлагательного вывода своих войск из Южной Кореи, как это сделал Советский Союз, вывода свои войска из Северной Кореи, США постановкой вопроса о Корее перед организацией Объединённых наций затягивают разрешение корейского вопроса и препятствуют восстановлению Кореи, как единого независимого демократического государства. С этой же целью они добились незаконного создания временной комиссии ООН по Корее и без всяких оснований притянули вопрос о Корее в незаконно созданный межсессионный комитет.

Малик напомнил, что постановка корейского вопроса на сессии Ассамблеи является неправильной и противозаконной. Этот вопрос, являющийся частью общего вопроса о послевоенном урегулировании, должен быть разрешён соответствующими заинтересованными государствами в соответствии с имеющимися международными соглашениями. Делегация СССР придерживается этой же точки зрения и в настоящее время. Поскольку, однако, этот вопрос включён большинством в повестку дня Ассамблеи, советская делегация должна изложить свою точку зрения на положение в Корее и на деятельность временной комиссии ООН и внести свои предложения по этому вопросу.

ПРЕДАТЕЛИ КОРЕЙСКОГО НАРОДА — ОПОРА ВОЕННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ США В ЮЖНОЙ КОРЕЕ

Рассматривая и изучая материалы, представленные Генеральной ассамблеей временной комиссией ООН по Корее, нельзя не прийти к выводу о том, что комиссия, хотела она этого или не хотела, документально подтвердила тот непреложный факт, что Южная Корея превращена американскими военными властями в полицейское государство. То, о чём мир знал только по отдельным газетным сообщениям, изложено теперь в официальных документах комиссии ООН. Из этих документов видно, что американское военное командование по прибытии оккупационных войск США в Южную Корею в августе 1945 года установило там настоящий режим военной оккупации, хотя Южная Корея является не вражеской территорией, а территорией, освобождённой от вражеской оккупации.

Созданные народом Южной Кореи в первые дни после освобождения от японского колониального рабства демократические органы власти были разгромлены. Вслед за этим американские власти восстановили прежнюю японскую колониальную административную систему с сохранением японских законов и полицейских правил, а также оставили во всех звеньях административного и полицейского аппарата квислингов и коллаборационистов, много лет служивших японским милитаристам. Для оправдания такой политики была пущена в ход колониальная теория о том, будто бы корейцы «не способны» к самоуправлению и к восприятию демократических форм управления. Эту антинародную клеветническую теорию восприняла и временная комиссия ООН и даже записала её в свой доклад. Такая теория понадобилась американской администрации для того, чтобы найти в глазах корейского народа и перед мировым общественным мнением хоть какое-нибудь оправдание своей политике опоры на японских коллаборационистов. Чтобы убедиться в лживости этой, с позволения сказать, теории, достаточно сопоставить то, что творится в Южной Корее, с конкретной действительностью Северной Кореи, идущей по пути демократического развития.

С самого начала своего пребывания в Северной Корее советское военное командование оказало корейскому народу всемерную

помощь в упразднении японской колониальной администрации и в привлечении к участию в управлении своей страной широких масс корейского народа. На основе свободных демократических выборов были созданы местные демократические органы власти и народный комитет Северной Кореи, а также проведены широкие демократические реформы. В результате этих реформ в Северной Корее выросли свои национальные кадры государственных деятелей и работников административного аппарата, создана своя национальная интеллигенция. Таким образом, факты опровергают антинародную теорию о неспособности корейского народа к самоуправлению.

Опыт демократического развития Северной Кореи показывает, что задача создания корейского демократического правительства на основе широкого участия демократических партий и общественных организаций была вполне осуществима с первых дней освобождения Кореи, что ускорило бы политическое и экономическое объединение Кореи. Однако этому воспротивились США. Американские военные власти, осуществляя свои экспансионистские цели и опираясь на корейских коллаборационистов, пытались и пытаются превратить Южную Корею в колонию американского капитала и в стратегическую базу США.

Приводя документальные данные, почерпнутые из докладов самой временной комиссии ООН по Корее, Малик убедительно показал, что американские власти в Южной Корее превратили Южную Корею в полицейское государство, ввели режим полицейского террора. Американская администрация не только сохранила существовавший при японском режиме полицейский корпус, но и значительно усилила его. По имеющимся в материалах комиссии официальным данным, полученным от начальника полиции Южной Кореи, полицейские силы увеличены почти до 30 тысяч человек вместо 7 тысяч при японских милитаристах. Из материалов комиссии далее видно, что полиция Южной Кореи полна коллаборационистов и что она может арестовать кого угодно и держать под арестом в течение неопределённого срока. По заявлению представителя Австралии в комиссии Джексона, полиция в Южной Корее попрежнему руководствуется японскими полицейскими правилами и постановлениями. Председатель верховного суда Южной Кореи заявил, что любой кореец может быть арестован полицией без решения суда и что полиция может лишить свободы тысячи людей.

О подавлении всякого демократического движения в Южной Корее свидетельствует протокол одного из заседаний комиссии, в котором говорится: «Большинство лиц с демократическими взглядами теперь или находится под арестом, или в тюрьмах, или же свобода их передвижения ограничена».

В помощь полиции в Южной Корее создана огромная террористическая организация реакционно-фашистской молодёжи, насчитывающая свыше 300 тысяч членов и имеющая свои филиалы во всех городах и крупных населённых пунктах.

Читая записи бесед членов комиссии с корейцами,— продолжал Малик,— мы видим, как страх сковывал людей, которые приходили

в комиссию для того, чтобы рассказать о положении в Южной Корее. Эти люди боятся за свою жизнь и за жизнь своих товарищей. Они просят не называть их имён в протоколах. Тюремь Южной Кореи забиты жертвами политического террора и полицейского произвола. Из материалов комиссии видно, что в тюрьмы заключено 30 тысяч демократических деятелей, многие из которых были арестованы ещё во времена японского режима за то, что они боролись за свободу и независимость своей родины. Попытка комиссии поставить вопрос об освобождении политических заключённых закончилась провалом.

Американская военная администрация обещала комиссии амнистировать к 1 апреля с. г. 3 140 политических заключённых. Однако в это число было включено 1 253 человека, уже отбывших срок заключения к 1 апреля, а в число остальных «амнистированных» вошли главным образом лица, арестованные в 1948 году за участие в демонстрациях, направленных против посылки в Южную Корею комиссии ООН, а также в связи с забастовками. Таким образом, эта «амнистия» ни в какой мере не коснулась основного состава политических заключённых, брошенных в тюрьмы за их демократические убеждения.

Комиссия в своих материалах признала, что в политической жизни Южной Кореи господствует крайне правая реакционная партия «Ханкук» и клика Син Ман Ри (Ли Сын Ман). «Ханкук» насчитывает всего лишь несколько тысяч человек и состоит из крупнейших капиталистов, землевладельцев и активных коллаборационистов. Члены этой партии являются чиновниками аппарата американской военной администрации в Южной Корее. Одним из деятелей этой партии является начальник южнокорейской полиции Чу Бьон Ок.

Всякие попытки очистить административный и полицейский аппарат Южной Кореи от коллаборационистов и предателей встречают упорное сопротивление со стороны американского военного командования. Это не случайно. Это — система господства над народами других стран, при которой в качестве опоры используются реакционно-фашистские элементы, квислинги, коллаборационисты и предатели. Такая система применяется в Греции, Японии, Германии и ряде других стран. Эта же система применяется и в Южной Корее.

Несмотря на наличие такого чудовищного полицейского гнёта, — указал Малик, — временная комиссия ООН по Корее сочла возможным дать от имени ООН заключение о том, будто бы в Южной Корее имеются условия для проведения свободных выборов. Между тем сами члены комиссии отдавали себе отчёт в том, что в условиях Южной Кореи свободные выборы невозможны и всякое свободное волеизъявление народа исключается. Так, представитель Австралии в комиссии при обсуждении этого вопроса заявил, что «выборы в настоящее время контролировались бы только одной партией — правой, и эта партия сделала бы невозможным для демократических элементов сказать своё слово». Он добавил, что политика правительства США и генерала Ходжа «преследует цель образовать в Южной Корее чрезвычайно крайнюю правую партию».

Это заявление проливает свет на то, почему представители США сорвали в прошлом году работу совместной советско-американской комиссии, целью которой являлось содействие образованию временного корейского демократического правительства и восстановлению Кореи, как независимого демократического государства. Это же проливает свет и на то, почему США так упорно добивались постановки вопроса о Корее в ООН и почему им понадобилось создание специальной комиссии ООН по Корее. Американская администрация рассчитывала с помощью этой комиссии создать в Южной Корее марионеточное правительство из реакционеров и японских коллаборационистов.

КОРЕЙСКИЙ НАРОД БЫЛ ПРОТИВ СЕПАРАТНЫХ ВЫБОРОВ В ЮЖНОЙ КОРЕЕ

Из материалов комиссии ООН и документов общекорейского совещания 56 политических партий и общественных организаций в апреле 1948 года видно, что политические партии, общественные организации и виднейшие деятели Южной и Северной Кореи, в том числе южнокорейские правые деятели Ким Ку и Ким Гю Сик, решительно выступали против проведения сепаратных выборов в Южной Корее. Даже руководители правых и умеренных партий и организаций указывали, что в Южной Корее отсутствует обстановка, обеспечивающая свободу выборов, и что при этих обстоятельствах выборы поведут к установлению непредставительного государственного строя. Такую же точку зрения изложили перед комиссией правые деятели Ким Ку и Ким Гю Сик.

Оказавшись перед лицом всенародного протеста против проведения сепаратных выборов в Южной Корее и видя, что в условиях полицейского гнёта и репрессий свободные выборы невозможны, комиссия обратилась за консультацией в так называемый межсессионный комитет. Последний под давлением представителя США дал под видом «рекомендации» прямое указание комиссии принять на себя функции наблюдения за выборами в Южной Корее. Межсессионный комитет, будучи сам незаконным органом, учинил таким образом ещё одно беззаконие. Он присвоил себе право принимать решения по такому важному политическому вопросу, как сепаратные выборы в Южной Корее, т. е. по вопросу, который не входит даже в компетенцию Генеральной ассамблеи. Такого рода незаконными действиями межсессионный комитет подрывает авторитет ООН.

Малик отметил, что комиссия решила принять функции наблюдения за выборами всего лишь голосами четырёх членов комиссии. Три из них принадлежали представителям стран, правящие круги которых находятся в значительной зависимости от США. Это были представители Филиппин, Сальвадора и Китая. Четвёртым голосовал за выборы представитель Индии, 2 члена комиссии голосовали против, 2 воздержались, а 1 вообще не принимал участия в её работе.

Представитель Канады в комиссии назвал рекомендации межсессионного комитета «неразумными и неконституционными», а пред-

ставитель Австралии заявил, что «выборы будут бойкотироваться всеми партиями Кореи, за исключением крайне правой партии», что впоследствии подтвердилось. Председатель комиссии — представитель Индии заявил, что он разделяет сомнения канадского представителя относительно юридической правильности решения межсессионного комитета. «Я серьёзно сомневаюсь в том, — сказал он, — что этот шаг (т. е. выборы) приведёт к объединению Кореи. Я серьёзно сомневаюсь в том, что национальное правительство, которое будет создано в результате выборов, будет подлинно национальным. Я серьёзно сомневаюсь в том, что мы сможем обеспечить свободную атмосферу выборов».

Малик указал, что приходится удивляться, как мог представитель Индии голосовать за выборы в таких условиях. Но, так или иначе, 4 голосами из 9 голосов членов комиссии был решён вопрос о принятии комиссией функций наблюдения за выборами; тем самым была решена судьба сепаратных выборов в Южной Корее. Подобная деятельность комиссии не только не способствовала проведению свободных выборов, но, наоборот, привела к тому, что выборы в Южной Корее были проведены в условиях жесточайшего полицейского гнёта и репрессий.

КАК ПРОШЛИ НАСИЛЬСТВЕННЫЕ, ФАЛЬСИФИЦИРОВАННЫЕ ВЫБОРЫ

Учитывая, что в обстановке всеобщего протеста корейского народа выборы могли провалиться, военная администрация США совместно с подчинённой ей южнокорейской полицией приняла все меры к тому, чтобы провести выборы насильственным путём. Для запугивания избирателей командующий оккупационными силами США издал приказ о том, что «всякий, кто воздержится от участия в голосовании, потеряет право заявлять неудовольствие против действий и политики правительства, составленного в результате выборов, в которых он не участвовал».

Накануне дня выборов по всей Южной Корее были произведены массовые аресты. Только с 7 по 10 мая с. г., т. е. за три дня до выборов, за участие в движении против сепаратных выборов было арестовано 5 424 человека, убито и ранено 350 человек. После выборов с 11 по 14 мая, по материалам комиссии, было ранено 137 и убито 128 человек в отместку за неучастие в выборах. Выборы проходили в условиях прямого вмешательства военно-полицейских сил. Были мобилизованы американские войска, полиция, террористические банды молодёжи и специально созданные отряды «Хиандобан». По сообщениям южнокорейских газет, американские войска были приведены в полную боевую готовность, и к берегам Кореи были вызваны американские военные корабли. В день выборов над Южной Кореей летали американские самолёты, по дорогам разъезжали американские патрули с автоматами наготове. В ряде мест полицейские находились внутри избирательных помещений.

Малик привёл заявление корреспондента Юнайтед Пресс Роу, опубликованное в газете «Ча ю синмун». Он писал, что «в воздухе летали американские истребители, избирательные участки строго

охранялись членами отряда «Хиандобан», которые были вооружены дубинами. На расстоянии 30 метров от избирательных участков были выставлены полицейские, вооружённые винтовками и саблями. Секретарь комиссии ООН Шмидт посетил три избирательных участка и порицал одного надзирателя, избивавшего одного избирателя».

Выборы в Южной Корее не только были проведены в условиях полицейского террора, но и были фальсифицированы. 11 мая центральная избирательная комиссия объявила, будто бы в выборах по всей Южной Корее участвовало 92 процента зарегистрированных избирателей, в том числе на острове Квельпарт, в частности, участвовало 70 процентов избирателей. Однако позже выяснилось, что в двух из трёх округов на этом острове 10 мая голосование вообще не состоялось, и американское командование было вынуждено назначить в этих округах выборы на 23 июня. Таким образом, цифра в 70 процентов явно фальсифицирована. Отсюда следует, что и общий процент участия избирателей в голосовании был также фальсифицирован. По решению американского командования было установлено, что если в избирательном округе баллотировался только один кандидат, то он считался избранным без голосования. Таким способом оказались «избранными» 12 человек, в том числе и Син Ман Ри, впоследствии назначенный под давлением американской военной администрации марионеточным президентом Южной Кореи. Комиссия ООН, вопреки фактам, ею же самой установленным и приведённым в её докладах и материалах, заявила, что результаты выборов якобы выражают свободную волю избирателей Южной Кореи.

Такое фальшивое заключение комиссии находится в вопиющем противоречии не только с фактами и документами, приведёнными в материалах самой же комиссии, но и с мнением и заключением объективных наблюдателей. Так, руководитель американского союза гражданских свобод Роджер Болдуин, касаясь выборов в Южной Корее, заявил, что «США не создали демократических институтов в Южной Корее» и что «американские военные власти создали полицейское государство, которое подавляет прогрессивное движение».

Комиссия ООН превысила свои полномочия, и вся её деятельность свелась к тому, чтобы прикрыть авторитетом ООН планы разделения Кореи и превращения Южной Кореи в колонию и стратегическую базу США; прикрыть махинации американской администрации в связи с сепаратными выборами, фальсификацию этих выборов, проходивших в условиях разнузданного террора и жестоких преследований демократических групп населения; прикрыть создание марионеточного сепаратного южнокорейского правительства.

Совесть народов, объединённых в ООН, не может допустить, чтобы ООН использовалась одним из её членов для антинародных и антидемократических целей: это противоречит принципам устава этой организации.

По указке проамериканских заправил во временной комиссии она стала прямым орудием в руках политиков США и американской военной администрации в Южной Корее.

Что может быть более чудовищным, когда четыре члена временной комиссии под прикрытием ООН решают судьбу сепаратных выборов в стране с многомиллионным населением? Разве Генеральная ассамблея может признать такие выборы законными, свободными и демократическими?

Осуждая подобную незаконную деятельность этой комиссии, как деятельность, которая противоречит интересам корейского народа и наносит ущерб авторитету ООН,— сказал Малик,— советская делегация вносит следующее предложение:

«Генеральная ассамблея, признавая, что временная комиссия Объединённых наций по Корее, созданная решением Генеральной ассамблеи от 14 ноября 1947 года, своей деятельностью за истекшее время не содействовала ликвидации пагубных последствий длительного японского господства в Корее, осуществлению целей восстановления Кореи как независимого демократического государства и созданию условий для развития страны на демократических началах;

отмечая, что деятельность комиссии, принявшей на себя функции наблюдения за выборами, проведёнными военными властями Соединённых Штатов Америки в Южной Корее в мае месяце 1948 года, не только не способствовала проведению свободных выборов, но, наоборот, привела к тому, что выборы в Южной Корее проходили в условиях полицейского гнёта и репрессий;

считая, что существование комиссии используется для прикрытия антидемократической политики и установления реакционного антинародного режима в Южной Корее, а также в целях расчленения Кореи и подавления демократических сил корейского народа, что несовместимо с принципами и задачами организации Объединённых наций,—

поставляет временную комиссию Объединённых наций по Корее упразднить».

КАК ДАЛЛЕС ПЫТАЛСЯ ПРИКРЫТЬ РЕАКЦИОННУЮ ПОЛИТИКУ АМЕРИКАНСКИХ ВЛАСТЕЙ В ЮЖНОЙ КОРЕЕ

Вторую часть своей речи Малик посвятил ответу на выступления Даллеса и некоторых других делегатов, которые сказали немало выскопарных слов о стремлении корейского народа к объединению, свободе, независимости и демократии, но не потрудились объективно рассмотреть те факты, которые содержатся в материалах комиссии ООН и которые свидетельствуют об отсутствии в Южной Корее демократических свобод и беспощадном терроре. Это, сказал Малик, не случайно. Здесь, среди большинства выступавших, царил явный заговор молчания, чтобы скрыть эти факты от международного общественного мнения и прикрыть реакционную, антидемократическую политику американских властей.

Даллес здесь елейным голосом заявлял, что «мы, т. е. делегация США, ненавидим террор и насилие». Но кто этому поверит из тех, кто объективно и добросовестно ознакомится с материалами

временной комиссии ООН по Корее? Обратите внимание на количество арестованных, убитых и раненых в Южной Корее в ходе предвыборной кампании. Обратите внимание на то, что количество политических заключённых исчисляется в 30 тысяч человек.

Даллес заявил, что ему не нравятся «коммунистические методы». Коммунистические методы, как известно, сводятся к тому, что широкие массы трудового народа и интеллигенции принимают прямое и непосредственное участие в управлении государством на основе проведения широких демократических реформ и всеобщего избирательного права. Г-ну Даллесу не нравятся эти методы, зато он в восторге от методов, применяемых южнокорейской полицией с ведома и под руководством американской военной администрации в Южной Корее. Эти методы он не только одобряет, но и требует, чтобы Генеральная ассамблея наложила на них печать законности.

Кто проводит этот террор и насилия над корейским народом в Южной Корее? Южнокорейская полиция, которой руководят бывшие лакеи японского империализма, ныне находящиеся на службе у военной администрации США.

Почему Даллес умалчивает о всех этих фактах и документах? Несомненно, только для того, чтобы добиться, — как он сам заявил в своём выступлении, — чтобы ООН прежде всего «наложила печать законности» на всё то, что было проведено в Южной Корее. Вот к чему сводятся стремления Даллеса.

Касаясь заявления Даллеса о том, что нужно отказаться от политики силы в международных отношениях, Малик сказал: то, что делает американская военная администрация, является наглядным примером применения политики силы и насилия. В Корее десятки тысяч заключённых томятся в тюрьмах, находящихся под контролем американской администрации; в Греции тысячи патриотов и борцов против фашизма расстреляны и заточены в тюрьмы греческих монархо-фашистами с ведома и согласия своих высоких покровителей из военной миссии США. Это звенья одной и той же цепи — политики силы и насилия, проводимой американскими экспансионистами.

Касаясь сказок о «коммунистическом терроре», Малик указал, что Даллес преследует этими сказками две цели: во-первых, он хочет оправдать террор и насилия, проводимые американской военной администрацией в отношении демократических деятелей и организаций, и, во-вторых, прикрыть циничные захватнические намерения продолжать военную оккупацию Кореи под видом обеспечения её безопасности. Это нашло своё отражение в том проекте резолюции, которую внёс Даллес в специальном комитете.

Цель этой резолюции, во-первых, заключается в том, чтобы добиться признания незаконного марионеточного антидемократического режима Южной Кореи. Вторая цель заключается в том, чтобы создать прикрытия для продолжения военной оккупации американскими войсками в Южной Корее. В этом отношении, — сказал Малик, — история повторяется, полностью выдавая замыслы делегации США.

Напомним, что в прошлом году Генеральная ассамблея заявила, что все оккупационные войска должны быть выведены с территории Кореи в возможно короткий срок, Малик сказал, что с тех пор прошло больше года, а американские войска попрежнему оккупируют Корею.

Делегация США, повидимому, имеет своё особое представление о кратких сроках. Прошлогодняя резолюция Ассамблеи о выводе оккупационных войск в возможно короткий срок не выполнена. Если год считать сроком, который не соответствует этой формуле, то какой период времени следует понимать под новой предлагаемой Даллесом формулой «при первой возможности»? Для того, кто не желает расстаться с чужой территорией, а пытается её превратить в свою постоянную военно-стратегическую базу, такая «первая возможность» для вывода войск может не наступить в течение весьма длительного периода времени. Именно такая формула и нужна американским оккупантам в Южной Корее.

Правительство США ведёт двойную игру. В специальном комитете Генеральной ассамблеи оно вносит резолюцию, рекомендующую, чтобы оккупирующие державы вывели свои войска из Кореи «при первой возможности», а в Южной Корее оно проводит политику закрепления позиций американских оккупационных войск на территории Кореи.

Малик указал, что именно с этой целью США заключили со своими южнокорейскими марионетками соглашение, закабаляющее Южную Корею и превращающее её в колонию США. Малик указал также, что США, предлагая создать комиссию по Корее для того, чтобы она наблюдала за выводом оккупационных войск, надеются с её помощью прикрыть продолжение оккупации Южной Кореи точно так же, как они с помощью временной комиссии ООН прикрыли свою реакционную политику и антинародные выборы в Южной Корее.

Это является третьей целью сказок «о коммунистическом терро-ре», которую преследует Даллес.

Таковы незатейливые способы, посредством которых США пытаются удерживать своё господство над народами других стран. Таковы цели, ради которых создаются под давлением США комиссии ООН в Греции, в Корее, в Индонезии и в других странах.

ГОЛОС АМЕРИКИ ПОД ВИДОМ ГОЛОСА КОРЕИ

Останавливаясь на выступлении в комитете представителя сеульских марионеточных властей, Малик сказал, что, слушая это выступление, каждый объективный человек не мог не понять, что это был не голос Кореи, а голос Америки.

Этот голос Америки пытался доказать, будто выборы в Южной Корее проходили свободно. Представитель сеульских властей в качестве «доказательства» заявил, что он сам голосовал и сам является избранным. В этом можно не сомневаться. Именно такие, как

этот человек, и составляют опору администрации США в Южной Корее. Он заявил, что «среди корейцев мало таких, которые любят меньше родину, чем иностранное государство». В этом тоже можно не сомневаться. Среди корейского народа, как и всякого другого, предатели и иностранные агенты насчитываются единицами, а патриоты — миллионами. Если бы было иначе, тогда марионеточному сеульскому режиму не понадобилось бы обращаться с просьбой к Генеральной ассамблее за одобрением продления оккупации Кореи американскими войсками, не надо было бы просить Генеральную ассамблею создавать комиссию, которая прикрывала бы авторитетом ООН антинародный и антидемократический характер марионеточного режима в Южной Корее.

Но именно с такого рода просьбой обращается этот представитель марионеточного сеульского режима к Политическому комитету Генеральной ассамблеи. Он боится своего собственного народа, он боится остаться с ним с глазу на глаз. Без опоры на иностранные штыки и на международную комиссию этот так называемый представитель не может жить в Корее, ибо он не кореец. Он — Джон, а не Ким. Отметив, что Даллес и его подопечные выступают с циничным требованием признания южнокорейского марионеточного режима в качестве национального правительства в Корее, Малик сказал: Претензии Даллеса заходят слишком далеко, он жаждет распространения сеульского режима на территорию Северной Кореи. Можно не сомневаться, что эти мечты американских марионеток никогда не осуществятся. Народ Северной Кореи совместно с народом Южной Кореи избрал в августе 1948 года своё народное демократическое правительство, создал Корейскую народно-демократическую республику и никогда не будет рабом американских оккупантов и их агентуры.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ВЫСТУПЛЕНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ КИТАЯ

Отвечая представителю Китая, который пространно цитировал избирательные рекомендации временной комиссии ООН, представленные ею американской администрации в Южной Корее, Малик отметил, что представитель Китая умолчал о том, какие из этих рекомендаций не были приняты.

Военная администрация США не приняла рекомендации о лишении избирательных прав корейских коллаборационистов, ссылаясь на то, будто невозможно проверить данные, касающиеся избирателей. Однако причина не в этом. Причина состоит в том, что коллаборационисты — эти злейшие враги корейского народа — являются опорой американской военной администрации. Комиссия ООН сочла возможным согласиться с предоставлением избирательных прав коллаборационистам, т. е. прикрыла антидемократическую реакционную политику американских властей.

Представитель Китая, продолжал Малик, напомнил также заявление американского генерала Векерлинга о том, что прежде,

чем проводить выборы в Южной Корее, американские военные власти тщательно изучили опыт плебисцита в Сааре. Как известно, саарский плебисцит был проведён 13 января 1935 года гитлеровским правительством. Как известно, благоприятный для Германии исход голосования в Сааре был обеспечен прежде всего работой гитлеровской агентуры. Он достигнут был огромными денежными затратами, широко развёрнутой пропагандой и применением жесточайшего террора против непокорных элементов. Помогли в исходе плебисцита Гитлеру Англия и Италия.

Вот откуда черпает американская военная администрация в Южной Корее опыт проведения так называемых «свободных», «демократических» выборов. Она черпает его из гитлеровского арсенала террора, насилий и фальсифицированного плебисцита. Этот опыт пришёлся американским администраторам по вкусу и был точь в точь, без всяких изменений повторён в Южной Корее под прикрытием временной комиссии ООН.

В заключение Малик коснулся выступления британского делегата Уокера. Можно было бы,— сказал Малик,— не останавливаться на выступлении Уокера, которому лавры Геббельса не дают, видимо, покоя. Но он затронул вопрос о выборах делегатов на съезд народных представителей в Южной Корее, избравший затем депутатов от Южной Кореи в Верховное народное собрание. Уокер заявил сначала, что таких выборов вообще не было, но тут же добавил, что в связи с этими выборами в Южной Корее происходило голосование по избирательным бюллетеням. Таким образом, Уокер сам себя опроверг.

Говоря о копиях фальшивых избирательных бюллетеней, которые демонстрировал Уокер в комитете, Малик сказал, что вряд ли стоит вступать с ним в споры на этот счёт, тем более, что после на шумевшей истории с «протоколом М» авторы и место изготовления подобного рода фальшивок уже не являются секретом.

Итак,— сказал Малик, обращаясь к Уокеру,— выборы в Южной Корее депутатов на съезд народных представителей действительно имели место к вашему неудовольствию.

„Известия“ № 293 (9823)
и 294 (9824)
от 11 и 12 декабря 1948 г.

О ПРОЕКТЕ ДЕКЛАРАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

РЕЧЬ А. Я. ВЫШИНСКОГО
НА ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕЕ ООН

(9 декабря)

1. КРУПНЫЕ НЕДОСТАТКИ ПРОЕКТА

Как известно, представители Советского Союза принимали активное участие в работе третьего комитета по подготовке проекта Декларации прав человека, как ещё до того они принимали такое же активное участие в разработке этого вопроса в различных органах, занимавшихся этим делом. На долю третьего комитета выпало завершить эту работу, начатую ещё в Женеве, где в 1947 году был подготовлен первоначальный проект этой декларации, известный под именем «Женевского проекта».

Несмотря на некоторые свои достоинства, этот проект имеет ряд крупных недостатков, главный из которых заключается в его формально-юридическом характере и в отсутствии в нём каких бы то ни было мероприятий, которые были бы способны содействовать осуществлению провозглашённых в этом проекте основных свобод и прав человека. Женевский проект, как известно, в дальнейшем подвергся изменению, но этот его основной недостаток остался, к сожалению, неустранённым до последнего времени. Этот недостаток не был устранён и при подготовке проекта на настоящей сессии Ассамблеи.

Формально-юридический характер этого проекта, о котором я сейчас сказал, выражается в абстрактном построении ряда статей, посвящённых весьма важным вопросам, связанным с правами человека. Так, статья 4 представленного на рассмотрение Генеральной ассамблеи проекта Декларации прав человека гласит: «Каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность». Отвлечённый характер этой статьи, кажется, не требует никаких комментариев. Бросается в глаза, что проект, говоря о таком исключительной важности вопросе, как право человека на жизнь, на свободу, на личную неприкосновенность, не ставит перед собой задачи указать, хотя бы элементарно, необходимые меры, какие должны быть приняты государством для содействия, не говоря уже для обеспечения, осуществления этих прав на деле. Вполне было поэтому естественным попытаться внести в эту статью улучшения, внести в неё такие поправки, которые устранили бы этот недостаток.

Делегация Советского Союза пыталась это сделать. Она предложила решить задачу, изложенную в статье 4 проекта декларации третьего комитета, внесением в него поправки, сказав, что «государству необходимо обеспечить каждому человеку защиту от преступных на него посягательств, обеспечить условия, предотвращающие угрозу смерти от голода и от истощения», и т. д. К сожалению, эта поправка, несмотря на то, что она так серьёзно и значительно улучшала дело, была отклонена третьим комитетом.

Эта поправка не нашла поддержки со стороны большинства третьего комитета, и, таким образом, статья 4 проекта Декларации прав человека осталась в своём первоначальном виде, со всеми её недостатками.

Я приведу другой пример. В проекте третьего комитета имеется статья 23, которая провозглашает право на социальное обеспечение и на осуществление, как говорится в этой статье, необходимых для поддержания достоинства человека, и для свободного развития его личности, прав в экономической, культурной и социальной областях, через посредство национальных усилий и международного сотрудничества и в соответствии со структурой и ресурсами каждого государства.

Статья ставит перед собой очень важную задачу, и нужно было бы только приветствовать постановку этой задачи. Но удовлетворительно ли решает проект эту задачу? Делегация СССР отвечает на этот вопрос отрицательно. Из этого вытекала необходимость изменить ту формулу, которую дал проект Декларации прав человека, подготовленный третьим комитетом. Здесь громадная диспропорция между тем, что хотели выразить авторы этого параграфа, и тем, что они, действительно, смогли выразить. У нас нет никакого сомнения, что у самих авторов этого параграфа происходила борьба между стремлением, с одной стороны, к осуществлению того, что они в преамбуле называют, кстати скажу, без достаточного основания, «идеалом», и, с другой стороны, их идеологией, их политическими установками, которые мешают им развернуть формулу, которая действительно соответствовала бы важности и значению выраженной в этой статье идеи, хотя выраженной плохо, неудовлетворительно.

Эта статья, надо сказать, составляет только часть той статьи, которую предлагала советская делегация. Но вместо того, чтобы принять всю статью, частью которой являются эти несколько строк, большинство комитета избрало другой путь. То, что наиболее важно, то, что наиболее ценно, что представляет собою наиболее существенное в этой статье, большинство комитета отбросило в сторону и оставило только кусочек этого большого и важного параграфа, который звучит совершенно иначе в изложении делегации Советского Союза, чем в проекте комитета, где он превратился в какой-то хвостик большого, но невидимого, отсутствующего в проекте предмета.

Большинство третьего комитета отклонило другую, как я сказал, более существенную часть этого предложения, которая указывала на обязанности государства и общества принять все необходимые меры, в том числе и законодательные, для того, чтобы обеспечить каждому человеку реальную возможность пользования всеми правами, указанными в декларации. Это оказалось отклонённым, это оказалось отброшенным в сторону. Что же осталось? Осталось голое провозглашение, т. е. именно то, что составляет самую слабую сторону этой декларации,—остались тенденция, пожелание, возглас, лозунг, но не статья, та статья, которая могла бы внушить уверенность в том, что действительно будут обеспечены те блага,

которые провозглашаются в этой 23-й статье. Это всё отброшено. Нет в этой статье главного — именно указания на то, что общества и государства обязаны принять меры, в том числе и законодательные, в целях обеспечения возможности свободного развития личности в экономической, социальной и культурной областях. Это всё, я говорю, отброшено. Осталось то, что называется в русских сказках «рожки да ножки».

Советская делегация предлагала принять статью, в которой было бы сказано, что социальное страхование лиц,— речь идёт о социальном обеспечении и социальном страховании,— что социальное страхование лиц, работающих по найму, т. е. рабочих и служащих, должно осуществляться за счёт государства каждой страны. Здесь советская делегация поставила эту проблему на реальную почву, указывая конкретный источник покрытия тех расходов, которые необходимы для того, чтобы трудящийся мог бы пользоваться благами социального страхования, благами социального обеспечения. Она говорит: вот источник — государство; вот источник — предприниматели, которые извлекают из эксплуатации рабочего труда прибыль. За этот счёт необходимо обеспечить трудящегося человека пенсионным и другим обеспечением на случай инвалидности, старости, болезни и т. д.

Кажется, это совершенно естественная и конкретная постановка вопроса. Однако она натолкнулась в этом комитете на жестокое сопротивление большинства, и это большинство отклонило и эту поправку. Между тем, если бы, кроме того текста, который сам по себе не вызывает никаких возражений и который оказался включённым в нынешний проект статьи 23 Декларации прав человека, в проект декларации были бы также включены и указанные выше предложения делегации Советского Союза о действительно реальных, конкретных, практических мерах социального обеспечения, мерах, хотя только морально обязательных, то проект от этого только выиграл бы.

Если бы эти предложения были приняты, тогда статья 23 носила бы конкретный характер, указывая направление, идя по которому можно было бы на деле осуществлять провозглашённые этой декларацией важнейшие права человека.

Вот второй пример того, как большинство третьего комитета изуродовало прекрасную мысль и идею и не справилось со своей задачей. Оно предпочло тому пути, на который советская делегация всё время пыталась толкать работу третьего комитета,— пути конкретного, положительного решения вопроса о тех рекомендациях,— хотя бы чисто морального порядка,— которые нужно дать другим государствам, чтобы они следовали этому пути,— путь абстрактный, усеянный цветами пышной фразеологии, которая была более уместна полтора-два столетия тому назад, которая сейчас уже никого не может прельстить, ибо все эти фразы и формулы эпохи Французской революции, эпохи американской революции и английской революции XVII века сейчас уже поблекли, потому что живая жизнь показала, что за этими звонкими формулами скрывается жестокая действительность, разрушающая фетиши и иллюзии.

2. ПРОТИВ ФАШИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ

Третий пример. В проекте Декларации прав человека третьего комитета в статье 20 говорится: «Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их. Это право включает свободу придерживаться своих убеждений без вмешательства и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ». В таком виде делегация Советского Союза не могла принять данную статью, не могла признать эту статью удовлетворительной, не могла признать её отвечающей тем требованиям, которые должны быть предъявлены при решении вопросов, затронутых в этой статье.

В самом деле, первый недостаток этой статьи заключается в том, что она провозглашает так называемую свободу вообще, свободу распространять «информацию и иные идеи».

Какие идеи можно распространять свободно и беспрепятственно? Большинство комитета на этот вопрос отвечает — всякие идеи. Советская делегация на этот вопрос отвечает: Мы этого признать не можем, ибо «идеи» фашизма, расовой ненависти, ненависти национальной, сеяния вражды между народами, подстрекательства к новой войне, — распространять такие идеи мы считаем невозможным, мы не можем допустить такой «свободы».

Распространять так называемые «идеи» фашизма мы считаем невозможным, потому что знаем на опыте, за который мы заплатили миллионами жизней наших детей, наших братьев, наших отцов, наших сестёр, наших матерей, наших дочерей. Мы знаем это на опыте, который стоил нашему народу потоков крови, которая лилась на нашей земле в годы второй мировой войны.

Мы все знаем очень хорошо, к чему привела эта так называемая свобода распространения фашистских «идей», и мы не хотим и не допустим повторения этого опыта. Мы не позволим извращать идею свободы тем, что будем спокойно созерцать, как снова развернётся фашистская пропаганда, которая уже сейчас подняла голову и будет подымать её выше, когда увидит эту декларацию, где провозглашается право свободного распространения всяких, а значит, и фашистских «идей». Нет. Мы должны задуть в корне эту страшную пропаганду фашизма, которая пыталась утопить в крови миролюбивые, демократические страны. Нас нельзя сбить с нашей позиции демагогическими криками и всхлипываниями о том, что нельзя, мол, ограничивать человеческую свободу, права человека. Нет — можно, если эта свобода используется в ущерб общественному благу, интересам народа.

Нельзя допустить, чтобы свободно бегали по улицам городов люди с горящими факелами, собираясь поджечь наши дома и погубить нас самих. Такой свободы мы не признаём, и мы не можем согласиться с тем, чтобы в нашей декларации от имени Объединённых наций была провозглашена такая свобода распространения идей Гитлера и Геббельса.

Нам говорят: но мы будем бороться против фашистских «идей» своими идеями. Вы это говорили, господа сторонники такой неогра-

нической свободы, и раньше, тогда, когда писался и пропагандировался «Мейн кампф» и тому подобная преступная литература. Вы это тогда уже говорили, и вы боролись, конечно, по-своему. Но к чему ваша борьба привела в конечном итоге? Одержали ли вы в этой борьбе победу? Сумели ли вы этой борьбой предотвратить нашествие гитлеровской чумы? Нет, нет и нет.

Насборот, пока вы, из высоких побуждений невозможности ограничивать чью бы то ни было свободу, даже фашистских убийц и злодеев, оставались спокойными, пребывая в своём философском созерцании, разбойники и убийцы точили ножи, собирали людей в свою шайку, организовывали свои банды, разрабатывали свои планы нападения, выжидая момент, когда удобнее всего можно будет паразитить.

Вы можете бороться идеями и обязаны бороться идеями против того, что противоречит вашим идеям, но есть «идеи», представляющие собой общественную опасность, которые недостойны называться идеями, и средством борьбы против этой опасности является не только человеческое слово, но и закон, неумолимый уголовный закон.

Мы поэтому настаивали на том, чтобы возможность распространения фашистских «теорий» и так называемых «идей» была исключена, чтобы нельзя было допускать использования свободы слова и печати в целях пропаганды вражды между народами, в целях пропаганды фашизма и агрессии.

Но и эти наши требования в комитете остались гласом вопиющего в пустыне. Большинство всё-таки приняло положения, против которых мы должны возражать самым резким образом.

Конечно, вы — большинство на Ассамблее. Но придёт время, и, может быть, большинство увидит, что оно сделало большую ошибку. Но мы, оставшиеся в меньшинстве, не хотим, не можем и не смеем делать таких ошибок. Долг наш перед нашим народом обязывает нас не соглашаться с такой постановкой вопроса, какую мы видим в проекте третьего комитета, ибо в нашем сознании восстанавливаются страшные картины только что минувшей войны, во время которой тысячи и тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч и миллионы наших братьев погибли от руки фашистских палачей, пользовавшихся свободой безгранично и беспрепятственно распространять свои убийственные и злодейские так называемые «идеи» в некоторых странах.

Другим существенным недостатком этой статьи является и то, что она ограничивается простым провозглашением права на свободу и на распространение идей, но умалчивает о том, какими средствами можно распространять благородные идеи, не разбойничьи, не злодейские, не фашистские «идеи», которым теперь открывает эта статья проекта декларации широкий путь, а действительно благородные, возвышенные идеи, те идеи, которые рождаются на мансардах и чердаках, те идеи, которыми осыпали человечество умы лучших людей мира. Можно было бы назвать десятки и сотни таких людей, которые были слишком бедны для того, чтобы свободно распространять свои идеи, не говоря уже о том, что эти идеи нагаливались на сопротивление господствующих классов и общества.

Эта статья проекта умалчивает, стыдливо умалчивает о тех средствах и способах, при помощи которых и можно было бы пользоваться этой свободой, провозглашённой декларацией.

Я хотел бы напомнить, что в историческом выступлении по проекту Конституции Советского Союза в 1936 году И. В. Сталин указывал на то, что когда говорят о свободе слова, собраний и печати, то забывают, что все эти свободы могут превратиться для рабочего класса в пустой звук, если он лишён возможности иметь в своём распоряжении подходящие помещения для собраний, хорошие типографии, достаточное количество печатной бумаги и т. д., т. е. всё то, что он имеет сейчас в нашей великой стране. Вот это умалчивание о тех средствах и способах, при помощи которых только и можно было бы на деле пользоваться этой свободой и иметь возможность практически и реально распространять свои благородные идеи и теории,— это умалчивание и является большим пороком статьи, о которой я сейчас говорю.

Делегация Советского Союза, стремясь устранить этот указанный выше порок из декларации, предлагала в третьем комитете дополнить эту статью — не заменить, а дополнить эту статью словами: «С целью обеспечения права на свободное выражение мнений значительных слоёв населения, а также для их организации, государство оказывает им содействие и помощь материальными средствами (помещением, печатными машинами, бумагой и т. д.), необходимыми для издания демократических органов печати».

Это предложение тоже было отклонено большинством комитета. При этом отклонение советского предложения мотивировалось не более и не менее, как тем, что предоставление широким кругам населения материальных средств для выражения его мнений будет по существу означать... покушение со стороны государства на свободу мысли. А действительный смысл отклонения предложения советской делегации заключается, по нашему мнению,— и это должно быть совершенно понятно,— в том, чтобы лишить широкие народные массы возможности вести свою независимую от газетных капиталистических монополий культурно-просветительную и политическую работу, направленную на защиту интересов широких народных масс. В этом действительный смысл тех возражений, на которые наткнулось в третьем комитете предложение делегации Советского Союза.

Четвёртый пример. В проекте третьего комитета имеется статья 21, пункт 1, в котором говорится: «Каждый человек имеет право на свободу мирных собраний и ассоциаций». Не плохая сама по себе статья. Но она недостаточна. Мы указывали в третьем комитете на неудовлетворительность этой статьи, потому что в этой статье ничего не говорится о свободе, например, уличных шествий и демонстраций. Но мы знаем, что на практике (и не нужно очень далеко уходить, чтобы найти такие факты) эта свобода шествий натывается на очень неприятные препятствия. Поэтому мы говорили, что надо сказать о свободе уличных шествий и демонстраций. Это показалось опасным, и наше предложение было отклонено.

В статье ничего не говорится о недопустимости организации всякого рода обществ и союзов фашистского типа или антидемократического характера, о недопустимости их деятельности в любой форме, которая должна быть запрещена под угрозой наказания. Всё это было отклонено. Все те предложения, которые в этом духе были внесены делегацией СССР, были отклонены.

Делегация СССР внесла предложение — взамен принятого третьим комитетом текста сказать:

«В интересах демократии должны быть гарантированы законом свобода собраний и митингов, уличных шествий, демонстраций, организации добровольных обществ и союзов. Всякие общества и союзы и иные организации фашистского и антидемократического характера, как и их деятельность в любой форме, запрещаются законом под угрозой наказания».

Такова эта реальная, практическая, с глубоким политическим содержанием статья, которая действительно способна содействовать тому, чтобы основные свободы и права человека не оставались на бумаге и не третиrowались бы на деле, а чтобы они действовали, чтобы они были действительным средством политического воспитания и защиты гражданских прав и интересов широких народных масс.

Нельзя не отметить, что когда отклонялось это предложение делегации СССР, то выдвигались такие, например, странные возражения, что понятие «фашизм» или понятие «организация фашистского типа» недостаточно ясно. Ведь некоторые чудаки даже позволяли себе задавать вопрос: что же такое в самом деле фашизм? Что же это такое — организация фашистского типа?

Нужно ли разблачивать ещё раз всю несостоятельность и фальшь подобного рода мотивировок, направленных, в сущности говоря, к тому, чтобы сорвать законные требования, отвечающие в полной мере интересам демократии и мира и безопасности народов, требования принять реальные и эффективные меры против возрождения и тем более против развития фашистских и антидемократических обществ, союзов и организаций? Нужно ли вновь и вновь разблачивать скрывающиеся за такого рода оговорками попытки оказать содействие возрождению фашизма и развитию его деятельности в ущерб интересам демократии и прогресса?

Борьба с фашизмом в течение всех лет, предшествовавших войне, навязанной гитлеровцами демократическим странам и миролюбивым народам, борьба с фашизмом во время второй мировой войны оставила достаточно глубокие рубцы на теле народов демократических стран, чтобы можно было с такой беззастенчивостью приводить столь явно искусственные и фальшивые ссылки на то, что понятие «фашизм» является якобы «неясным и неопределённым».

Позвольте привести ещё пятый пример. В проекте Декларации прав человека, представленном третьим комитетом, в пункте 1 статьи 28 говорится о «праве каждого человека свободно участвовать в культурной жизни общества, наслаждаться искусством, участвовать в научном прогрессе и пользоваться его благами...» и т. д. и т. д. Сколько звонких, прекраснотушных фраз. Но в этой статье нет самого существенного — нет ничего, что определяло бы

главное направление научной работы, указывало бы её главную цель и главные задачи.

Делегация Советского Союза предлагала дополнить эту статью параграфом, в котором говорится, что развитие науки должно служить интересам прогресса и демократии, должно служить делу мира и сотрудничества между народами.

Делегация СССР предлагала добавить несколько слов, которые нужны, чтобы дать направление развитию науки, чтобы показать, что наука должна содействовать именно тому, что здесь сказано, т. е. интересам демократии, интересам мира, сотрудничеству между народами, а не другим противоположным целям, когда науку сажают на золотую цепь зависимости от милитаристических учреждений, когда её заставляют думать и делать, работать и следовать не тому, что нужно для мира, а тому, что нужно для войны, что, конечно, противоречит задачам служения прогрессу и интересам демократии.

Но такая формула — служение интересам прогресса и демократии — оказалась для большинства третьего комитета неприемлемой, и она была отклонена. Но почему, какие были для отклонения основания? Мы предлагали сказать, что наука должна служить делу мира. Разве вся наша организация не призвана служить делу мира? Мы предлагали сказать, что наука должна служить интересам международного сотрудничества. Но разве вся организация Объединённых наций не поставлена на службу этой великой задаче?

Так почему же нельзя сказать в Декларации прав человека, которую намереваются издать от имени организации Объединённых наций, что наука должна преследовать вот эти задачи?

Почему это предложение было отвергнуто? Почему оно было отклонено? Почему с упорством невежд какие-то силы, организовавшиеся в среде третьего комитета, ополчились против призыва к науке служить делу прогресса человечества и делу международного сотрудничества? Почему? Таким людям мы отвечаем: ваша позиция не соответствует целям, задачам и принципам организации Объединённых наций, которая должна стоять на основе прогресса, демократии, мира и сотрудничества между народами.

Поэтому мы не можем согласиться с этой статьёй, как она дана большинством комитета, этой урезанной, этой ослабленной, этой изуродованной статьёй. Надо её поправить, надо её усилить, надо придать ей тот благородный лик, с которым наука всегда будет великим делом и великой общественной службой передовому человечеству.

Между тем это предложение советской делегации было отклонено, вероятно, по той простой причине, что это — советское предложение. Многие наши предложения не встречают поддержки большинства Ассамблеи и её комитетов не потому, что они сами по себе неподходящи, а потому, что они идут из наших рядов, но от этого проигрывает прежде всего сама организация Объединённых наций.

Шестой пример. В проекте Декларации прав человека, представленном третьим комитетом, ни звука не говорится о праве каждого человека, независимо от того, принадлежит ли он к расовому, на-

циональному и религиозному большинству или меньшинству населения, на свою национальную культуру; на обучение в школах на родном языке; на пользование этим языком в печати, на собраниях, в судах, на государственной службе, в общественных местах. В этой связи нельзя не напомнить, что в первоначальном Женевском проекте Декларации прав человека была соответствующая статья, хотя и далеко не достаточная, не отражавшая всего громадного значения этого вопроса. В Женевском проекте указывалось на то, что государства, среди населения которых имеются этнические, языковые или религиозные группы, имеют право содержать свои школы и культурные и религиозные учреждения, а также пользоваться своим собственным языком в печати, в письмах, в устной речи, на открытых собраниях, в судах и в других присутственных местах.

Вот даже такая, в высшей степени робкая статья, какая была в этом Женевском проекте, эта попытка, такая слабая, ответить на вопрос, связанный с принципом национальной политики, затрагивающей миллионы и миллионы людей, была отвергнута сначала в комиссии по правам человека, которая занималась разработкой этого проекта, а затем и третьим комитетом нашей сессии Генеральной ассамблеи. Больше того, третий комитет, признавая на словах значение этого вопроса, в своей резолюции о судьбе меньшинств — смотрите приложение «С» в документе A/777 — постановил не вводить в настоящую декларацию положения о национальных меньшинствах.

Таким образом, Декларация прав человека вообще осталась без статьи, которая бы отвечала этим в высокой степени важным, принципиально важным требованиям, отражающим стремление удовлетворить насущнейшие нужды миллионных масс, принадлежащих к так называемым национальным меньшинствам.

Это является одним из коренных недостатков проекта декларации. Это означает отказ от последовательного проведения принципа равноправия всех граждан, независимо от расы, национальности, пола, сословия, религии и языка. Хотя в статье 2 и содержится общее упоминание о том, что каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными декларацией, без какого бы то ни было расового, национального, религиозного и тому подобного различия, тем не менее это не получило сколько-нибудь достаточного отражения в конкретных частях этой декларации.

К этому следовало бы добавить также и такой существенный недостаток проекта, как игнорирование суверенных прав и интересов государства, что нашло своё отражение в статьях 14 и 20 рассматриваемого проекта, представленного третьим комитетом. Об этом я хотел бы более подробно сказать позже.

Вот далеко не полный перечень тех предложений делегации Советского Союза, которые были направлены на улучшение проекта декларации, чтобы изъять, ослабить её недостатки и исключить из этого проекта указанные недостатки и чтобы включить в проект мероприятия, которые были бы способны облегчить проведение в жизнь основных демократических прав человека.

Отклонение указанных выше поправок сыграло наиболее отрицательную роль в отношении качества представленного третьим комитетом проекта декларации. Принятие лишь некоторых менее важных предложений, внесённых делегацией Советского Союза, частично улучшающих проект этой декларации, в силу этого не в состоянии было устранить неудовлетворительный характер проекта декларации в целом, о чём советская делегация и сделала соответствующее заявление в третьем комитете при подведении итогов его работы.

Все эти недостатки не позволяют нам признать проект декларации, представленный третьим комитетом, отвечающим требованиям, предъявляемым к такому документу, призванному сыграть свою роль в достижении целей и задач, стоящих перед организацией Объединённых наций. При таком состоянии этого документа было бы ошибкой, было бы проявлением излишней поспешности принимать этот проект декларации на данной сессии без внесения в него серьёзных изменений в целях улучшения ряда статей этого проекта.

Чтобы добиться такого улучшения в представленном проекте декларации, необходимо время. Все те усилия, которые затрачены до сих пор и в комиссии по правам человека, и в третьем комитете, и в редакционном комитете — поскольку там можно было добиваться всякого рода улучшения дела по существу, — не дали пока результатов. Надо и дальше работать над устранением из этого проекта декларации имеющихся в нём серьёзных недостатков. Надо бороться за то, чтобы добиться такого улучшения в проекте декларации, которое сделало бы эту декларацию достойной тех её целей, которые ставит перед собой организация Объединённых наций. Это серьёзная и большая задача.

То, что проделано, проделано не напрасно. Но то, что сделано, совершенно недостаточно. В проекте имеются такие зияющие провалы, такие важные недостатки, что принимать проект Декларации прав человека в его настоящем виде на этой сессии было бы серьёзной ошибкой.

Вот почему делегация Советского Союза предлагает на этой сессии Декларации прав человека не принимать, и принятие Декларации прав человека со всеми приложениями к ней, которые также имеют серьёзное принципиальное значение, отложить до четвёртой очередной сессии Генеральной ассамблеи. Оставшееся до 4-й сессии Ассамблеи время нужно будет использовать, чтобы проект Декларации прав человека улучшить и сделать декларацией, достойной её высокого назначения. Те ошибки, те недостатки, те провалы, которые имеются сейчас в проекте декларации, представленном третьим комитетом, исключают сейчас всякую возможность рекомендовать Генеральной ассамблее принятие этого проекта на этой сессии.

С этой целью советская делегация внесла и будет поддерживать своё предложение отложить принятие Декларации прав человека на 4-ю сессию Генеральной ассамблеи.

РЕЧЬ А. Я. ВЫШИНСКОГО НА ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕЕ ООН

(10 декабря)

1. ПОПЫТКИ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ПРОЕКТ ДЕКЛАРАЦИИ В ПОХОДЕ ПРОТИВ СУВЕРЕНИТЕТА

Делегация Советского Союза уже дала вчера — и другие делегации, поддерживающие позицию делегации СССР, сделали то же самое — оценку представленного третьим комитетом на рассмотрение Генеральной ассамблеи проекта Декларации прав человека.

Ссылаясь на конкретные статьи проектов декларации, мы указали на ряд примеров, которые дают нам основание сделать вывод, что этот проект декларации неудовлетворителен. Несмотря на то, что, как я вчера говорил, в нём есть некоторые элементы положительного характера и известные достоинства, не к лицу Генеральной ассамблее выпускать такого рода документ от имени организации Объединённых наций именно ввиду того значения, которое должна иметь Декларация прав человека.

Мы говорили о том, что в ряде статей этого проекта совершенно игнорируются суверенные права демократических государств, не говоря уже о том, что в проекте имеются положения, которые находятся в противоречии с принципами, провозглашёнными уставом организации Объединённых наций, о невмешательстве во внутренние дела государств.

Мы указывали на то обстоятельство, что делегация СССР приложила в процессе работы немало усилий к тому, чтобы устранить из Декларации прав человека эти указанные выше недостатки. Но это нам не удалось сделать, и это является одним из главных мотивов, почему мы не можем присоединиться к такой декларации.

В представленном Ассамблее проекте декларации бросается в глаза и такой серьёзный недостаток, как отсутствие каких-либо указаний на связь прав человека с проблемой государственного суверенитета. Это объясняется в значительной степени тем, что вновь оживила «теория» отрицания государственного суверенитета.

В настоящее время получила некоторое хождение — правда, достаточно отчётливо уже проявившаяся в прошлом году в среде определённой группы членов организации Объединённых наций — совершенно неправильная и фальшивая «теория» о том, что принцип государственного суверенитета представляет собой реакционную и якобы уже устаревшую идею и что будто бы отказ от этого принципа государственного суверенитета и является одним из необходимых условий международного сотрудничества.

Проект Декларации прав человека как будто бы идёт навстречу этим действительно реакционным взглядам и теориям, направленным против государственного суверенитета и находящимся, таким образом, в полном противоречии с принципами организации Объединённых

ных наций. Проект декларации в этом отношении представляет собой новый этап в походе против государственного суверенитета.

Иногда слышатся возражения такого рода, что вопросы государства не должны затрагиваться Декларацией прав человека постому, что эта декларация посвящена правам человека. Но с такого рода позицией нельзя согласиться уже по одному тому, что права человека немыслимы вне государства. Самое понятие права есть понятие государственное. Больше того, права человека немыслимы без того, чтобы они не пользовались защитой и охраной со стороны государства. В противном случае права человека превращаются в пустую абстракцию, в ничего не значащую иллюзию, которые, как известно, легко создаются, но также легко и исчезают.

С возражениями против включения в Декларацию прав человека вопросов, относящихся к государству, определяющих его роль в деле защиты прав человека, выступил здесь ряд ораторов, и между ними — член французской делегации проф. Кассен, кажется вице-председатель международного союза юристов-демократов. Его выступление нельзя оставить незамеченным. Проф. Кассен нападал здесь на абсолютный, как он выразился, суверенитет. Он говорил здесь о том, что абсолютный суверенитет провозглашал и Гитлер. Он процитировал замечание Гитлера о том, что всякий, мол, сам хозяин в своём доме: «Вас не касается то, что я делаю со своими соотечественниками».

«Таким образом,— говорил г-н Кассен,— великое преступление осталось безнаказанным; преступление против прав немецкого человека стало преступлением против прав человека в других странах».

Но это представление о причинах развязки второй мировой войны — о чём можно было судить по этому замечанию г-на Кассена — противоречит фактам и поэтому является совершенно неправильным. Причины второй мировой войны идут не от нарушения прав немецкого человека, а совсем по другой линии. Причины лежат в политике тогдашних руководителей Европы, а именно Франции во главе с Даладье, Англии во главе с Чемберленом, которых поддерживали в этой политике Соединённые Штаты Америки. Сущность и всё направление этой внешней политики заключались в том, чтобы поддержать и всячески ускорить восстановление военной мощи гитлеровской Германии и чтобы направить подготавливавшуюся Гитлером агрессию на Восток.

Дело не в нарушении прав немецкого человека, а дело в нарушении прав народов. Это мюнхенское соглашение открыло путь мировой войне, и тогдашние французское и английское правительства, при поддержке тогдашнего правительства Соединённых Штатов Америки, сделали всё для того, чтобы, отводя угрозу гитлеровской агрессии, открыть ворота немецкой агрессии на Восток, в направлении Советского Союза. Вот каковы действительные причины возникновения и развязывания второй мировой войны.

Г-н Кассен забыл, вероятно, обо всём этом или он просто плохо разбирается в уроках истории. Он говорил здесь о суверенитете в том же духе, в котором в прошлом году говорил г-н Спаак. Следует признать, что вопрос о суверенитете действительно является

в высокой степени важным вопросом. Целый ряд учёных-международников, например Прадье-Фодере, в своём «Курсе международного права» определяет «право государства самому и для себя осуществлять развитие для достижения своих собственных целей без всякого внешнего вмешательства, право проявлять и осуществлять свою волю, действуя в области своей юрисдикции без каких-либо препятствий со стороны внешней силы, возможность самому поддерживать свои права, соблюдать обязанности, которые являются необходимой и важнейшей основой для каждого свободного общества, действующего в своей области действительно самостоятельно. не служа никогда в качестве орудия для другого государства». Это — правильное определение сущности и значения государственного суверенитета — осуществлять свою волю и никогда не служить орудием политики или воли какого-либо другого государства. Вот суверенное государство.

Прадье-Фодере более близок к истине, чем г-н Кассен, который вчера с такой юношеской резвостью атаковал принцип государственного суверенитета. Но то же самое, что у Прадье-Фодере, можно прочесть и у других видных представителей международного права.

Но есть и другие авторы, которые занимают действительно реакционную позицию, всячески опорочивая государственный суверенитет, как якобы «реакционную идею», которую нужно-де сдать в архив истории.

Нам говорили вчера здесь по поводу государственного суверенитета в духе действительно реакционном, в духе реакционных идей таких учёных, как, например, Ссейль, Морелли и др., нападающих на суверенитет. Пропаганда против государственного суверенитета, прикрываемая тем, что имеется в виду абсолютный суверенитет, а не суверенитет вообще, это не что иное, как идеологическая подготовка к окончательной политической капитуляции своей страны перед более могущественной державой, перед её экономической мощью.

Нужно предостеречь против такой обработки общественного мнения, направленной на то, чтобы сломить волю к сопротивлению планам мирового господства, угрожающим экономической и политической самостоятельности других государств, тем более слабых государств.

Мы против такой пропаганды, роющей яму независимости государств и благополучию народов. Мы отвергаем «теорию» отрицания государственного суверенитета, которую так ярко здесь выразил проф. Кассен, вдохновлённый, повидимому, Иденом, заявившим 22 ноября 1945 года в палате общин, что в связи с изобретением атомной бомбы он не видит другого способа оградить мир от неё, кроме как отказаться от «нынешнего представления о суверенитете». Или, может быть, проф. Кассен был вдохновлён Бевином, который подкрепил в своё время Идена, заявив, что на смену суверенитету отдельных государств придёт «суверенитет всего человечества в целом».

Это, повторяю, означает капитуляцию перед более сильным государством, стремлению которого к мировому господству всё ещё мешает государственный суверенитет, являющийся орудием защиты

более слабых стран против алчности более сильных государств, государственный суверенитет которых, хотя и подрубленный в корне такими мероприятиями, как «план Маршалла», как создание западноевропейского политического блока и т. д., всё же ещё сохраняет свою силу и своё значение. Вот к чему ведёт линия, которую вчера здесь пробовал защищать проф. Кассен и другие противники суверенитета.

2. КАКОЙ ДОЛЖНА БЫТЬ ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА?

Делегация СССР в процессе всей работы по подготовке Декларации прав человека прилагала все усилия к тому, чтобы Декларация прав человека отвечала, по крайней мере, следующим двум основным требованиям:

1) Декларация прав человека должна обеспечить уважение к правам человека и к основным свободам для всех, без различия расы, национальности, сословия, религии, языка, пола в соответствии с принципами демократии, государственного суверенитета и политической независимости государства.

2) Декларация прав человека должна не только провозглашать права, но и обеспечивать их осуществление с учётом, разумеется, экономических, социальных и национальных особенностей каждой страны.

Нельзя ограничиваться фиксированием только формальных прав граждан. Необходимо не просто провозглашать равенство прав граждан, но необходимо и обеспечить осуществление этого права известными материальными средствами, а также законодательными мерами. Нельзя, разумеется, ставить перед таким документом, как Декларация прав человека, издаваемым организацией Объединённых наций, такие же задачи, какие ставятся перед конституциями государств. Но Декларация прав человека, тем не менее, должна быть построена таким образом, чтобы преодолеть этот узко формальный горизонт, этот абстрактный характер тех принципиальных положений, которые включаются в Декларацию прав человека. При этом необходимо, разумеется, учитывать экономические, социальные и национальные особенности каждой страны, без учёта которых невозможно было бы решить настоящую задачу и невозможно было бы найти практические пути для осуществления провозглашённой декларации.

Надо признать, что представленный проект Декларации прав человека не удовлетворяет указанным требованиям. Я уже об этом говорил и поэтому критической стороны не буду касаться. Я должен, однако, напомнить, что именно исходя из этой критики делегация СССР предлагает отложить на следующую сессию принятия Декларации прав человека со всеми теми приложениями, которые к ней подготовлены. На случай, если это наше предложение не будет принято, мы представили ряд предложений, которые могли бы в значительной степени, как мы в этом убеждены, исправить и улучшить эту декларацию.

3. ПРОЕКТ ДЕКЛАРАЦИИ ИГНОРИРУЕТ ВАЖНЕЙШИЙ ПРИНЦИП ДЕКЛАРАЦИИ ПРАВ — ПРАВО НАЦИЙ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

Важнейшей нашей поправкой к проекту декларации является предложение дать новую статью, посвящённую вопросу о праве каждого народа и каждой нации на национальное самоопределение, о равенстве прав каждого народа и каждой национальности в пределах государства.

В своём историческом докладе о проекте Конституции Советского Союза в 1936 году Генералиссимус И. В. Сталин указывал, что Конституция СССР исходит из того, что все нации и расы равноправны, что разница в цвете кожи или в языке, в культурном уровне или в уровне государственного развития, равно как и другая какая-либо разница между нациями и расами,— не может служить основанием для того, чтобы оправдать национальное неравноправие; что все нации равны, независимо от их прошлого и настоящего положения, независимо от их силы или слабости; что они все должны пользоваться одинаковыми правами во всех сферах хозяйственной, общественной, государственной и культурной жизни общества.

Известно, что конституции капиталистических стран исходят из предположения о том, что расы и нации не могут быть равноправными, что есть нации полноправные и есть нации неполноправные и что, кроме того, существует ещё третья категория наций и рас, в колониях например, у которых имеется ещё меньше прав, чем у неполноправных наций.

Эту замечательную по своей силе характеристику особенностей конституций буржуазных стран, сделанную Генералиссимусом И. В. Сталиным в 1936 году, очень важно напомнить сейчас в связи с рассматриваемым нами проектом Декларации прав человека, ибо этот проект носит на себе печать этих же самых особенностей. Это, в частности, выражено в статье 2, которая хотя и провозглашает равноправие без различия расы, национальности, языка и т. д., но ограничивается общей фразой о том, что человек должен обладать всеми правами. Этого, конечно, совершенно недостаточно. Ещё более недостаточна статья 3 проекта, которая ограничивается общими формулами относительно распространения прав, провозглашаемых декларацией, на жителей подопечных и несамоуправляющихся территорий.

Делегация СССР не может не обратить внимание на то, что проект третьего комитета совершенно обходит такой исключительной важности вопрос, как право каждого народа и каждой нации на национальное самоопределение. «Право на самоопределение, т. е.: только сама нация имеет право определить свою судьбу, никто не имеет права *насилъственно* вмешиваться в жизнь нации, *разрушать* ее школы и прочие учреждения, *ломать* ее нравы и обычаи, *стеснять* ее язык, *урезывать* права» (Сталин),— является громадным достижением национальной политики Советского Союза. И именно это и вдохновляет нас на необходимость — мы далеки, разумеется, от того,

чтобы рекомендовать провести это в Декларацию прав человека организации Объединённых наций в полном объёме, — рекомендовать учесть опыт решения национального вопроса в Советском Союзе, в нашей стране.

Делегация СССР считает поэтому статью 3 проекта декларации неудовлетворительной, не отвечающей на главное существо вопроса, искусственно ограничивающей свою задачу вопросом лишь о правах жителей подопечных и несамоуправляющихся территорий. Поэтому делегация СССР считает необходимым статью 3 заменить новым текстом, который имеется в документе А/784, находящемся в вашем распоряжении. Я, за недостатком времени, воспроизводить этого текста не буду. Я напомним только слова министра иностранных дел Советского Союза В. М. Молотова о том, что разрешение национального вопроса в Советском Союзе является одним из самых поучительных фактов современности, что мы нашли правильное разрешение национального вопроса на основе укрепления дружбы народов с полным развитием их экономического уклада, быта и национальной культуры.

Повторяю, мы не можем, разумеется, претендовать на то, чтобы в Декларацию прав человека, которую готовится принять организация Объединённых наций, были введены статьи и положения, отвечающие в полной мере требованиям и принципам, осуществлённым в великой Сталинской Конституции Советского Союза. Для ряда государств это задача, решение которой ещё потребует больших и серьёзных усилий и соответствующих экономических, социальных и политических предпосылок. Известно ведь, что имеется значительное число стран, где национальный вопрос представляет собой ещё далеко не решённую задачу.

Этого, разумеется, нельзя не учитывать при составлении проекта Декларации прав человека, который будет исходить от организации Объединённых наций, но, с другой стороны, нельзя не учитывать и накопленный уже в передовых странах исторический опыт в борьбе за права человека и те успехи, которые уже достигнуты этими странами в результате этой борьбы.

Без включения в Декларацию прав человека положения о праве каждой нации, каждого народа на национальное самоопределение декларация не может отвечать своему назначению. Без указания на то, что «государства, — как говорится в предложении делегации СССР, — несущие ответственность за управление несамоуправляющимися территориями, в том числе колониями, должны способствовать осуществлению этого права, руководствуясь принципами и целями Объединённых наций в отношении народов этих территорий», — декларация была бы далеко не полной и далеко не удовлетворительной. Без принятия такого предложения не может иметь достаточного значения статья 3 проекта, которую мы предлагаем включить в проект декларации в новой нашей редакции в качестве третьего пункта этой статьи, но в исправленном виде.

4. ПРОЕКТ ДЕКЛАРАЦИИ ОБЛЕГЧАЕТ ВОЗРОЖДЕНИЕ ФАШИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ

Статья 20 проекта декларации также неудовлетворительна. Я говорил уже об этом, указывая на дефекты этой статьи. Главный дефект — это то, что под флагом неограниченной свободы слова и печати, свободы без всяких ограничений, протаскивается возможность пропаганды фашистских «идей». Эта тенденция и, вместе с тем, серьёзнейшая опасность, связанная с пропагандой человеко-ненавистнических взглядов и «теорий» фашизма, была вчера здесь продемонстрирована английским делегатом Дэвисом. В своём выступлении английский делегат допустил грубые клеветнические выпады против СССР. Это была смесь клеветы и глупых вымыслов. Он следовал известному незуитскому методу: «Клевещите, клеветите, может быть, что-нибудь останется». Мы уверены, что от такой клеветы, в которой изоцрпался здесь представитель английской делегации, ничего не может остаться, кроме смрада. Ниже нашего достоинства было бы отвечать или вступать в споры с клеветниками. Дело к тому же не в них.

Английская делегация исходит в критике наших предложений из того, что советские поправки были отклонены потому, что они ограничивают свободу. Но мы говорили отчётливо и ясно, что мы требуем только ограничения свободы фашистской пропаганды и фашистской деятельности, и поэтому никак не подменяем одно наше утверждение другим. Мы не требуем ограничения пропаганды и деятельности разных общественных организаций для кого бы то ни было, кроме фашистских организаций. Пропаганда фашизма — это преступление. Но если говорить, что ограничение фашистской пропаганды недопустимо с точки зрения принципов свободы, то в таком случае можно было бы то же самое сказать относительно законов, ограничивающих деятельность любых преступников — убийц, грабителей, воров, насильников, мошенников и т. п. В таком случае надо было бы провозгласить неприкосновенность убийц, грабителей и других уголовных преступников, признав неограниченную свободу их деятельности и полную их безнаказанность. Но если так уж начать рассуждать, то, мне кажется, законно должен возникнуть вопрос, не таково ли состояние оратора, который заводит такие разговоры, что необходимо, пожалуй, обратиться скорее всего к содействию психиатра...

Делегация СССР предлагает статью 20 проекта заменить текстом в следующей редакции:

«Неотъемлемым правом каждого человека является свободное выражение и распространение демократических взглядов и идей, защита демократических порядков и демократических государственных и общественных институтов, борьба против фашизма в области идеологии, политики, государственной и общественной жизни».

Такая статья вполне соответствовала бы задаче создать Декларацию прав человека, отвечающую требованиям борьбы за принципы демократии и прогресса, против фашизма и мракобесия, против реакции и агрессии, злоупотребления правом и свободой для разжи-

гания человеконенавистничества, для подстрекательства к новым войнам. Такая статья морально укрепит передовые силы всюду, где ведётся борьба за принципы демократии, мира, прогресса и международного сотрудничества.

Советская делегация также предлагает статью 22 проекта заменить текстом такого содержания, который говорил бы о том, что «каждый гражданин любого государства, независимо от расы и цвета кожи, национальности, сословия, имущественного положения, социального происхождения, языка, религии или пола, должен иметь право на участие в управлении государством».

Мы предлагаем сказать в статье 22 о том, что каждый человек имеет право избирать и быть избранным во все органы власти на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права с тайной подачей голосов, а также иметь равную с другими гражданами возможность занятия любой государственной и общественной должности в своей стране. В нынешней статье 22 проекта эти вопросы не нашли должного отражения. Недостаточно сказать о праве каждого человека принимать участие в управлении своей страной или государством. Надо сказать, что каждый гражданин любого государства имеет право на участие в управлении государством; надо сказать, что он имеет право избирать и быть избранным во все органы власти и не только на основе всеобщего, равного и тайного избирательного права, но и на основе прямого избирательного права.

Надо сказать, что каждый гражданин любого государства должен иметь равную с другими гражданами возможность на занятие любой государственной и общественной должности в своей стране. Ничего этого нет в статье 22 проекта. Предложение делегации СССР говорит также о несовместимости с указанным выше принципом установления имущественного, образовательного или иных цензов, которые ограничивают участие граждан любого государства при выборах в представительные органы. В статье 22 проекта Декларации прав человека третьего комитета отсутствует указание на эти важные гарантии демократического избирательного права. При наличии указанных выше недостатков делегация СССР не может присоединиться к проекту декларации.

Делегация СССР предлагает, кроме того, после статьи 30 проекта Декларации прав человека включить новую статью следующего содержания:

«Перечисленные в настоящей декларации права и основные свободы человека и гражданина обеспечиваются законами государства. Всякие нарушения и ограничения этих прав, прямые или косвенные, являются нарушением настоящей декларации и несовместимы с высокими принципами, провозглашёнными в уставе организации Объединённых наций».

Почему нельзя принять этой статьи? Почему возникают препятствия тогда, когда мы ставим вопрос о том, чтобы записать в Декларацию прав такую статью? Эта статья говорит сама за себя, она призывает обеспечить законами государства права и основные свободы человека и гражданина; она провозглашает нарушением настоящей декларации всякие нарушения и ограничения прав, прямые

или косвенные; она признаёт такие нарушения несовместимыми с высокими принципами, провозглашёнными в уставе организации Объединённых наций. Почему это нельзя сказать? Почему нельзя принять такую статью, которая совершенно соответствует духу и принципам, выраженным в уставе организации Объединённых наций?

Таковы постановления важнейшего принципиального значения, которые должны быть включены в Декларацию прав человека, чтобы она могла удовлетворять стремлениям миллионов и миллионов простых людей, стремлениям всех миролюбивых народов в установлении и в укреплении основных свобод и прав человека, демократии и прогресса, мира и безопасности народов.

Без поправок делегации СССР, которые были мною оглашены, проект Декларации прав человека, по нашему глубокому убеждению, останется недоработанным, неудовлетворительным. При таких двух недостатках Декларация прав не достигнет, не может, не в состоянии достигнуть той цели, которой призван служить этот документ в соответствии с теми правильно понятыми требованиями, которые должны предъявляться к подобному документу, исходящему от организации Объединённых наций.

Позвольте мне пять остающихся минут употребить на один вопрос, который возник в процессе прений, который, как мне кажется, имеет далеко не теоретический характер, хотя он подавался в теоретическом плане. Это вопрос о той тенденции, к которой стремится якобы советская делегация, внося свои предложения.

Об этом говорили в таком смысле, что Советский Союз стремится к подчинению человеческой личности государству, к тому, чтобы государство довело над личностью человека и чтобы человек был превращён в простой винтик всемогущего государства, пожалуй, чего-то вроде «Левиафана» Гоббса.

Но это, конечно, пустые разговоры, свидетельствующие о том, что авторы этих рассуждений не отдали себе достаточно ясного отчёта в том, что они излагают, и не проконтролировали в достаточной мере смысл того, что они позволяли себе говорить в отношении Советского Союза.

Они забывают, очевидно, что противоречия между государством и личностью — это факт, который существует в истории со времени, когда появились в обществе антагонистические классы. Где общество разделено на классы, там господствующие классы держат в своих руках аппарат господства, орудие власти, которым и является государство. В таких обществах государство, являющееся орудием господства классов, противоположно по своим целям и защищаемым им интересам остальным классам, составляющим основную массу населения. Здесь государство стремится к господству над личностью, над человеком, интересы которого сталкиваются с интересами государства.

Иное дело в обществе, где нет антагонистических классов. Там, естественно, нет и не может быть противоречия между государством и человеком, ибо государство в таком обществе это есть коллективный человек. Историческое противоречие в таком обществе исчезает, его просто нет, оно уничтожено развитием общества, которое при-

шло уже к тому, что нет деления этого общества на противоположные классы, на класс эксплуататоров и класс эксплуатируемых. Здесь поэтому нет проблемы взаимоотношений между государством и личностью в её историческом смысле. Эта проблема снята историей, в частности, в нашем отечестве.

Над этим следовало бы задуматься некоторым ораторам, которые выдумывают, что в СССР хотят якобы подчинить личность государству. В СССР отношения между государством и личностью находятся в состоянии гармонии. Их интересы совпадают.

Это нашло своё выражение в формуле, которой гордятся все передовые люди, всё передовое человечество: «Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое государство рабочих и крестьян».

Этим уже сказано, что в СССР, на одной шестой части земного шара, уже осуществлено то, о чём в проекте декларации говорится, как о высоком идеале.

Вот почему совершенно нелепыми и свидетельствующими, может быть, о неспособности понять то, что действительно происходит вокруг, являются заявления о том, что Советский Союз якобы стремится обезличить личность человека и подчинить её государству.

Г-н представитель Канады здесь говорил о том, что идёт борьба двух линий — линии уважения прав человека и линии утверждения превосходства государства над человеком. Это же говорил здесь, отчасти, представитель Уругвая. Что идёт борьба двух линий — это верно, господа, но не тех линий, не та борьба, о которой говорили эти представители.

Две линии борьбы, конечно, отразились и в вопросе о подготовке проекта Декларации прав.

Одна линия — это линия защиты принципа демократии и прогресса, мира и безопасности народов. Эта линия требует обуздать фашизм и фашистско-нацистскую деятельность.

Другая линия — это линия реакции и агрессии.

Одна линия — против всех и всяких антидемократических и фашистских поползновений так называемых «теорий» и т. п., посягающих на самые священные блага человечества.

Другая линия — это линия поддержки и использования реакционных сил, вплоть до фашизма-нацизма, пытающегося поднять свою голову для борьбы против передовых идей современности, за узко корыстные интересы новоявленных претендентов на мировое господство.

Столкновение и борьба этих линий нашли своё отражение и в работе третьего комитета и в том сопротивлении, которое встретили в этом комитете предложения делегации Советского Союза и ряда других делегаций, борющихся за демократию и прогресс, за мир и международное сотрудничество, против реакции и агрессии.

РЕЧЬ А. Я. ВЫШИНСКОГО
НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ
ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ООН
ПО ПАЛЕСТИНСКОМУ ВОПРОСУ

(11 декабря)

1. ПОПЫТКИ США И АНГЛИИ СОРВАТЬ ВЫПОЛНЕНИЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ
АССАМБЛЕИ ОТ 29 НОЯБРЯ 1947 ГОДА

В четвёртый раз Генеральная ассамблея занимается рассмотрением палестинского вопроса. Перед каждым из нас, естественно и законно, встаёт вопрос: что же заставляет Генеральную ассамблею вновь и вновь возвращаться к этому вопросу? Ответ на это мы можем найти, если проследим шаг за шагом за ходом событий в Палестине за истекшее время. Эти события подтверждают, что Великобритания и Соединённые Штаты Америки, которым принадлежит такая важная роль в развитии палестинских событий, используют своё влияние — политическое, экономическое и военное — для того, чтобы добиться нужного им решения палестинской проблемы.

Тот факт, что Генеральная ассамблея в четвёртый раз занимается палестинским вопросом, свидетельствует лишь о том, что этим державам, которые на предыдущих сессиях Генеральной ассамблеи занимались этим вопросом, не удалось добиться осуществления своих планов в отношении Палестины.

Преследуя в Палестине, как я сказал, свои планы и цели, британское правительство на первой стадии обсуждения палестинского вопроса заняло позицию, которую нельзя назвать иначе, как позицией сопротивления решению Генеральной ассамблеи от 29 ноября 1947 года. Оно заняло такую позицию под тем предлогом, что с этим решением не согласна одна часть Генеральной ассамблеи и что, таким образом, невозможно будет это решение провести в жизнь в силу сопротивления со стороны этой части.

Такой позиции британское правительство придерживалось вплоть до того момента, пока специальная сессия Генеральной ассамблеи, имевшая место, как все помнят, в апреле и мае этого года, не приняла под сильным нажимом со стороны представителей Великобритании и Соединённых Штатов Америки 14 мая резолюцию о назначении в Палестине посредника организации Объединённых наций.

Советская делегация имела случай отмечать зигзаги в политике Великобритании и Соединённых Штатов Америки и двойную игру этих держав в палестинском вопросе. Все эти зигзаги, конечно, не были случайны. Они были обусловлены направлением политики этих государств в палестинском вопросе. Они были поэтому с точки зрения узко корыстных целей, которые преследовали в Палестине эти державы, вполне понятны.

Британское правительство на первой стадии рассмотрения палестинского вопроса сформулировало свою позицию в том смысле, что оно не поддержит никакого решения палестинской проблемы, если только с этим решением не будут согласны обе стороны, оба народа, населяющие Палестину, — евреи и арабы. Эта формула служила британскому правительству, однако, прикрытием его действительных намерений в отношении Палестины. Дело шло, как это было совершенно очевидно, к обострению положения в стране, вызвавшего междоусобицу. Дело шло об усложнении этого положения в расчёте на то, что можно будет вернуться к прежнему состоянию вещей в Палестине под предлогом наведения в стране порядка. Но, как известно, этого не случилось. Тогда возникла новая идея: создать институт посредника организации Объединённых наций, и такой институт был создан. Назначение посредника организации Объединённых наций в Палестину преследовало цель создать для Соединённых Штатов Америки и Великобритании возможность воспользоваться этим институтом как орудием или средством для осуществления своих замыслов и планов в отношении Палестины.

2. ИЗВРАЩЕНИЕ РОЛИ ПОСРЕДНИКА В УГОДУ ИНТЕРЕСАМ США И АНГЛИИ

Сейчас вряд ли найдётся кто-нибудь, кто мог бы это отрицать, ибо события, последовавшие после принятия Генеральной ассамблеей решения от 14 мая этого года, показали в подлинном свете действительный смысл назначения посредника в Палестине. Это особенно отчётливо показал так называемый план посредника, проникнутый одной идеей, направленный к одной цели, поставивший перед собой одну задачу — сорвать решение Генеральной ассамблеи от 29 ноября 1947 года; принять все меры к тому, чтобы это решение было, по существу, фактически отменено.

Роль посредника, и это уместно сейчас сказать, должна была ограничиться теми функциями, которые были направлены главным образом на то, чтобы добиться в Палестине перемирия, попытаться урегулировать отношения между евреями и арабами, попытаться содействовать созданию и укреплению между ними добрососедских, дружественных отношений. Роль посредника, по постановлению Генеральной ассамблеи от 14 мая 1948 года, должна была заключаться в том, чтобы посредничать между спорящими сторонами, играть роль примиряющего начала.

Но, как известно, посредник занялся вовсе не этим, или во всяком случае в значительной степени занялся не этой задачей. Он занялся тем, что начал готовить новые планы решения, новую программу решения палестинского вопроса; он начал заниматься разработкой нового плана, который находился в противоречии — и, надо прямо сказать, в резком противоречии — с решением Ассамблеи по вопросу о Палестине, принятым Генеральной ассамблеей 29 ноября прошлого года.

В докладе, который посредник представил Генеральной ассамблее 16 сентября, этот план изложен в части I и хорошо, вероятно, известен всем тем, кто интересуется палестинским вопросом. Поэтому здесь нет никакой необходимости сколько-нибудь подробно на нём останавливаться. Незачем здесь сейчас излагать и предложения посредника в отношении Палестины, ибо они также, я полагаю, всем хорошо известны. Однако надо сказать, что позиция, занятая в отношении предложений посредника британским и американским правительствами, заслуживает того, чтобы быть ещё раз отмеченной.

Как британское правительство, так и правительство Соединённых Штатов Америки проявили к предложениям посредника чрезвычайно повышенный интерес. Можно сказать, что они ухватились за эти предложения и сделали это столь поспешно и с такой энергией, стали доказывать, что эти, именно эти предложения и являются единственным разумным и приемлемым для всех планом разрешения палестинского вопроса, что мало у кого могло оставаться сомнение в том, что предложения, представленные посредником, полностью совпадают с планами Соединённых Штатов Америки и Великобритании в отношении Палестины, что этот план, эти предложения посредника, в сущности говоря, выполнены под их непосредственным влиянием, а может быть, и по прямому их указанию.

Большинство Первого комитета так и расценило эти предложения посредника. Эти предложения посредника встретили здоровое сопротивление со стороны тех делегаций, которые стоят на позиции выполнения и проведения в жизнь решения Генеральной ассамблеи от 29 ноября, сопротивление тех делегаций, которые считают для себя обязательным выполнение этого решения.

Вот почему главные пункты британского проекта, в основу которых были положены предложения графа Бернадотта, оказались в комитете отвергнутыми.

Следует при этом отметить весьма любопытный факт изменения взглядов британского правительства на самый принцип разрешения палестинского вопроса. Как уже было сказано, до появления предложений посредника позиция британского правительства в палестинском вопросе была такова, что оно не одобряло никакого решения, с которым не были бы согласны арабы и евреи, или одна из этих сторон.

Однако после представления посредником плана своих предложений британское правительство круто меняет свою позицию. Британское правительство поспешно одобряет эти предложения, хотя ему хорошо известно, что в этом случае уже ни та, ни другая сторона с этими предложениями не согласна, т. е., что не согласна с этими предложениями ни арабы, ни евреи.

Вот какой совершился с божьей помощью поворот. Британское правительство даёт согласие на тот план, выражает своё согласие с теми предложениями, которые прямо противоречат той позиции, которую оно так упорно защищало до этого, заявляя, что не может поддерживать ни одного из предложений по палестинскому вопросу, если какая-нибудь из заинтересованных непосредственно в этом

сторон, какой-нибудь из палестинских народов будет возражать против этого плана. Когда, однако, надобность в этой позиции миновала, британское правительство ни на минуту не задумалось над тем, чтобы отказаться от неё и поддержать предложения посредника, которые идут вразрез с упомянутыми решениями Генеральной ассамблеи, предложения неприемлемые, как я сказал, ни для арабов, ни для евреев.

Такая на первый взгляд противоречивая позиция британского правительства, однако, не является случайностью, она полностью вытекает из тех задач, которые, очевидно, ставит себе британское правительство в Палестине, исходя из своих целей. Можно утверждать, что на первой стадии рассмотрения палестинского вопроса британское правительство имело в виду создать в Палестине такие условия, которые позволили бы Великобритании в той или иной форме вновь поставить Палестину под свой контроль.

Однако после принятия Генеральной ассамблеей решения от 29 ноября и после того, как 14 мая в Палестине было провозглашено еврейское государство Израиль, британские политики, оценив обстановку, решили, очевидно, бороться за то, чтобы вернуть под свой контроль, по крайней мере, значительную часть Палестины, если будет невозможно восстановить прежнее положение в целом. Вот почему и произошёл этот поворот в политике Великобритании в отношении палестинского вопроса.

Надо также сказать, что в этой своей политике как британское правительство, так и Соединённые Штаты Америки не склонны считаться с интересами ни еврейского, ни арабского населения, ни вообще с интересами установления мира и сотрудничества между палестинскими народами. Великобритания и Соединённые Штаты Америки, однако, и на этот раз потерпели неудачу в своей палестинской политике. Весьма показательна в этом отношении та борьба, которая происходила в Первом комитете при рассмотрении палестинского вопроса. Как известно, британская делегация поспешила в самом начале рассмотрения палестинского вопроса в Первом комитете внести свой проект резолюции раньше других, с тем, чтобы на этом основании добиваться, чтобы её проект был взят за основу решения комитета.

3. США И АНГЛИЯ ДОБИВАЮТСЯ УСТАНОВЛЕНИЯ СВОЕГО КОНТРОЛЯ НАД ПАЛЕСТИНОЙ

Как известно, этот проект был целиком основан на предложениях посредника и был по существу направлен на то, чтобы решение Генеральной ассамблеи от 29 ноября 1947 года относительно Палестины подвергнуть коренной ревизии. Так, например, в британском проекте предусматривалось, что решение Генеральной ассамблеи от 29 ноября 1947 года относительно границ еврейского государства должно быть пересмотрено на основе предложений посредника. Это означало, что у еврейского государства должна быть отнята область Негев, которая составляет примерно две трети территории еврейского государства.

Если бы это было осуществлено, то таким образом можно было бы реализовать намерение свести территорию еврейского государства до самых минимальных размеров, каковые пожелания, как известно, открыто высказывались некоторыми представителями английских военных властей. Затем предлагалось остальную часть Палестины, которая не входит в состав государства Израиль, т. е. значительную часть Палестины, может быть, даже до четырёх пятых всей её территории, передать Трансиордании, отношения которой с Великобританией хорошо известны, как хорошо известна и та марионеточная роль, которую Трансиордания играет в этих отношениях.

Проведением в жизнь этого предложения посредника Англия, при поддержке Соединённых Штатов Америки, повидимому, намеревалась осуществить план установления посредством Трансиордании своего контроля над большей частью Палестины, вместо того, чтобы на территории Палестины, не входящей в состав государства Израиль, создать независимое арабское государство, как это предусмотрено известным вам всем решением Генеральной ассамблеи от 29 ноября 1947 года.

В этой связи не случайно, мне кажется, бывший министр колоний Великобритании Стэнли в декабре 1947 года во время обсуждения палестинского вопроса в английской палате общин заявил, что решение палестинского вопроса, быть может, явится «окончанием главы», но что, по его мнению, это не будет «концом истории». «Мы дали обязательство,— сказал Стэнли,— сложить с себя полномочия, но я уверен, что Англия никогда не утратит интереса к Палестине».

Мне кажется, это замечание бывшего министра колоний Великобритании имеет определённое значение и проливает определённый свет на ход тех мероприятий и той политики, которой придерживается Великобритания в отношении Палестины при поддержке Соединённых Штатов Америки.

4. МАНЕВРИРОВАНИЕ США И АНГЛИИ

После нескольких дней дискуссии, когда определилось отрицательное отношение большинства Первого комитета к британскому проекту, американская делегация, поспешив на выручку своему коллеге, внесла ряд поправок к этому проекту. Цель этих манёвров американской делегации состояла в том, чтобы создать видимость того, что британский проект, если в него внести поправки, которые предлагают Соединённые Штаты Америки, изменится в лучшую сторону и станет более приемлемым для комитета. Однако по существу американские поправки ничего не изменили в основе британского проекта, остававшегося столь же неприемлемым с точки зрения решения Генеральной ассамблеи от 29 ноября 1947 года, каким он был и до предъявления американских поправок.

Следует отметить, что британская и американская делегации в Первом комитете, в сущности говоря, разделили между собою роли:

одни, именно британская делегация, вносили свои проекты, а другие, именно американская делегация, вносили к этим проектам свои поправки. Было ясно, что эти довольно сложные манёвры производились по соглашению между двумя влиятельными делегациями в Первом комитете.

Все эти манёвры неоднократного внесения и пересмотра британских проектов и пересмотра американских поправок имели, конечно, своей целью создать впечатление, что британский проект якобы всё более улучшается, что британская делегация идёт навстречу критикам британского проекта, принимая различного рода поправки, и т. д. Однако, если вникнуть в существо дела, то можно убедиться, что как и первоначальный британский проект, так и второй и третий варианты британского проекта сохранили свою основу неприкосновенной, а основой британского проекта, как было сказано раньше, явились предложения посредника, направленные на пересмотр границ государства Израиль с той целью, чтобы добиться, таким образом, резкого сокращения территории этого молодого государства, добиться передачи всех остальных территорий Палестины — Трансиордании.

Ввиду того, что большинство делегаций в Первом комитете всё же решительно возражало против основы британского проекта, этот проект с американскими поправками потерпел неудачу, так как из него были выброшены все основные, я бы сказал, решающие пункты и статьи. Однако и после этой операции британский проект в комитете собрал весьма шаткое большинство, как мы уже слышали об этом от докладчика и знаем из материалов этого дела. За это предложение голосовало 25 делегаций, против голосовала 21 делегация и воздержалось 9 делегаций. И вот теперь этот документ представлен на рассмотрение Генеральной ассамблеи.

Следует отметить, что в документе сохранились положения, которые находятся в противоречии с резолюцией Генеральной ассамблеи от 29 ноября. Эти положения касаются, например, Иерусалима. Резолюция от 29 ноября предусматривает, что для Иерусалима будет установлен международный статут, который должен выработать Совет по опеке. Административная власть Иерусалима также должна осуществляться Советом по опеке от имени организации Объединённых наций. Однако в проекте резолюции, который имеется перед вашими глазами, разработку проекта статута города Иерусалима, по каким-то особым соображениям, поручается возложить на согласительную или примирительную комиссию, причём эта же комиссия уполномочивается назначить и администратора для города Иерусалима.

Но, внося такие предложения, авторы их совершенно игнорируют решение Генеральной ассамблеи от 29 ноября 1947 года, где установлен совершенно другой порядок и для разработки статута города Иерусалима, и для назначения администратора. Почему же такое неуважение к решению от 29 ноября? Почему же понадобилось зачеркнуть теперь это решение по такому организационному вопросу, который неплохо был решён постановлением Генеральной ассамблеи от 29 ноября 1947 года?

Это, конечно, наводит на весьма грустные размышления. Во всяком случае, остаётся фактом, что это предложение резко расходится с постановлением от 29 ноября 1947 года и что внесением такого рода предложения в резолюцию, в сущности говоря, подрывается основа постановления Генеральной ассамблеи от 29 ноября 1947 года.

Известно, что имеются различные способы ликвидации неугодных постановлений. Один способ — это прямой атакой, когда открыто вносится предложение, отменить неугодное предложение; другой способ, который как раз мы и усматриваем в этой кампании, которая ведётся против решения Генеральной ассамблеи от 29 ноября 1947 года, заключается в том, чтобы не вносить прямых и ясных, открытых постановлений или предложений об отмене ранее принятого и ставшего неугодным постановления, а чтобы внести целый ряд таких новых практических предложений, которые, по существу, свели бы это постановление на нет, привели бы к его полной ликвидации.

Вот эта тактика и применяется в настоящее время с полным пренебрежением к собственным решениям Генеральной ассамблеи, именно к решению от 29 ноября.

5. ПРИМИРИТЕЛЬНАЯ КОМИССИЯ — ОРУДИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ ПЛАНОВ

В представленном Генеральной ассамблее Первым комитетом проекте предусматривается далее учреждение примирительной (согласительной) комиссии, состоящей из трёх членов. Уже в Первом комитете советская делегация указывала на то, что она в принципе не против того, чтобы была создана такая комиссия. Но она считает, что комиссия должна состоять не из трёх, а из большего числа членов, примерно из пяти.

Почему советская делегация защищает такое положение? Поэтому, что пятичленная комиссия имеет то преимущество перед трёхчленной, что она меньше подвержена всяким односторонним влияниям. Пятичленный состав даст возможность составить комиссию в более приемлемом с точки зрения объективности виде. При ограниченном составе комиссии, скажем, состоящей из трёх членов, имеется больше опасности для разного рода субъективных влияний или внешних влияний на работу комиссии. Кроме того, если комиссия будет избрана на основе принципа справедливого географического распределения, а не в том порядке, как это предполагается в проекте рассматриваемой нами резолюции, то это тоже создаёт новые преимущества для комиссии из пяти членов против комиссии из трёх членов.

По всем этим соображениям советская делегация считала, что нельзя и не следует принимать в интересах дела предложение об учреждении комиссии из трёх членов. Согласительная комиссия должна раньше всего быть согласительной по отношению к постановлению Генеральной ассамблеи, а для этого необходимо, ко-

нечно, чтобы в состав её входили представители таких государств, которые твёрдо и последовательно проводят и готовы проводить в жизнь постановление Генеральной ассамблеи от 29 ноября 1947 года. Создать комиссию из представителей таких государств, которые направляют свои усилия на ревизию, на пересмотр, на отмену решения Генеральной ассамблеи от 29 ноября,— значило бы ещё больше запутывать палестинский вопрос, ещё больше, следовательно, затягивать разрешение этого вопроса вопреки интересам и арабского, и еврейского населения Палестины, вопреки интересам всех миролюбивых народов, вопреки интересам мира и безопасности народов, что в высокой степени связано одно с другим.

Делегация Советского Союза считает необходимым обратить серьёзное внимание членов Генеральной ассамблеи на изложенные соображения. Едва ли можно рассчитывать на то, что комиссия, избранная так, как это предлагается в проекте, будет должным образом учитывать волю большинства, отклонившего в Первом комитете все основные предложения британского проекта.

Поэтому делегация Советского Союза считает, что комиссия должна быть избрана в соответствии с принципом справедливого географического распределения и, что является особенно важным, с учётом позиции стран в Первом комитете в отношении предложений посредника, которые, по существу, были уже отвергнуты подавляющим большинством Первого комитета. Такая комиссия была бы более авторитетной, и можно было бы рассчитывать на более объективный подход с её стороны к порученной ей работе, а следовательно, и на то, что её работа будет сопровождаться большим успехом, чем это мы наблюдали в аналогичных случаях до сих пор.

6. СССР ТРЕБУЕТ ВЫВОДА ИЗ ПАЛЕСТИНЫ ИНОСТРАННЫХ ВОЙСК

Делегация Советского Союза в Первом комитете вносила предложение о немедленном выводе всех иностранных войск из Палестины. Против этого предложения не было выдвинуто ни одного серьёзного возражения. Противники этого предложения, правда, пробовали мотивировать своё несогласие с ним тем, например, что оно является слишком простым, или что оно якобы несвоевременно, или что, в сущности говоря, делая это предложение, предлагающие вторгаются в компетенцию Совета безопасности. Но эти возражения нельзя признать заслуживающими внимания или считать их состоятельными. Вывод иностранных войск с территории Палестины должен привести к полному прекращению военных действий в Палестине, которые подогреваются присутствием этих войск, и должен помочь установлению в Палестине мира.

Поэтому странное впечатление произвели, например, возражения французского представителя в Первом комитете относительно того, что это предложение преждевременно. Оказывается, предложение о выводе иностранных войск и иностранного военного аппарата преждевременно. Не менее странно звучали и такие аргументы,

что принятие Генеральной ассамблеей резолюции о выводе иностранных войск из Палестины приведёт к конфликту с Советом безопасности, о чём, например, в Первом комитете говорил представитель Соединённых Штатов Америки. Его поддерживали представители Великобритании, Франции, Ливана и некоторые другие.

Но надо же иметь в виду, что эта аргументация способна доказать лишь одно: именно то, что те страны, которые выдвигают этот неосновательный аргумент,— о чём я скажу несколько ниже,— пытаются в данном случае использовать его исключительно для того, чтобы не допустить принятия решения о выводе иностранных войск из Палестины.

Самым любопытным в этом деле оказывается то, что эти возражения исходят как раз из уст тех, кто на протяжении длительного времени не раз направлял свои усилия на то, чтобы урезать права Совета безопасности, и, во всяком случае, не очень заботился о поддержании авторитета Совета безопасности, стараясь даже отстранить его от решений ряда вопросов, связанных с мирным урегулированием, что составляет одну из главных обязанностей Совета безопасности. Теперь, когда понадобилось противопоставить Совету безопасности другие предложения,— Совет безопасности оказывается к месту.

Но для господ противников беда в том, что на повестке Совета безопасности не стоит вопрос о выводе иностранных войск из Палестины, и, таким образом, ссылаясь на то, что, внося подобное предложение на Генеральную ассамблею, можно вторгнуться в компетенцию Совета безопасности по этому вопросу, является совершенно необоснованной. Отсутствие же в рассматриваемом нами проекте требования о выводе из Палестины иностранных войск делает его бессодержательным, делает его лишённым в значительной степени своего значения.

7. АНГЛИЯ ДОБИВАЕТСЯ ИСКЛЮЧЕНИЯ ИЗ РЕЗОЛЮЦИИ РЕКОМЕНДАЦИИ О ДРУЖЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ ЕВРЕЯМИ И АРАБАМИ

Из доклада, представленного Первым комитетом Генеральной ассамблеи, можно убедиться в том, что 21 делегация высказалась против этого проекта резолюции, а девять делегаций воздержались, т. е., иначе говоря, 30 делегаций не согласны с этим проектом. Такой исход голосования британского проекта в Первом комитете — не случайный. Такой исход показывает, что подавляющее большинство членов организации Объединённых наций отказывается поддерживать проект, не отвечающий постановлению Генеральной ассамблеи от 29 ноября 1947 года и носящий явно односторонний, англо-американский характер.

Посредством этого проекта британская и американская делегации, вероятно, рассчитывают добиться в Палестине своей собственной цели, которая не имеет ничего общего с целями организации Объединённых наций. Они хотят получить одобрение Генеральной ассамблеей резолюции, которая, по существу, направлена

против интересов и еврейского и арабского населения. Я уже не буду говорить ещё раз о том, что эта резолюция направлена против постановления Генеральной ассамблеи от 29 ноября.

Однако британская и американская делегации, несмотря на постигающие их в этом деле неудачи, не останавливаются перед дальнейшим отстаиванием своей позиции. Неудача, которую они потерпели в Первом комитете, заставила их снова маневрировать, искать новые пути. И вот сейчас перед нами новые поправки, внесённые с очевидной целью во что бы то ни стало провести на Генеральной ассамблее хотя бы те остатки британского проекта резолюции, которые ещё сохранились.

Г-н Макнейл, в частности, призывает принять этот проект с поправкой в отношении пункта 2 (С). Но это довольно странное, — чтобы не сказать больше, — предложение, поскольку в пункте 2 (С) не больше и не меньше, как рекомендуется еврейскому населению или государству Израиль установить дружественные отношения и с арабским населением и с остальной частью населения Палестины вообще.

Оказывается, что это вызывает какие-то возражения, настолько серьёзные, что предлагается пункт 2 (С) проекта резолюции, где содержится такого рода рекомендация, исключить. Это, действительно, совершенно чудовищно. Буквально, когда читаешь и перечитываешь это предложение, не веришь собственным глазам.

Действительно, что же означает такое предложение, как не то, что в скрытой форме здесь выражается, по крайней мере, безразличное отношение к тем военным действиям, которые ведутся между арабами и евреями. По крайней мере, содержится скрытое поощрение того, чтобы сохранить это неурегулированное положение и дальше, то неурегулированное положение, которое (надо это откровенно здесь сказать) создано политикой в Палестине именно Соединённых Штатов Америки и Великобритании, в руках которых была вся власть для того, чтобы избежать кровопролития на территории Палестины, в руках которых и сейчас имеются достаточные возможности для того, чтобы действительно добиться мирного урегулирования на основе решения Генеральной ассамблеи.

Исключение вот этого единственного во всём проекте пункта, который говорит, что «согласительная комиссия должна содействовать установлению добрых отношений между государством Израиль, палестинскими арабами и соседними арабскими государствами», — исключение этого пункта, обязывающего комиссию содействовать установлению добрых отношений между Израилем и арабами Палестины и соседними арабскими государствами, способно пролить свет на подлинные намерения и цели тех, кто стремится поддержать в Палестине состояние вражды между народами и препятствует установлению в Палестине мира.

Ознакомившись с новым британским проектом резолюции, нельзя не прийти к выводу, что теперь, когда попытки Англии и Соединённых Штатов Америки добиться решения палестинского вопроса в свою пользу посредством лобовых атак потерпели неудачу и проект резолюции, основанный на предложениях посредника,

отвергнут,— главной заботой Англии и Соединённых Штатов Америки является найти — попытаться, по крайней мере, найти — новые пути, которые привели бы к большему успеху в реализации их планов. Этот путь думают найти сейчас в учреждении назначаемой в предложенном французской делегацией порядке комиссии. Но комиссия из трёх членов, назначаемых в предложенном французской делегацией порядке, не может помочь удовлетворительному разрешению стоящих перед Генеральной ассамблеей целей и задач.

8. ПОЗИЦИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ПАЛЕСТИНСКОМ ВОПРОСЕ

Советский Союз в палестинском вопросе занимает ясную и последовательно принципиальную позицию. Он стоит за свободу народов, за право народов на самоопределение, за поддержание мира и безопасности. Эта позиция Советского Союза соответствует принципам, задачам и целям организации Объединённых наций, как они сформулированы в уставе нашей организации. Именно поэтому делегация Советского Союза попрежнему считает, что коренное урегулирование палестинской проблемы может быть достигнуто на основе решения Генеральной ассамблеи от 29 ноября 1947 года, дающего обоим народам Палестины право на самостоятельное и равноправное существование.

В свете вышеизложенного делегация Советского Союза считает, что никаких поправок такого рода, как те, которые внесены сейчас — в так называемом предложении семи государств в документе 424 — в постановление Генеральной ассамблеи от 29 ноября, принимать не следует.

Нужно позаботиться о выполнении этого решения, потому что выполнение этого решения вполне соответствует интересам еврейского и арабского населения Палестины, ибо оно решает задачу осуществления этими народами права на национальное самоопределение, на создание самостоятельных, независимых, демократических государств. События в Палестине и весь ход этих событий, всё их развитие убедительно подтвердили правильность позиции Советского Союза в палестинском вопросе, ибо эта позиция отвечает всеобщим интересам всех миролюбивых народов, всего прогрессивного человечества.

Что касается представленного Первым комитетом проекта резолюции, то, по мнению делегации СССР, он может иметь только отрицательные последствия, именно по тем соображениям, которые я уже имел возможность изложить в своём выступлении. Кроме того, предлагаемый проектом состав согласительной или примирительной комиссии, отсутствие в данном проекте такого важного мероприятия, направленного на достижение мирного урегулирования в Палестине, как немедленный вывод из Палестины всех иностранных войск и военного персонала, делает проект резолюции для делегации Советского Союза неприемлемым, и она должна будет голосовать против этого предложения.

Советская делегация считает, что в целях установления мира в Палестине необходимо, чтобы с территории еврейского и арабского государств в Палестине, создание которых предусмотрено решением Генеральной ассамблеи, были немедленно выведены все находящиеся там иностранные войска и военный персонал и чтобы Совет безопасности принял надлежащие меры для недопущения возобновления военных действий в Палестине.

Мы должны найти путь к решению палестинского вопроса. Этого пути не открывает перед нами резолюция, внесённая на ваше рассмотрение большинством Первого комитета. В настоящее время этот путь открывает только осуществление тех принципов, которые нашли своё выражение в постановлении Генеральной ассамблеи от 29 ноября 1947 года.

„Известия“ № 296 (9826) и 297 (9827)
от 15 и 16 декабря 1948 г.

РЕЧЬ Я. А. МАЛИКА НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ООН ПО КОРЕЙСКОМУ ВОПРОСУ

(12 декабря)

1. США ПРЕПЯТСТВУЮТ ВОССТАНОВЛЕНИЮ НЕЗАВИСИМОСТИ КОРЕИ

Вопрос о Корее является одним из важных вопросов послевоенного мирного урегулирования,— сказал Малик в начале своего выступления.— На Московском совещании трёх министров иностранных дел в декабре 1945 года было достигнуто соглашение о восстановлении Кореи как единого независимого демократического государства, о содействии образованию временного корейского демократического правительства и о создании условий для развития страны на демократических началах.

Правительство СССР, со своей стороны, предприняло всё от него зависящее для того, чтобы добиться решения вопроса о Корее в соответствии с обязательствами, взятыми на себя СССР и США по Московскому соглашению.

Важнейшим условием для проведения в жизнь этого соглашения являлось обязательство обоих государств консультироваться с корейскими демократическими партиями и общественными организациями. Это полностью соответствовало желаниям и чаяниям корейского народа, ибо вполне естественно, что при подготовке решения о будущем Кореи необходимо учитывать прежде всего мнение самого корейского народа.

Однако представители США в совместной советско-американской комиссии с первых дней работы этой комиссии стали на путь нарушения принятых обязательств: они настаивали на проведении

консультации с антидемократическими партиями и решительно возражали против привлечения к консультации демократических партий и организаций Южной Кореи, объединяющих подавляющее большинство населения.

Уже в ходе работы совместной советско-американской комиссии стало очевидным, что правительство США, согласившись в декабре 1945 года провести консультацию с корейскими демократическими партиями и общественными организациями, лишь предприняло манёвр, рассчитанный на то, чтобы прикрыть свои действительные намерения и политику в Корее. Военная администрация и командование США взяли курс не на сотрудничество с демократическими партиями и общественными организациями в Южной Корее, а на поддержку коллаборационистов, сотрудничавших с японскими милитаристами, и крайне правых реакционных элементов. Таким образом, представители США грубо нарушили взятые на себя обязательства.

Убедившись, что правительство США не желает выполнять Московское соглашение и затягивает и срывает работу совместной советско-американской комиссии, правительство СССР внесло через своего представителя в этой комиссии новые предложения. Сущность этих предложений состояла в том, что все иностранные войска, находящиеся на территории Кореи, должны были быть выведены из Кореи в начале 1948 года. Тем самым предусматривалось, что корейский народ должен был сам решить дела своего государства, а именно: организовать выборы в представительные учреждения, создать национальное демократическое правительство Кореи, создать свои собственные вооружённые силы и организовать без всякого давления и вмешательства извне всю внутреннюю, политическую и экономическую жизнь страны на демократических началах. Эти новые советские предложения соответствовали коренным целям и интересам корейского народа и совпадали с общими интересами поддержания международного мира и безопасности.

Предложение советского правительства о выводе иностранных войск из Кореи нашло горячий отклик среди самых широких слоёв корейского народа. Все политические партии и общественные организации Южной и Северной Кореи, — в том числе и правые партии и организации, — встретили это советское предложение с полным одобрением. Против вывода иностранных войск из Кореи возражали только отъявленные враги корейского народа, на которых опиралась в своих действиях американская администрация в Южной Корее.

Против вывода иностранных войск из Кореи стали решительно возражать Соединённые Штаты Америки. Стало очевидным, что США хотят продлить как можно дольше оккупацию своими войсками Южной Кореи, укрепить позиции антинародных реакционных группировок, на которые опирается американское командование в Южной Корее, и провести там так называемые «выборы» с тем, чтобы обеспечить избрание своих ставленников в представительные учреждения и в правительство. Сущность такого рода планов в отношении выборов сводилась к тому, чтобы не допустить свободного

волеизъявления корейского народа и помочь антидемократическим элементам остаться у власти.

Учитывая враждебное отношение корейского народа к попыткам оставить у власти предателей, США решили прикрыть свою политику в Южной Корее авторитетом организации Объединённых наций. Рассчитывая на поддержку так называемого «большинства», они добились включения корейского вопроса в повестку дня 2-й сессии Генеральной ассамблеи и создания так называемой временной комиссии ООН по Корее. Образование этой комиссии было незаконным и противоречило принципу национального самоопределения корейского народа.

Деятельность этой комиссии проходила в обстановке произвола, насилий, террора, проводимых военной администрацией США через подконтрольные ей полицейские органы в отношении населения Южной Кореи. При соучастии комиссии и вопреки воле корейского народа были проведены антидемократические и фальсифицированные выборы в Южной Корее и создано марионеточное правительство, состоящее из ненавистных корейскому народу японских коллаборационистов и американских агентов из клики южнокорейской реакции.

Все политические партии и общественные организации юга и севера Кореи выступили против проведения американской администрацией сепаратных выборов в Южной Корее. 56 правых, центристских, умеренных и левых политических партий и общественных организаций юга и севера Кореи, объединяющих свыше 10 миллионов членов, созвали общекорейскую конференцию, на которой единогласно было решено бойкотировать сепаратные выборы в Южной Корее и требовать немедленного вывода иностранных войск. Американская администрация и так называемая временная комиссия ООН по Корее игнорировали этот голос корейского народа. Комиссия ООН по Корее, руководимая проамериканской группой её членов, состоящих из представителей Филиппин, Сальвадора и Китая, была превращена в слепое орудие американской военной администрации. Она стала ширмой для прикрытия односторонних насильственных действий американской военщины.

2. США НАВЯЗАЛИ ЮЖНОЙ КОРЕЕ МАРИОНЕТОЧНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

В результате фальсифицированных антидемократических выборов, проведённых в условиях полицейского гнёта и репрессий и прямого вмешательства в ход выборов, было создано в Южной Корее марионеточное правительство, состоящее из представителей только одной крайне правой реакционной партии «Ханкук» и клики Ли Сын Мана.

Малик отметил, что обсуждение данного вопроса в Политическом комитете освобождает делегацию СССР от необходимости вдаваться в подробности и излагать факты и документы, подтверждающие, что «выборы» 10 мая 1948 года были проведены в условиях полицейского гнёта и репрессий, исключающих возможность свободного волеизъявления избирателей. Никто не опроверг приведённые в

Политическом комитете делегациями СССР и ряда других государств доказательств того, что эти «выборы» были насильственными и фальсифицированными.

Делегация США ссылалась на то, что результаты этих выборов признала законными временная комиссия ООН по Корее.

Но на чём основывается это утверждение комиссии? Этот вопрос был поставлен рядом делегатов в Политическом комитете, но остался без ответа.

Малик указал, что в материалах самой комиссии содержится множество фактов, показывающих, что выборы в Южной Корее проводились в условиях террора. Эти факты были столь очевидны, что отдельные члены комиссии, в частности представитель Франции Поль-Бонкур, настойчиво советовали американским военным властям принять меры к тому, чтобы скрыть их от внешнего мира.

На основании ознакомления с материалами временной комиссии ООН по Корее делегация СССР утверждает, что эта комиссия действовала необъективно и исключительно в угоду интересам США. На основании материалов, находившихся в распоряжении комиссии, любой объективный наблюдатель пришёл бы к выводу о полном отсутствии в Южной Корее свободной обстановки для выборов.

Малик добавил, что комиссия ООН вообще не была в состоянии проверять и наблюдать ход выборов в Южной Корее. Как видно из её доклада, она создала для наблюдения за выборами лишь 9 групп, значительная часть персонала которых была набрана из состава американской администрации. По данным самой комиссии, эти группы могли посетить не более 2 процентов избирательных участков.

— Так называемое сеульское правительство, — сказал Малик, — не может считаться законным представителем населения Южной Кореи. Будучи создано американскими властями вопреки воле и национальным интересам корейского народа, оно представляет собой лишь марионеточный режим, опирающийся на американские штыки и проводящий политику превращения Южной Кореи в колонию США.

Малик отметил, что ни представители военных властей США, ни глава марионеточного режима Ли Сын Ман не скрывали и раньше своего намерения превратить юг Кореи в американскую колонию. Так, по сообщению корейской печати от 25 октября 1948 года, Ли Сын Ман по возвращении из Токио заявил, что Маккартур обещал защищать южнокорейский режим так же, как и штат Калифорнию. На заседании временной комиссии ООН по Корее 5 февраля 1948 года председатель этой комиссии заявил: — Ли Сын Ман сказал нашей комиссии, что в случае создания сепаратного правительства в Южной Корее оно всё же должно быть поддержано символической группой американских войск. Я могу сослаться на личную беседу, которую я имел, когда упомянул об этом высокопоставленному американскому представителю в Корее. Этот американский представитель ответил: «Каково будет положение этого так называемого национального правительства, которое всё же должно

поддерживаться штыками Соединённых Штатов или даже Объединёнными нациями? По сути дела это было бы, если употребить слово, которое так ненавидят корейцы, нечто вроде подопечной территории США или ООН. Если, с другой стороны, это правительство не будет поддерживаться силой иностранных войск, то оно не сможет устоять в течение длительного времени».

Малик указал далее, что даже «Институт по корейским делам» в Вашингтоне, являющийся рупором государственного аппарата, характеризовал сеульский режим, как режим полицейской диктатуры. Этот антинародный режим, являющийся порождением политики американских оккупационных властей, проводит, вопреки национальным интересам корейского народа, политику закрепления раскола страны и превращения Южной Кореи в вотчину американского капитала.

Характерно, что американская военная администрация, как это явствует из материалов временной комиссии, прежде чем проводить антидемократические насильственные выборы в Южной Корее, изучала опыт проведения германскими фашистами плебисцита в Сааре. Опыт саарского плебисцита, насильственного и фальсифицированного, был повторён в Южной Корее под прикрытием временной комиссии ООН, а теперь делегация США требует, чтобы ООН одобрила «выборы» в Южной Корее так же, как Лига наций в своё время одобрила саарский плебисцит.

В силу этого делегация СССР не может согласиться с предложением утвердить доклад временной комиссии ООН по Корее и признать марионеточный сеульский режим в качестве законно избранного и представительного правительства.

Касаясь утверждений временной комиссии ООН по Корее о том, будто бы результаты выборов в Южной Корее являются выражением свободной воли «избирателей», Малик указал, что такой вывод находится в полном противоречии с действительностью. Он привёл целый ряд разительных фактов, содержащихся в материалах самой комиссии и свидетельствующих о наличии неслыханного террора и насилий в Южной Корее в период выборов. Так, в одном из документов американские оккупационные власти с хладнокровным цинизмом сообщили комиссии, что только по официальным данным в Южной Корее в период подготовки к проведению выборов было убито 416 и ранено 758 человек. Согласно официальным данным начальника охранных отрядов Южной Кореи То Бен Ока, лишь за 3 дня, с 7 по 10 мая, было арестовано в результате политических репрессий 5 424 человека.

Вот как выглядит «свобода» в Южной Корее по данным самой временной комиссии ООН по Корее: «Американский советник корейской полиции капитан Бэрнс, — сказано в отчёте одной из наблюдательных групп, — лично расследовал случаи ареста, происшедшие в марте 1948 года, когда арестованные умерли в помещении полицейских подучастков в результате нанесённых им при полицейских дознаниях побоев. При допросе применяются среди прочих следующие методы: допрашиваемого привязывают к стулу за ноги и бьют его по ступням ног; подвязывают между двумя стульями и бьют по телу; подвешивают вверх ногами; заставляют пить чрезмерное

количество воды. Бэрнс думает, что эти виды пыток унаследованы от японской полицейской системы. Капитан Бэрнс добавил, что допрос с пристрастием обычно практикуется полицией ночью и что он неоднократно заставлял полицейских за пытками арестованных».

— Американские власти,— заметил Малик,— повидимому, находят такой порядок нормальным и удобным для себя. Так, американский командующий Ходж заявил комиссии: «Бывали, конечно, случаи побоев жителей полицией. Так полиция поступала тысячелетия, так она и будет продолжать поступать ещё несколько поколений». Таковы факты, известные временной комиссии ООН по Корее. Однако эта комиссия не только не боролась против них, но, наоборот, сделала всё, чтобы прикрыть неблагоприятные действия американских военных властей и их южнокорейских ставленников. Антинародный и антидемократический характер деятельности комиссии вызвал справедливое возмущение корейского народа; широкие демократические круги Кореи требовали прекратить вмешательство США и ООН в корейские дела и удалить временную комиссию ООН из Кореи.

— Нельзя допустить,— сказал Малик,— чтобы ООН использовалась одним из её членов в антинародных и антидемократических целях. Подобная практика противоречит уставу ООН и её принципам. Ввиду того, что деятельность временной комиссии ООН по Корее направлена в ущерб интересам корейского народа, является антидемократической, противоречит уставу ООН и наносит вред авторитету этой организации, делегация СССР внесла проект резолюции о ликвидации указанной комиссии.

3. США ВЕДУТ ДВОЙНУЮ ИГРУ

Перейдя к проекту резолюции, принятому большинством Политического комитета под диктовку делегации США, Малик напомнил, что делегация СССР в комитете голосовала против этого проекта. Принятие такой резолюции дало бы возможность держать в течение неопределённого срока американские оккупационные войска в Южной Корее и использовать «корейскую комиссию» в качестве опоры и прикрытия для антидемократического южнокорейского режима и для односторонних действий американской военной администрации в Южной Корее. Пустая, ни к чему не обязывающая формула о выводе иностранных войск из Кореи «в возможно короткий срок», принятая на прошлой сессии по предложению делегации США, заменена в новом проекте резолюции ещё более бессодержательной и туманной фразой о выводе оккупационных войск из Кореи «при первой возможности».

Напомним, что Верховное народное собрание Корейской народной демократической республики ещё 10 сентября 1948 года обратилось к правительствам СССР и США с просьбой об одновременном и немедленном выводе советских и американских войск из Кореи, Малик сказал:

— Правительство СССР, пойдя навстречу этому пожеланию, приняло решение об эвакуации советских войск из Северной Кореи. Эвакуация будет закончена к концу декабря 1948 года. Правительство же США не ответило на указанное обращение. Оно осталось глухим к призыву корейского народа о выводе американских войск из Кореи. Для Советского Союза формула об эвакуации оккупационных войск из Кореи «при первой возможности» не нужна. Советские войска уже эвакуируются из Кореи, и эвакуация будет закончена к концу декабря этого года. Для тех же, кто не желает расставаться с чужой территорией и пытается как можно дольше контролировать эту территорию, такого рода формула может служить лишь предлогом, чтобы не выводить свои войска с этой территории в течение любого какого угодно периода времени.

Таким образом, эта формула не соответствует ни интересам корейского народа, ни интересам международного мира и безопасности. По существу она санкционирует дальнейшее пребывание иностранных войск на территории Кореи без установления определённого срока их вывода, что противоречит принципам ООН.

Малик указал, что делегация США ведёт двойную игру: в Ассамблее она поддерживала предложение о том, что оккупационные войска должны быть выведены из Кореи «при первой возможности», а тем временем военная администрация США навязала южнокорейскому марионеточному режиму кабальное соглашение о закреплении за военными силами США ряда районов в Южной Корее и о предоставлении военным властям в этих районах имущественных прав и привилегий на неопределённый период времени.

Против этого кабального договора протестовали даже многие члены марионеточного южнокорейского собрания. Содержание американских оккупационных войск обходится корейскому народу в 10 миллионов иен ежемесячно. Корейский народ должен оплачивать за свой счёт все помещения и склады, занимаемые американскими оккупационными войсками. Бывшая японская собственность в Южной Корее по соглашению переходит фактически в руки американских военных властей. Марионеточный президент южнокорейского режима Син Ман Ри (Ли Син Ман), требуя на заседании южнокорейского собрания утверждения указанного кабального соглашения, заявил, что это соглашение необходимо в качестве компенсации за то, что делегация США поддержит южнокорейский режим на Генеральной ассамблее ООН в Париже. Ради этого Ли Син Ман и его клика готовы предать интересы своей страны и корейского народа.

Представитель США, выступая в Политическом комитете, требовал, чтобы Генеральная ассамблея «наложила печать законности» на всё то, что односторонне проводит американская военная администрация в Южной Корее. Такое требование равносильно требованию наложить печать законности на беззаконие. Именно на этот путь делегация США уводит Генеральную ассамблею.

Далее Малик заявил, что делегация СССР считает образование новой «корейской комиссии», которая продолжала бы деятельность

временной комиссии ООН по Корее, приведшей к таким пагубным результатам, недопустимым и противоречащим принципам ООН.

Делегация СССР, сказал он, убеждена в том, что единственный путь к восстановлению Кореи как независимого государства заключается в том, чтобы вывести оккупационные войска с территории Кореи, упразднить временную комиссию ООН по Корее и предоставить корейскому народу возможность самому решать свои дела. Поэтому делегация СССР будет голосовать против резолюции, навязанной Политическому комитету делегацией США.

В заключение Малик привлёк внимание пленума Генеральной ассамблеи к вопиющей несправедливости, которую совершил Политический комитет, не допустив представителей Корейской народно-демократической республики к участию в обсуждении корейского вопроса. Под нажимом англо-американского блока Политический комитет предпочёл слушать «голос Америки» — представителя сеульского марионеточного режима.

Англо-американский блок и, в частности, делегация США боится услышать голос подлинных представителей корейского народа, которые могли бы с этой международной трибуны рассказать, как военная администрация США превратила Южную Корею в полицейское государство. Эта боязнь продиктовала делегации США и англо-американскому блоку принять решение не допустить представителей правительства Корейской народно-демократической республики с тем, чтобы не дать им возможности рассказать правду о положении в Корее.

Но правда найдёт путь к мировому общественному мнению, и справедливость восторжествует. В этом нет сомнения. Корейский народ, как и народ любой страны, отлично понимает, где правда и справедливость и где ложь, произвол и насилие.

«Известия» № 297(9827)
от 16 декабря 1948 г.

